This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

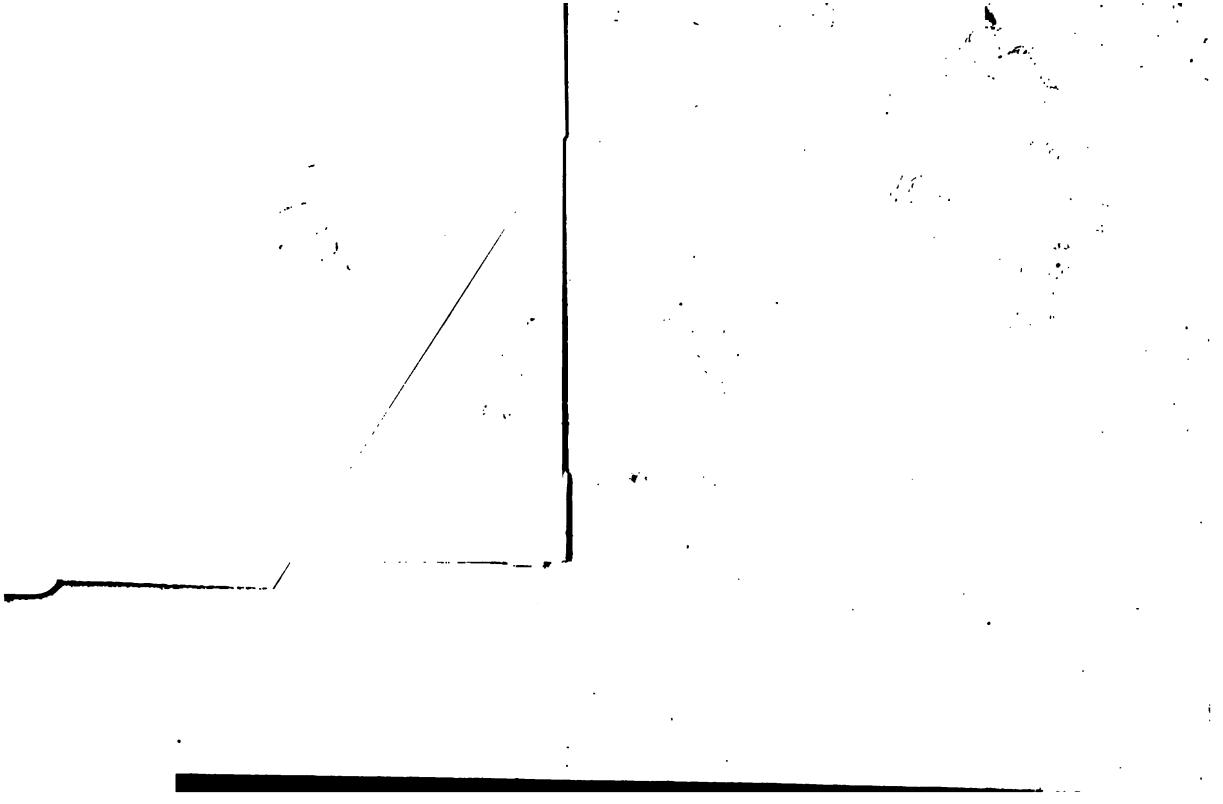
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ОЧЕРКИ и ФАНТАЗІИ

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ и у другихъ книгопродавцевъ продаются сочиненія К. А. Скальковскаго:

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. Ц. 2 р.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

У СКАНДИНАВОВЪ И ФЛАМАНДЦЕВЪ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

ВОКРУГЪ СВѢТА. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Ц. 1 р. 50 к.

НОВЫЯ ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ въ Испаніи, Марокко, Англіи и Франціи. Ц. 1 р. 25 к.

ТАМЪ И СЯМЪ. Замѣтки и воспоминанія. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ ПАРИЖѢ. 4-е изданіе. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ въ Тихомъ океанѣ. Ц. 2 р.

РУССКІЙ ТОРГОВЫЙ ФЛОТЪ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Ц. 2 р.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ и положеніе иностранныхъ державъ. 2-е изданіе. Ц. 3 р.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Въ двухъ томахъ. 3-е изданіе. Ц. 2 р. 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

О ЖЕНЩИНАХЪ, мысли старыя и новыя. 11-е изданіе. Ц. 2 р.

ВЪ ТЕАТРАЛЬНОМЪ МІРѢ. Воспоминанія, наблюденія и размышленія. Ц. 2 р. 50 к.

***САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ* И ВОСПОМИНАНІЯ.** Ц. 1 р. 50 к.

Skalkovskii, K. A.

К. Скальковскій

ОЧЕРКИ

И

ФАНТАЗІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1903

AC65
S5

СОДЕРЖАНІЕ.

	стран.
Предисловіе	VII
Въ области гастрономіи	1
Въ нордъ-экспрессѣ	13
Въ области дипломатіи.	
Англо-русскій союзъ	23
По адресу г. Мартенса	76
Дипломаты	84
Дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей въ старину	128
Въ Италіи	146
Изъ Парижа	162
По горнымъ дѣламъ. Юбилей горнаго вѣдомства	197
Руководители русскаго горнаго дѣла за двѣсти лѣтъ	213
Д. И. Менделѣевъ объ Уралѣ	237
Памяти П. П. Барбота де-Марни	252
Успѣхи государственнаго соціализма	260
Азбука отечествовѣдѣнія	271
Перепроизводство чиновниковъ	290
Столѣтіе министерствъ	306
Списокъ лицъ, занимавшихъ въ Россіи министерскіе и равные имъ посты за сто лѣтъ	318
Къ юбилею министерства финансовъ	329
Наша юстиція за сто лѣтъ	342
Календарь важнѣйшихъ событій на 1903 годъ	370

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ прилагаемую книжку вошло нѣсколько статей и фельетоновъ, появившихся послѣ изданія моей книги «Историческіе очерки и воспоминанія» и которые почему либо обратили на себя вниманіе публики. Статья «Азбука отечествовѣдѣнія» представляется почти новостью, такъ какъ въ «Новомъ Времени» была напечатана только часть ея. Всѣ прочія статьи исправлены и пополнены гдѣ слѣдовало.

ВЪ ОБЛАСТИ ГАСТРОНОМІИ.

«Все на свѣтѣ ѣсть и все на свѣтѣ можно съѣсть»,— сказалъ одинъ философъ. Въ дѣйствительности человѣчество не такъ изобрѣтательно насчетъ пищи, какъ это кажется. Хотя, по мнѣнію французскаго министра юстиціи начала прошлаго столѣтія Henris de Pansey, открытіе новаго блюда гораздо полезнѣе открытія новой звѣзды, но въ одномъ XIX столѣтіи открыты тысячи новыхъ звѣздъ, тогда какъ европейская кухня, плодъ опыта многихъ вѣковъ, дала, если судить по книгѣ г. Зеленко *), не болѣе двухъ тысячъ блюдъ, включая сюда и соуса, и подливки, и разныя настойки.

Если кухня такъ бѣдна теперь, то что же было во времена хваленыхъ Лукулловъ **) и Вителіевъ? Я не говорю уже о древнихъ грекахъ, которые отличались большой воздержностью въ ѣдѣ. Въ древности и въ

*) П. М. Зеленко. Поварское искусство. Изд. Суворина. Спб. 1902.

**) Кстати: Салтыковъ-Щедринъ ошибался считая Лукулла необразованнымъ; онъ, напротивъ, былъ человѣкъ даже ученый.

шамель), соусъ субизъ (изобрѣла принцесса Субизъ). Старѣйшій изъ употребляемыхъ нынѣ соусовъ Robert не восходитъ далѣе XIV столѣтія. Бенье французы научились дѣлать у сарациновъ во время Людовика Святого. Итальянцы, игравшіе огромную роль въ европейской культурѣ, улучшили и французскую кухню при Екатеринѣ Медичи, объѣдавшейся пѣтушьими печенками и артишоками.

Картофель, играющій такую роль въ современной кухнѣ, даже простонародной, былъ неизвѣстенъ до XVI вѣка и распространился только въ XVIII, благодаря усиліямъ Пармантье. Въ XVI же вѣкѣ появились индѣйки (извѣстныя уже съ XIV столѣтія) и цесарки, первыя изъ Турціи, вторыя изъ Гвинеи. Спаржа и трюфели (мода на нихъ пошла изъ Испаніи) въ это время были большою рѣдкостью, даже въ концѣ вѣка. Тогда еще ѣли воронъ, и телятина, которую презираютъ великороссы, за королевскимъ столомъ считалась тончайшимъ блюдомъ; финики употреблялись только какъ лекарство. Даже сахара не знали до XVII столѣтія и для подслащиванія употребляли исключительно медъ.

У римлянъ наиболѣе лакомымъ блюдомъ была рыба, привозившаяся съ Танаиса (Дона). Ѣли римляне лежа на лѣвомъ боку — мода, заимствованная изъ Финикіи, весьма неудобная для перевариванія пищи и утомительная. Христіанскіе проповѣдники громили эту моду и содѣйствовали ея уничтоженію, но постами они не уменьшили обжорства. Женщины стали обѣ-

дать съ мужчинами только начиная съ Карла Великаго, до того въ столовую допускались только танцовщицы, считавшіяся куртизанками.

Этотъ мудрый императоръ любилъ не только молодыхъ женщинъ, но и зелень; при немъ усовершенствовалась капуста, которую принесли съ собою германцы.

Изъ двухъ французскихъ поваренныхъ книгъ XIV столѣтія, сахранившихся до сихъ поръ, видно, что французы среднихъ вѣковъ ѣли очень много, но однообразно и понятія не имѣли о тонкостяхъ кухни. На столъ сразу ставились массы мясныхъ и рыбныхъ блюдъ и овощей, перемѣшанныхъ между собою; соусы, очень грубые, подавались отдѣльно. И въ XVII столѣтіи ѣли змѣй, обѣдали въ шляпахъ на головѣ, безъ вилокъ, руками или ложками, изъ общихъ мисокъ, а остатки кушаній, кости и пр., бросали на полъ, и собаки пожирали эти объѣдки. Пироги играли тогда важную роль; въ это время злоупотребляли также духами; ихъ совали во всѣ блюда, даже мускусъ и амбру, какъ теперь въ Неаполѣ во все кладутъ анисъ. Дикая коза считалась изысканнѣйшимъ блюдомъ.

Съ Людовика XIV, страшнаго обжоры, любовница котораго г-жа Ментенонъ изобрѣла котлеты въ папильоткахъ, начинается улучшеніе французской кухни. При немъ былъ знаменитый Ватель, о которомъ сохранилась легенда, что онъ проткнулъ себя вертеломъ въ отчаяніи отъ дурно сдѣланнаго соуса. Въ дѣйствительности было не такъ. Въ письмахъ г-жи

де-Севинье сохранилось трогательное описаніе смерти этого повара, убившаго себя шпагою потому, что на охотѣ короля не хватило жаркого на двадцать пять приглашенныхъ! Рѣдкая жертва добросовѣстности.

Утонченная кухня началась только со временъ регентства и англійской королевы Анны, и съ тѣхъ поръ прогрессъ шелъ не останавливаясь, рядомъ съ обжорствомъ. Людовикъ XVI въ тюрмѣ, въ Тамплѣ, имѣлъ 13 поваровъ! Разстроенный первымъ допросомъ передъ конвентомъ, онъ, вернувшись въ тюрьму, въ волненіи, могъ съѣсть только... шесть котлетъ, курицу, нѣсколько яицъ и выпить два стакана бѣлаго вина и стаканъ аликанте!

Первые рестораны явились въ Парижѣ въ 70-хъ годахъ XVIII-го столѣтія, лучшій изъ нихъ былъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ Бовалье, а теперь ихъ тамъ нѣсколько тысячъ. Первоклассныхъ, впрочемъ, не наберется и десятка. Лучшій поваръ до 1902 г. имѣлся въ ресторанѣ «Maison dorée», лучшія вина въ ресторанахъ Маргэри и Воазена.

Слова «ресторанъ», вошедшее и въ нашъ языкъ, происходитъ отъ надписи въ 1765 г. въ Парижѣ на трактирѣ Буланже: «Veni te ad me omnes qui stomacha laboratis et ego vos *restaurabo*».

Самой скверной кухней обладаютъ испанцы, народъ ужасно воздержный. Англичане ѣдятъ и пьютъ болѣе другихъ нарадовъ, но кухня ихъ въ гастрономическомъ смыслѣ мало сдѣлала успѣховъ со временъ Вольтера, замѣтившаго, что «во Франціи одна религія

дать съ мужчинами только начиная съ Карла Великаго, до того въ столовую допускались только танцовщицы, считавшіяся куртизанками.

Этотъ мудрый императоръ любилъ не только молодыхъ женщинъ, но и зелень; при немъ усовершенствовалась капуста, которую принесли съ собою германцы.

Изъ двухъ французскихъ поваренныхъ книгъ XIV столѣтія, сахранившихся до сихъ поръ, видно, что французы среднихъ вѣковъ ѣли очень много, но однообразно и понятія не имѣли о тонкостяхъ кухни. На столъ сразу ставились массы мясныхъ и рыбныхъ блюдъ и овощей, перемѣшанныхъ между собою; соусы, очень грубые, подавались отдѣльно. И въ XVII столѣтіи ѣли змѣй, обѣдали въ шляпахъ на головѣ, безъ вилокъ, руками или ложками, изъ общихъ мисокъ, а остатки кушаній, кости и пр., бросали на полъ, и собаки пожирали эти объѣдки. Пироги играли тогда важную роль; въ это время злоупотребляли также духами; ихъ совали во всѣ блюда, даже мускусъ и амбру, какъ теперь въ Неаполѣ во все кладутъ анисъ. Дикая коза считалась изысканнѣйшимъ блюдомъ.

Съ Людовика XIV, страшнаго обжоры, любовница котораго г-жа Ментенонъ изобрѣла котлеты въ папильоткахъ, начинается улучшеніе французской кухни. При немъ былъ знаменитый Ватель, о которомъ сохранилась легенда, что онъ проткнулъ себя вертеломъ въ отчаяніи отъ дурно сдѣланнаго соуса. Въ дѣйствительности было не такъ. Въ письмахъ г-жи

де-Севинье сохранилось трогательное описаніе смерти этого повара, убившаго себя шпагою потому, что на охотѣ короля не хватило жаркого на двадцать пять приглашенныхъ! Рѣдкая жертва добросовѣстности.

Утонченная кухня началась только со временъ регентства и англійской королевы Анны, и съ тѣхъ поръ прогрессъ шелъ не останавливаясь, рядомъ съ обжорствомъ. Людовикъ XVI въ тюрмѣ, въ Тамплѣ, имѣлъ 13 поваровъ! Разстроенный первымъ допросомъ передъ конвентомъ, онъ, вернувшись въ тюрьму, въ волненіи, могъ съѣсть только... шесть котлетъ, курицу, нѣсколько яицъ и выпить два стакана бѣлаго вина и стаканъ аликанте!

Первые рестораны явились въ Парижѣ въ 70-хъ годахъ XVIII-го столѣтія, лучшій изъ нихъ былъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ Бовалье, а теперь ихъ тамъ нѣсколько тысячъ. Первоклассныхъ, впрочемъ, не наберется и десятка. Лучшій поваръ до 1902 г. имѣлся въ ресторанѣ «Maison dorée», лучшія вина въ ресторанахъ Маргэри и Воазена.

Слова «ресторанъ», вошедшее и въ нашъ языкъ, происходитъ отъ надписи въ 1765 г. въ Парижѣ на трактирѣ Буланже: «Veni te ad me omnes qui stomacha laboratis et ego vos *restaurabo*».

Самой скверной кухней обладаютъ испанцы, народъ ужасно воздержный. Англичане ѣдятъ и пьютъ болѣе другихъ нарадовъ, но кухня ихъ въ гастрономическомъ смыслѣ мало сдѣлала успѣховъ со временъ Вольтера, замѣтившаго, что «во Франціи одна религія

и сто соусовъ, а въ Англіи сто религій и одинъ соусъ ко всѣмъ кушаньямъ».

Неважна кухня скандинавская; въ Германіи лучше и болѣе всего ѣдятъ въ Гамбургѣ. Въ этомъ городѣ, по словамъ Гейне, люди имѣютъ разныя мнѣнія въ религіи, политикѣ и наукѣ, но въ кухнѣ ихъ существуетъ самое трогательное единодушіе. Хотя въ Италіи, по бѣдности, ѣдятъ плохо, но итальянцы отличные повара; хорошіе повара греки, а у насъ грузины.

Русская кухня до смѣшенія ея съ французскою, въ XVIII вѣкѣ, отличалась также ужаснымъ однообразіемъ, простотою, а особенно злоупотребленіемъ лука, чеснока и шафрана. Лукъ и чеснокъ входили даже въ жалованье многихъ московскихъ чиновниковъ.

Да и до сихъ поръ, судя по книгѣ г. Зеленко, число русскихъ блюдъ (исключая польскихъ и малороссійскихъ) очень немногочисленно, даже если прибавить нѣсколько русскихъ блюдъ à la Нессельроде, à la Пушкинъ, à la Bagration, которыя придумали французскіе повара въ Россіи. Въ Парижѣ всѣ кушанья à la russe или à la moscovite вовсе не русскія; такъ называются холодныя блюда, вѣроятно, въ воспоминаніе морозовъ въ кампанію1812 г. Въ «Lettres Gourmandes» Шарля Монселе о русскихъ блюдахъ сказано нѣсколько скептически: «C'est bien près d'être bon!» Ужаснуло Монселе, большого гастронома, злоупотребленіе у насъ сметаной.

Даже одно изъ лучшихъ русскихъ блюдъ — ботвинью — безъ ужаса не могутъ видѣть иностранцы,

особенно испанцы и итальянцы. Знаменитый Каремъ, поваръ Талейрана и Ротшильдовъ, готовилъ однако каждый день ботвинью Александру I во время пребыванія въ Парижѣ въ 1814 г., обстоятельство, упущенное въ четырехъ-томной исторіи этого государя покойнаго Шильдера.

Чисто-русская кухня отличается малымъ количествомъ, если не отсутствіемъ жаркихъ. Извѣстный разсказъ Даля, какъ грекъ, увидя, что русскій солдатъ даже рыбу глосъ (маленькую sole) положилъ въ борщъ, повалился въ ужасѣ безъ чувствъ,—хорошо характеризуетъ эту особенность русской кухни.

Этимъ же объясняется, почему даже въ Петербургѣ, на что жалуется г. Зеленко, не падая впрочемъ безъ чувствъ, нельзя найти въ продажѣ рошпера и саламандры (желѣзной лопаточки для накаливанія). А безъ вертела и рошпера ничего, по его мнѣнію, порядкомъ зажарить нельзя. Жаренье же есть пробный камень повареннаго искусства. Увѣряютъ даже, что для этого нужно имѣть врожденный талантъ, все равно какъ для поэзіи или для сцены, и выучиться ему нельзя.

Въ поварскомъ искусствѣ талантъ вообще играетъ большую роль, потому что кухонные инструменты и приборы мало измѣнились за послѣднія пять столѣтій. А есть очень древніе. Готовить на пару (bain-marie) выдумала, напримѣръ, какая-то жидовка Марья въ V вѣка послѣ Рождества Христова, за что ей честь и слава. Это опровергаетъ самомнѣніе русскихъ, будто паръ выдуманъ ими на полкѣ въ банѣ.

Примѣръ означенной Марьи исключеніе. Хотя знаменитая защитница женской эмансипаціи леди Морганъ въ своей книгѣ «Woman and her master» увѣряетъ, что женщины врожденныя кухарки, но всѣ серьезныя улучшенія по части кухни сдѣланы мужчинами. Тутъ уже однако римское право, Code Napoléon и Сводъ Законовъ имъ ни въ чемъ не мѣшали.

Что русскіе въ тонкостяхъ кухни не сильны, доказывается и изобиліемъ иностранныхъ словъ въ русскомъ поваренномъ искусствѣ. Эти неудивительно для страны, гдѣ народъ вегетаріанецъ и, не читая Толстого, живетъ уже вѣка хлѣбомъ и квасомъ. Бѣдность русскаго кухоннаго языка такова, что одно и то же слово имѣетъ два разныхъ значенія: заправить, напримѣръ, значитъ приготовить мясо, птицу и т. д. до самаго процесса изготовленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ закончить передъ отпускомъ подаваемое блюдо, напр. влить сметану въ супъ.

Важно однако не только искусство приготовлять пищу, но искусство ѣсть. Человѣкъ живетъ не тѣмъ, что онъ ѣстъ, а тѣмъ, что онъ перевариваетъ. «Животное питается, человѣкъ ѣстъ, и только умный человѣкъ умѣетъ ѣсть»,—говоритъ весьма мѣтко величайшій философъ кухни Брилья Саваренъ, членъ французскаго кассаціоннаго суда и авторъ знаменитой книги «Physiologie du Gout или разсужденіе о трансцендентальной гастрономіи». По его мнѣнію, даже судьба народовъ зависитъ отъ ихъ способа питанія. Политико-экономы давно впрочемъ доказали это на

примѣрѣ Голландіи, которая безъ соленой селедки никогда не освободилась бы отъ Испаніи и не стала бы на время первоклассным государствомъ.

Г. Зеленко въ своей книгѣ не занимается, къ сожалѣнію, ни исторіей, ни философіей кухни. Для него въ кухнѣ нѣтъ ничего «трансцендентальнаго» и подъ его перомъ она является преимущественно la science de gueule, какъ назвалъ ее Монтэнь.

Не философствуя, онъ описываетъ ясно, образно и толково приготовленіе блюдъ, немного языкомъ Пѣтуха въ «Мертвыхъ Душахъ»: «да припеки, да дай взопрѣть» и т. д., и не прибѣгая къ образному языку французскихъ поваренныхъ книгъ, гдѣ попадаются перлы въ родѣ знаменитаго совѣта, что «кролики *любятъ* быть ободранными живыми (точно акціонеры русскихъ обществъ), а зайцы *предпочитаютъ* подождать».

Такой простой способъ изложенія понятенъ. Хозяйкамъ и поварамъ до философіи и поэзіи кухни дѣла мало: это удѣлъ немногихъ возвышенныхъ умовъ, большинство же ищетъ практическаго рецепта, какъ заправить или зачистить, гдѣ надрѣзать, гдѣ оттянуть, гдѣ колеровать, гдѣ тушить, гдѣ обланжирить. А происходитъ ли эстрагонъ изъ Сибири и слово бріошь отъ сыра Бри и выдумали ли лапшу дѣйствительно нѣмцы, а не другіе народы, и отъ этой ли лапши получили они Бисмарка,—г. Зеленко дѣла нѣтъ.

Онъ, впрочемъ, пускается иногда въ общія сужденія. Совершенно вѣрно говоритъ онъ, напримѣръ, что «по-

ложеніе гастронома, лишеннаго послѣ обѣда чашки отличнаго кофе и рюмки хорошаго коньяка или старки, можно сравнить съ положеніемъ рыбы, вынутой навсегда изъ воды».

Хотя и юристъ, какъ Брилья Саваренъ, г. Зеленко расходится съ послѣднимъ относительно способа питья вина за обѣдомъ. Саваренъ, а за нимъ Моріаль, Дюма-отецъ и др. гастрономы рекомендуютъ, какъ самое гигіеническое и гастрономическое,—пить за разными кушаньями соотвѣтственныя вина, начиная отъ легкихъ и идя къ болѣе высокимъ (généreux) и болѣе душистымъ. Для этого къ каждому прибору и нужно ставить не менѣе восьми рюмокъ и стакановъ.

Г. Зеленко полагаетъ, что въ этомъ порядкѣ подачи винъ, принятомъ будто бы только въ Россіи, нѣтъ ни надобности, ни смысла. «Истинному гастроному,—говоритъ онъ,—невкусно и просто непріятно проглотить черезъ короткіе промежутки времени по рюмкѣ или стакану десятокъ разнообразныхъ винъ, различныхъ по вкусу и крѣпости. Во все время трапезы слѣдуетъ подавать, соотвѣтственно кушаньямъ, одно бѣлое или красное вино отличнаго вкуса и качества». При такомъ условіи цѣнителю вина будетъ предоставлена полная возможность насладиться всѣми его достоинствами.

Исключеніе изъ общаго правила, и то въ крайнемъ случаѣ, г. Зеленко допускаетъ только по отношенію къ хересу и шампанскому.

Хорошая поварская книга, по мнѣнію Гофмана, весьма важное литературное произведеніе. Его всѣ понимаютъ; оно льститъ вкусу читателя и оно можетъ интересовать его два или три раза въ день! О какой поэмѣ и трагедіи или же академической рѣчи можно сказать нѣчто подобное? «Да и кухня и литература не такъ чужды другъ другу, какъ думаютъ,—прибавляетъ знаменитый нѣмецкій романистъ: *«вкусъ»* руководитъ писателями, какъ и поварами, многія произведенія бываютъ очень *пряны*; говорятъ о *соли* въ комедіяхъ Мольера и Реньяра; свѣтскія комедіи обыкновенно весьма *пресны*, а хорошія комическія пьесы называются *фарсами* (фаршами)».

Да и наука не такъ уже далека. Не говоря о томъ, что кухня есть только часть прикладной химіи, а химія должна, по мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, какъ Бертело, обогатить будущую кухню, заставивъ человѣчество питаться изъ міра неорганическаго (не очень, замѣчу, веселая перспектива!), огромное число особенно нѣмецкихъ профессоровъ женятся на кухаркахъ. Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ сдѣлалъ великій Гете, женившійся на Христинѣ, горничной, да еще вѣчно пьяной.

Нашимъ патріотамъ не слѣдуетъ, впрочемъ, гордиться, что если у насъ отъ недостатка продовольствія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по временамъ грызутъ землю (это фактъ), то значитъ, что русскіе предвосхитили идею Бертело.

Надъ гастрономіей смѣялись еще въ древности, но

совсѣмъ напрасно. Недавно извѣстный парижскій журналъ «Illustration» собралъ отъ всѣхъ извѣстныхъ французскихъ врачей ихъ мнѣнія о вредѣ и пользѣ вина. Двѣ трети высказались въ пользу вина, четверть — противъ, остальные признали вино нейтральнымъ. Самые умные отвѣты написали провинціальные врачи и медицинскіе профессора въ провинціи. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что можетъ быть вино и вредно, но онъ не можетъ вообразить себѣ праздника, гдѣ бы гости веселились за блюдомъ вареныхъ бобовъ и бутылкою минеральной воды! Великая истина!

Пользу вина признаетъ даже Священное Писаніе: «Пей не одну воду, говоритъ апостолъ Павелъ (I посланіе къ Тимоѳею V, 23), но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ».

Въ заключеніе эскурсіи въ областяхъ кухни, вызванной разсмотрѣніемъ объемистаго труда г. Зеленко, могу припомнить афоризмъ, который долженъ утѣшить людей суевѣрныхъ: «Бояться тринадцати за обѣдомъ можно только тогда, когда кушаній приготовлено на двѣнадцать». Онъ принадлежитъ извѣстному гастроному Гримо де-ла-Рейніеру.

ВЪ НОРДЪ-ЭКСПРЕССѢ.

Двое сутокъ ѣхалъ я въ нордъ-экспрессѣ. За это время пассажиры быстро знакомятся и, точно какъ на кораблѣ въ каютъ-компаніи, собираются въ буфетѣ обмѣниваться мыслями. Первое условіе для этого, конечно, удачный подборъ пассажировъ. А то въ прошломъ году, напримѣръ, одинъ извѣстный консервативный публицистъ не только отравлялъ расположеніе духа своимъ видомъ, но повидимому подслушивалъ у дверей купэ. По крайней мѣрѣ онъ напечаталъ въ своемъ гнусномъ листкѣ подслушанный имъ шутливый разговоръ, гдѣ я будто-бы увѣрялъ жену одного иностранца банкира, что не знаю грамматики—даже русской!

Публицистъ оповѣстилъ съ ужасомъ объ этомъ своихъ читателей. Это вышло тѣмъ курьезнѣе, что статьи означеннаго бумагомарателя сплошная безграмотность, постыдная для человѣка, постоянно величающаго себя внукомъ какого-то знаменитаго писателя.

Впрочемъ, давно извѣстна истина, что у очень умныхъ людей бываютъ всегда глупыя дѣти, что же ужъ внуки! Да и вообще о грамматикѣ не слѣдовало бы заикаться человѣку, котораго люди, даже неучившіеся въ семинаріяхъ, упрекаютъ qu'il met au masculin ce qui est au féminin...

На этотъ разъ оживленному обмѣну и хорошему расположенію, кромѣ состава общества, содѣйствовало и то обстоятельство, что, благодаря присутствію въ поѣздѣ сына президента общества Wagons lits, насъ, вопреки обыкновенію, кормили сносно. Повара видимо боялись отравить своего «дофина».

Вагоны были полны, общество самое разнообразное; замѣтно только постоянное уменьшеніе иностранныхъ аферистовъ, особенно бельгійскихъ, которые недавно еще наполняли вагоны нордъ-экспресса, отправляясь за «золотымъ руномъ» въ Россію. Большинство ихъ можетъ повторить теперь, какъ тотъ дѣловой американецъ, который съ гордостью говорилъ:

— Когда я пріѣхалъ въ Лондонъ, у меня было какихъ-нибудь 35 пенсовъ въ карманѣ, теперь у меня 350,000 фунтовъ стерлинговъ... долгу.

Серія искателей новой Колхиды еще, впрочемъ, не прекратилась. Въ поѣздѣ ѣхалъ одинъ членъ англійскаго парламента, человѣкъ живой и веселый, спѣшившій въ Лондонъ, чтобы попасть на коронацію. Я спросилъ его, запасся ли онъ мѣстомъ.

— Какъ мѣстомъ? Да англійскій король не имѣетъ права короноваться въ отсутствіи членовъ парламента. Мѣста намъ вездѣ заранѣе назначены.

— Вездѣ, кромѣ самаго парламента, гдѣ, какъ извѣстно, мѣстъ гораздо менѣе, чѣмъ числится членовъ палаты общинъ, замѣтилъ я.

Англичанинъ былъ очень доволенъ результатомъ своего двухдневнаго пребыванія въ Петербургѣ. Онъ, послѣ длинныхъ предварительныхъ переговоровъ зимою, везъ проектъ концесіи на желѣзную дорогу отъ Томска до Ташкента на Барнаулъ и Семипалатинскъ. Дорога эта, длиною болѣе двухъ тысячъ верстъ, должна будетъ строиться на счетъ англійскихъ капиталовъ, причемъ 65% строительнаго капитала будутъ гарантированы правительствомъ, а для остальныхъ 35% придется отыскать акціонеровъ въ Англіи. Для привлеченія послѣднихъ англичанинъ заручился обѣщаніемъ, что въ правленіи половина членовъ его будетъ изъ англичанъ и предсѣдатель тоже будетъ изъ гордыхъ британцевъ.

Онъ разспрашивалъ о «богатствахъ» страны; особенно почему-то ему представлялся величественнымъ Семипалатинскъ.

Одинъ желѣзнодорожникъ нѣсколько охладилъ его восторгъ, объяснивъ ему, что̀ такое сибирское «золотое дно», и описавъ красоты тайги, тундры, Барабинской степи, средне-азіатскихъ песчаныхъ бурхановъ и т. д. Онъ объяснилъ ему и роль будущаго англійскаго предсѣдателя русскаго правленія, которая мало

будетъ напоминать самовластную роль Чемберлэна въ парламентѣ, такъ какъ при новыхъ порядкахъ функціи правленія частныхъ желѣзныхъ дорогъ, особенно имѣющихъ какую-либо гарантію, совершенно сводятся къ обязанностямъ «журналиста»—не періодической печати, а въ присутственныхъ мѣстахъ. Каждую полученную бумагу правленіе, не имѣя права рѣшать своею властью ни одного дѣла, препровождаетъ во всей неприкосновенности къ соотвѣтствующему столоначальнику, отъ котораго ждетъ соотвѣтствующаго приказанія, а по полученіи онаго препровождаетъ для неукоснительнаго исполненія къ управляющему дорогою, который правленію подчиненъ косвенно и считается инспекторомъ дороги отъ казны, инспектируя самого себя.

Англичанинъ слегка изумился и выразилъ убѣжденіе, что по крайней мѣрѣ свое жалованье члены правленія получаютъ акуратно.

— Ну, не скажите; по крайней мѣрѣ когда я былъ членомъ правленія одной дороги,—замѣтилъ я,—то первые два мѣсяца я содержанія не получилъ, а за послѣднее полугодіе получилъ годъ спустя, и все изъ-за какихъ-то канцелярскихъ недоразумѣній.

Съ членомъ парламента разговоръ, естественно, перешелъ на политику. Англичанинъ спрашивалъ, хочетъ ли Россія взять Индію?—и видимо сокрушился, когда сказалъ ему, что обладаніе этой страною было бы

для насъ нелишнимъ, какъ противовѣсъ всесвѣтному владычеству англичанъ и ихъ извѣстной жадности.

Съ своей стороны онъ увѣрялъ, что Чемберлэнъ весьма честный и небогатый человѣкъ; что извѣстную газету «Daily Mail» называютъ «Ежедневнымъ враньемъ» послѣ того, какъ она описала во всѣхъ деталяхъ со словъ очевидца убійство въ Пекинѣ англійскаго посла и его жены, чего въ дѣйствительности никогда не было; что лордъ Салисбюри еще весьма крѣпокъ и вовсе не врагъ Россіи и русскихъ, какимъ былъ Гладстонъ. Какъ консерваторъ, членъ парламента вообще презрительно отзывался о Гладстонѣ и увѣрялъ, что ему Англія обязана и послѣднею войною съ бурами.

— Помилуйте,—говорилъ онъ,—Гладстонъ имѣлъ глупость заключить миръ въ 1881 г. съ бурами не послѣ побѣды, хотя бы эфемерной, а послѣ пораженія при Маджюбагилѣ. Понятно, буры насъ презирали, считая себя чуть не втрое сильнѣе англичанъ. Необходимо было разсѣять легенду о нашей слабости. Если бы мы не усмирили буровъ, мы рисковали потерять всѣ свои колоніи, которыя только и держатся въ связи съ нами, потому что разсчитываютъ на военную силу Англіи для защиты отъ другихъ націй. Когда колоніи станутъ достаточно сильны, чтобъ обороняться однѣмъ, онѣ отпадутъ отъ Англіи.

Англичанинъ увѣрялъ, что англичане и не замѣтили у себя дома (экономически), что вели войну. Шумѣли только ирландскіе депутаты, но это больше

нищіе, получающіе, чтобы не умереть съ голода, по 2 фунт. стерлинговъ въ недѣлю отъ своихъ избирательныхъ комитетовъ. Подъ хорошимъ руководствомъ ирландцы впрочемъ недурной народъ. Лучшіе англійскіе офицеры и даже лордъ Робертсъ — ирландцы. Ирландцы также остроумнѣе англичанъ. Когда военный министръ перечислялъ въ парламентѣ, сколько онъ послалъ въ Трансвааль повозокъ, лошадей, муловъ, одинъ ирландскій депутатъ прервалъ его вопросомъ:

— Не можетъ ли достопочтенный джентельменъ сообщить собранію: сколько *ословъ* послалъ онъ въ южно-африканскую армію?

Пока мы разсуждали объ англійской политикѣ, по сосѣдству пассажиръ-нѣмецъ спорилъ съ полякомъ о политикѣ Вильгельма II. Полякъ жаловался на угнетеніе, нѣмецъ, очевидно берлинскій либералъ, утѣшалъ его довольно оригинально:

— Нашъ императоръ работаетъ на пользу либеральной партіи. Онъ доказалъ, что въ Германіи еще мало свободы. Она коротка, какъ одѣяла на кроватяхъ въ нѣмецкихъ гостиницахъ. Когда свободу потянули на западъ, чтобы покрыть Эльзасъ-Лотарингію (намекъ на отмѣну извѣстной статьи о военной диктатурѣ), свободы не хватило на востокѣ для Познани...

Одна дама, наша общая знакомая съ покойнымъ Анненковымъ, по поводу разговора о желѣзнодорожныхъ чиновникахъ, жаловалась, что у этихъ чиновниковъ нѣтъ времени заняться постановкою монумента въ Чарджуѣ покойному строителю Средне-Азіатской дороги. Хотя уже годъ какъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, асигнованы казенныя деньги и собрано также немало частныхъ пожертвованій, монумента и не думаютъ ставить.

— Что вы хотите,—говоритъ дама,—дѣло попало, говорятъ, въ руки одного изъ бывшихъ помощниковъ покойнаго Михаила Николаевича, того самаго, котораго сослуживцы называли «завѣдующимъ отдѣленіемъ обѣщаній»...

Бѣдный Михаилъ Николаевичъ. Онъ всегда такой рьяный, горячій и нетерпѣливый, долженъ и за гробомъ волноваться, глядя на проволочку въ постановкѣ ему вполнѣ заслуженнаго памятника.

Разговоры о Средней Азіи перевели невольно бесѣду на другія окраины. Пассажиры спорили по поводу новой рубрики, заведенной въ газетахъ подъ названіемъ «Желтороссія», т. е. Желтая Россія или Манчжурія.

— Что за Желтороссія такая!—восклицалъ одинъ недовольный.—Я понимаю Бѣлоруссію, Малороссію, это части русскаго народа, какъ и русскаго государства. Новороссія, это русская или, точнѣе, малорус-

ская колонія. Но Желтороссія? Развѣ китайцы, манчжуры и корейцы—русскіе? Я понимаю, если бы ихъ страну назвали Желторожье. Это соотвѣтствовало бы ихъ цвѣту лица.

— А я, —замѣтилъ ехидно одинъ проѣзжій, видимо нигилистъ, — нахожу названіе весьма подходящимъ. Можно бы накроить не мало такихъ областей у насъ. Петербургъ — центръ литературы—назвать Глупороссіей, Москву—центръ торговли—Плутороссіей, Западный край — Жидороссіей, пресловутый центръ — Голодороссіей и т. д.

A propos этихъ голодовокъ въ «житницѣ Европы». Одинъ изъ пассажировъ, оказавшійся хлѣбнымъ торговцемъ съ нижней Волги, сообщилъ, что ликвидируетъ свое дѣло, передавая большую часть его въ еврейскія руки, хотя фирма его одна изъ старинныхъ чисто русскихъ на Волгѣ.

— Да вѣдь хлѣбное дѣло должно быть выгодно для купцовъ въ настоящее время постоянныхъ неурожаевъ,—замѣтилъ я.

— Это только такъ кажется изъ Петербурга. Торговля не можетъ существовать безъ задатковъ и запасовъ. Я говорю, конечно, объ оптовой торговлѣ: тѣ, кто торгуетъ по мелочамъ, закладывая и перезакладывая желѣзнодорожныя вагонныя накладныя, довольствуются малымъ и наживаютъ гроши. Это вполнѣ операція для маленькихъ жидковъ. Крупныя наживы бываютъ разъ въ десять лѣтъ, и то и дѣло

приходится продавать въ убытокъ то, что куплено было ранѣе по дорогой цѣнѣ; держать же хлѣбъ въ складахъ и на пристаняхъ стало и дорого и опасно: хлѣбъ при извѣстныхъ условіяхъ быстро портится. Вотъ и теперь хорошій урожай только обозначается еще въ нашихъ мѣстахъ, а я долженъ потерять на распродажѣ товара въ триста тысячъ не менѣе девяноста тысячъ.

Купецъ сообщилъ мнѣ невеселый фактъ, о которомъ я слышалъ и ранѣе, что запасы хлѣба въ Россіи сильно уменьшились за послѣдніе годы отъ ряда неурожаевъ, уменьшились можетъ быть въ десять разъ, такъ что еще года два неурожая, и пришлось бы въ Россію, какъ въ Индію, возить хлѣбъ для народнаго продовольствія изъ Америки и Аргентины.

— Вредятъ намъ,—со вздохомъ прибавилъ купецъ, возведя глаза къ небу, и желѣзныя дороги. Прежде при неурожаѣ негдѣ было достать хлѣба и высокій подъемъ цѣнъ покрывалъ наши долголѣтніе убытки. Теперь сейчасъ начинаютъ подвозить хлѣбъ изъ дальнихъ губерній, и цѣны падаютъ...

Если отъ хлѣба нѣтъ пользы, то невеселѣй и съ нефтью. Немало разговоровъ въ столовой возбуждалъ не состоявшійся синдикатъ по вывозной торговлѣ между нефтепромышленниками.

— Какой сындыкатъ, зачѣмъ сындыкатъ?—восклицаетъ одинъ армянскій крезъ.—Менэ предлагаютъ двадцать шесть процентовъ: какіе проценты, какъ ихъ сосчитать? Зачэмъ двадцать шесть? Я говорю

имъ, я посылаю тысячу пудовъ въ Смирну, вы тысячу пудовъ, я въ Пирей бочку и они бочку; я въ Бомбей тысячу жестянокъ...

— Да вѣдь это выходитъ пятьдесятъ процентовъ, что вы хотѣли взять изъ синдиката одному себѣ,— замѣтилъ крезу одинъ ариѳметикъ.

Переговоры о синдикатѣ сопровождались, если вѣрить одному журналу, достаточными закусками и выпивками. Это стремленіе приводить у насъ все къ одному знаменателю—къ выпивкѣ—подмѣтила и одна французская актриса, возвращавшаяся послѣ болѣе или менѣе удачнаго дебюта на Крестовскомъ въ Парижъ pour essayer quelques robes, въ дѣйствительности, вѣроятно, повидать son ami.

— Русскіе очень милые люди,—говорила она,—но очень утомительно пить съ нимъ цѣлые вечера и цѣлыя ночи, а приходится, такъ какъ это требуется по контрактамъ, гдѣ даже включено оригинальное условіе, что артистки не имѣютъ права ужинать въ чужихъ ресторанахъ.

Что бы сказала бѣдная парижанка, если бы дебютировала въ Москвѣ, гдѣ даже иныя дамы изъ высшаго купеческаго общества «пропускаютъ» въ вечеръ рюмокъ по тридцати водки и возятъ спеціально на козлахъ своихъ элегантныхъ экипажей купеческихъ племянниковъ съ сумками (sic) черезъ плечо для расплаты по ресторанамъ и садамъ за выпитое!

ВЪ ОБЛАСТИ ДИПЛОМАТІИ.

Англо-Русскій союзъ.

Фельетонистъ «Новаго Времени» г. Сыромятниковъ охотно указываетъ въ своихъ статьяхъ на знакомство съ классиками. Но если Виргилій ему не чуждъ, то почему онъ позабылъ о «Timeo danaos et dona ferentes» (бойтесь грековъ, приходящихъ и съ дарами), знаменитомъ совѣтѣ, лучше всего прилагающемся къ статьямъ англійскихъ сиренъ въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «National Review» 1901 года. Статьи эти, по словамъ лондонскихъ корреспондентовъ «Новаго Времени», не прошли незамѣтными въ Англіи, у насъ же не обратили на себя вниманія.

За союзъ и тѣсное соглашеніе по всѣмъ другимъ политическимъ вопросамъ съ Англіей англійскій журналъ предлагаетъ намъ во-первыхъ отдачу Англіи Египта, при свободѣ распоряжаться въ Константинополѣ, подъ условіемъ однако уступки Австро-Венгріи

Салоникъ, и очевидно, всей восточной сербско-албанской половины Балканскаго полуострова. Затѣмъ журналъ предлагаетъ раздѣлъ вліяній въ Персіи, причемъ Россія, сохраняя первенство на сѣверѣ, имѣла бы право провести желѣзную дорогу къ Персидскому заливу. Наконецъ, на Дальнемъ Востокѣ, если Россія уступитъ Корею Японіи и согласится на верховенство Англіи въ богатѣйшемъ бассейнѣ Ян-Цзы-Цзяна, то ей будетъ предоставлено право исключительнаго вліянія въ Манджуріи и Монголіи.

Г. Сыромятниковъ разсматриваетъ въ своемъ фельетонѣ въ «Новомъ Времени» весьма сочувственно эти предложенія. Привѣтствуя «благородную попытку англійскихъ публицистовъ сговориться съ русскими не черезъ Берлинъ, а непосредственно», онъ находитъ, что мы не можемъ «отвертываться отъ англичанъ»; униженіе Англіи намъ де выгодно только до извѣстнаго предѣла, а политика абстрактная, шахматная (т. е. вѣроятно политическаго равновѣсія) отошла въ область преданій, потому—не худо и поторговаться съ англичанами.

Онъ согласенъ вполнѣ на уступку Египта, находя это даже выгоднымъ для Россіи. Выгодна для насъ и дорога черезъ Персію, но не къ Персидскому заливу, а изъ Баку къ Карачи въ устьяхъ Инда, причемъ однако г. Сыромятниковъ status quo на берегахъ залива не разумѣетъ въ смыслѣ протектората англичанъ; онъ желаетъ выяснить также, отдаютъ ли англичане намъ Константинополь, или по

крайней мѣрѣ укрѣпленія на Босфорѣ, и согласны ли сдѣлать Черное море «русскимъ озеромъ» и дать Россіи свободный выходъ въ Средиземное море? Одно только несогласенъ уступать г. Сыромятниковъ—это Корею Японіи. Кореѣ, по его словамъ, нужна свобода, чтобы снова стать цивилизованною и философскою страною, какою она была въ среднихъ вѣкахъ. Во всякомъ случаѣ, если Россіи нужны Манджурія и Монголія, то не изъ рукъ Англіи и Японіи.

Условія, на которыхъ предлагаютъ намъ сближеніе съ Англіей, подразумѣваютъ, конечно, прекращеніе франко-русскаго союза, ибо служить одновременно двумъ богамъ было бы затруднительно.

Союзъ Россіи съ Англіей вовсе не новость *). Въ близкой дружбѣ съ англичанами наше отечество было цѣлые вѣка, но всѣ эти связи были только торговой эксплоатаціей и политическимъ вожденіемъ за носъ. Уже съ XVI столѣтія, несмотря на разныя временныя непріятности, англичане очень цѣнили дружескія къ намъ отношенія, сначала отъ привилегій въ русской и русско-персидской торговлѣ, затѣмъ отъ безусловной зависимости ихъ паруснаго тогда флота отъ русскихъ вывозныхъ товаровъ: корабельнаго лѣса, пеньки, парусины, желѣза, смолы, пакли.

---

*) О перипетіяхъ политическихъ связей Россіи съ Англіей подробности можно найти въ моей книгѣ «Внѣшняя политика Россіи, 2-е изд. 1900 г., а еще лучше въ X, XI и XII томахъ извѣстнаго труда г. Мартенса «Собраніе трактатовъ и договоровъ» (до 1856 г.).

Петръ Великій искалъ союза, «великой аліанцыи», съ Англіей, но онъ же и вкусилъ плоды коварства послѣдней. Несмотря на дружественныя отношенія, Англія настаивала передъ германскимъ императоромъ объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Германіи, а въ концѣ Сѣверной войны явно поддерживала Швецію, заключивъ даже съ нею въ 1721 г. союзъ противъ Россіи. Императорскій титулъ Англія признала только въ 1742 г. Петръ Великій и во Францію въ 1717 г. ѣздилъ главнымъ образомъ въ видѣ угрозы противъ Англіи.

Заключивъ съ нами союзный трактатъ въ 1741 г., Англія однако отказалась выставить эскадру для совмѣстнаго дѣйствія противъ Швеціи. Несмотря на это, благодаря подкупу гр. Бестужева-Рюмина и Лестока, Англіи удалось заключить съ нами новый трактатъ въ 1742 г. Въ 1755 г. она заставила насъ подписать союзную конвенцію, которая уже въ слѣдующемъ году потеряла силу, вслѣдствіе союза Англіи съ находившеюся съ нами въ войнѣ Пруссіею.

Новою серьезною попыткою союза съ Англіей былъ такъ называемый «Сѣверный акордъ», выдуманный нѣмцемъ Корфомъ и поддержанный Панинымъ. Акордъ поставилъ насъ во враждебныя отношенія къ Австріи и Франціи и вовлекъ въ войну съ Турціей и Польшей.

Въ эту войну Англія намъ отчасти помогала; ея морякамъ—Грейгу, Эльфинстону и др., а не Алексѣю Орлову, обязаны мы Чесмою и другими морскими побѣдами надъ турками; русскіе корабли едва дотащились до Архипелага. Это поведеніе Англіи неудиви-

тельно; не нужно забывать, что тогдашняя Турція, владѣнія которой по Средиземному морю простирались до Марокко, уже вѣками была въ дружбѣ съ Франціей, главнымъ историческимъ врагомъ Англіи; послѣдняя владѣла еще сѣверо-американскими колоніями и только вытѣсняла французовъ изъ Индіи.

Все это существенно измѣнилось къ 80-мъ годамъ XVIII столѣтія. Англія завоевала Индію и потеряла большую часть своихъ американскихъ владѣній. Россія за уступку о. Минорки съ портомъ Магономъ хотѣла было даже посылать свои войска для усмиренія сѣверо-американцевъ, но затѣмъ примкнула къ врагамъ Англіи и провозгласила выдуманные французскимъ министромъ Верженомъ принципы вооруженнаго нейтралитета. Въ отместку Англія вмѣстѣ съ Пруссіей подбила Турцію и Швецію объявить намъ войну.

Несмотря на это, ослѣпленные ненавистью къ французской революціи, мы приступили въ 1793 г. къ союзу съ Англіей и отказались отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета, а въ 1797 г. и отъ покровительства своему торговому флоту! Послѣ минутнаго разрыва въ 1801 г. политика Англіи, кромѣ краткосрочнаго союза для борьбы съ Наполеономъ (войну 1812—1814 гг. мы вели даже на субсидіи Англіи), была всегда враждебна Россіи, особенно на Востокѣ и въ Азіи. Англія отказалась отъ Наварина, сократила объемъ Греціи, вела противъ насъ двѣ войны (1808—1812 и 1854—1856 гг.) и обѣ удачно, энергично мѣшала успѣхамъ на Кавказѣ, въ Персіи и

въ Средней Азіи, уничтожила плоды нашихъ побѣдъ въ послѣднюю турецкую войну, остановила насъ на Памирѣ, и до сихъ поръ, гдѣ только было возможно, шла поперекъ русскимъ интересамъ.

Потерпѣвъ жестокое нравственное пораженіе въ южно-африканской войнѣ и обнаруживъ свою военную слабость, Англія дѣлаетъ пересмотръ своей традиціонной политикѣ. Недавно еще презрительно относившаяся ко всякаго рода продолжительнымъ соглашеніямъ, она изучаетъ возможность новыхъ основаній всемірнаго равновѣсія. Статьи «National Review» являются пробнымъ шаромъ въ этомъ отношеніи.

Посмотримъ, что дѣйствительно предлагается намъ въ этихъ статьяхъ.

Раздѣлъ вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Но фактически онъ уже совершился еще 1877 г. и недавно еще закрѣпленъ австро-русскимъ соглашеніемъ. Обращеніе Чернаго моря въ русское озеро могло бы экономически давно совершиться, если бы внутренняя промышленность наша не была въ кризисѣ, а вывозная торговля и мореходство подъ русскимъ флагомъ такъ слабы. Во всякомъ случаѣ это вопросъ времени.

О занятіи же Босфора, а тѣмъ болѣе Константинополя, конечно, въ мирное время, и думать нечего, хотя бы и съ благословенія Англіи, потому что съ этимъ связано множество очень острыхъ вопросовъ о Румыніи, Болгаріи, Македоніи, греческихъ островахъ. Это существенно задѣло бы интересы Австро-Венгріи, Италіи и отчасти союзной Франціи; двѣ послѣднія дер-

жавы потребовали бы соотвѣтственнаго вознагражденія. Я не говорю уже о Германіи, которая распоряжается уже въ Турціи, а южную часть Малой Азіи, Месопотамію и Сирію считаетъ своими «марками».

Мысли о союзѣ Франціи съ Италіей и обращеніи Австро-Венгріи въ славянское государство скорѣе всего могутъ быть отнесены къ области политическихъ фантазій. Франція и Италія уже вѣка соперники. Единство Италіи было съ французской точки зрѣнія глупою выдумкою Наполеона III. Объ эти страны борются за политическое и экономическое преобладаніе на Средиземномъ морѣ, и чѣмъ могутъ онѣ вознаградить другъ друга,—не пошлинами же на апельсины или автомобили?

До обращенія Австро-Венгріи въ славянское государство очень и очень далеко — противъ этого нѣмцы, венгры, румыны, итальянцы и поляки, то есть самые вліятельные политическіе элементы Дунайской монархіи. Франціи также нѣтъ расчета дробить послѣднюю, ибо это на-руку Германіи.

Окончательную уступку Египта Англіи вовсе нельзя назвать выгодною съ русской точки зрѣнія. Египетъ былъ цивилизованъ въ XIX столѣтіи французами и по справедливости долженъ оставаться французскимъ или въ сферѣ французскаго вліянія. Это самое существенное, что мы можемъ предложить Франціи за ея союзъ. Что англійскій отрядъ войска сидитъ въ Египтѣ по оплошности французовъ уже 19 лѣтъ, ничего не доказываетъ. Французскія войска сидѣли въ Римѣ еще

недавно 21 годъ, а затѣмъ ушли; австрійцы тоже долго сидѣли въ средне-итальянскихъ герцогствахъ, пока ихъ не выгнали.

Суэзскій каналъ уже нейтрализованъ и вовсе не «хрупокъ», какъ увѣряетъ мой оппонентъ, ибо въ немъ заинтересованы всѣ морскія державы. Эта нейтрализація выгодна и для Россіи, и безумно было бы ее нарушить, даже дѣйствуя сухимъ путемъ съ Кавказа.

Замѣчанія г. Сыромятникова о Персіи въ общемъ довольно вѣрны; онъ противъ фактическаго занятія Южной Персіи англичанами и желаетъ направить русскую желѣзную дорогу въ Карачи. Почему именно въ этотъ портъ (центръ индійской хлѣбной торговли, намъ конкурирующей), онъ не объясняетъ, заявляя однако, что это наиболѣе «опасное» для англичанъ направленіе. Почему же онъ надѣется, что они построятъ подобную опасную дорогу «совмѣстно съ нами»? Дорога съ Кавказа въ Индію и поперечная дорога съ Кавказа къ Персидскому заливу или еще лучше къ Индійскому океану, въ Чахбаръ или въ другой пунктъ, дѣло неизбѣжное. Первая дорога выгодна для англичанъ (съ экономической точки зрѣнія), вторая — естественное послѣдствіе нашего политическаго вліянія въ Персіи и средство ослабить значеніе дороги, идущей черезъ Белуджистанъ на соединеніе съ Багдадской желѣзной дорогою.

Агитацію противъ Багдадской дороги съ выходомъ на Куэйтъ я считаю потерею времени. Дорога эта

слишкомъ выгодна, чтобы ее рано или поздно не построили, а будетъ ли она въ рукахъ англичанъ или нѣмцевъ, намъ одинаково политически невыгодно, но съ невыгодами приходится считаться. Всего забрать себѣ нельзя. «Поповскіе глаза» въ политикѣ очень опасны. По части жадности въ территоріальныхъ захватахъ англичане опередили всѣ народы и начинаютъ уже тяготиться непомѣрнымъ апетитомъ. При всемъ искусствѣ колонизаціи и огромныхъ капиталахъ, и они не въ силахъ переварить половину земного шара, особенно при завистливомъ соперничествѣ другихъ народовъ.

Если въ Персіи г. Сыромятниковъ болѣе щепетиленъ, то на Индію онъ просто машетъ рукою.

«Мечта о покореніи Индіи, по счастью, — говоритъ онъ,—слишкомъ поздно сдѣлалась для насъ исполнимою». Англичане будто бы взяли уже изъ Индіи все, что было можно взять изъ этой богатѣйшей страны, которая англійскихъ чиновниковъ и купцовъ возвращаетъ паралитиками и неврастениками.

На чемъ все это основано? Возможность покоренія Индіи вовсе не мечта, а проектъ весьма реальный, который для Россіи осуществить теперь вовсе не трудно. Это даже лучшій козырь въ нашей будущей политикѣ относительно Англіи, какъ ихъ козырь — возможность блокады нашихъ торговыхъ портовъ. Затѣмъ управлять Индіей вовсе не такъ трудно. Конечно, безумно вводить въ Индіи исправниковъ и податныхъ инспекторовъ, но управлять ею, какъ управляютъ

англичане, заимствовавшіе еще въ XVII столѣтіи свою систему отъ французовъ, которые безъ труда управляются съ десятками милліоновъ людей, вновь покоренныхъ въ Африкѣ и въ Индо-Китаѣ.

Отчего также управленіе тропическими странами должно дѣлать людей идіотами? Маленькая Голландія прекрасно управляетъ тридцатью милліонами людей въ своихъ богатѣйшихъ зондскихъ колоніяхъ, да и невѣрно, что Индія высасываетъ сокъ изъ лучшихъ семей Англіи. Англичанъ въ Индіи, кромѣ войска, шестьдесятъ тысячъ,—это капля сравнительно съ 50 мил. британцевъ, а затѣмъ лучшій полководецъ Англіи Веллингтонъ, лучшій историкъ Маколей, лучшій романистъ Теккерей и многіе другіе служили въ Индіи и не стали ни паралитиками, ни неврастениками.

Нужно ли намъ для нашего благополучія развивать корейскую философію, какъ предполагаетъ г. Сыромятниковъ, являющійся болѣе корейскимъ, чѣмъ русскимъ патріотомъ; я судить не берусь, думаю однако, что и здѣсь всего забрать себѣ нельзя и уступить предпріимчивой и честолюбивой Японіи что-нибудь да придется. Я и о Манчжуріи имѣю не очень лестное мнѣніе, и если г. Сыромятниковъ находитъ, что «остроумные и анекдотическіе русскіе политическіе дѣятели понизили наши достоинства на Дальнемъ Востокѣ послѣ китайской войны», то я думаю, что и до войны можетъ быть мы были черезчуръ ужъ остроумными дѣятелями на Дальнемъ Востокѣ. Это остроуміе вытянуло изъ Россіи полмиліарда, если не бо-

лѣе рублей, которые съ гораздо большею пользою нашли бы себѣ примѣненіе внутри Россіи.

О Монголіи говорить пока не стоитъ, она, конечно, неизбѣжно и вѣроятно скоро станетъ русскою, но это такая бѣдная страна, что отъ нея Россія не разбогатѣетъ. Послѣ Сахары нѣтъ мѣста хуже на свѣтѣ, и за такой подарокъ отъ Англіи можно сказать только merçi!

Ничего значитъ серьезнаго въ сущности англійскіе публицисты намъ не предлагаютъ, за Англіей же закрѣпляютъ такіе лакомые куски, какъ Египетъ и бассейнъ Ян-Цзы-Цзяна. Всѣ эти проекты новыхъ группировокъ державъ, новыхъ соединеній «политической химіи» явились послѣдствіемъ франко-русскаго союза. Этотъ союзъ привелъ къ возобновленію тройственнаго союза, къ примкнутію къ этому союзу Румыніи и отчасти Швеціи. Англія осталась изолированною; до сихъ поръ ей удалось заручиться содѣйствіемъ только ничтожной Португаліи, всегда лебезившей около Англіи. Англичане попеременно искали въ послѣдніе годы союза съ Италіей, Германіей и Соединенными Штатами, они заискивали и во Франціи; но, зная историческое коварство и эгоизмъ Альбіона, ни одна изъ этихъ державъ не обращала вниманія на заискиванія. Въ ухаживаніяхъ своихъ за Соединенными Штатами Англія дозволила послѣднимъ буквально ограбить Испанію и утвердиться въ западной части Тихаго океана, за что получила лишь сомнительный нейтралитетъ въ Трансваалѣ. Во всякомъ случаѣ англичане чувствуютъ

себя теперь вполнѣ изолированными, и такъ какъ южно-африканская война доказала, что безъ введенія всеобщей воинской повинности ихъ сухопутная армія останется ничтожной величиной, то они и ищутъ государство, которое согласилось бы за извѣстное вознагражденіе воевать за нихъ при случаѣ *).

Поэтому проекты въ родѣ статей въ «National Review» вовсе не «благородныя попытки», какъ говоритъ г. Сыромятниковъ, а приглашеніе насъ къ той политикѣ des pourboirs, подачекъ, въ которой осрамилась Италія. Это вовлеченіе насъ, такъ сказать, въ невыгодную сдѣлку.

Россія имѣетъ теперь союзъ съ Франціей, другого ей не нужно. Отъ хлѣба хлѣба не ищутъ. Никакихъ поводовъ жаловаться на этотъ союзъ мы не имѣемъ: французы были корректны и даже предупредительны. Они оказали намъ дружескую помощь и въ дѣлѣ перевооруженія и по финансовой части. Въ политическомъ отношеніи помощь эта также была очень существенна, особенно въ Китаѣ; безъ содѣйствія Франціи мы не могли бы вмѣшаться такъ рѣшительно въ китайско-японскую распрю и получить Квантунскій полуостровъ. Франція для насъ измѣнила даже свою традиціонную политику по отношенію къ Турціи, Греціи и христіанамъ на Востокѣ.

Если не считать даже, что франко-русскій союзъ

*) Послѣ напечатанія этихъ строкъ въ «Новомъ Времени» огласился союзъ Англіи съ Японіей, чѣмъ вполнѣ подтвердилась справедливость вышеизложенныхъ соображеній.

есть наиболѣе естественный и предсказанный нашей исторіей, то нельзя во всякомъ случаѣ безъ крайняго легкомыслія мѣнять союзы каждое десятилѣтіе. Для браковъ народовъ, какъ и для браковъ отдѣльныхъ лицъ, имѣются разводы, но для разводовъ этихъ должны быть серьезныя причины.

*
* *

На эту статью г. Сыромятниковъ (Сигма) отвѣтилъ длиннымъ возраженіемъ, въ которомъ лично меня касался развѣ упрекъ, что я прочелъ только статьи моего оппонента, а не подлинныя статьи въ «National Review». Но я предполагалъ, что г. Сыромятниковъ изложилъ ихъ содержаніе съ достаточною полнотою и точностью. Я и полемизировалъ противъ его статей, статей русскаго публициста, а затѣмъ, такъ какъ читатели «Новаго Времени», за случайными исключеніями, не читали статей «National Review», то все равно они не могли бы и судить о силѣ моихъ анти-англійскихъ доводовъ. Я затѣмъ прибавилъ:

Г. Сыромятниковъ говоритъ, что ни онъ, ни англійскій журналъ, его вдохновившій, не говорили ничего о разрушеніи франко-русскаго союза; они желали привить англійское соглашеніе къ франко-русскому союзу. Назвать ли эту политическую комбинацію соглашеніемъ или союзомъ, мнѣ кажется, все равно; она одинаково осуществиться не можетъ и такъ же противоестественна, какъ бракъ между уткою и карпомъ.

Союзъ Англіи съ Франціей невозможенъ: у нихъ тысячелѣтніе счеты; еще пятьсотъ лѣтъ назадъ половина Франціи принадлежала англичанамъ и на законномъ основаніи. Іоанна д'Аркъ, по иниціативѣ

которой выгнали англичанъ изъ Франціи (окончательно убрались они только въ 1558 г., со взятіемъ Калэ), до сихъ поръ самая популярная личность въ исторіи для французовъ, въ почитаніи которой сходятся всѣ партіи.

Англійская исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ блестяще разъяснилъ англійскій историкъ Селлей, и состояла въ томъ, что англичане безцеремонно забирали все, что открывалось и колонизировалось французами. Такъ пріобрѣла Англія Антильскіе острова, Канаду, большую часть нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, Индію, остр. св. Маврикія и т. д. И недавно еще англичане вытѣснили французовъ изъ Египта, изъ лучшихъ частей бассейна Нигера и верховьевъ Нила, и только скрѣпя сердце терпятъ французскій флагъ на Мадагаскарѣ, въ Индо-Китаѣ и въ Суданѣ.

При такомъ положеніи, имѣя дѣйствительный союзъ съ Франціей, какая намъ выгода дружить съ ея злѣйшимъ историческимъ врагомъ? Можетъ быть «Journal les Débats», на котораго ссылается мой оппонентъ, и стоитъ за франко-англійскій союзъ (органъ этотъ замерзъ въ своихъ идеяхъ сороковыхъ годовъ), но и новѣйшая исторія Франціи отлично доказала безплодность попытокъ сойтись съ Англіей.

«Entente cordiale», т.-е. соглашеніе съ Англіей, было одною изъ любимыхъ идей внѣшней политики Луи Филиппа и Наполеона III; послѣдній велъ даже изъ-за нея ненужную для Франціи Крымскую войну.

Ничего однако кромѣ разочарованія англійское соглашеніе не доставило. Англичане надули французовъ и въ бельгійскомъ, и въ египетскомъ, и въ испанскомъ, и въ австралійскомъ, и въ датскомъ, и въ многихъ другихъ вопросахъ, а въ 1870 г. они, какъ извѣстно, довольно цинично приняли сторону нѣмцевъ, какъ сильнѣйшихъ.

Г. Сыромятниковъ порицаетъ стремленіе многихъ изъ русскихъ дипломатовъ создать соглашеніе Россіи и Франціи съ Германіей. По его мнѣнію, такое соглашеніе прямо невыгодно; наоборотъ, выгоду соглашенія Россіи и Франціи съ Англіей доказать будто бы совсѣмъ не трудно.

Я думаю, что это доказать не только трудно, но даже и невозможно.

Отъ другихъ союзовъ мы знаемъ, что получили, но отъ англійскихъ союзовъ и соглашеній ничего для насъ путнаго не было.

Пруссіи, которую такъ не одобряетъ г. Сыромятниковъ, мы обязаны сѣверо-и юго-западнымъ краями и Курляндіей; Пруссія посодѣйствовала намъ, хотя и не безкорыстно, въ пріобрѣтеніи Царства Польскаго (вопреки всей Европѣ и англичанамъ), она помогла намъ въ 1831 и 1863 гг. Если Пруссія не вступилась за насъ въ Крымскую войну, то, кромѣ вліянія могущественной тогда Австріи, потому, что общественное мнѣніе Германіи слишкомъ уже было возмущено реакціонной политикою Николая I. Пруссіи мы обязаны разрывомъ унизительнаго Парижскаго трактата. Роль ея въ Берлин-

скомъ конгресѣ многими осуждалась, но это еще вопросъ темный. Изъ записокъ Бисмарка, изъ статей гг. Бобрикова, Шильдера и др. видно, что наиболѣе были виноваты наши собственные дипломаты. Отъ Англіи же намъ, повторяю, и при формальныхъ союзахъ пользы было какъ отъ козла молока.

«Я сомнѣваюсь,— говоритъ г. Сыромятниковъ, — чтобы Александръ I былъ врагомъ Россіи, когда онъ велъ войну 1812 г. съ помощью англійскихъ денегъ. Не все ли равно, на чьи деньги дѣлалъ онъ русское народное дѣло?» Что для изгнанія французовъ изъ Россіи мы пользовались помощью англичанъ и даже только-что обобранныхъ нами шведовъ,—никто, конечно, не посѣтуетъ. Necessité fait vertu. Но что на англійскія субсидіи мы вели совершенно намъ не нужныя и даже вредныя войны 1813, 1814 и 1815 гг., никто теперь (да и въ свое время противъ этого спорили Кутузовъ и др.) не станетъ называть «народнымъ дѣломъ»; мы являлись наемниками для чуждыхъ намъ интересовъ и вытаскивали цѣною сотенъ тысячъ жизней и государственнаго банкротства каштаны главнымъ образомъ для австрійцевъ и англичанъ.

Франко-русское соглашеніе съ Германіей вовсе не такъ невыгодно, какъ кажется г. Сыромятникову: все зависитъ отъ объема договора. Въ континентальныхъ дѣлахъ, конечно, о подобномъ соглашеніи не можетъ быть и рѣчи. Франко-русскій союзъ и заключенъ противъ преобладанія Германіи или точнѣе Тройственнаго союза на континентѣ. Другое дѣло заморская политика. Здѣсь

Германія, особенно съ того дня, какъ Соединенные Штаты сдѣлались колоніальною державою и стали кокетничать съ Англіей, весьма желательный козырь въ нашей политической игрѣ.

Только при содѣйствіи Германіи и ея военнаго флота, а равно повсемѣстныхъ торговыхъ связей можемъ мы бороться съ морскимъ могуществомъ Англіи. Дружественная намъ Франція, имѣющая владѣнія и въ Азіи, и въ Америкѣ, и въ Африкѣ, и въ Австраліи, заинтересована въ этомъ еще болѣе насъ, сосредоточившихъ всѣ свои силы въ Азіи. Въ колоніальныхъ и морскихъ вопросахъ мы смѣло можемъ идти рука объ руку съ Германіей, нисколько не поступаясь своими кореннымъ интересами, и усилія на этотъ счетъ нашихъ дипломатовъ, если они въ дѣйствительности существуютъ, заслуживаютъ полнаго одобренія.

Относительно Индіи г. Сыромятниковъ повторяетъ, что для Россіи она была бы бѣдствіемъ, и въ доказательство, какъ трудно управлять ею англичанамъ, ссылается на четыре англійскія книги, въ томъ числѣ даже на одну, написанную парсисомъ.

Но я могу въ свою очередь привести десятки и сотни статей на русскомъ языкѣ, гдѣ убѣдительно доказывается, что для Россіи въ тягость и Амуръ, и Манджурія, что Кавказъ не стоилъ пролитой для него крови, что пріобрѣтеніе Польши ослабило, а не усилило могущество Россіи, что Бессарабія, Финляндія и т. п., совершенно чуждыя славянскому міру страны, никогда ассимилированы нами не будутъ, что даже постройка

Петербурга была великою политическою и экономическою ошибкою.

Очень можетъ быть, что теоретически все это вѣрно. Весьма возможно, что Россія была бы счастливѣе, оставаясь въ предѣлахъ великорусской и въ крайнемъ случаѣ русской народности. Но какъ передѣлать исторію? Жизнь часто не вяжется даже съ логикой, а обернуть ее вспять нельзя. Такъ и Индія. Не мнѣ она нужна, какъ остритъ г. Сыромятниковъ (лично она мнѣ, по своему скверному климату, даже очень не понравилась), но если она окажется нужною для Россіи, вслѣдствіе велѣній судьбы, или точнѣе ложной политики англичанъ, то русскіе завоюютъ ее съ сухого пути такъ же легко, какъ англичане забрали ее легко съ моря.

По бытовымъ и историческимъ условіямъ Индія самостоятельною и независимою быть не можетъ: она должна принадлежать кому-либо, а никто на «доскахъ предопредѣленія» не прочелъ, что она непремѣнно должна принадлежать англичанамъ. Владѣли въ Индіи и греки, и арабы, и монголы, и португальцы, и голландцы, и персы, и французы, и англичане. Можетъ быть придетъ чередъ и для русскихъ...

*
* *

Англичане не оставляли мысль о фантастическомъ англо-русско-французскомъ соглашеніи. Въ «National Review» и »Fortnightly Review» появились новыя статьи на ту же тему одну изъ нихъ подписалъ даже какой-то «Русскій Дипломатъ». Лондонскій корреспондентъ «Новаго Времени» увѣряетъ, что проектъ англо-русскаго соглашенія будто бы такъ напугалъ

нѣмецкихъ журналистовъ, что они прекратили свою англофобскую агитацію.

Г. Русскій Дипломатъ, писалъ я, если онъ не миѳъ, лучше написалъ бы свои размышленія не по-англійски, а по-русски. Онъ узналъ бы тогда настроеніе русскаго общественнаго мнѣнія. О французскомъ и говорить нечего. Объ англо-французскомъ союзѣ можно говорить во Франціи развѣ въ шутку или такимъ фурналистамъ, какъ Ивъ Гюйо. Надняхъ еще, какъ бы въ подарокъ къ празднику Рождества—Christmas day, самому популярному для англичанъ, въ Парижѣ появился сборникъ «Paris—Pretoria», въ которомъ приняло участіе до полутораста депутатовъ разныхъ направленій и партій. Всѣ они выражаютъ свои горячія симпатіи бурамъ и одинаково свое негодованіе по адресу англичанъ.

У насъ также сочувствія къ послѣднимъ не видать. По поводу послѣднихъ отношеній я получилъ нѣсколько писемъ. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, подписавшійся Болгаринымъ, пишетъ съ негодованіемъ:

Надобно быть совсѣмъ слѣпымъ, чтобы не видѣть, не чувствовать цѣлый рядъ историческихъ и даже современныхъ событій и фактовъ, которые самымъ убѣдительнымъ образомъ намъ доказываютъ, что такое англичанинъ и насколько онъ можетъ быть другомъ и союзникомъ Россіи и русскому человѣку. Не нужно, думаю, ни философской мудрости, ни сверхъестественнаго труда, чтобы собрать и показать, какъ на ладони, все, что сдѣлала въ теченіе хотя бы прошлаго XIX столѣтія эта Англія какъ для Россіи, такъ и для славянъ вообще; какихъ только интригъ и мерзостей она не придумывала и не создавала вездѣ и всюду, гдѣ только могла и считала для себя это полезнымъ.

Болгаринъ положительно затрудняется отыскать народъ, который такъ или иначе не былъ бы обманутъ, обиженъ, ограбленъ или порабощенъ коварной и опасной Англіей.

Начиная съ Наполеоновскихъ войнъ и кончая современною возмутительною англо-бурскою войной, вездѣ и во всемъ прямо или косвенно чувствуется лукавый и жестокій перстъ Англіи. Кто подогрѣвалъ и поддерживалъ вражду и ненависть по всему европейскому континенту противъ Франціи своими деньгами, печатью, ловкими агентами, маскируя настоящія причины — эгоистическія цѣли, опасностью, будто бы грозящею всей Европѣ отъ диктаторства Наполеона? Англія. Кто былъ виновникомъ Сѣверо-американской междоусобной войны, стоившей нѣсколькихъ милліоновъ человѣческихъ жертвъ и коллоссальныхъ матеріальныхъ средствъ? Та же Англія. Кто подготовилъ и вызвалъ Крымскую кампанію, разорившую и ослабившую на долгое время Россію? Англія. Кто далъ денегъ и вооруженіе туркамъ въ послѣднюю русско-турецкую войну; кто укрѣплялъ Плевну, Шумлу, Филиппополь, Адріанополь и Босфоръ, стоившее все это около 200,000 убитыхъ и раненыхъ русскихъ сыновъ и полтора милліарда рублей? Англія. Кто разорвалъ С.-Стефанскій договоръ, занявъ Дарданелы своимъ флотомъ? Англія. Кто разстрѣливалъ, привязывая къ дулу орудія, по нѣсколько сотенъ несчастныхъ индусовъ, возставшихъ за свою родину? Англія. Кто тайный виновникъ недавняго армянскаго возстанія, стоившаго около 50,000 армянскихъ жертвъ? Англія. Кто тайный, закулисный виновникъ итальяно-абиссинской войны, опозорившей и разорившей Италію? Англія. Кто прикололъ 18,000 раненыхъ и безпомощныхъ на полѣ сраженія суданцевъ? Англійскій генералъ Китченеръ и его воины. Гдѣ, въ какомъ государствѣ ложь, обманъ, безцеремонное грабительство и захватъ чужого добра возведены въ героизмъ, гражданскую доблесть и въ государственную систему? Въ Англіи. Пальмерстонъ сказалъ: «Если даже 24 часа англійскіе государственные люди будутъ говорить

правду, то все англійское могущество разсыплется вдребезги». Кто и у кого хватило смѣлости защищать въ парламентѣ Турцію и ея правительство, допускавшее, даже напускавшее разныхъ баши-бузуковъ рѣзать болгаръ, какъ стадо барановъ, въ Перушицѣ, Панагурищѣ, Батакѣ и пр., гдѣ потомъ было собрано болѣе 20,000 дѣтскихъ головокъ? Англія. Кто, наконецъ, изъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ самый жестокій тиранъ и безчеловѣчный эксплоататоръ для разныхъ дикихъ, полудикихъ и просвѣщенныхъ народовъ: китайцевъ, индѣйцевъ, индусовъ, малайцевъ, арабовъ, египтянъ, суданцевъ, матабеловъ и пр., и наконецъ буровъ (знаменитые концентраціонные лагери)? Англія.

Англичане, — заключаетъ Болгаринъ, — никогда не могутъ и не будутъ друзьями русскимъ, такъ какъ между ними зіяетъ страшная пропасть и рано или поздно, а все-таки придется англичанамъ получить расплату, и именно отъ русскихъ, за всѣ творимыя злодѣянія и преступленія.

Эти горячія тирады любопытно сопоставить съ циничнымъ заявленіемъ редактора «National Review», что «хотя англійскіе правители слывутъ за границею послѣдователями Макіавелли, но всегда давались въ обманъ, какъ дѣти»... Хороши дѣти! Дѣти, скушавшія съ апетитомъ вмѣсто манной каши треть земного шара и истребившія хладнокровно въ «невинныхъ играхъ» милліоны людей!

Мнѣ доставлена статья уважаемаго кіевскаго профессора Чирьева, напечатанная въ «Кіевской газетѣ», по поводу письма поэта Жуковскаго о Пальмерстонѣ (соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. 6, стр. 181 и сл.), кото-

рое какъ будто бы написано сегодня. «На бѣду нашего вѣка и къ безчестію англійскаго народа (писалъ Жуковскій Паскевичу), рулемъ ея (Англіи) корабля управляетъ рука, недостойная такой чести и власти...» Если бы великій поэтъ пожилъ еще, замѣчаетъ проф. Чирьевъ, онъ увидѣлъ бы рулевого еще болѣе невѣроятнаго—Дизраэли, а теперь въ той же роли торгаша Чемберлэна...

Въ краснорѣчивомъ и полномъ негодованія письмѣ нашъ знаменитый поэтъ говоритъ, что «Англія, при всемъ своемъ народномъ величіи, не иное что, какъ всемірный корсаръ, сообщникъ, сперва потаенный, всѣхъ мелкихъ разбойниковъ, губящихъ явно и тайно въ другихъ народахъ порядокъ, а теперь и явный разбойникъ, провозглашающій, какъ послѣдній результатъ христіанской цивилизаціи, право сильнаго.

Смотря на то, что происходитъ передъ нами, мы уже можемъ сказать, что свобода Англіи начинаетъ гибнуть; уже для нея началась постыдная эпоха тиранства кесарей... Нашествіе варваровъ произойдетъ въ Англіи не извнѣ, а изнутри ея. Нельзя дѣйствовать беззаконно на внѣшность, не разрушая чувство законности внутри. Одинъ и тотъ же народъ (и кольми паче народъ, пріученный своею цивилизаціею все обсуждать собственнымъ разумомъ) не можетъ въ одно и то же время вѣрить въ правду относительно себя и оправдывать ея нарушеніе относительно другихъ.

«Пророческія слова!—восклицаетъ кіевскій профессоръ:—Гладстона уже нѣтъ. Число безсовѣстныхъ торгашей увеличилось. Партія виговъ уже распалась, и нынѣшній либеральный предводитель Розберри все-таки проповѣдуетъ продолженіе безбожной войны. «Увы, ни-

какія заигрыванія съ московскими промышленниками, что газеты называютъ «англо-русскимъ сближеніемъ», не спасутъ разлагающійся организмъ всемірной акулы!»

Такъ думаютъ не одни профессора. «Новое Время» недавно перепечатало изъ «Развѣдчика» выдержки изъ статьи генерала Драгомирова, въ которой доказывается, что политическая карьера «первой націи», т.-е. Англіи, уже сдѣлана и теперь она быстро, неудержимо быстро движется по наклонной плоскости внизъ. Самое же курьезное, что г. Сыромятниковъ (Сигма) въ своей книгѣ «Опыты русской мысли», изданной недавно, о политикѣ англичанъ выражается столь же рѣзко, изобличая ее въ коварствѣ и эгоизмѣ, что не мѣшаетъ ему теперь рекомендовать для Россіи союзъ съ Англіей!

* * *

Выше я выразилъ сомнѣніе, чтобы г. Русскій Дипломатъ, напечатавшій статью объ англо-русскихъ отношеніяхъ въ «National Review», рѣшился бы ее напечатать по-русски; я выразилъ даже сомнѣніе, дѣйствительно ли это русскій дипломатъ?

Судя по переводу, сдѣланному въ «Новомъ Времени», я убѣдился затѣмъ, что г. Русскій Дипломатъ несомнѣнно таковымъ, ни старымъ, ни молодымъ, никогда не былъ, хотя и передаетъ свои разговоры съ покойнымъ Жомини и говоритъ о документахъ въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Можно ли, будучи дипломатомъ, увѣрять напримѣръ, что «если мы разсмотримъ англо-русскія отношенія до Крымской войны, то увидимъ лишь *дружбу* и самыя лучшія отношенія. Англійскія и русскія знамена развѣвались рядомъ на поляхъ битвъ, англійскіе адми-

ралы командовали союзными русскими эскадрами и дипломаты обоихъ государствъ вмѣстѣ работали для поддержанія общаго мира и на благо своей родины»...

Можно ли такъ исказить всѣмъ извѣстные историческіе факты? Тамъ, гдѣ г. Русскій Дипломатъ видитъ «лишь дружбу и самыя лучшія отношенія», мы видимъ, что съ 1808 по 1812 г. Англія вела съ нами войну, разоряла наши берега и взяла у насъ 4 линейныхъ корабля, 6 фрегатовъ, 7 корветовъ и другія суда, въ томъ числѣ въ устьѣ Таго всю эскадру Сенявина.

Англійскія и русскія знамена «развѣвались рядомъ» слѣдующимъ образомъ.

Въ 1799 году русскій корпусъ Германа, не поддержанный во-время англійской арміею герцога Іоркскаго, былъ на голову разбитъ Брюномъ при Бергенѣ, за что Павелъ I и отозвалъ свои войска изъ Голландіи, примкнулъ къ Франціи и задумалъ казачій походъ въ Индію.

Въ 1827 г. русская эскадра Гейдена дралась рядомъ съ англійскою подъ Навариномъ подъ начальствомъ Кодрингтона, но англійское министерство «друга Россіи» Велингтона въ парламентѣ заявило, что Наваринъ былъ «прискорбною неожиданностью, несчастнымъ событіемъ»; сейчасъ же Кодринттона смѣстили и онъ остался до конца жизни въ немилости, хотя заявилъ въ 1835 г. въ парламентѣ, вопреки своего рапорта о сраженіи, что «русскіе моряки дали подъ Наварпнымъ несомнѣнныя доказательства своей неопытности и неспособности».

Единственное пятнышко въ англо-русскихъ отношеніяхъ за цѣлые вѣка г. Русскій Дипломатъ усматриваетъ только въ возмутительномъ поведеніи Англіи по отношенію къ грекамъ въ дѣлѣ Пачифико въ 1850 г. Но, «несмотря на подобный эпизодъ, мы можемъ утверждать, — говоритъ онъ, — что отношенія Россіи къ Англіи до Крымской кампаніи были самыми дружескими. Незначительныя столкновенія происходили отъ поры до времени, но они оканчивались обмѣномъ нотъ самаго мирнаго характера. Никогда Россія и Англія не забывали, даже во время наполеоновскихъ войнъ, *въ особенности* послѣ Тильзитскаго мира 1807 г., о своихъ взаимныхъ коммерческихъ интересахъ и о своей политикѣ, соединявшей ихъ уже нѣсколько вѣковъ»...

Это «въ особенности» очень мило. Да послѣ Тильзитскаго мира Англія не обмѣнивалась нотами, а объявила намъ войну и воевала четыре года, о результатахъ чего уже выше было сказано. Я забылъ прибавить, что Англія начала войну, не объявивъ ее намъ, а захвативъ русскія суда въ портахъ, а въ Портсмутѣ фрегатъ съ 3 мил. рублей денегъ. И въ періодъ Крымской войны она также арестовала всѣ строившіеся въ Англіи наши пароходы.

Затѣмъ нельзя назвать и «вѣковыя» отношенія «самыми дружественными». На англичанъ сердились уже Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ, они были изгнаны изъ Россіи при Алексѣѣ Михаиловичѣ; при Петрѣ они помогали враждебнымъ намъ шведамъ; при Елисаветѣ въ Семилѣтнюю войну держали сторону пруссаковъ.

Въ 1780 г. Россія была вынуждена объявить противъ нихъ знаменитый вооруженный нейтралитетъ. Въ 1792 г. Павелъ I наложилъ эмбарго на всѣ англійскія суда въ русскихъ портахъ съ громаднымъ между прочимъ грузомъ желѣза. Въ 1803 г. наше правительство объявило, что будетъ считать англійскихъ крейсеровъ въ Черномъ морѣ, по его мнѣнію закрытомъ, морскими разбойниками. Въ 1816 году принцъ-регентъ нарочно заставилъ прождать въ пріемной великаго князя Николая Павловича.

Въ Восточномъ вопросѣ Англія и до Крымской войны упорно дѣйствовала противъ насъ, начиная еще со второй турецкой войны Екатерины II; она обрѣзала новое греческое королевство, созданное Россіей, и когда мы, благодаря Ункіаръ-Искелескому договору 1833 г., забрали въ свои руки проливы, Англія своею настойчивою политикою заставила Россію по конвенціи 1841 г. отказаться отъ своихъ правъ въ Турціи, что и отозвалось на нашей шеѣ въ Крымскую войну.

Вся долголѣтняя политика Пальмерстона была явно враждебна Россіи. Недаромъ Брунновъ назвалъ его «человѣкомъ, созданнымъ богами въ наказаніе за наши грѣхи». Смѣлость Англіи доходила до того, что она черкесовъ признавала «воюющей стороной», и когда мы захватили «Витценъ», судно, доставлявшее горцамъ военную контрабанду, то англичане чуть не объявили намъ войну, доказывая, что восточный берегъ Чернаго моря, хотя уступленный Турціей, Россіи

не принадлежитъ, такъ какъ-де русскіе фактически его еще не завоевали!

Такова была «дружба». Той же политики держалась Англіи по отношенію къ намъ и въ Персіи. Въ 1810 г. Англія заключила съ находившейся съ нами въ войнѣ Персіей договоръ, дала ей офицеровъ и субсидію и, несмотря на то, что съ 1812 г. находилась съ нами въ мирѣ, лишила Россію значительной части выгодъ отъ побѣдъ Котляревскаго и Паулучи и заставила подписать невыгодный Гюлистанскій договоръ.

Но и этотъ договоръ былъ бѣльмомъ на глазу у англичанъ. Нессельроде, въ угоду имъ, просилъ Ермолова: нельзя ли что-нибудь отдать назадъ Персіи. Такія же настоянія были и къ Паскевичу, который изъ-за Англіи далеко не воспользовался результатами удачной войны 1827 г. Нессельроде писалъ ему: «умоляю васъ беречь англичанъ». Когда затѣмъ Персія попала подъ вліяніе Россіи, Англія отняла у нея въ 1837 г. Карракъ и заставила снять осаду Герата. Когда же въ 1856 г. Гератъ снова былъ взятъ, Англія объявила Персіи войну, отняла гавани на Персидскомъ заливѣ и надолго упрочила свое вліяніе въ Персіи въ противодѣйствіе нашему.

«Политическія традиціи и чувства, питаемыя Россіей къ Англіи,—говоритъ г. Русскій Дипломатъ,—были самымъ *невпроятнымъ* образомъ измѣнены войной, столь несправедливо объявленной въ 1853 г. Эта война была причиной *появленія* разныхъ жгучихъ вопросовъ въ Средней Азіи и, разумѣется, внесла большія

измѣненія въ русскую политику. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что императоръ Николай I былъ самымъ искреннимъ другомъ и сторонникомъ мира...»

Здѣсь опять что ни слово, то ошибка или извращеніе истины, а г. Русскій Дипломатъ взялъ еще эпиграфомъ изъ «Art Poétique» слова объ истинѣ. Во-первыхъ, война была намъ объявлена Англіей не въ 1853 г., а въ апрѣлѣ 1854 года. Во-вторыхъ, даже г. Мартенсъ признаетъ Николая не сторонникомъ мира, а «главнымъ виновникомъ Крымской войны».

Совершенно невѣрно также, что Крымская война была причиною появленія вопросовъ въ Средней Азіи, куда движеніе русскихъ, по словамъ г. Русскаго Дипломата, началось будто бы только съ 1863 г.

Извѣстно, что движеніе русскихъ въ Среднюю Азію началось еще съ Петра Великаго экспедиціей кн. Бековича-Черкасскаго. При Екатеринѣ гр. Войновичъ былъ посланъ для постройки укрѣпленія на восточномъ берегу Каспійскаго моря и открытія пути въ Индію. Съ тою же цѣлью въ 1802 году туркмены были приняты въ наше подданство и посланы экспедиціи Муравьева въ 1819 и 1821 гг. Александръ I въ 1816 г. приказалъ заявить въ Лондонѣ, что средне-азіатскія дѣла — «наши домашнія дѣла». Въ 1833 г. было построено Ново-Петровское укрѣпленіе, въ 1835 г.—экспедиція Карелина, въ 1842 г. занятъ Ашуръ-Аде и русскіе водворились въ Астрабадскомъ заливѣ.

Въ свою очередь шли движеніе и постройка укрѣ-

пленій въ земляхъ сибирскихъ и оренбургскихъ киргизовъ; въ 1839 и 1840 годахъ была совершена извѣстная Хивинская экспедиція; въ началѣ 50 годовъ мы уже забираемся въ кокандскія владѣнія — беремъ Акъ-Мечеть, заводимъ аральскую и сырь-дарьинскую флотиліи. Въ началѣ 60-хъ годовъ оставалось только сомкнуть Сибирскую линію съ Оренбургскою, чтобы большая часть Средней Азіи осталась въ нашемъ владѣніи. Мы смотрѣли и далѣе. Уже въ 1837 г. эмиръ афганскій Достъ-Магометъ прислалъ намъ посла, а мы въ свою очередь отправили въ Кабулъ Виткевича, что и было причиной англо-афганской войны 1839 г.

По существу положеній г. Дипломата я разбирать не буду, такъ какъ тѣ же положенія поставилъ и г. Сыромятниковъ въ своихъ статьяхъ, и я говорилъ о нихъ выше подробно. Разница только въ томъ, что г. Сыромятниковъ указывалъ, какою цѣною мы могли бы купить союзъ съ англичанами, господинъ же Дипломатъ указываетъ только, чего намъ желательно, объ англійскихъ же пожеланіяхъ онъ говоритъ весьма уклончиво, что напоминаетъ анекдотъ о евреѣ, который говорилъ: моя свадьба наполовину состоялась, я уже согласенъ жениться!

Конечно, могутъ возразить, что мы обезпечиваемъ только свое, предоставляя англичанамъ устраиваться въ остальной части земного шара какъ они знаютъ, но такое возраженіе несерьезно. Наша дипломатія ни на одну минуту не можетъ оставить безъ внима-

нія интересы остальныхъ великихъ державъ, Соединенныхъ Штатовъ, Японіи и Китая, которыхъ нельзя третировать какъ quantités negligéables.

Оставаясь исключительно на почвѣ исторической, не могу не обратить въ заключеніе вниманія еще на слѣдующее мѣсто въ статьѣ «National Review».

Г. Дипломатъ съ восторгомъ вспоминаетъ, что Георгъ III на прощальной аудіенціи сказалъ гр. Семену Воронцову, что «хорошій русскій долженъ быть хорошимъ англичаиномъ, а хорошій англичанинъ — хорошимъ русскимъ».

Если не видѣть въ этихъ словахъ обычной баналь-ной вѣжливости, то не нужно забывать, что англій-скій король произнесъ ихъ въ свѣтломъ промежуткѣ между двумя сумасшествіями, а Воронцовъ, хотя и честный человѣкъ, такъ понималъ свои обязанности, что Павелъ I вынужденъ былъ напомнить ему офи-ціально, чтобы онъ не забывалъ, что служитъ пред-ставителемъ не Англіи, а русскаго государя*).

По винѣ этого представителя, противника между прочимъ освобожденія Греціи, въ трактатѣ 1793 г. съ Англіей были умышлено выпущены принципы вооруженнаго нейтралитета, затѣмъ Россія отказалась отъ своихъ правъ на Мальту. Когда же Воронцова

*) Еще худшее мнѣніе о Воронцовѣ было заграницею. «Воронцовы, какъ хорошо извѣстно, англичане... Воронцовы не русскіе, и уже давно эта британская клика старалась продавать лондонскому кабинету національные интересы Россіи», писалъ Талейранъ представителямъ Франціи заграницею въ 1804 г.

уволили, то онъ выдалъ дочь за лорда Пемброка и остался навсегда въ Англіи.

Упаси Боже насъ отъ подобныхъ представителей за границею!

* * *

Совершенно какъ комендантъ Бѣлогорской крѣпости въ «Капитанской дочкѣ», который, по словамъ его жены, разберетъ праваго и виноватаго и обоихъ накажетъ, г. Алексѣй Порошинъ въ статьѣ «О недавнемъ спорѣ» въ «Новомъ Времени», доказавъ весьма убѣдительно, что неправъ былъ въ полемикѣ со мной объ англо-русскомъ союзѣ г. Сыромятниковъ, все-таки счелъ долгомъ сдѣлать и мнѣ нѣсколько замѣчаній за допущенныя будто бы ошибочныя толкованія дипломатической исторіи и другія прегрѣшенія.

Приходится, писалъ я, опять вернуться къ вопросу о политическихъ соглашеніяхъ. Прежде всего обращу однако вниманіе на два обстоятельства. Первое, что въ вопросахъ дипломатической исторіи доказать извѣстный тезисъ не всегда легко, потому что большинство документовъ остается тайною, мало кому доступною; пробѣлы пополняются частными письмами, сказаніями современниковъ, слухами газетъ; очевидно, тутъ остается всегда мѣсто для предположеній, сомнѣній и споровъ.

Другое обстоятельство, которое надобно имѣть въ виду, это точное пониманіе моихъ словъ объ услугахъ, оказанныхъ намъ Пруссіей и Германіей, въ противоположность малой для насъ пользы отъ англійской политики за три столѣтія. Я не утверждалъ, что, забывъ свои собственные интересы, Пруссія намъ благодѣтельствовала и являлась plus russe que les russes.

Пруссія не забывала вполнѣ великаго принципа Макіавелли: «Кто помогаетъ сосѣду, приготовляетъ себѣ погибель». Я указалъ только рядъ фактовъ, гдѣ наши интересы шли рука объ руку и могли впредь пойти и гдѣ мы выигрывали какъ отъ помощи, оказанной намъ Германіей, такъ и пользуясь коньюктурами ея политики.

Прежде всего, въ чемъ упрекаетъ меня г. Алексѣй Порошинъ—это, что я вѣрю г. Мартенсу, будто бы Пруссія оказывала намъ услуги въ Крымскую войну и если бы не было раздвоенія въ правительствѣ въ Берлинѣ, то можетъ быть и заступилась бы за насъ; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Пруссія собиралась-де играть роль предателя. Но и безъ г. Мартенса всякому извѣстно, что Пруссія оказала намъ большія услуги, нарушая нейтралитетъ и допуская провозъ оружія, пороха и прочей военной контрабанды. Что Пруссію считали на нашей сторонѣ, доказывается и тѣмъ, что союзники допустили ее съ трудомъ къ участію въ Парижскомъ конгрессѣ.

О роли Пруссіи въ Крымскую войну писано было много и помимо г. Мартенса. Записки Бисмарка проливаютъ не мало свѣта. Покойный дипломатъ Ротанъ написалъ объ этомъ цѣлую книгу: «La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée» *). Но и онъ, при

*) Ротанъ былъ секретаремъ французскаго посольства въ Берлинѣ во время Крымской войны, поэтому ему закулисная сторона дипломатическихъ переговоровъ того времени извѣстна была лучше чѣмъ кому-либо.

всемъ недоброжелательствѣ къ Германіи, нигдѣ не говоритъ о предательствѣ. Роль Пруссіи была скорѣе жалкая, безтолковая, безъ достоинства. Причиною тому обстоятельства.

Пруссія только-что вышла съ позоромъ изъ столкновенія съ Австріей. Россія не поддержала ее. Либеральная партія была рѣшительно противъ Россіи, командовавшей въ Пруссіи и въ мелкихъ германскихъ государствахъ съ 1813 г.; даже наслѣдный принцъ (будущій императоръ Вильгельмъ), ища популярности, былъ противъ Россіи. За послѣднюю стояли только феодалы, особенно Бисмаркъ, тогда посланникъ во Франкфуртѣ, что его и сдѣлало въ Петербургѣ persona gratissima. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, всегда мало разсудительный, въ это время, благодаря слабости, доставившей ему кличку Короля-Клико и доведшей его скоро до сумасшествія, совсѣмъ сталъ безхарактернымъ и безсвязнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Первый министръ его Мантейфель, въ душѣ врагъ Россіи, также отличался полною безхарактерностью, а тутъ какъ нарочно при дворѣ была сильная вліятельная аристократическая клика, тянувшая на сторону Англіи и Франціи. Можно себѣ представить при такомъ положеніи роль правительства и короля! Все было направлено, чтобы затянуть рѣшеніе и по возможности не стать ни на чью сторону. Всѣ эти миссіи Уздома Пурталеса, Гребена, Веделя и многіе др., о коварствѣ которыхъ говоритъ г. Алексѣй Порошинъ, имѣли цѣлью только выиграть время. О миссіи генерала

Гребена англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ: «Мнѣ прислали объяснить вещь необъяснимую человѣка, который не умѣетъ объясняться...»

Что Пруссія въ существѣ не была противъ Россіи, доказываетъ и то, что король сталъ гораздо любезнѣе къ намъ послѣ смерти императора Николая I, т. е. тогда, когда дѣла наши пошли гораздо хуже. Скорѣе это былъ удобный моментъ для предательства.

Г. Алексѣй Порошинъ сомнѣвается въ помощи, оказанной намъ Пруссіей въ 1863 году, ссылаясь на слова Бисмарка, что въ случаѣ неудачи Россіи роль усмирителя взяла бы Пруссія и осталась бы въ Царствѣ Польскомъ. Онъ находитъ слова эти «изумительными» по откровенности и презрѣнію къ намъ.

Между тѣмъ ничего изумительнаго тутъ нѣтъ. Польскій вопросъ такъ же важенъ для Пруссіи, какъ и для Россіи. И идея польскаго раздѣла принадлежала Пруссіи и безъ этого раздѣла не было бы современной Пруссіи. Бисмаркъ подтверждалъ только, что если бы Россія потеряла по своей слабости и полякующей политикѣ начала 60-хъ годовъ Царство Польское, то Пруссія не могла этого допустить и вынуждена была бы сама въ своихъ интересахъ занять край. Да тутъ и новаго не было бы ничего исторически: Варшава и Бѣлостокъ были уже прусскими городами, а весь Завислинскій край Николай I хотѣлъ отдать Пруссіи въ 1831 г. и былъ только остановленъ Паскевичемъ, предлагавшимъ лучше отдать край Пруссіи и Австріи, взявъ за это Мемель и малороссійскую часть Галиціи.

Въ 1863 г. Пруссія помогала намъ уже весьма существенно: она выставила на границѣ четыре полка, подтянула познанскихъ поляковъ и наконецъ подписала конвенцію, по которой инсургентовъ можно было свободно преслѣдовать на территоріи обоихъ государствъ. Эта конвенція вызвала страшное неудовольствіе въ Европѣ. Пруссія не присоединилась, конечно, къ дипломатическому походу противъ Россіи. Содѣйствіе Пруссіи въ польскомъ вопросѣ и положило начало скрѣпленію дружеской связи съ берлинскимъ дворомъ, послѣдствія которой прежде всего отразились на бѣдной Даніи, которую мы поддерживали лишь платонически, хотя едва двѣнадцать лѣтъ назадъ гарантировали ея цѣлость.

И по вопросу объ отказѣ отъ Парижскаго трактата г. Алексѣй Порошинъ отрицаетъ полезное участіе Пруссіи. Онъ говоритъ, что иниціатива Горчакова была, наоборотъ, непріятна Бисмарку и что трактатъ измѣнила Лондонская конференція.

Въ дѣйствительности дѣло было такъ. Отказаться отъ стѣснявшихъ насъ параграфовъ Парижскаго трактата первая предложила намъ Пруссія еще въ 1866 г. въ уплату за дружественный нейтралитетъ въ австро-прусскую войну. Александръ II не рѣшился принять это предложеніе. Наоборотъ, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ Европы, Горчаковъ въ октябрѣ 1870 г. объявилъ о желаніи Россіи отказаться отъ трактата. Такъ какъ война съ Франціей тогда еще далеко не была кончена, то понятно, что ни Виль-

гельмъ, ни Бисмаркъ не могли быть довольны поспѣшностью русскаго канцлера, соперничавшаго постоянно съ Бисмаркомъ и считавшаго послѣдняго своимъ ученикомъ. Во всякомъ случаѣ, когда англійскій уполномоченный Россель пріѣхалъ въ главную квартиру потребовать отъ Бисмарка категорическихъ объясненій по поводу русской декларації, то Бисмаркъ далъ понять, что Пруссія не будетъ поддерживать Англіи, и по его прлглашенію и была созвана въ Лондонѣ конференція, окончательно измѣнившая трактатъ.

Во всякомъ случаѣ, не будь войны 1870 г. и разгрома Франціи, не было бы существеннаго измѣненія трактата и Черноморскаго флота. Даже совершенно безсильное французское временное правительство въ Турѣ протестовало противъ измѣненія Парижскаго тарактата.

«Гдѣ г. Скальковскій прочиталъ текстъ послѣдняго австро-русскаго соглашенія», — иронически спрашиваетъ г. Алексѣй Порошинъ, и почему я такъ твердо говорю о томъ, что это соглашеніе закрѣпляетъ прежнія соглашенія съ Австро-Венгріей?

Конечно, я текста тайнаго соглашенія не читалъ, какъ не читали его и другіе, да оно кажется на бумагѣ никогда изложено не было. Но онъ не настолько тайна, чтобы не было кое-что извѣстно; о немъ было писано очень много въ газетахъ, а также произнесено не мало рѣчей въ палатахъ. Смыслъ заявленій всѣхъ компетентныхъ дипломатовъ и публицистовъ сводился къ тому, что новое соглашеніе закрѣпляетъ status quo

на Балканскомъ полуостровѣ, а это положеніе, конечно, можетъ опираться только на предыдущія соглашенія съ Австро-Венгріей въ Раштадтѣ, въ 1877 г., передъ созывомъ Берлинскаго конгреса. Въ этихъ соглашеніяхъ сфера непосредственнаго и косвеннаго вліянія обѣихъ державъ на Балканскомъ полуостровѣ выяснилась довольно точно. Тутъ-то и была причина неудовольствія Россіи противъ Германіи, приведшая мало-по-малу къ образованію тройственнаго союза. Во все время войны 1877 г. Россія хотя и пользовалась поддержкою Германіи, но находила, что та недостаточно энергично производитъ давленіе на Австро-Венгрію. Германія же въ своихъ интересахъ находила выгоднымъ, чтобы Австро-Венгрія не сокращала, а наоборотъ—расширяла свои интересы на Балканскомъ полуостровѣ, забывая о Германіи и Италіи.

Никогда не желалъ я также, какъ увѣряетъ мой оппонентъ, «превращенія Индіи въ русскую Бухару» и не преклонялся передъ героями «Journal de St.-Pétersbourg», т.-е. нашими дипломатами вообще, хотя и между ними были блестящія исключенія. Мою независимость въ этомъ отношеніи легко провѣрить, прочтя мою книгу «Внѣшняя политика Россіи», особенно ея введеніе. Объ Индіи же я уже сказалъ, что и не думаю о «необходимости присоединять ее къ Россіи», а доказывалъ только, что Индію не трудно теперь завоевать, легче, чѣмъ было завоевать 60 лѣтъ назадъ Бухару; мы тогда и до Хивы не могли добраться въ двѣ кампаніи.

Относительно моей рекомендаціи соглашенія съ Германіей въ вопросахъ колоніальныхъ и морскихъ г. Алексѣй Порошинъ говоритъ, что это соглашеніе «гомеопатическое... Это такъ много, что почти ничего», прибавляетъ онъ. Но, во-первыхъ, колоніальная политика имѣетъ первоклассное значеніе для нашей союзницы Франціи, интересы которой тѣсно теперь связаны съ нашими. Затѣмъ, заморская политика очень важна и непосредственно для Россіи, для нашихъ отношеній къ Соединеннымъ Штатамъ, къ Японіи, къ морскому берегу Китая, для нашихъ отношеній къ Сіаму, для крейсерской войны, для охраненія береговъ Тихаго океана въ Восточной Сибири, для сбереженія свободнаго морского пути черезъ Суэзскій каналъ и вообще для нашего большого каботажа.

Если все это для г. Алексѣя Порошина «почти ничего», то что же онъ ставитъ серьезной задачею для нашей дипломатіи?

*
* *

За мои статьи ополчились на меня съ разныхъ сторонъ, и я крайне сожалѣю, что мой отѣздъ изъ Петербурга сильно замедлялъ для меня возможность отвѣчать въ «Новомъ Времени» своевременно и безотлагательно. Даже въ «Times» я прочелъ, что я давній ненавистникъ Англіи!

Упрекъ напрасный. Я, напротивъ, былъ всегда почитателемъ Англіи, а англичанъ при всемъ патріотизмѣ считаю первою націею по трудолюбію, находчивости, дѣловитости. Каждый, даже самый маленькій народъ имѣетъ свои достоинства. Англичане не только со-

здали англійскую конституцію, Шекспира, политическую экономію, какъ науку, желѣзныя дороги, но и въ дрессировкѣ собакъ и въ откармливаніи свиней опередили всѣ народы, хотя въ блескѣ и изяществѣ уступаютъ, конечно, французамъ и итальянцамъ. Стоитъ проѣхать кругомъ свѣта, чтобы оцѣнить, что за народъ англичане. «Здоровая нація», какъ говорилъ одинъ архіерей Лѣскову. Итакъ я не врагъ Англіи, я только противникъ союза Россіи съ Англіей, и именно потому, что англичане очень ужъ умны и всѣхъ считаютъ дураками...

Споры объ англо-русскомъ союзѣ повлекли къ полемикѣ и по другимъ вопросамъ. Нѣкто г. N. N., разбирая вопросъ объ Остъ-Индіи и о значеніи ея для Россіи, совершенно напрасно, подобно г. Сыромятникову, приписалъ мнѣ желаніе во что бы то ни стало завоевать и присоединить Остъ-Индію къ Россіи и доказать публикѣ выгодность отъ такого завоеванія.

Никогда и нигдѣ я не писалъ и не проповѣдывалъ, что намъ нужно, точно монголамъ, встать да и пойти и забрать Индію. И въ описаніи моего путешествія, и въ разныхъ статьяхъ за тридцать лѣтъ, и въ моей книгѣ «Внѣшняя политика Россіи», гдѣ Индіи посвящена большая XXV глава, я, напротивъ, разъяснялъ и трудность покоренія Индіи, и неудобства, связанныя съ ея обладаніемъ.

Я утверждалъ только одно, что напрасно англичане морочатъ насъ непреодолимыми будто бы трудностями завоеванія и тягостями управленія Индіей. Если бы,

по условіямъ европейской политики и въ случаѣ войны съ Англіей, намъ понадобилось занять Индію, то это сдѣлать возможно. Особенно это облегчилось въ послѣднее время съ постройкою средне-азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, а отчасти и съ постройкою Западно-Сибирской желѣзной дороги, съ образованіемъ на Кушкѣ желѣзнодорожнаго парка, со включеніемъ Бухары и Памира въ наши владѣнія и съ распространеніемъ вліянія Франціи въ Индо-Китаѣ. Дружественныя сношенія съ Сіамомъ и Тибетомъ также обстоятельства, для насъ благопріятствующія.

Какъ сдѣлать Индію счастливою — я не знаю, но управлять Индіей очень легко. Для этого, какъ и вездѣ въ Азіи, требуется большая палка и то дипломатическое лукавство, которое, возстановивъ одну національность противъ другой, одно сословіе противъ другого, въ концѣ-концовъ ихъ нейтрализуетъ и дѣлаетъ покорными слугами въ рукахъ сильной власти.

Такова политика голландцевъ на Явѣ и Зондскихъ островахъ, англичанъ въ Индіи. Дюплэ, Лабурдоне, Клайвъ, Уаренъ Гастингсъ завоевали Индію съ горстью европейцевъ. Неужели дѣйствительно эта горсть опрокинула десятки милліоновъ туземцевъ? Нисколько, и Лабурдоне, и Клайвъ, и Гастингсъ искусно пользовались содѣйствіемъ самихъ индусовъ, возстановляя одну часть населенія или одного государя противъ другой или другого.

Изобрѣтеніе этой политики приписываютъ Дюплэ (Duplaix), но несправедливо. Буквально той же поли-

тикой руководствовались Кортесъ въ Мексикѣ, Пизарро въ Перу, да и ранѣе разные греки и римскіе политики. Принципъ divide et impera не новъ, да и ничто не ново подъ солнцемъ, сказалъ Соломонъ ранѣе Анатоля Франса.

Но если возможность, въ случаѣ безотлагательной нужды, завоевать Индію вовсе не фантазія, а весьма реальная политическая и военная комбинація, которую Россія можетъ держать спокойно про запасъ, то иначе какъ фантазіей я не могу назвать предложеніе г. NN. дать Индіи независимое существованіе.

Онъ спрашиваетъ: почему 260 милліоновъ народа древней культуры не имѣютъ права на самостоятельную жизнь?

А потому, что единство Индіи невозможно. Добиваться этого такъ же нельзя, какъ думать, что когда-либо будетъ государство, называемое Европа, и что португальцы, турки, шведы и самоѣды сольются въ одну народность, въ одну единую страну.

Индія—по составу своего населенія, по числу религій, сектъ и языковъ, по бытовымъ условіямъ и культурѣ—гораздо болѣе сложный организмъ, чѣмъ Европа. Въ Индіи нѣтъ и прежде никогда не было никакого единства ни въ политическомъ, ни въ соціальномъ или религіозномъ отношеніяхъ. Никакой индійской націи не существуетъ и выраженіе «индійскій народъ», сочиненное нѣкоторыми индусскими революціонными журналистами,—безсмыслица. Наша цивилизація сглаживаетъ еще національныя различія

европейцевъ, тогда какъ въ Индіи всѣ національныя отличія рѣзко сохраняются. Въ Индіи есть племена, не вышедшія еще изъ культуры каменнаго періода, и есть племена, образованные люди которыхъ ничѣмъ не отличаются отъ европейцевъ.

Да и индійскіе патріоты не требуютъ невозможнаго объединенія, а напротивъ раздѣленія Индіи на нѣсколько особыхъ совершенно независимыхъ государствъ, понимая, что нельзя образовать одну и ту же націю изъ сейковъ и бенгальцевъ. Англичане также избѣгаютъ въ управленіи Индіей однообразія.

Г. NN. въ доказательство возможности единства Индіи приводитъ «золотой вѣкъ» Викрамадитьи и Саливагана. Но меня этими неудобьсказуемыми именами не испугаешь. Саливагана или точнѣе Шаливагана царствовалъ только надъ восточнымъ Деканомъ, а Викрамадитья — въ части Западной Индіи да въ Раджпутанѣ, Кашмирѣ и Пенджабѣ. Отъ этого далеко до нынѣшней англійской Остъ-Индіи, да и время властвованія этихъ полулегендарныхъ героевъ, особенно послѣдняго, примѣрно семнадцать или восемнадцать вѣковъ назадъ, даже въ точности неизвѣстно. Какой же они намъ указъ?

Еще маленькая поправка. Миклуха Маклай хотѣлъ устроить русскую колонію не на Новой Зеландіи, какъ говоритъ г. NN., а на Новой Гвинеѣ. Идеей этой воспользовались нѣмцы. Пріобрѣтеніе послѣдними архипелага Самоа, вопреки тому, что писалъ ранѣе г. Сыромятниковъ, выгодно для Россіи, давая при случаѣ

лишній опорный пунктъ нашимъ крейсерамъ. А то чуть не вся Австралія принадлежала англичанамъ.

*
* *

Въ иронической статьѣ своей «Нашимъ завоевателямъ Индіи», отчасти направленной по моему адресу, г. Сыромятниковъ жаловался, что ему приходится знакомиться съ Индіей по путешествію Афанасія Никитина въ концѣ XV вѣка а русское общество ничего не знаетъ, кромѣ старыхъ именъ и анекдотовъ, такъ какъ у насъ будто-бы нѣтъ ни одной сколько-нибудь серьезной книги объ Индіи.

Упрекъ этотъ сильно преувеличенъ. Конечно, у насъ нѣтъ ничего подобнаго англійской литературѣ объ Индіи, но это и понятно, потому что Индія одна изъ важнѣйшихъ составныхъ частей Британской имперіи. Но нельзя сказать, чтобы наши общество и литература совсѣмъ ужъ не интересовались Индіей.

Въ 40-хъ годахъ XIX ст. Голубковъ издалъ цѣлый рядъ переводныхъ книгъ объ Индіи гр. Э. Варрена, Біернштерна; Барту де-Пеноэна, Бернса, Неймана и др. Книги эти въ томъ, что касается исторіи остъ-индской компаніи, климата, нравовъ и проч., и до сихъ поръ могутъ быть прочтены съ пользою. Тогда же появились извѣстныя «Письма объ Индіи» кн. Салтыкова.

Въ 60-хъ годахъ былъ изданъ «Кабулистанъ» Риттера въ переводѣ В. В. Григорьева, съ дополненіями, которыя вчетверо обширнѣе нѣмецкаго текста и заключаютъ обширный матеріалъ по сѣверо-западной Индіи, о походахъ въ Индію и проч.

Къ 70-мъ годамъ относится «Очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи» Венюкова, обстоятельный статистическій очеркъ между прочимъ и Индіи, и «Очерки Цейлона и Индіи» покойнаго санскритолога Минаева, два года прожившаго въ Индіи. Онъ вообще не мало писалъ объ этомъ. Въ 1870 г. были напечатаны въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ отдѣльной книгѣ отрывки и изъ моихъ путевыхъ впечатлѣній по Индіи, гдѣ я былъ въ 1871 г.

Въ 80-хъ годахъ были изданы: переводъ книги Русселя «Живописная Индія», «Очеркъ путешествія по Гималаямъ» въ 2 томахъ В. Верещагина, «Вокругъ свѣта» дипломата и оріенталиста Пашино (первый томъ книги описываетъ двукратное путешествіе автора по Индіи), «Изъ пещеръ и дебрей Индостана», хотя частью и фантастическая, но весьма любопытная по многимъ подробностямъ книга Радда-Бая (г-жи Блаватской), «Путешествія» Лидіи Пашковой и Крестовскаго, книжка Молчанова.

Въ 90-хъ годахъ былъ изданъ Ильинымъ переводъ извѣстной обширной географіи Реклю, резюмирующій все новое по орографіи, геологіи и этнографіи Индіи. Кромѣ переводной книги Маеля въ это десятилѣтіе появлялся рядъ оригинальныхъ книгъ объ Индіи: кн. Ухтомскаго «Путешествіе Государя Императора Николая II по Востоку», де-Волана «По бѣлу свѣту», описывающее между прочимъ Бирму, профессора Краснова о «Чайныхъ округахъ Ость-Индіи», путешествіе князя и княгини Щербатовыхъ «По Индіи и Цейлону»,

книга Ольденберга о «Буддизмѣ» и др. по тому же вопросу.

Въ самое послѣднее время напечатаны изслѣдованія гг. Лебедева—«Въ Индіи» и Новицкаго о «Положеніи Индіи въ военномъ отношеніи и о планахъ завоеванія Индіи», изслѣдованіе Е. И. Ламанскаго о «Неурожаяхъ въ Индіи» и его же «Индія», содержащее прекрасное резюме всѣхъ новѣйшихъ финансовыхъ и экономическихъ изслѣдованій объ Индіи. Я не могу даже объяснить себѣ, почему позабылъ объ этой книгѣ г. Сыромятниковъ, такъ какъ г. Ламанскій приходитъ къ однородному съ послѣднимъ выводу о благодѣтельномъ вообще вліяніи англичанъ въ Индіи. Впрочемъ и я грѣшный не могъ лично не убѣдиться, хотя это было еще 30 лѣтъ назадъ, сколько полезнаго сдѣлали англичане въ Индіи.

Нужно прибавить сюда безчисленное множество статей и кореспонденцій въ журналахъ и газетахъ: между прочимъ «Военный Сборникъ» постоянно сообщалъ о всемъ, касавшемся военной части въ Индіи, а «Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли» чуть не каждую недѣлю печатаетъ всѣ новѣйшія данныя по статистикѣ и финансамъ Индіи.

Нельзя послѣ этого сказать, что наше общество или точнѣе люди, читающіе только по-русски, знаютъ теперь объ Индіи меньше, чѣмъ знали въ XV столѣтіи.

*
* *

Кромѣ индѣйскаго спора завязался въ «Новомъ Времени» и другой—о морякахъ Екатерины II. Давно было сказано, что, «вырвавъ у человѣка двѣ строчки изъ его письма, можно его довести до висѣлицы». Такъ и г. Н. Ив. въ статьѣ своей «Чесменскій бой», выписавъ изъ моего возраженія г. Сыромятникову, что Англія въ войну 1769—1774 гг. намъ отчасти помогала, что Грейгу и др. англичанамъ Чесменскій бой болѣе обязанъ, чѣмъ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, и что русскіе корабли «едва дотащились до Архипелага», вывелъ изъ этого, что я будто бы отрицаю всѣ заслуги русскихъ моряковъ (замѣтьте, Орловъ вовсе моряком не былъ), что Англія была нашею союзницею въ войнѣ, что Англія даже участвовала въ ней своимъ флотомъ и т. п.

Ничего подобнаго я, конечно, написать не могъ, да ничего подобнаго въ моей етатьѣ и не было.

Если мое краткое изложеніе показалось кому-либо неяснымъ (я не писалъ собственно о войнѣ), то г. Н. Ив. недурно сдѣлалъ, что написалъ кое-какія поясненія и напомнилъ подвиги русскихъ людей, но совсѣмъ напрасно приписано мнѣ желаніе унижать эти подвиги и сдѣлаться только отголоскомъ сочиненія англичанина Кларка, который приписалъ успѣхъ морского похода 1770 г. исключительно англійскимъ морякамъ.

Г. Н. Ив. ломится въ открытую дверь. Всегда я уважалъ все славное въ русской исторіи и подвиги русскихъ моряковъ въ частности, кое-что даже объ этомъ написалъ. Но какъ человѣку, много занимавшемуся морскими вопросами, мнѣ достаточно извѣстны

и грустныя страницы исторіи русскаго флота, и то небреженіе, съ которымъ относились къ нему цѣлые вѣка, особенно въ періодъ со смерти Петра I до царствованія Николая I.

Обратимся къ фактамъ. Что Англія дружила съ нами въ войну 1769—1774 гг., не отрицаетъ и г. Н. Ив. Нельзя назвать нейтральною державу, которая позволяетъ въ своихъ портахъ во время войны одной изъ воюющихъ сторонъ покупать и зафрахтовывать военныя суда, чинить ихъ, вооружать и принимать на военную службу своихъ подданныхъ. Спора тутъ значитъ нѣтъ, да и мои слова подтверждаются самою Екатериною, писавшею, что англійское правительство оказало намъ «потачку, которая намъ была очень полезна» и грозила «поднять противъ англійскаго правительства внутреннее неудовольствіе».

Теперь къ словамъ: «русскіе едва дотащились». Русскій флотъ пошелъ двумя эскадрами. Орловъ ждалъ ихъ въ Италіи. Эскадра Спиридова оставила Кронштадтъ въ іюлѣ 1769 г. и, несмотря на настоянія императрицы, только въ сентябрѣ ушла изъ Копенгагена, гдѣ уже чинилась, а одинъ корабль былъ оставленъ и замѣненъ новымъ. Въ сборное мѣсто въ Портъ Магонъ эскадра пришла только въ декабрѣ, но изъ 7 кораблей, 1 фрегата, 1 бомбардирскаго судна, 4 пинокъ и 2 пакетботовъ дошли только 4 корабля и 4 мелкихъ судна; остальные или числились по дорогѣ, или погибли. «Когда вы, писала Екатерина II Спиридову,—въ пути съѣдите всю провизію, то вся

экспедиція ваша обратится въ стыдъ и безславіе ваше и мое. Прошу васъ для самого Бога: соберите силы душевныя и не допускайте до посрамленія передъ цѣлымъ свѣтомъ!»

Другая эскадра Эльфинстона, выйдя въ октябрѣ 1769 г., только въ маѣ слѣдующаго года дошла до береговъ Мореи, причемъ по дорогѣ всѣ суда были въ Англіи введены въ докъ для починки, а корабль «Святославъ» совсѣмъ передѣланъ.

Слѣдовательно и въ вопросѣ о переходѣ я не былъ неправъ.

Въ плохихъ качествахъ нашихъ судовъ были виноваты не англичане, а то, что суда въ Россіи плохо вообще строились, изъ сырого лѣса, и что въ адмиралтействахъ господствовало поголовное воровство. Вмѣсто сквозныхъ болтовъ употреблялись иногда гвозди и деревянные нагели. Течь въ русскихъ судахъ отъ разошедшейся обшивки была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, даже бимсы отходили отъ своихъ мѣстъ. Случалось, что корабль, спущенный въ воду, углублялся настолько противъ расчета, что съ него снимали даже часть пушекъ. Въ штормъ суда ложились на бокъ и приходилось рубить мачты. Такелажъ, паруса, якоря — все было плохого качества; пушки постоянно разрывались и пугали команду; на всѣхъ корабляхъ была нечистота, испорченная вода и гнилая провизія, не было даже лазаретовъ.

Въ эскадрѣ Спиридова на пути до Копенгагена уже умерло 54 и заболѣло 300 человѣкъ; на пути до Англіи

число больныхъ увеличилось до 700, а при переходѣ до Лисабона на одномъ кораблѣ было 200 больныхъ!

Употребленіе мѣдной обшивки тогда не было извѣстно и нашу эскадру для предохраненія отъ червей обшили тонкими сосновыми досками по войлоку, почему суда потеряли ходъ. Что вину въ такихъ качествахъ судовъ не должны дѣлить съ русскими состоявшіе на русской службѣ англичане, какъ полагаетъ г. Н. Ив., доказывается тѣмъ, что корабль «Три Іерарха», строившійся въ Петербургѣ подъ надзоромъ Грейга, одинъ только и и дошелъ до о. Минорки въ полной исправности, почему и былъ посланъ сейчасъ же въ Ливорно за графомъ Алексѣемъ Орловымъ. Его сопровождалъ пакетботъ «Почтальонъ», но по дорогѣ утонулъ.

Для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Архипелагѣ намъ приходилось, за плохимъ качествомъ собственныхъ судовъ, неудобныхъ для крейсированія, покупать и нанимать суда въ Англіи, обращать въ военныя суда призы, взятые у турокъ, и суда греческихъ арматоровъ. Мы пользовались, за неопытностью своихъ, и содѣйствіемъ отличныхъ греческихъ и далматинскихъ моряковъ: двухъ Войновичей, двухъ Алексіано, Ризо, Псари и друг.

Вообще о дѣйствіи и роли иностранцевъ въ нашемъ флотѣ вотъ что пишетъ лучшій его историкъ покойный Ѳ. Веселаго:

«Для возбужденія между служащими соревнованія и стремленія къ усовершенствованію своего дѣла од-

нимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ было приглашеніе на службу въ русскій флотъ иностранныхъ морскихъ офицеровъ и отправленіе нашихъ въ иностранные флоты. Такіе превосходные, отлично знающіе свое дѣло, образованные и храбрые боевые моряки, какими оказались англичане Грейгъ и Тревенинъ и голландецъ Кингсбергенъ, были во всѣхъ отношеніяхъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашего флота. Ихъ дѣятельность въ мирное время, а тѣмъ болѣе во время войны, могла служить превосходнымъ примѣромъ для подражанія нашимъ морякамъ»...

Графъ Алексѣй Орловъ скорѣе игралъ роль дипломатическую: морякомъ онъ не былъ и принялъ начальство надъ флотомъ, чтобы прекратить ссоры начальниковъ отдѣльныхъ эскадръ. «Въ морскомъ отношеніи, по словамъ того же Веселаго, главнокомандующій руководился совѣтомъ С. К. Грейга». Веселаго прибавляетъ, впрочемъ, что Алексѣй Орловъ не былъ единственнымъ диллетантомъ въ архипелагской эскадрѣ: братъ его графъ Ѳедоръ Григорьевичъ и генералы князь Долгорукій и Ганнибалъ также «претендовали на совѣты и даже на начальство».

Если Грейгъ былъ дѣйствительнымъ руководителемъ экспедиціи, то въ боѣ при Чесмѣ онъ былъ и начальникомъ. Чесменскій бой состоялъ изъ двухъ частей: битвы въ Хіосскомъ проливѣ; гдѣ особенно отличился корабль «Евстафій», и собственно истребленія турецкаго флота при Чесмѣ. Атаку здѣсь велъ отрядъ подъ начальствомъ Грейга; отрядъ состоялъ изъ четырехъ

кораблей, 2-хъ фрегатовъ, бомбардирскаго корабля и четырехъ брандеровъ. Слѣдовательно сказать, что Грейгу скорѣе, чѣмъ Орлову, мы обязаны Чесмою,— тоже, кажется, ересью съ моей стороны не было.

Современники лучше могли судить о роли иностранцевъ и успѣхъ боя приписывали и Эльфинстону. Де Корберонъ, секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ, въ своемъ дневникѣ (Un diplomate français à la cour de Catherine II) 4 апрѣля 1776 г., т. е. меньше шести лѣтъ послѣ Чесьмы, пишетъ, что Эльфинстону обязана Россія болѣе всего чесменскою побѣдою и если бы ему не помѣшали, то онъ пришелъ бы въ Константинополь. Свѣдѣнія объ Эльфинстонѣ сообщилъ ему Пикте, швейцарецъ, состоявшій секретаремъ Григорія Орлова.

Эльфинстонъ былъ человѣкъ, что называется, безпокойный. Онъ собственною властью разжаловалъ одного командира судна въ лейтенанты. Когда его послали въ Италію и онъ тамъ узналъ объ интригахъ въ Петербургѣ, проникшихъ въ газеты, то явился въ столицу и потребовалъ отставки, не дожидаясь которой, облекся въ мундиръ англійскаго капитана. Получивъ ее не въ той формѣ, въ какой ожидалъ, онъ вернулъ указъ и поставилъ на своемъ. Получивъ въ это время приглашеніе отъ президента адмиралтействъ коллегіи гр. И. Чернышева любезное приглашеніе къ обѣду, онъ разорвалъ его и отвѣчалъ надѣлавшимъ много шуму письмомъ, что человѣкъ, какъ онъ, не связывается съ людьми вродѣ Чернышева.

По поводу «Евстафія», который взлетѣлъ на воздухъ, надобно замѣтить, что командиръ его Крузъ взлетѣлъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Храбрый офицеръ, онъ отличался жестокостью. Сброшенный при взрывѣ въ воду, онъ ухватился за плававшій обломокъ. Одна изъ шлюпокъ, подбиравшая людей, подошла къ нему, но матросы, не любившіе его за жестокое обращеніе, не хотѣли спасать его: одинъ даже ударилъ Круза весломъ по головѣ. Между гребцами нашелся однако сострадательный матросикъ, который уговорилъ товарищей, и Крузъ былъ спасенъ. Этотъ эпизодъ рисуетъ нравы тогдашняго флота. Они поражали своею грубостью: крайній деспотизмъ — съ одной стороны, распущенность и своеволіе — съ другой. Неповиновенію команды обязаны мы были потерею корабля «Святославъ», взятаго тогда турками у Дарданеллъ, что послужило къ обвиненію Эльфинстона.

Сама Екатерина писала о своемъ флотѣ послѣ одного смотра: «У насъ излишество кораблей и людей, но нѣтъ ни флота, ни моряковъ... Все выставленное на смотръ было изъ рукъ вонъ плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный». А графъ Алексѣй Орловъ, увидя присланные ему русскіе корабли, писалъ императрицѣ:

«Признаюсь чистосердечно, увидя столь много дурныхъ и безполезныхъ въ оной службѣ, такое великое упущеніе, незнаніе и нерадѣніе офицерское и лѣнь, неопрятность всѣхъ людей морскихъ, волосы дыбомъ

поднялись, а сердце кровью облилось. Командиры не устыдились укрывать недостатки и замазывать гнилое красками. Дошло до того, что ни провіанту, ни денегъ у себя ничего не имѣютъ. Признаться должно, что если бы всѣ службы были въ такомъ порядкѣ и незнаніи, какъ и эта морская, то бѣднѣйшее было бы наше отечество»...

Но и самъ Орловъ, такъ критиковавшій другихъ, далеко не безупреченъ въ своей военной дѣятельности. Не онъ ли, поднявшій прежде времени морейскихъ грековъ, оставилъ ихъ безъ церемоніи на произволъ судьбы и на жестокія репрессаліи турокъ, оправдываясь тѣмъ, что «здѣшніе народы льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы къ деньгамъ и добычѣ». Свои же военныя способности онъ оцѣнилъ, описывая Екатеринѣ II хіосское сраженіе. «Увидя оное сооруженіе (турецкій флотъ изъ 16 линейныхъ кораблей), ужаснулся я и былъ въ невѣдѣніи, что мнѣ предпринять должно»... Онъ не рѣшился также атаковать Дарданеллы, укрѣпленія которыхъ, по словамъ извѣстнаго барона Тотта, который ихъ укрѣплялъ, были въ самомъ жалкомъ видѣ.

Я бы могъ еще и много другого сказать о роли Орлова, но во всякомъ случаѣ, не будь графъ Алексѣй Григорьевичъ фаворитомъ и не играй онъ такой роли въ Ропшинской драмѣ, онъ не удостоился бы и половины полученныхъ отличій. Даже столь осторожный Соловьевъ слегка иронически относится въ своей исторіи къ морской карьерѣ Орлова.

По адресу г. Мартенса.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я въ № 8881 «Новаго Времени» статью «Международное право и его толковники», касающуюся нашего извѣстнаго авторитета по международному праву г. Мартенса. Я очень уважаю г. Мартенса, какъ трудолюбиваго ученаго и талантливаго писателя,—хотя онъ въ своихъ трактатахъ смѣшиваетъ Западную Двину съ Нѣманомъ и великаго князя Константина Павловича называетъ намѣстникомъ Царства Польскаго,—я усердно пользовался его трудами, между прочимъ, для своей книги «Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ», но уваженіе къ знаніямъ не исключаетъ сильнаго недовѣрія къ мнѣніямъ г. Мартенса.

Въ доказательство того, какъ мало слѣдуетъ увлекаться толкованіями г. Мартенса на почвѣ практической дипломатіи, могу привести слѣдующій примѣръ, повидимому у насъ никому неизвѣстный, хотя весьма поучительный.

Г. Мартенсъ былъ выбранъ суперъ-арбитромъ въ весьма важномъ и продолжительномъ спорѣ между Англіей и республикой Венецуэла о границахъ по р. Пумаронъ въ бассейнѣ Ореноко, одной изъ богатѣйшихъ территорій въ свѣтѣ. Благодаря вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ, едва не объявившихъ Англіи войну, дѣло было предоставлено рѣшенію тре-

тейскаго суда. Суперъ-арбитромъ, т.-е. окончательнымъ рѣшителемъ спора и судьею заключеній первоклассныхъ авторитетовъ международнаго права, съ согласія русскаго правительства, былъ назначенъ г. Мартенсъ. Онъ и рѣшилъ долголѣтній споръ, но какъ?

«Ничесо же сумняшеся», г. Мартенсъ провелъ новую границу англійскихъ владѣній съ венецуэльскими на большомъ протяженіи по бразильской территоріи!! Между тѣмъ Бразилія имѣетъ въ одной части этой территоріи давній споръ съ Венецуэлой, который уже предоставленъ третейскому рѣшенію, а въ другой части споритъ съ Франціей и, отстаивая безусловно свои права, не соглашается на третейское разбирательство. Неосмотрительное рѣшеніе г. Мартенса очевидно какъ бы предрѣшаетъ разрѣшеніе обоихъ спорныхъ вопросовъ не въ пользу Бразиліи. Послѣдняя, помимо своей воли, является страдательнымъ лицомъ въ столкновеніи, которое вовсе ея не касалось.

Такова юридическая сообразительность профессора Мартенса.

Рѣшеніе его совершенно напоминаетъ поступокъ тѣхъ двухъ извозчиковъ, которые, переругавшись между собою, въ отместку стали колотить не другъ друга, а сѣдоковъ одинъ у другого.

Понятно, бразильское правительство протестовало противъ подобнаго рѣшенія и заявило въ прекрасно написанной нотѣ, что оно не думаетъ поступаться своими державными правами и знать не желаетъ рѣшеній г. Мартенса, котораго оно вовсе не просило

и не уполномачивало разбирать ея территоріальные споры.

Я обращаю на это вниманіе потому, что читалъ въ газетахъ о выборѣ г. Мартенса представителемъ Россіи въ постоянную конференцію гаагскаго мирнаго конгресса. Если и въ этой конференціи нашъ ученый будетъ дѣлать подобныя же толкованія международныхъ вопросовъ, то можно заранѣе поздравить конференцію и предсказать, что изъ ея трудовъ ничего не выйдетъ.

Въ заключеніе позволю себѣ сдѣлать маленькую поправку и къ статьѣ «Новаго Времени»,—поправку, которая впрочемъ усиливаетъ замѣчаніе о неприличіи присвоеннаго «Monthly Review» г. Мартенсу званія. Privy Councillor въ Англіи не соотвѣтствуетъ званію статсъ-секретаря въ Россіи, которое есть только титулъ, въ родѣ генералъ-адъютанта, и даетъ лишь одно право, почти на практикѣ не примѣняемое, объявлять словесныя высочайшія повелѣнія. Скорѣе Privy Councillor соотвѣтствуетъ у насъ званію члена комитета министровъ не изъ министровъ. По англійскимъ конституціоннымъ порядкамъ, король управляетъ въ законодательномъ отношеніи черезъ парламентъ (King in Parlament), въ административномъ—черезъ тайный совѣтъ (King in Private Council), хотя въ дѣйствительности исполнительная власть принадлежитъ въ Англіи почти непредусмотрѣнному конституціей кабинету, и тайный совѣтъ собирается очень рѣдко.

*
* *

На эту замѣтку г. Мартенсъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ въ редакцію «Новаго Времени»:

«М. Г. На статью вашей газеты «Международное право и его толкователи» я рѣшилъ ничего не отвѣчать. Но получивъ сегодня вечеромъ сегодняшній нумеръ «Нов. Вр.» съ письмомъ г. Скальковскаго, я принужденъ измѣнить мое рѣшеніе, ибо г. Скальковскій касается не только меня лично, но также почтенныхъ американскихъ и англійскихъ членовъ засѣдавшаго въ Парижѣ третейскаго трибунала по спору между Англіею и Венецуэлой. Я считаю себя нравственно обязаннымъ защищать честь этихъ лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство Парижскаго третейскаго суда».

«Ограничусь изложеніемъ фактовъ, безъ всякихъ комментарій».

«По словамъ г. Скальковскаго, я лично одинъ, въ качествѣ суперъ-арбитра, разрѣшилъ упомянутый споръ и «предрѣшилъ» вопросъ о правахъ Бразиліи. Это очевидная ошибка. Рѣшеніе Парижскаго третейскаго трибунала было *единогласное* рѣшеніе всѣхъ *пяти* членовъ его, а не мое личное рѣшеніе. Слѣдовательно, если это рѣшеніе «неосмотрительное», то виноваты верховные судьи Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, бывшіе членами третейскаго суда, и я съ ними. Все мое стараніе дѣйствительно было направлено къ тому, чтобы добиться единогласнаго рѣшенія, которое представляется единственнымъ примѣромъ въ исторіи международнаго арбитража, когда представители обѣихъ спорящихъ сторонъ, безъ всякихъ оговорокъ (réserves), подписали общее рѣшеніе».

«Что же касается «краснорѣчиваго» протеста Бразиліи, то онъ вызванъ непонятнымъ недоразумѣніемъ, ибо рѣшеніе Парижскаго трибунала очевидно не могло упразднить правъ Бразиліи, не участвовавшей въ этомъ третейскомъ разбирательствѣ. Оно до нея вовсе не касается. Кромѣ того въ самомъ рѣшеніи, съ общаго согласія всѣхъ членовъ трибунала, сдѣланы *категорическія оговорки* въ пользу не-

прикосновенности правъ Бразиліи. Очевидно, что протестъ бразильскаго правительства не имѣетъ никакого юридическаго основанія и его права нисколько не затронуты рѣшеніемъ Парижскаго трибунала».

*
* *

По поводу письма г. Мартенса, въ которомъ онъ выказалъ, выражаясь языкомъ его книгъ, такое «пренебрегательное» отношеніе къ «Новому Времени» и любезность ко мнѣ, я счелъ долгомъ объяснить нижеслѣдующее:

Подлинныхъ документовъ третейскаго трибунала по спору между Англіей и Венецуэлой я, конечно, не видѣлъ. Заключеніе мое я основалъ на обстоятельной нотѣ бразильскаго правительства, цѣликомъ перепечатанной въ написанной по-французски и изданной въ Антверпенѣ книгѣ бразильскаго публициста А. д'Атри, друга нынѣшняго президента Бразильской республики Кампосъ-Саллеса, о судьбахъ латинскаго міра: «Les Latins en Amériqne et la présidence Campos-Salles». Вся цѣль книги была доказать, какъ несправедливо относятся къ латинскому міру въ Европѣ и какъ его тамъ мало знаютъ даже тѣ, кто беретъ на себя обязанность разбирать дѣла, касающіяся этого міра.

Въ нотѣ отъ 25-го іюля 1899 г. Олинто де Магалешъ, бразильскій министръ иностранныхъ дѣлъ, пишетъ: «Картами, документами и на словахъ передъ трибуналомъ со стороны Англіи было доказано, что къ югу отъ горы Роранма часть линіи Шомбурга, которая принята въ рѣшеніи, обозначаетъ спорную зону между Бразиліею и Великобританіей, и уже болѣе

пятидесяти лѣтъ какъ этотъ вопросъ служитъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между двумя государствами».

«Бразилія, съ другой стороны, имѣетъ трактатъ 5-го мая 1859 г. о границахъ съ Венецуэлой, который представленъ былъ трибуналу, и по которому установлено, что ихъ общая граница проходитъ по хребту Пакараима такимъ образомъ, что воды, идущія въ Ріо-Бранко, принадлежатъ Бразиліи».

«Поэтому бразильское правительство не могло не выразить своего крайняго изумленія передъ рѣшеніемъ, которое сдѣлало границей Великобританіи съ Венецуэлой, границу рѣкъ Котинге и Такуту, между тѣмъ только эта республика и оспаривала у Бразиліи означенную границу. Такое рѣшеніе предполагаетъ, что венецуэльская территорія простирается на другой берегъ этихъ рѣкъ, несомнѣнно бразильскихъ, и на южные склоны хребта Акарай, которые только Франція оспариваетъ у Бразиліи, каковой вопросъ предоставленъ арбитражу швейцарскаго правительства».

«Такимъ образомъ Бразилія исключается изъ Амазонскаго бассейна на неопредѣленное пространство, предоставленное Венецуэлѣ, которая вовсе не просила объ этомъ трибуналъ, и Великобританіи, которая также можетъ граничить съ Венецуэлой по притокамъ Ріо-Бранко, какъ Бельгія можетъ граничить съ Голландіей по Сенѣ или Эльбѣ»...

Въ виду всего этого бразильское правительство и подало протестъ. Въ своей книгѣ г. д'Атри обвиняетъ

во всемъ г. Мартенса. Онъ считаетъ, что повліялъ на него довольно распространенный взглядъ, что у Бразиліи молъ слишкомъ много земли сравнительно съ населеніемъ. Иначе непонятно, чтобы г. Мартенсъ, какъ юристъ, могъ постановить столь возмутительное рѣшеніе, которымъ уже и воспользовались со свойственною имъ наглостью англичане, захвативъ лѣвый берегъ Ріо-Такуту и разоривъ его.

Затѣмъ г. Мартенсъ неправъ въ своемъ письмѣ въ редакцію и по существу. Что остальные четыре члена международнаго трибунала нарушили, хотя и на бумагѣ, интересы Бразиліи,—вовсе не важно. Эти четыре члена были представители Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, въ данномъ случаѣ заступившихъ мѣсто взятой подъ ихъ защиту Венецуэлы. Очень понятно, что въ горячей защитѣ болѣе или менѣе сомнительныхъ правъ своихъ довѣрителей адвокаты могли увлекаться и предрѣшать территоріальные споры своихъ довѣрителей, не обращая вниманія на интересы третьихъ лицъ. Но г. Мартенсъ былъ въ другомъ положеніи; онъ былъ избранъ суперъ-арбитромъ, т. е. лицомъ, совершенно не заинтересованнымъ ни въ какую сторону и потому вполнѣ безпристрастнымъ; мнѣніе его одного имѣло болѣе вѣса да и болѣе внутренней цѣны, чѣмъ мнѣнія остальныхъ четырехъ членовъ, хотя бы и важныхъ государственныхъ людей и ученыхъ, но далеко не индиферентныхъ въ вопросѣ.

Единогласное рѣшеніе вовсе не служитъ, значитъ, г. Мартенсу оправданіемъ. А еще менѣе онъ долженъ

былъ бы кланяться передъ мнѣніемъ судей потому что они-де «верховные». Справедливость и наука чиновъ не знаютъ.

* * *

Послѣ появленія этого письма и какъ бы въ подкрѣпленіе моего заявленія, г. А. Порошинъ, авторъ статьи «Международное право и его толковники», напечаталъ въ «Новомъ Времени» статью, гдѣ доказывалъ, что поселять въ средѣ серьезныхъ юристовъ недоумѣніе — всегдашнее свойство третейской практики г. Мартенса. Почти одновременно съ возникновеніемъ англо-венецуэльскаго спора въ 1897 г. Мартенсъ изрекъ приговоръ по дѣлу Карпентера, капитана китобойнаго судна «Costa Rica Packet», за поведеніе его въ голландскихъ водахъ, и приговоръ этотъ далъ поводъ въ спеціальныхъ журналахъ къ полемикѣ, которая была тоже совсѣмъ не усладительна для нашего національнаго самолюбія. Будь Карпентеръ голландецъ и захвати англійскую пирогу, онъ подвергся бы и задержанію, и штрафу, но Карпентеръ англичанинъ, дѣло его попало на сужденіе г. Мартенса и штрафу подвергся не онъ, а самъ ограбленный. Изумительно, но совершенно подъ пару англо-венецуэльскому приговору г. Мартенса!

Несмотря на все это, г. Мартенсъ выбранъ недавно вновь суперъ-арбитромъ въ спорѣ Мексики съ Соединенными Штатами изъ-за калифорнійскихъ благотворительныхъ капиталовъ. Бѣдные капиталы!

ДИПЛОМАТЫ.*)

Tout ce qui arrive, arrive de soi-même, par inertie, nécéssité et maturité, et les diplomates ne font que constater les faits.

Impératrice Elisabète d'Autriche.

У насъ международное право, какъ и вся почти наука въ Россіи, не вышло еще изъ періода подражательности. По справедливому замѣчанію «Новаго Времени», эта наука занимаетъ среди нашихъ университетскихъ каѳедръ положеніе русскаго нѣмца. «Она не обрусѣла еще, но кое-что русское уже начинаетъ въ нее проникать». Новое международное право родилось какъ разъ въ неудачное для нашей политики время, а потому ему иногда и дѣлать нечего при рѣшеніи вопросовъ, интересующихъ Россію; для послѣднихъ нужно еще «найти основанія, соотвѣтствующія нашимъ новѣйшимъ успѣхамъ, а не прошлымъ пораженіямъ».

Найти это должны прежде всего дипломаты, такъ

*) Эта глава была составлена для 2-го изданія моей книги «Внѣшняя политика»; ранѣе она была помѣщена въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ «Новомъ Времени». Здѣсь она вновь пополнена.

какъ оригинальныхъ воззрѣній отъ профессоровъ международнаго права ожидать трудно. Ученость обыкновенно и состоитъ въ томъ, чтобы знать тридцать шесть чужихъ мнѣній и не имѣть своего собственнаго.

«Ничто не причиняетъ столько страданій, сколько новая идея». Если это вѣрно, то существованіе нашихъ дипломатовъ есть непрерывный рядъ страданій... До послѣдняго времени основаніемъ дипломатіи былъ маккіавелизмъ: подчиненіе всѣхъ принциповъ одному—собственному интересу. Это направленіе прекрасно очертилъ Вольтеръ баснею Эзопа. Левъ заключилъ договоръ съ сосѣдями о раздѣлѣ добычи на четыре равныя части. По основательнымъ причинамъ, которыя левъ объяснитъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, онъ беретъ себѣ прежде всего три части, а затѣмъ обѣщаетъ задавить всякаго, кто прикоснется къ четвертой. «C'est la le sublime de la politique»,—иронически прибавляетъ Вольтеръ. Англія до сихъ поръ другой политики и не знаетъ. Да и другія государства держатся принципа, цинически высказаннаго Мирабо, что «la petite morale (т.-е. очевидно то, что называется честностью въ житейскомъ быту) tue la grande». Это напоминаетъ знаменитый приказъ графа Ростовцева, что совѣсть нужна въ частномъ семейномъ быту, на службѣ ее замѣняютъ распоряженія начальства.

Американско-испанская и трансваальская войны доказали, что и въ настоящее время въ международной политикѣ сила преобладаетъ надъ правомъ и что бла-

горазуміе требуетъ не очень довѣрять международному праву, которое соотвѣтствуетъ только минутнымъ интересамъ сильныхъ міра сего.

Указавъ на то, что дипломатія, а особенно съ Вестфальскаго мира, когда учредились постоянные посты дипломатическихъ представителей, была главнымъ образомъ орудіемъ мира, Морисъ Блокъ въ своемъ «Dictionnaire de la Politique» задается вопросомъ: почему же слово «дипломатъ» имѣетъ такую дурную репутацію и считается какъ бы синонимомъ хитрости и двуличія? Блокъ объясняетъ это тѣмъ, что недавно еще дипломаты были представителями честолюбивыхъ абсолютныхъ монарховъ, которые вели личную и эгоистическую политику, дипломатамъ же оставалось только вторить полученнымъ указаніямъ de leurs augustes maitres. Съ распространеніемъ гласности и свободы, роль дипломатовъ очистилась-де и возвысилась. Кромѣ политическихъ интригъ въ область ея вошли вопросы экономическіе, частнаго права, техническіе, и дипломатія внимательно стала прислушиваться къ органамъ общественнаго мнѣнія.

На чемъ основалъ свою теорію Блокъ, не совсѣмъ ясно. Еще Ѳукидидъ замѣтилъ, что демократическое государство неспособно командовать другими государствами; римская республика, Венеція абсолютныхъ монарховъ не имѣли, а вели политику весьма эгоистическую; Англія, страна, гдѣ наиболѣе личность человѣка и печать свободны, также искони ведетъ самую коварную политику.

Блокъ правъ въ одномъ, что издревле дипломаты представлялись во мнѣніи публики съ дурной стороны. «Дипломатія основана на сопоставленіи двухъ словъ: menditore и traditore», писала недавно «Daily News». «C'ert précisement dans la diplomatie qu'un semblable instrument (baguette de verité) parait plus etrange», замѣтилъ Лэнге. Во французскомъ словарѣ все «дипломатическое» не въ авантажѣ: air diplomatique — таинственный, langue diplomatique — двусмысленный, diplomatiquement — ловко, faire de la diplomatie — стараться надуть и т. д. Лицемѣріе вообще считалось всегда основною чертою характера дипломатіи. Въ этомъ случаѣ мнѣніе всѣхъ народовъ одинаково.

«Государственные дѣятели, короли и министры изощряли въ XVIII вѣкѣ», говоритъ г. Мартенсъ, «свой умъ на систематическомъ взаимномъ надувательствѣ не въ виду національныхъ интересовъ народовъ, но изъ непреодолимаго влеченія ко всему неестественному, необычайному, безпорядочному*). Дипломатическое поприще представляло въ этомъ отношеніи самое широкое поле для безпрерывныхъ интригъ, государственныхъ переворотовъ и политическихъ заговоровъ». Фридрихъ II говорилъ о знаменитѣйшемъ дипломатѣ XVIII столѣтія, князѣ Кауницѣ, что это человѣкъ не только «double et triple, mais quadruple».

Знаменитый русскій дипломатъ XVI вѣка А. Щел-

*) Въ Австріи еще въ половинѣ XVIII вѣка лицъ, которыя могли выдать государственныя тайны, на основаніи grande morale, безъ церемоніи топили въ Дунаѣ.

каловъ, думный дьякъ Посольскаго приказа, въ свое время былъ извѣстенъ привычкой намѣренно измѣнять смыслъ указовъ, излагая ихъ въ грамотахъ, за что не разъ подвергался наказанію.

Бомарше словами Фигаро сдѣлалъ знаменитую характеристику дипломата: «Прикидываться незнающимъ того, что знаешь, и знающимъ все, чего не знаешь, слушать то, чего не понимаешь, и не слышать того, что слышишь, дѣлать величайшіе секреты изъ вещей всѣмъ извѣстныхъ, запираться даже для того, чтобы очинить перо, казаться глубокомысленнымъ, когда въ дѣйствительности вы пусты, играть хорошо или дурно видную роль, плодить шпіоновъ и давать пенсіи предателямъ, распечатывать чужія письма, перехватывать ихъ и стараться облагородить низость средствъ величіемъ цѣли».

Ту же мысль короче изложилъ прототипъ дипломата Талейранъ словами, что «языкъ данъ человѣку, чтобы скрывать его мысли». По мнѣнію одного англичанина: «Дипломатія — искусство сказать что-нибудь, когда сказать нечего, а равно искусство ничего не говорить, если вы имѣете что-либо сказать». Войны 1812—15 гг. хорошо ознакомили гр. Канкрина съ дипломатами, которые, по его мнѣнію, «должны быть болѣе или менѣе пустыми людьми по привычкѣ и по обязанности придавать часто важность пустякамъ». Другой нѣмецъ, Людвигъ Берне, говоритъ, что онъ «ничему болѣе не удивляется, но что два дипломата могутъ смотрѣть другъ на друга безъ смѣха, всегда его будетъ уди-

влять», а также «что человѣкъ, готовящійся въ дипломаты, долженъ изучить только три вещи: французскій языкъ *), искусство ничего не говорить и искусство говорить неправду».

Это послѣднее искусство, какъ извѣстно, доводится иногда до совершенства; объ одномъ изъ нашихъ дипломатовъ великій визирь Али-паша сказалъ, что онъ представляетъ необыкновенное явленіе: «Обыкновенно, когда кто вретъ, то наоборотъ выходитъ правда. Но у этого господина и наоборотъ всетаки выходитъ вранье».

Если дипломатъ недостаточно умѣетъ скрывать мысли, прикидываясь, какъ князь Бисмаркъ, откровеннымъ на-распашку, то для него лучше молчать. Молчаніе всегда принимается толпой за глубокомысліе, и дипломатъ одной изъ мельяковскихъ оперетокъ очень вѣрно и тонко замѣтилъ, что «молчавъ, онъ больше всего заставилъ себя слушать».

Наши дипломаты на разныхъ международныхъ конференціяхъ также обыкновенно или глубокомысленно молчатъ, или отъ времени до времени отпускаютъ

*) Въ одномъ нашемъ великосвѣтскомъ салонѣ разговаривали о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ во Франціи для отысканія министра иностранныхъ дѣлъ.— «Я этого, признаться, понять не могу замѣтилъ одинъ нашъ дипломатъ. Ужъ, кажется, французамъ не трудно быть дипломатами, ибо они отъ рожденія говорятъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ». Г. Сигма описалъ печальную судьбу одного талантливаго русскаго дипломата на дальнемъ Востокѣ, который вмѣсто feu d'artifice произносилъ: Ѳедоръ Тифисъ.

французскія фразы, настолько соотвѣтствующія сущности обсуждаемаго предмета, насколько нужно, чтобы онѣ попали въ протоколъ, нисколько не связывая ни произнесшаго ихъ дипломата, ни уполномочившаго послѣдняго правительства, ни тѣмъ менѣе другія стороны, принимающія участіе въ конференціи. Въ этомъ безцвѣтно-опредѣленномъ положеніи и заключается верхъ дипломатическаго искусства. «Ничего легче нѣтъ какъ приписки вать; по меньшей мѣрѣ гораздо безъ заботнѣе нежели прямое дѣло дѣлать», писалъ нашъ знаменитый дипломатъ гр. Бестужевъ-Рюминъ еще въ половинѣ XVIII-го столѣтія. А «говорить правду сильнымъ міра сего всегда составляло вѣрнѣйшій путь къ несчастію», замѣтилъ саксонскій дипломатъ Гельбигъ также еще въ XVIII-омъ столѣтіи.

Дипломатическая литература отражаетъ эту тенденцію къ приписки ванію; она становится интересною только въ мемуарахъ, печатаемыхъ по смерти дипломатовъ, да и то иногда публику ожидаютъ здѣсь разочарованія, какъ съ мемуарами Талейрана и гр. Бейста. Образчикомъ текущаго дипломатическаго пустословія могутъ служить наши дипломатическіе органы: «Le Nord», совершенная макулатура, о которой и говорить не стоитъ, и «Journal de St.-Pétersbourg». Этотъ послѣдній составляется довольно тщательно и даетъ весьма подробныя свѣдѣнія о политикѣ княжества Лихтенштейнъ, Сіама, республики Никарагуа и т. д., но чуть какой-либо вопросъ коснется Россіи, наша французская газета ограничивается обыкновенно двумя

клише. По полученіи первыхъ извѣстій о событіи она говоритъ: «Полученныхъ свѣдѣній еще недостаточно для полнаго и безпристрастнаго заключенія; подождемъ дальнѣйшихъ извѣстій». Когда же всѣ свѣдѣнія получены, газета пишетъ: «Факты такъ краснорѣчивы, что всякіе комментаріи съ нашей стороны были бы излишни».

Иногда впрочемъ, кромѣ молчанія, цѣнится и esprit de repartie, остроумная находчивость. Такихъ дипломатовъ цитируютъ въ исторіи.

Фридрихъ Великій желалъ огорчить англійскаго короля за вялое содѣйствіе и акредитовалъ къ нему какого-то господина, имѣвшаго репутацію шулера. «Ну что, какъ находятъ въ Лондонѣ моего посланника?»—насмѣшливо спросилъ онъ англійскаго посланника въ Берлинѣ, сэра Элліота. «Находятъ, что онъ достойный представитель вашего величества»,—отвѣчалъ англичанинъ. Король сдѣлалъ очень кислую гримасу *).

Бисмаркъ былъ очень недоволенъ покойнымъ Убри; когда онъ пріѣхалъ къ нему прощаться, оставляя свой постъ, желѣзный канцлеръ спросилъ: — «А вы увозите своего повара?» — Да, отвѣчалъ Убри. — «Это будетъ большая потеря для Берлина», глубокомысленно произнесъ канцлеръ и простился.

---

*) И о своихъ дипломатахъ англичане были тогда не лучшаго мнѣнія. Лордъ Рошфоръ говорилъ о посланникѣ въ Стокгольмѣ Гудрикѣ: «Онъ лучшій изъ нашихъ посланниковъ, ему все можно довѣрить, кромѣ... денегъ».

Но остроумiемъ не слѣдуетъ пересаливать. Съ безпощадной откровенностью тотъ же Бисмаркъ, недолюбливавшій профессіональныхъ дипломатовъ, въ своихъ запискахъ порицаетъ дипломатовъ, которые стараются, чтобы ихъ депеши были «интересными», т.-е. сообщаютъ всѣ сплетни и каламбуры. Будучи самъ когда-то посломъ, Бисмаркъ хорошо зналъ цѣну злословію и придворному остроумію, часто портившимъ добрыя отношенія между государствами. «Во многомъ, конечно огромная разница между дипломатіей прошлыхъ вѣковъ и нашимъ временемъ, но по отношенію къ Россіи я никогда не забываю, — замѣчаетъ Бисмаркъ,— что злой языкъ Фридриха Великаго и поспѣшность, съ которой сплетники передавали по адресу его каламбуры, навязали ему на шею союзъ Елисаветы Петровны съ Австріей и Франціей». Насмѣшливыя донесенія русскаго посланника въ Стокгольмѣ, забавлявшія Екатерину II и взбѣсившія Густава III, когда онъ узналъ о нихъ, вооружили Швецію противъ Россіи во вторую турецкую войну. Недовольство и озлобленіе, вызываемыя часто безъ надобности, теперь точно также не остаются безъ вліянія на историческія событія, какъ во времена императрицы Елисаветы и королевы Анны Англійской.

Кромѣ молчаливости, прерываемой остротами, дипломату нужны еще терпѣніе, особенно на Востокѣ, гдѣ торопливость считается признакомъ самаго дурного тона, хладнокровіе и изящныя манеры. Идеаломъ хладнокровія былъ Талейранъ, о которомъ маршалъ

Ланнъ говорилъ Мюрату: «Son derrière recevrait un coup de pied que sa figure n'en dirait rien».

Изящныя манеры стали нынѣ менѣе цѣниться, и аристократы съ успѣхомъ подражаютъ своимъ конюхамъ по манерамъ и кокоткамъ по разговору, а затѣмъ демократическія правительства создали новый видъ государственныхъ дѣятелей; теперь и «человѣкъ-пушка» изъ цирка можетъ быть сенаторомъ, а слѣдовательно министромъ и посломъ. Въ этомъ явленіи впрочемъ ничего нѣтъ новаго. Еще Аристофанъ во «Всадникахъ» даетъ слѣдующій совѣтъ колбаснику, который затрудняется управлять республикою: «Нѣтъ ничего легче, остается только продолжать твое прежнее ремесло, смѣшивать и перемѣшивать дѣла, какъ начинку, тянуть ихъ, какъ колбасы, и привлекать публику, угощая ее всякими фокусами».

Громкія фразы о гуманности новыхъ эпохъ въ отношеніяхъ между цивилизованными народами, солидарности и т. п. къ лицу дипломатамъ, но и ими не надобно злоупотреблять, а то, увлекаясь «возвышенными принципами» дипломатовъ вѣнскаго и ахенскаго конгрессовъ, мы дошли до того, что въ сводѣ законовъ назначили такую лѣстницу наказаній: за продажу негра смертная казнь, за продажу зарубежнаго киргиза каторжная работа, за продажу въ крѣпостное состояніе свободнаго человѣка, хотя бы это былъ вашъ родной отецъ—недѣйствительность крѣпостной сдѣлки!

Время съ 1815 по 1830 годъ считаютъ обыкновенно золотымъ вѣкомъ дипломатіи, когда она пер-

венствовала въ разрѣшеніи европейскихъ вопросовъ. Всемогущій Меттерних, многочисленные конгрессы и конференціи, безчисленные ноты и протоколы наполняютъ исторію этого времени. Въ сороковыхъ годахъ русская дипломатія пріобрѣла большой престижъ и произведенія ея пера всѣми признавались образцовыми. Этотъ престижъ, по словамъ г. Мартенса, имѣлъ свои неудобства: каждому самому простому предложенію русскаго правительства придавалось значеніе маккіавелистической комбинаціи и ловушки. «Если начинаешь защищать васъ отъ нападокъ, говорилъ русскому послу англійскій министръ, то всегда имѣешь видъ, что одураченъ вами».

Сила и вліяніе дипломатіи почитаются съ тѣхъ поръ значительно ослабѣвшими, и часто даже раздаются голоса въ печати и на парламентской трибунѣ, что дипломатическое представительство почти ненужная роскошь. Если дипломаты необходимы еще иногда для разныхъ церемоній, то мнѣнія ихъ и наблюденія не имѣютъ будто бы вѣса, потому что печать и публичное обсужденіе законовъ и государственныхъ вопросовъ въ палатахъ позволяютъ имѣть, при помощи желѣзныхъ дорогъ, почтовыхъ пароходовъ, телеграфа и телефона, свѣдѣнія гораздо быстрѣе и подробнѣе, чѣмъ изъ дипломатическихъ депешъ и донесеній.

Подобныя мнѣнія нельзя не признать крайне преувеличенными и односторонними. Конечно, дипломатіи отведено нынѣ гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, когда какой-нибудь красивый и ловкій

дипломатъ, приволокнувшись за всемогущей фавориткой, а иногда за королевой,—подчасъ, какъ кавалеръ де-Эонъ, переодѣвшись женщиною,—рѣшалъ вопросы войны и мира. И теперь, впрочемъ, не пренебрегаютъ ловкими кавалерами, и въ 1856 г. серьезно обсуждался вопросъ, кого изъ красивыхъ гвардейцевъ избрать для посылки въ Парижъ, чтобы фигурировать въ салонахъ кокетливой императрицы Евгеніи. Выборъ остановился на Альбединскомъ, гр. Шуваловѣ и гр. Левашовѣ, которые сопровождали кн. Орлова на парижскій конгрессъ, а затѣмъ перваго изъ нихъ оставили военнымъ агентомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ пользовался большимъ успѣхомъ и откуда его вызвали за неосторожное участіе въ маскарадѣ, въ которомъ императрицѣ Евгеніи пришла фантазія нарядиться въ польское національное платье.

И въ настоящее время умная, энергичная и патріотическая дипломатія найдетъ себѣ достаточно дѣла. Не отдаляясь отъ настоящей минуты, мы на одномъ примѣрѣ франко-прусской войны можемъ видѣть силу, значеніе и вліяніе на событія правильно устроеннаго дипломатическаго представительства. Еслибъ Наполеонъ III имѣлъ свѣдущихъ представителей въ Мюнхенѣ и вообще въ южной Германіи, то не сомнѣвался бы, что минута объединенія послѣдней очень близка; еслибъ въ Вѣнѣ, вмѣсто легкомысленнаго герцога Граммона, сидѣлъ болѣе серьезный посолъ, то, конечно, Франція не рѣшилась бы такъ скоро на объявленіе войны; еслибъ въ Ферьерѣ, вмѣсто набѣленнаго Жюля

Фавра, переговаривался съ Бисмаркомъ кто-либо другой, то не было бы знаменитой риторической фразы: «Ни одного камня крѣпостей, ни одного вершка земли», оплаченной потомъ Эльзасомъ, Лотарингіей съ Мецомъ и пятью милліардами. Наконецъ, что касается насъ, то развѣ мыслимъ бы былъ Берлинскій конгрессъ при другомъ составѣ дипломатіи.

Я не говорю уже о значеніи дипломатіи на Востокѣ. Бёрнсу Англія обязана огромною частью своихъ остъиндскихъ владѣній; Стрэдфортъ-Редклифъ положительно выручилъ Турцію въ 1853 г. и причинилъ намъ столько вреда, Лессепсъ — устроилъ Суэзскій каналъ, т. е. сдѣлалъ всемірный экономическій переворотъ. На Востокѣ у дипломатовъ, какъ извѣстно, пріемы отличаются стереотипностью. Каждое государство желаетъ погрѣть свои лапы около костра, пожирающаго бывшія владѣнія султана, но никто не хочетъ въ этомъ сознаваться, почему существуетъ болѣе благозвучный перифразъ: «защита интересовъ своихъ подданныхъ». Хотя бы этихъ подданныхъ было полтора человѣка и каждый изъ нихъ, вернувшись въ свое отечество, судился бы немедленно за воровство и мошенничество, но, разъ эти мошенники живутъ на Востокѣ, дипломатія къ нимъ проникается необыкновенною нѣжностью, конечно на словахъ, въ теоріи; такъ какъ, говоря о защитѣ интересовъ подданныхъ, разумѣютъ не реальные интересы каждаго изъ нихъ порознь, а нѣчто неуловимое, возвышенное и потому недоступное обыкновеннымъ житейскимъ расчетамъ.

Для охраненія этихъ интересовъ взываютъ къ европейскому концерту. «Концертъ» также изобрѣтеніе дипломатическаго ума. Интригуетъ, интригуетъ какое-нибудь государство, да и попадется, видитъ—плохо дѣло, сейчасъ взываетъ къ европейскому концерту. Соберутся дипломаты и узаконятъ существующіе факты, потому нельзя—какъ бы не вышло чего еще хуже. Подобные «концерты» происходятъ періодически черезъ нѣсколько лѣтъ и обыкновенно послѣ нихъ взаимное недовѣріе разныхъ державъ еще болѣе усиливается, а интриги ожесточаются. Иногда изъ концерта вытекаетъ война, хотя концертъ значитъ согласіе.

Война заканчивается конференціями и договорами, но когда хотятъ поразить умы современниковъ, собираютъ конгрессы *). Хотя относительно конгрессовъ еще гр. Несельроде весьма вѣрно замѣтилъ, что о нихъ можно сказать то же, что о конституціяхъ: «они должны существовать раньше, чѣмъ ихъ сочинили. Трактаты, подписанные на конгрессахъ, въ дѣйствительности не устанавливаютъ новаго равновѣсія; они только утверждаютъ на бумагѣ то равновѣсіе, которое силою вещей выработано вслѣдствіе переворотовъ и войны. Конгрессъ можетъ привести къ устойчивымъ результатамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы права, подлежащіе разрѣшенію, уже разрѣшены на дѣлѣ

*) Курьезно, что слово конгрессъ произошелъ отъ тѣхъ совѣщаній, которыя старинные суды назначали для опредѣленія способности мужей къ брачному сожитію. Теперь они скорѣе собираются для подтвержденія умственной импотенціи.

событіями». Поэтому конгрессы собираются теперь рѣдко, только когда публично нужно наказать Россію.

Но если дипломатія не потеряла своего вліянія и пользы, то нельзя, кажется, сомнѣваться, что общій кругъ ея дѣятельности и относительное значеніе въ разныхъ мѣстностяхъ совершенно видоизмѣнились. Шпіонство и личныя интриги играютъ теперь менѣе значительную роль *); аристократія въ немногихъ только странахъ сохранила вліяніе на дѣла, зато экономическіе вопросы, торговые и промышленные интересы, передвиженіе путешественниковъ и капиталовъ, заморскія владѣнія и т. д. выдвинулись на первый планъ. Въ послѣднее время гигантскіе trust'ы создали совершенно новую почву для международныхъ соглашеній. Нужно сознаться, что въ виду этого переворота сдѣлано еще немного для преобразованія дипломатической службы не только у насъ, но и во всей Европѣ.

«Для тѣхъ, которые живутъ внѣ предѣловъ Россіи и которые могутъ составить свое мнѣніе только на основаніи великихъ событій, произведенныхъ ея вмѣшательствомъ и могуществомъ», писалъ одинъ англійскій дипломатъ XVIII-го столѣтія, «должно казаться, что она управляется великимъ умомъ и ея правительство никакого существеннаго недостатка не имѣетъ. Между тѣмъ для лицъ, живущихъ въ этомъ государ-

*) Все знаменитое дѣло Дрейфуса вертѣлось однако на вопросѣ о дипломатическомъ шпіонствѣ и показало, что шпіонами большого свѣта въ бѣлыхъ перчаткахъ пользуются арміи и министры иностранныхъ дѣлъ всѣхъ странъ.

ствѣ и наблюдающихъ безпорядочность и ошибочность всѣхъ дѣйствій здѣшняго правительства и неудачный выборъ его исполнительныхъ органовъ, должно казаться удивительнымъ, что Россія не терпитъ неудачъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ». «Могущество Россіи велико, различные представители его малы», говорилъ почти сто лѣтъ спустя покойный графъ Граббе о нашихъ дипломатахъ въ своихъ запискахъ.

«Надобно признаться, что наши дипломатики недальновидны», писалъ гр. Закревскій, свидѣтель эпохи конгрессовъ. «Дипломатики наши молчатъ и оставляютъ меня въ совершеннѣйшемъ невѣдѣніи объ обстоятельствахъ, но думаю, что и они немного знаютъ болѣе, когда за нихъ англичане и австрійцы работаютъ», писалъ въ свою очередь Ермоловъ.

Но буквально тѣ же жалобы противъ дипломатовъ раздаются и въ другихъ государствахъ. Вотъ оцѣнка англійскихъ, сдѣланная англичаниномъ: «Репутація, которую пріобрѣли дипломаты, есть скорѣе результатъ той тайны, какою окружена дипломатія, чѣмъ слѣдствіе искусства лицъ, глубоко изучившихъ дипломатическую службу. Въ Англіи во всякомъ случаѣ трудно назвать многихъ дипломатовъ въ промежутокъ времени между отставкою сэра Вильяма Темпля и возвышеніемъ лорда Страффорда Редклифа, которые бы могли занять выдающееся мѣсто. Тѣмъ не менѣе о дипломатіи говорятъ съ благоговѣніемъ, понятнымъ развѣ людямъ, искусившимся въ этой профессіи. Кромѣ того само слово длинно и благозвучно».

Въ опредѣленіи 13-го февраля 1720 г. объ учрежде-коллегіи иностранныхъ дѣлъ Петръ Великій начерталъ слѣдующую программу дѣятельности нашимъ дипломатамъ: «Къ дѣламъ иностраннымъ служителей коллегіи имѣть вѣрныхъ и добрыхъ, чтобы не было диряво, и въ томъ крѣпко смотрѣть; а ежели кто непотребнаго въ оное мѣсто допуститъ, или вѣдая за кѣмъ въ семъ дѣлѣ вину, а не объявитъ, то будутъ наказаны, яко измѣнники».

Къ сожалѣнію, завѣтъ великаго государя не совсѣмъ строго исполнялся, и хотя подчасъ у насъ было «диряво» и случались дипломаты «непотребные», но о наказаніи начальниковъ ихъ, «яко измѣнниковъ», не слышно было.

Русскіе по натурѣ очень способны къ дипломатіи, такъ какъ главная черта русскаго характера: лукавство, прикрытое фальшивымъ добродушіемъ (bonhomie), весьма удобна для дипломатіи. «Когда случается, что русскіе предлагаютъ кому нибудь свою дружбу», писалъ Олеарій еще въ половинѣ XVII столѣтія, «то дѣлаютъ это не изъ любви къ добродѣтели, а единственно изъ желанія своей собственной выгоды и пользы». «Въ дружбѣ Россіи», писалъ Гаррисъ (впослѣдствіи лордъ Мальмсбюри), «отражается ея климатъ: свѣтлое, блестящее небо съ холоднымъ пронизывающимъ воздухомъ; только слова и никакого дѣла: пустыя изліянія и коварные извороты».

Даже наши старинные дипломаты московской Руси, если казались неловки и неуклюжи въ средѣ придвор-

ныхъ Западной Европы, а иногда ошивались на смерть, какъ русскій посолъ въ Стокгольмѣ въ 1608 г., то недурно вели свои дѣла, а особенно въ переговорахъ съ Малороссіей, Польшей, Крымомъ и Швеціей—странами, тогда наиболѣе интересовавшими Россію. Ту же склонность къ дипломатіи и всѣми признанное искусство русскіе блистательно проявили и въ XVIII вѣкѣ. Уже при Петрѣ Великомъ дипломаты старыхъ традицій, неловко одѣтые въ новые кафтаны, Головинъ, Матвѣевъ, кн. П. А. Голицынъ, дѣйствовали вполнѣ національно и энергически отстаивали русскіе интересы. Во вторую половину царствованія Петра выступило съ такимъ же успѣхомъ болѣе молодое поколѣніе русскихъ дипломатовъ: кн. В. Л. Долгорукій, Веселовскій, графъ Г. И. Головкинъ. Поэтому удивительно, что, начиная съ этого вѣка и до послѣдняго времени, въ дипломатическую карьеру привлекли въ Россію всякаго рода иноземцевъ, и рядомъ съ Долгорукими, Панинымъ, Репниными, Воронцовыми, Румянцевыми, Обрѣзковыми, Аничковыми мы видимъ цѣлую серію нѣмцевъ, шведовъ, поляковъ, евреевъ литовскихъ, евреевъ финляндскихъ, румынъ, далматинцевъ, грековъ, португальцевъ и даже корсиканцевъ, отстаивающихъ «русскіе» интересы передъ Европой!

«Мы какъ сироты въ Европѣ», жаловался гр. Ростопчинъ, «министры наши у чужихъ дворовъ, бывъ не русскіе, совсѣмъ для насъ чужіе».

Россія, конечно, признательна за услуги, оказанныя Шафировымъ, Остерманомъ, Сальдерномъ, Поццо ди-

Борго (котораго, кстати сказать, Николай I считалъ только интриганомъ старой школы*), или Каподистріей, но для русскаго чувства и русскаго достоинства желательно, чтобы мы всегда умѣли находить ходатаевъ для себя въ средѣ своего народа, въ средѣ людей, не только отвлеченно сознающихъ государственныя выгоды Россіи, но и живущихъ съ нею однимъ умомъ, однимъ сердцемъ. «Чтобы любить Россію», замѣтилъ справедливо одинъ нашъ государственный человѣкъ, «надобно имѣть чувства настоящаго русскаго и для сего родиться русскимъ. Пришлецы же сего возвышеннаго чувства любви къ отечеству имѣть не могутъ».

Гр. Семенъ Воронцовъ первоначальный наплывъ инородцевъ приписывалъ вліянію правителя канцеляріи гр. Панина — Алопеуса, того самаго, по поводу назначенія котораго посланникомъ въ Берлинѣ гр. Ростопчинъ удивлялся: «зачѣмъ даютъ жалованье этому пруссаку тѣломъ и душой, проще бы давать его Герцбергу» (прусскому министру). Но, по мнѣнію г. Мартенса, въ рядахъ русской дипломатіи авантюристы, систематически интриговавшіе противъ правительства, на службѣ котораго находились, встрѣчаются и ранѣе, уже въ началѣ XVIII-го вѣка: «это были большею частью иностранцы, совершенно недостойные оказываемаго имъ довѣрія». Таковы были, напримѣръ, ба-

*) Едва ли онъ былъ и безкорыстенъ. «Поццо человѣкъ умный и если приберетъ три милліона франковъ, то перенесетъ все — писалъ гр. Ростопчинъ въ 1818 г. — не знаю, какъ онъ исправляетъ дѣла государскія, а свои славно».

ронъ Шакъ, русскій резидентъ при С.-Джемскомъ дворѣ, Шлейницъ, посланникъ при Версальскомъ дворѣ при Петрѣ I.

Наплывъ иностранцевъ XVIII столѣтіи отчасти объясняется въ нашимъ невѣжествомъ. «Въ разговорѣ съ русскими министрами», писалъ Дж. Макартней въ 1766 г., «упоминать о Гуго Гроціи и Пуффендорфѣ было бы все равно какъ толковать о Кларкѣ и Тилотсонѣ съ диваномъ константинопольскимъ. Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго». А въ Екатерининское время были введены уже обычныя формы дипломатическаго дѣлопроизводства.

Величайшимъ дипломатомъ того времени считается гр. Никита Панинъ, авторъ «сѣверной системы», приверженецъ Фридриха II и врагъ Австріи и Франціи. Онъ былъ уменъ, правдивъ и неподкупенъ, но слабъ, лѣнивъ и небреженъ. Нерадивостью Никиты Панина, положившаго въ карманъ не читая поданную ему во время карточной игры депешу изъ Константинополя съ примирительными предложеніями Порты и забывшаго о ней, современники объясняли первую турецкую войну въ царствованіе Екатерины II.

Панинъ пользовался славою «жуира», а лордъ Каскартъ находилъ, что Панинъ составляетъ исключеніе въ своемъ отечествѣ и по характеру болѣе похожъ на нѣмца! Панинъ взялъ себѣ въ помощники гр. Ив. Остермана изъ Швеціи, гдѣ онъ прозѣвалъ революцію 1772 г., потому что считалъ его умнымъ человѣкомъ за отличныя депеши. Между тѣмъ депеши

эти писалъ совѣтникъ посольства Каллингъ. Остерманъ оказался ограниченнымъ ничтожествомъ; это не помѣшало ему просидѣть во главѣ иностранныхъ сношеній Россіи до конца XVIII столѣтія.

Въ первой половинѣ нашего вѣка наплывъ иностранцевъ еще усилился; Талейрану казалось, что въ Россіи совсѣмъ нѣтъ людей. По исчисленію г. Татищева, они занимали въ Россіи въ 1825 г. 68 проц. дипломатическихъ должностей, а въ 1854 г.—81 проц. Время не измѣнило ихъ, баронъ Мейендорфъ въ Вѣнѣ былъ нѣмцемъ не менѣе Алопеуса. Дошло до того, что одинъ извѣстный нашъ государственный дѣятель и патріотъ въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка сказалъ, что онъ зналъ только одного истинно *русскаго* дипломата—это барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена.

Правда, не всѣ русскіе, оставшіеся въ дипломатическомъ корпусѣ, оправдывали ожиданія русскаго общества. Очень плохи были задолжавшійся кн. В. С. Долгоруковъ въ Берлинѣ, въ 60-хъ годахъ XVIII-го столѣтія, гр. Салтыковъ, задолжавшійся въ Парижѣ, кн. Барятинскій тамъ же и гр. Мусинъ-Пушкинъ въ Лондонѣ. По словамъ Макартнея, графу П. Г. Чернышеву, послу въ Лондонѣ, недоставало проницательности. «Онъ имѣлъ притязанія на всякаго рода познанія, восхищался собственнымъ мнѣніемъ, не былъ особенно разборчивъ въ дѣлѣ убѣжденія и рѣдко наблюдалъ за правдивостью рѣчи. Честолюбіе его превосходило предѣлы самонадѣянности».

Графъ Семенъ Воронцовъ за шестнадцатилѣтнее

пребываніе въ Англіи сталъ совсѣмъ англоманомъ. Георгъ III (правда, наканунѣ своего сумасшествія) увѣрялъ его, что «добрый англичанинъ долженъ быть добрымъ русскимъ, подобно тому, какъ хорошій русскій долженъ быть хорошимъ англичаниномъ»! Воронцовъ, человѣкъ впрочемъ честный и просвѣщенный, принялъ, повидимому, эти слова въ серьезъ *).

По винѣ его въ трактатѣ 1793 г. съ Англіей были выпущены принципы вооруженнаго нейтралитета, духовнымъ авторомъ котораго былъ гр. Вержень. Воронцовъ писалъ: «Россія не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть коммерческаго мореплаванія по причинамъ физическимъ и нравственнымъ... Она не имѣетъ колоній, ея военный флотъ не можетъ быть больше чѣмъ посредственной силы и только достаточенъ для сдерживанія своей сосѣдки и вѣчнаго врага — Швеціи». Окончательно отрекся отъ означенныхъ принциповъ, впрочемъ, Александръ I въ пресловутой морской конвенціи 1801 г., продиктованной лордомъ Сентъ-Эленсомъ.

Въ своей ненависти къ гр. Панину, гр. Воронцовъ, даже послѣ отставки перваго, назвалъ его «государственнымъ измѣнникомъ, которому во всякой другой странѣ отрубили бы голову». По настоянію Воронцова, Александръ I отказался въ 1803 г. и отъ правъ

*) Любопытно, что, уволенный отъ своей должности, гр. Воронцовъ сдалъ ее священнику лондонскаго посольства Смирнову. Это кажется единственный примѣръ завѣдыванія нашими дипломатическими дѣлами духовнымъ лицомъ.

своихъ на Мальту. Гр. Воронцовъ былъ также противникомъ освобожденія Греціи.

Насколько гр. Воронцовъ сталъ англичаниномъ, настолько кн. Разумовскій и Татищевъ (Д. П.) сдѣлались австрійцами. Разумовскому Павелъ I писалъ: «Я желалъ бы, чтобы всякій разъ, когда вы ведете переговоры съ барономъ Тугутомъ, вы бы вспомнили, что вы русскій и что вы мой посолъ въ Вѣнѣ и для моихъ дѣлъ». «Думать надобно, что небогаты мы людьми, когда сей великій господинъ—писалъ Ермоловъ о Татищевѣ—вышелъ въ великіе герои!» Трудно имѣть, говоритъ г. Мартенсъ о Новосильцевѣ, больше самоувѣренности въ своихъ талантахъ и познаніяхъ и болѣе наивнымъ образомъ выражать свой собственный восторгъ о своихъ личныхъ успѣхахъ. И такой человѣкъ посланъ былъ вести переговоры съ Питтомъ!

Убри въ Парижѣ поразилъ всѣхъ своимъ легкомысліемъ при Наполеонѣ I. Кн. Куракинъ былъ посмѣшищемъ для Парижа какъ разъ въ моментъ нашего союза съ Франціей. Киселевъ (посланникъ, а не посолъ) противодѣйствовалъ сближенію съ этою страною, когда въ концѣ 40-хъ годовъ у Николая I явилась счастливая мысль о сближеніи. Безтактность Кокошкина въ Туринѣ и была, говорятъ, причиною холодности къ русскимъ дипломатамъ при Николаѣ I; никакъ нельзя одобрить дѣятельность Сабурова въ Берлинѣ, кн. Долгорукова въ Тегеранѣ, кн. Горчакова въ Мадридѣ.

Неудачная роль гр. Шувалова въ переговорахъ до

Берлинскаго конгресса всѣмъ извѣстна. Князь Бисмаркъ, защищая роль Германіи на конгрессѣ, пишетъ, что онъ самъ изумился содержанію предварительныхъ условій, но смѣшно было, прибавилъ онъ иронически, отъ него требовать, чтобы онъ сталъ «болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе».

Напротивъ, дипломаты изъ инородцевъ оправдывали подчасъ ожиданія правительства. Графъ Давыдъ Алопеусъ былъ отличнымъ дипломатомъ, графъ Штакельбергъ былъ ярымъ противникомъ Меттерниха, этого «вѣнскаго Далай Ламы». Онъ предостерегалъ Россію отъ его политики, которая имѣла цѣлью заставлять Россію «вынимать изъ огня каштаны» для Австріи. Любопытно, что Штакельбергъ замѣтилъ, что въ интересахъ Россіи было бы выгоднѣе, чтобы представитель ея въ Вѣнѣ носилъ фамилію, оканчивающуюся на «овъ» или «скій». Дѣятельность нашего дипломата изъ нѣмцевъ барона Бруннова въ Лондонѣ г. Мартенсъ называетъ «самою почетною въ лѣтописяхъ русской дипломатіи», прибавляя, что выписки изъ донесеній и писемъ Бруннова «всегда будутъ служить неопровержимыми доказательствами замѣчательнаго ума, выдающагося дипломатическаго таланта и глубокаго патріотизма этого государственнаго человѣка, который въ продолженіе сорока лѣтъ былъ въ Лондонѣ на стражѣ чести и пользы Россіи».

Баронъ Брунновъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и былъ отличнымъ редакторомъ, письма и депеши его свидѣтельствуютъ о его канцелярской

ловкости и даже остроуміи,—въ этомъ нельзя сомнѣваться, но трудно признать выдающійся дипломатическій талантъ за человѣкомъ, который не случайно, а систематически былъ причиною вовлеченія Россіи въ несчастнѣйшую войну, которая на тридцать лѣтъ лишила ее первенствующаго въ Европѣ положенія.

Что Брунновъ былъ человѣкъ безспорно умный, доказывается различными его мнѣніями. По среднеазіатскимъ дѣламъ онъ еще въ 30-хъ годахъ давалъ Нессельроде великолѣпный совѣтъ, который и теперь не потерялъ значенія: «Умоляю васъ,—писалъ баронъ,—предпочтите факты писаніямъ! Эти писанія въ настоящее время даже въ Европѣ очень мало имѣютъ значенія. Еще меньше стоютъ они въ Англіи».

Брунновъ прекрасно также оцѣнилъ значеніе Наполеона III, когда тотъ захотѣлъ сдѣлаться императоромъ, и предсказалъ очень вѣрно его паденіе. Пророкомъ оказался Брунновъ и по отношенію къ предложенію войною ускорить распаденіе Турціи.

Эта война, по словамъ его, «создастъ на развалинахъ Турціи всевозможныя новыя государства, которыя будутъ въ отношеніи къ намъ столь же неблагодарны, какъ была Греція; которыя настолько же будутъ неудобны для насъ, какъ дунайскія княжества въ настоящее время; и, что еще хуже, она создастъ въ будущемъ такой порядокъ вещей, при которомъ наше вліяніе еще больше будетъ встрѣчать противодѣйствія и будетъ ограничиваться соперничествомъ со стороны Франціи, Англіи и даже Австріи, чѣмъ

было до сихъ поръ, во время господства турокъ». Предсказанія эти вполнѣ оправдались послѣ войны 1877—1878 гг.

Но если нельзя отказать барону Бруннову въ извѣстной проницательности, то онъ ея вовсе не показалъ по отношенію къ державѣ, при которой былъ акредитованъ, и лордъ Пальмерстонъ и даже ограниченный и безхарактерный лордъ Эбердинъ водили за носъ нашего посла, а заблужденія барона насчетъ дѣйствительнаго настроенія общественнаго мнѣнія и правительства въ Англіи къ значительной степени опредѣлили собою поведеніе наканунѣ Крымской войны императора Николая I, находившагося въ полномъ невѣдѣніи насчетъ англичанъ. Эту ошибку не могъ простить Бруннову императоръ Николай I, и удивительно, какъ послѣ войны въ ту же Англію послали нашимъ представителемъ того же Бруннова.

Можно бы привести не мало подобныхъ же ошибочныхъ мнѣній и дѣйствій нашего дипломата; мы не упоминаемъ еще о его смѣшномъ самомнѣніи, о предсказаніяхъ разоренія и распаденія Англіи, о презрительной оцѣнкѣ англійскихъ государственныхъ людей, изъ которыхъ каждый былъ головою выше его, или о курьезной просьбѣ не давать русскимъ паспортовъ на лондонскую всемірную выставку, потому что русскимъ въ Лондонѣ и на всемірной выставкѣ дѣлать нечего. «Ничему полезному не научатся они здѣсь»,—писалъ Бруннов.

Желательно вообще, чтобы дипломатическое искус-

ство русскихъ людей шло далѣе искуснаго редактированія депешъ и чтобъ не повторялись ошибки въ родѣ той, которая дозволила туркамъ, при подписаніи Адріанопольскаго трактата, пользуясь плохимъ знаніемъ дипломатами географіи, подмѣнить въ окончательной редакціи трактата рѣку Чорохъ рѣчкою Чолохъ, не включивъ такимъ образомъ Батумъ въ наши владѣнія. Азія вообще была слабымъ мѣстомъ нашихъ дипломатовъ и самъ кн. Горчаковъ, человѣкъ несомнѣнно образованный, просилъ фонъ-Кауфмана, когда онъ шелъ на Хиву, не заходить въ Кашгаръ! А графъ Шуваловъ, только пріѣхавъ на Берлинскій конгрессъ, узналъ отъ г. Бобрикова, на которой сторонѣ Балканъ находится Софія.

Въ запискахъ Бутенева, бывшаго долго нашимъ посломъ въ Константинополѣ, сказано (стр. 154), что «Уральскіе или Яицкіе казаки, откуда вышелъ знаменитый Пугачевъ, были названы Черноморскимъ казацкимъ войскомъ». Между тѣмъ Пугачевъ былъ донскимъ казакомъ, а черноморскіе казаки происходятъ отъ запорожцевъ.

Иностранные дипломаты тоже на этотъ счетъ не безгрѣшны. Незнаніе дипломатами географіи проявило себя при первомъ раздѣлѣ Польши. Новою границею съ Австріею была назначена рѣка Подгорча, но таковой не оказалось; поэтому австрійцы захватили мѣстность до р. Збруча. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ II поспѣшилъ самовольно увеличить свою часть въ ущербъ Россіи.

Послѣднее крупное вліяніе невѣжества дипломатовъ мы видѣли очень недавно. Французскій посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ Камбонъ, оказалось, не зналъ ни слова по-англійски, а секретарь его съ трудомъ понималъ этотъ языкъ. И этимъ господамъ Испанія довѣрила вести переговоры о мирѣ послѣ войны съ Америкою. Неудивительно, что въ результатѣ бѣдная Испанія потеряла Филиппины, которыми владѣла триста лѣтъ, и получила за нихъ 20 милл. долл., т.-е. на треть менѣе приданаго, которое американецъ Гульдъ далъ своей дочери, вышедшей замужъ за разорившагося французскаго виконта де-Кастелана.

Наши командиры, военные и морскіе, всегда не ладили съ дипломатами, а особенно когда послѣдніе были изъ иностранцевъ. Герою Наварина прямодушному графу Гейдену нашъ посолъ въ Константинополѣ тосканецъ Рибопьеръ писалъ: «Мы служимъ тому же государю, намъ поручены тѣ же интересы; тѣ же чувства должны были бы воодушевлять насъ, а все-таки намъ сойтись невозможно». Рибопьеръ увѣрялъ даже, что графъ Гейденъ будто бы самъ возбуждалъ въ своихъ подчиненныхъ «чувство недовѣрія къ уполномоченному своего государя». Катакази, русскій дипломатъ изъ румынскихъ грековъ (такихъ было особенно много), съ своей стороны писалъ Гейдену: «Нетерпѣніе, часто даже гнѣвъ, съ какимъ ваше превосходительство постоянно отвергали малѣйшее изъ моихъ замѣчаній, побуждаютъ васъ считать меня чиновникомъ скорѣе докучливымъ, чѣмъ полезнымъ».

Кодрингтонъ, самъ человѣкъ изворотливый *), былъ отъявленный врагъ дипломатіи. Это постоянно проглядываетъ въ его письмахъ. По поводу истолкованія Англіей Лондонскаго договора 1827 г. въ пользу Турціи адмиралъ писалъ: «Таково всегдашнее слѣдствіе уклоненія съ прямого пути въ грязные переулки! Въ политикѣ, какъ и на прогулкѣ, никто въ такомъ случаѣ не можетъ ожидать, что вернется домой съ незамаранными сапогами...» Правда, что даже господа дипломаты утомлялись отъ своихъ изворотовъ. Англійскій агентъ Бродвикъ писалъ Гейдену: «Подай то Господи, чтобы согласіе продолжало царствовать и между нашими дворами, но такъ какъ вещи этого рода зависятъ отъ зловреднаго вліянія Меттерниховъ и всего этого дипломатическаго порожденія, то утѣшаю себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что наша дружба не потерпитъ отъ политическихъ ссоръ дворовъ». Даже Катакази заявлялъ: «Быть можетъ скажете вы, графъ, что я говорю какъ мистикъ: но какъ не прибѣгнуть къ Творцу, когда Его творенія только и дѣлаютъ, что дурачатъ другъ друга?»

Въ «Nouvelle Revue» помѣщено было любопытное письмо г. Татищева къ г-жѣ Аданъ, вызванное замѣчаніями, сдѣланными въ «Nord» Жомини по поводу

*) Въ 1835 г. Кодрингтонъ заявилъ въ парламентѣ, что русскіе морскіе офицеры подъ Наваріномъ дали несомнѣнные доказательства своей неопытности и несцособности; между тѣмъ въ рапортѣ о сраженіи англійскій адмиралъ чрезвычайно хвалилъ нашихъ моряковъ.

статей г. Татищева въ журналѣ г-жи Аданъ, подъ названіемъ «Paul I et Bonaparte». Жомини, швейцарецъ по происхожденію, въ своемъ возраженіи коснулся вопроса pro domo sua о дипломатахъ изъ иностранцевъ въ Россіи. Онъ упрекалъ г. Татищева въ «смѣлости и беззастѣнчивости» за униженіе цѣлаго поколѣнія «крупныхъ государственныхъ людей, украшавшихъ нашу имперію», прибавляя, что такое порицаніе унижаетъ будто бы косвенно и государей, пользовавшихся услугами этихъ людей.

На это г. Татищевъ весьма резонно отвѣчалъ, что рѣчь шла вовсе не о томъ, что Россія могла пользоваться случайно услугами того или другого иностранца, а о систематическомъ отчужденіи въ руки чужеземныхъ наемщиковъ одной изъ важнѣйшихъ функцій правительства, въ ущербъ и, даже болѣе, въ совершенное устраненіе русскихъ дипломатовъ. Это фактъ въ исторіи безпримѣрный. Нигдѣ не существовало подобной экстерриторіальной дипломатіи, чуждой странѣ, которой она считалась представителемъ, не исповѣдующей ея вѣры, не понимающей ея языка и полной презрѣнія къ основнымъ принципамъ ея національнаго существованія. Касательно же неумѣстной ссылки Жомини на государей, г. Татищевъ указывалъ на факты, несомнѣнно доказывающіе, что и Павелъ I, и Александръ I въ концѣ своего царствованія были рѣшительно недовольны своими дипломатами, а равно и на то, что есть нѣкоторыя указанія на подобное разочарованіе Николая I въ Крымскую войну и Александра II

во время Берлинскаго конгресса. За фактическими доказательствами г. Татищевъ отсылалъ Жомини къ своимъ статьямъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», весьма зло прибавляя, что «рекомендуетъ это чтеніе только въ такихъ случаяхъ, если означенный русскій дипломатъ понимаетъ русскій языкъ».

Надобно еще замѣтить, что въ прежнее время левантинцы, напримѣръ на Востокѣ, далѣе должностей драгомановъ не шли, въ послѣднее же время они занимали тамъ всѣ видные посты. Инородческій составъ дипломатіи былъ причиною, что дипломаты относились презрительно ко всему русскому и больше всего боялись сближенія съ русскими. Нашъ посолъ въ Лондонѣ баронъ Брунновъ говорилъ издателю «Гражданина» кн. Мещерскому: «Я всегда говорю моимъ соотечественникамъ,—къ счастью, ихъ въ Лондонѣ немного: если вы имѣете наивность думать, что посольство служитъ для васъ, то жестоко ошибаетесь». И о такомъ-то русскомъ представителѣ г. Мартенсъ пишетъ, что «его имя навсегда останется однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ русской дипломатіи». Каковы же были менѣе блестящіе?

Къ несчастью, эти примѣры были заразительны. Покойный секретарь Русскаго Техническаго Общества Львовъ разсказывалъ мнѣ, что когда онъ, во время всемірной выставки въ Лондонѣ, пожелалъ видѣть нашего генеральнаго консула Берга (брата фельдмаршала), то Бергъ, узнавъ, что съ нимъ говоритъ русскій, опрометью бросился за желѣзную рѣшетку, за-

перся тамъ и продолжалъ разговаривать съ нашимъ официальнымъ делегатомъ какъ тигръ изъ клѣтки.

Это система. Во время моихъ тридцалѣтнихъ путешествій я перезнакомился съ десятками русскихъ дипломатовъ, за самыми рѣдкими исключеніями, все это были очень милые и образованные люди, но никогда, даже по отношенію къ официальнымъ моимъ порученіямъ, я не могъ получить отъ нихъ никакого содѣйствія или получалъ его тогда, когда уже давно возвратился домой.

Рядомъ съ нашей официальной дипломатіей, тѣми чиновниками иностранной коллегіи, красотѣ бакенбардъ которыхъ удивлялся Гоголь (это было, впрочемъ, въ эпоху преобладанія у насъ грековъ, расплодившихся съ легкой руки Каподистрія), наше правительство никогда не пренебрегало дипломатическими добровольцами. Le secret du Roi также имѣлъ мѣсто въ русской дипломатіи, какъ и во французской и въ дипломатіи другихъ государствъ. Это было даже необходимостью, когда десятки лѣтъ сидѣли на своихъ мѣстахъ дипломаты въ родѣ князя Разумовскаго, который пламенѣлъ душою къ австрійскимъ интересамъ (вѣрнѣе, интересамъ своихъ безчисленныхъ вѣнскихъ кредиторовъ) и оставался болѣе чѣмъ равнодушенъ къ русскимъ.

Однимъ изъ лучшихъ неофиціальныхъ дипломатовъ была жена нашего посла въ Лондонѣ кн. Ливенъ, урожденная Бенкендорфъ, женщина замѣчательнаго ума, другъ Гизо и др. выдающихся европейскихъ дѣятелей. Она не только руководила во всемъ мужемъ,

но даже во время его отсутствія требовала по два раза въ день отчета отъ его замѣстителя графа Матушевича и постоянно распекала его! А Матушевичъ былъ изъ лучшихъ нашихъ дипломатовъ. Онъ всегда хлопоталъ о франко-русскомъ союзѣ и доказывалъ, что «могущественная» Франція «естественная опора русской политики въ Европѣ». Матушевичъ за два мѣсяца предсказалъ также іюльскую революцію.

И въ послѣднее время нѣсколько подобныхъ добровольцевъ оказали значительныя услуги русскому дѣлу: инженеръ путей сообщенія Лессаръ въ Туркменской степи, отставной гвардейскій офицеръ Леонтьевъ въ Абиссиніи, отставной дипломатъ г. Татищевъ въ Болгаріи.

Я говорилъ выше о недостаткахъ русской дипломатіи, но несправедливо было бы отрицать и ея услуги. Конечно, Россія махина великая и дѣйствуетъ главнымъ образомъ своею тяжестью и инерціею. Въ нужныя минуты народъ сознаетъ свою силу. Наполеонъ I сказалъ послѣ 1812 года: «Les Russes se sont montrés, c'est quelque chose que cette nation»; но и усилія отдѣльныхъ личностей все-таки что нибудь да значатъ. А въ окончательномъ результатѣ, при всѣхъ сдѣланныхъ ошибкахъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся фактовъ современнаго положенія вещей это—преобладаніе Россіи въ европейскомъ концертѣ въ восточномъ вопросѣ. По заявленію англійскихъ газетъ, любящихъ подымать шумъ для возбужденія вниманія своего правительства, гегемонія надъ Европою перешла даже

отъ Берлина къ Петербургу. Такое усиленіе русскаго вліянія признается впрочемъ миролюбивымъ факторомъ, дѣйствіе котораго будетъ преимущественно направлено къ сохраненію statu quo, а это-де вполнѣ гармонируетъ съ интересами Европы.

Такое блестящее положеніе обусловливается извѣстнымъ единствомъ направленія нашей политики.

Очень благопріятное вліяніе на успѣхъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ имѣло то, что всѣ государи ея лично чрезвычайно внимательно относились къ вопросамъ иностранной политики и что общее число руководителей этой политики было невелико, почему каждый изъ нихъ обладалъ значительнымъ опытомъ.

Всѣ русскіе государи, даже Павелъ I, принимали близкое участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Петръ Великій и Екатерина II были даже, можно сказать, своими собственными министрами иностранныхъ дѣлъ, хотя послѣдняя кромѣ Панина имѣла совѣтниками Безбородко, Моркова, Сиверса. При Александрѣ I гр. Румянцевъ нѣсколько лѣтъ носилъ титулъ министра совершенно номинально. Николай I, какъ видно изъ записокъ гр. Муравьева-Карсскаго, писемъ къ кн. Паскевичу и др. документовъ, также былъ au courant малѣйшихъ подробностей въ европейской и азіатской политикѣ; Александръ II и Александръ III слѣдовали такой же системѣ. Александръ III своимъ спокойнымъ и твердымъ характеромъ и національными тенденціями имѣлъ огромное вліяніе

на ходъ европейской дипломатіи 80-хъ годовъ и очень поднялъ авторитетъ Россіи, подорванный исходомъ Восточной войны. По словамъ Бисмарка, Александръ III гораздо лучше его угадалъ непрочность его положенія при новомъ, молодомъ монархѣ и не раздѣлялъ увѣренности знаменитаго канцлера, что его невозможно замѣнить.

Изъ ближайшихъ руководителей нашихъ дипломатическихъ сношеній гр. Ростопчинъ, Воронцовъ и Румянцевъ вели ее въ русскомъ духѣ. Ал. Воронцовъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный; нѣкоторые считаютъ Ростопчина замѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ руководителей внѣшней политики. Онъ и Румянцевъ были, какъ извѣстно, горячими сторонниками французскаго союза. Совершенною противоположностью были баронъ Будбергъ и князь Чарторижскій. О первомъ можно только повторить слова графа Ростопчина, сказанныя объ одномъ дипломатѣ, что ему мѣсто быть «не русскимъ министромъ, а идоломъ у дикихъ народовъ или нѣмецкимъ принцемъ». Вся дѣятельность второго, несомнѣнно умнаго человѣка и при томъ наполовину русскаго, ибо онъ былъ незаконнымъ сыномъ кн. Репнина, была сплошнымъ предательствомъ по отношенію къ Россіи и направлена, при содѣйствіи Нарышкиной и другихъ красавицъ, къ возстановленію Польши. Это со временъ князя Чарторижскаго, мало понимавшаго по-русски, вошло въ обычай всю нашу дипломатическую переписку производить по-французски. А до того и депеши на-

шихъ миссій, и министерскія инструкціи писались по-русски.

Съ Вѣнскаго конгресса по 1896 годъ Россія имѣла всего четырехъ главныхъ руководителей своей внѣшней политики, пожалуй даже трехъ, такъ какъ Гирсъ, человѣкъ впрочемъ чрезвычайно почтенный, честный и добрый, былъ лишь слабою копіею кн. Горчакова, а также если не считать гр. Каподистрія, званія министра не носившаго и имѣвшаго голосъ преимущественно въ вопросахъ восточной политики.

Долѣе всѣхъ руководилъ нашими иностранными дѣлами графъ К. В. Нессельроде, другъ Меттерниха и Австріи. Назначеніе Нессельроде министромъ, какъ видно изъ писемъ гр. Закревскаго, всѣхъ удивило въ свое время. «Теперь Меттерниху праздникъ», писалъ Ермоловъ. По матери еврей, онъ, прежде чѣмъ вступить въ русскую службу, съ одинаковымъ успѣхомъ служилъ уже въ Австріи, Пфальцѣ, Голландской республикѣ, Франціи и Пруссіи. Замѣчательно, что, когда Александръ I убѣдился на Вѣнскомъ конгрессѣ, что Меттернихъ дѣйствуетъ не въ интересахъ Россіи и что Нессельроде его орудіе, то потерялъ всякое довѣріе къ австрійскому канцлеру и, наоборотъ, приблизилъ къ себѣ Нессельроде — одно изъ необъяснимыхъ для историковъ противорѣчій этого сложнаго характера. Государь взялъ тогда, впрочемъ, въ статсъ-секретари гр. Каподистрія, отличавшагося благородствомъ своего характера, хотя и явно тянувшаго на сторону грековъ и молдованъ. Нессельроде — этотъ, по

мѣткому опредѣленію одного писателя, «разительный примѣръ притягательной силы, существующей между ничтожествомъ и фортуной», — защищалъ повсюду легитимный принципъ и союзы со всѣми реакціонными началами, даже въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. «Разница между лакеемъ и министромъ состоитъ въ томъ, что лакей исполняетъ приказанія, которыя ему даютъ, не заботясь о томъ, правъ или нѣтъ его хозяинъ, тогда какъ министръ отказывается быть исполнителемъ мѣръ, вредныхъ для его страны». Такъ характеризовалъ одинъ англійскій историкъ Нессельроде*). Послѣднему принадлежала несчастная мысль, въ которой онъ убѣдилъ и императора Александра I, о необходимости продолжать войну противъ Наполеона съ цѣлью возвратить Францію въ ея историческія границы, что привело къ кампаніямъ 1813 — 15 годовъ, гдѣ мы сдѣлали le marchè des dupes. Это былъ послушный чиновникъ, не умѣвшій говорить по-русски. Мухановъ, братъ котораго былъ товарищемъ министра у Нессельроде, говоритъ въ своихъ запискахъ, что Нессельроде «нельзя отказать въ умѣ, нѣкоторой смѣтливости, плавной редакціи и навыкѣ къ дипломатическимъ совѣщаніямъ», но въ немъ замѣчались «излишняя уклончивость и робость, не совсѣмъ умѣстная въ главѣ представителей интересовъ Россіи въ

*) «Если одно исполненіе есть критерій, говорилъ какъ-то Бисмаркъ, то требуется отъ монарха такая универсальность дарованій, которой не удовлетворилъ бы даже Фридрихъ Великій, хотя въ его время политика была менѣе трудна».

Европѣ». Нѣкоторыя депеши, казалось, написаны представителемъ третьестепенной державы. Нессельроде не зналъ также Востока и «вовсе пренебрегалъ нашею политикою на Востокѣ, не имѣя вовсе русскаго чувства». Зато Нессельроде, несмотря на свою скупость, былъ отличнымъ гастрономомъ и очень заботился о своихъ родственникахъ, которымъ оставилъ большое состояніе.

Преемникъ его князь Горчаковъ также очень заботился о своихъ родственникахъ и оставилъ еще бо̀льшее состояніе, отличаясь еще бо̀льшею скупостью. По убѣжденіямъ онъ былъ скорѣе либералъ, смотрѣлъ на вещи шире Нессельроде и хотя лично Азіи не зналъ (азіатскими дѣлами руководилъ Стремоуховъ), но Россія бросила при немъ не въ мѣру осторожную политику на азіатскомъ континентѣ, что чрезвычайно помогло ей въ Европѣ. Мухановъ, сравнивая дѣятельность кн. Горчакова съ политикою въ концѣ царствованія Александра I, говоритъ, что тогда была «слабая редакція, но твердая политика», при Горчаковѣ же «прекрасная рѐдакція, но политическое безсиліе», что однако едва ли справедливо, конечно, не въ отношеніи редакціи. По крайней мѣрѣ живой свидѣтель александровской эпохи, Карамзинъ, писалъ: «Вижу въ немъ (въ престарѣломъ канцлерѣ графѣ А. Р. Воронцовѣ) умъ государственный, ревность, знаніе Россіи— то, чего теперь (въ 1825 г.) не вижу». Мухановъ оправдываетъ, впрочемъ, Горчакова: «не виноваты наши дѣятели; имъ завѣщали эту политику ихъ пред-

шественники, а сила обстоятельствъ не позволила измѣнить ее».

Горчаковъ влагалъ въ свою дипломатическую дѣятельность много ума и изворотливости, а также упрямства, обладалъ патріотизмомъ, но ему недоставало хладнокровія, которое на войнѣ, какъ и за столомъ конференцій, обезпечиваетъ успѣхъ. Онъ былъ злопамятенъ и мелочно тщеславенъ. Злую, но вѣрную оцѣнку сдѣлалъ ему одинъ бывшій сотрудникъ князя, занимавшій выдающійся дипломатическій постъ: «Князь былъ противоположностью того русскаго витязя, который говорилъ: «ѣду не свищу, наѣду не спущу. Горчаковъ громко свисталъ, но Европѣ спускалъ». Эффектъ фразы онъ считалъ иногда за дѣйствительное впечатлѣніе. Онъ былъ премилымъ causeur'омъ, а какъ стилистъ гордился классическими познаніями и долго носился съ цитатою изъ Светонія о различіи между анархіею и свободою, вставленною въ одну изъ депешъ о польскихъ дѣлахъ.

Горчаковъ ненавидѣлъ Австрію. Ему принадлежитъ знаменитая фраза: «L'Autriche n'est pas un état, ce n'est qu'un gouvernement». Но и въ этой ненависти князю недоставало хладнокровія. Опубликованные теперь документы несомнѣнно доказываютъ, что въ своемъ нерасположеніи къ Австріи Горчаковъ слишкомъ увлекался, отчего преувеличивалъ опасность участія Австріи въ Крымской войнѣ и тѣмъ отвлекъ русскія силы отъ Севастополя.

Наилучшую характеристику Горчакова можно найти

въ запискахъ Бисмарка, который отлично зналъ нашего канцлера, и въ воспоминаніяхъ Буша, записанныхъ со словъ желѣзнаго канцлера. Не отнимая извѣстныхъ достоинствъ у Горчакова, основаніемъ всей его политики Бисмаркъ считаетъ наивное тщеславіе; Горчаковъ, по ѣдкому выраженію Бисмарка, не могъ пройти мимо зеркала, чтобы не полюбоваться собою, а если диктовалъ депешу, то смышленный чиновникъ, писавшій подъ его диктовку, долженъ былъ отъ поры до времени поднимать глаза къ небу, восторгаясь мѣткостью княжескаго стиля.

Въ Берлинѣ лучше всего могло проявляться дипломатическое искусство Горчакова, хотя въ свое оправданіе онъ могъ привести отвѣтъ Тьера Шанзи въ бордоскомъ собраніи: «Les traités, ce sont les diplomates qui les signent, mais ce sont les généraux qui les font». Въ Берлинѣ престарѣлый канцлеръ совершенно по-старчески выражалъ свое участіе, а именно заболѣвалъ всякій разъ, когда на очереди стоялъ щекотливый вопросъ для нашего національнаго достоинства, по которому приходилось дѣлать уступки. Благодаря этому дипломатическому пріему, подпись князя Горчакова отсутствуетъ на протоколахъ наиболѣе обидныхъ для насъ засѣданій конгресса, хотя и стоитъ на самомъ трактатѣ. Бисмаркъ въ своихъ запискахъ увѣряетъ, что князь Горчаковъ, «какъ дама отъ своего обожателя, ожидалъ, что германскій кавалеръ угадаетъ и постарается осуществить всѣ его желанія безъ всякихъ объясненій съ его стороны». Гор-

чаковъ забылъ совѣтъ также одного знаменитаго министра, что государственный человѣкъ долженъ имѣть здравый разсудокъ; а когда онъ имѣетъ счастье обладать таковымъ, то необходимо второе качество—имѣть храбрость показывать, что его имѣешь. Его «умываніе рукъ» возбудило только сарказмы лорда Биконсфильда, хотя на время и обѣлило князя Горчакова въ русскомъ общественномъ мнѣніи, а объ общественномъ мнѣніи Горчаковъ очень заботился.

Гирсъ попалъ въ министры изъ товарищей министра, а въ товарищи онъ попалъ случайно; кн. Горчаковъ не желалъ дѣлать товарищемъ Стремоухова, изъ ревности. Гирсъ былъ вызванъ въ Петербургъ ради пріѣзда короля шведскаго онъ нечаянно попалъ въ Александрію вмѣсто Петергофа, Рылѣевъ представилъ его одной вліятельной тогда особѣ. Гирсъ былъ приглашенъ къ завтраку, понравился болтовнею о шведскомъ дворѣ, и назначеніе его легко состоялось.

Какъ министра, Гирса короче и лучше всѣхъ опредѣлилъ его преемникъ кн. Лобановъ-Ростовскій словами: «Que voulez-vous. Il n'a été que consul général toute sa vie». Гирсъ былъ убѣжденный сторонникъ Германіи, насколько онъ могъ имѣть убѣжденія.

Князь Лобановъ-Ростовскій, къ сожалѣнію, былъ недолго министромъ и слишкомъ недавно, чтобы тайна, скрывающая дипломатическіе переговоры (о нихъ мы можемъ судить только изъ ежегодно представляемыхъ парламентамъ донесеній иностранныхъ предста-

вителей), не препятствовала безпристрастной оцѣнкѣ покойнаго. Защитники его говорятъ, что онъ велъ политику въ національномъ духѣ, при немъ произошло укрѣпленіе франко-русскаго соглашенія, примиреніе съ Болгаріей и достигнуты блестящіе успѣхи въ Китаѣ. Главною цѣлью его было огражденіе султана отъ враждебныхъ посягательствъ тѣхъ западныхъ державъ, которыя помышляютъ объ его наслѣдствѣ. Лучше для Россіи, разсуждалъ онъ, — отказаться на время отъ права свободнаго выхода изъ Чернаго въ Средиземное море, чѣмъ самой же настежъ отпереть для враждебныхъ ей силъ ворота собственнаго дома. Противники покойнаго увѣряютъ, что онъ принадлежалъ къ той же школѣ, что и кн. Горчаковъ, но имѣлъ менѣе его качествъ, недостатки же усугублялъ лѣностью и отвращеніемъ къ иниціативѣ. Surtout pas d'affaires было его девизомъ. Избѣгать вмѣшиваться въ событія, оставлять ихъ разрѣшаться самимъ собою и избѣгать отвѣтственности—были его главнѣйшія заботы. «Онъ былъ такимъ же политикомъ, какъ и историкомъ—говоритъ «Revue de Paris». Писавъ всю жизнь исторію Павла I, онъ не написалъ ея ни одной страницы!»

Назначеніе гр. Муравьева, сдѣлавшаго, благодаря заграничнымъ рекомендаціямъ, замѣчательный скачокъ въ служебной карьерѣ, по его популярному и въ консервативномъ и въ либеральномъ лагеряхъ имени Муравьевыхъ, было встрѣчено довольно сочувственно въ нашей печати. Ничѣмъ однако этого сочувствія

покойный не оправдалъ. Онъ былъ весьма безцвѣтнымъ государственнымъ человѣкомъ.

Всю свою службу по окончаніи полтавской гимназіи графъ провелъ заграницею. Германскія газеты при назначеніи его причислили его къ врагамъ германской политики и славянофиламъ, но эта аттестація ни въ чемъ не проявилась. Напротивъ, соглашеніемъ 1897 г. мы предоставили Австрію-Венгріи равныя съ собою права на Балканскомъ полуостровѣ. За время бытности гр. Муравьева во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, наиболѣе выдающимся событіемъ было сообщеніе въ 1898 г. объ охраненіи всеобщаго мира и возможности сокращенія чрезмѣрныхъ вооруженій.

Результаты гаагской конференціи, послѣ того какъ допущены были Соединенные Штаты къ водворенію на Дальнемъ Востокѣ въ числѣ нашихъ конкурентовъ, не обѣщали многаго. Конференція не помѣшала несправедливѣйшей войнѣ Англіи противъ голландскихъ южно-африканскихъ республикъ и не предотвратила войны въ Китаѣ. Несомнѣнно, что до идеи вѣчнаго мира человѣчество не доросло и конференція справедливо названа «пластыремъ для деревянной ноги».

Наиболѣе работы дали Муравьеву труды по Дальнему Востоку, гдѣ ему приходилось соперничать не только съ Китаемъ, Японіей и Кореей, но и съ финансовымъ вѣдомствомъ. Присоединеніе Портъ-Артура считалось побѣдою дипломатическихъ вліяній надъ

финансовыми. Будущее покажетъ, насколько это пріобрѣтеніе для насъ выгодно. Пока оно втянуло насъ въ гигантскіе расходы. За время управленія Муравьева завершена задача русской дипломатіи на Критѣ, состоявшая въ томъ, чтобы Грецiя изъ своего пораженія извлекла болѣе плодовъ, чѣмъ Турція изъ своей побѣды.

Мѣсто графа Муравьева занялъ товарищъ его гр. В. Н. Ламздорфъ. Это назначеніе встрѣчено было съ удовольствіемъ дипломатическимъ корпусомъ, какъ по любезному характеру графа, такъ и потому, что, прослуживъ всю жизнь въ дипломатической канцеляріи, онъ близко извѣстенъ каждому изъ нашихъ дипломатовъ. Графъ Ламздорфъ владѣетъ прекрасно французскимъ языкомъ, а теперь хорошіе редакторы въ нашей дипломатической канцеляріи, гдѣ когда-то Северинъ и Лабенскій считались образцами французской стилистики, сдѣлались чрезвычайною рѣдкостью. Мы начали сближаться съ Италіей, Сербія въ насъ заискиваетъ, но неожиданный для насъ англо-японскій союзъ былъ послѣднимъ непріятнымъ сюрпризомъ для русской дипломатіи.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И ФРАНЦІЕЙ ВЪ СТАРИНУ.

Новый тринадцатый томъ капитальнаго труда, которому г. Мартенсъ посвятилъ болѣе тридцати лѣтъ *), касается трактатовъ Россіи съ Франціею, заключенныхъ съ 1717 по 1807 годъ. Томъ этотъ представляетъ менѣе интереса, нежели нѣкоторые предыдущіе томы того же сочиненія, отчасти потому, что наиболѣе важные моменты дипломатическихъ отношеній между Россіей и Франціей послужили предметомъ обстоятельныхъ трудовъ Рамбо, Вандаля, Сореля, Соловьева, Пекарскаго, Валишевскаго и др., отчасти потому, что г. Мартенсъ коснулся многихъ вопросовъ очень бѣгло, считая ихъ достаточно разъясненными въ предыдущихъ томахъ своего труда. Болѣе новою представляется мало извѣстная исторія участія Россіи

*) Ф. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Томъ XIII. Трактаты съ Франціею 1717—1807 гг. Спб. 1902 г.

въ качествѣ посредницы въ заключеніи версальскихъ мирныхъ трактатовъ, которыми была признана политическая независимость Соединенныхъ Штатовъ.

Меньшій интересъ новаго тома зависитъ можетъ быть и отъ того, что дипломатическія отношенія Франціи къ намъ до начала XIX столѣтія имѣютъ характеръ болѣе случайный; оба правительства не любили и не довѣряли другъ другу, и каждый шагъ къ сближенію принимался только за излишнюю навязчивость.

На исторіи первоначальныхъ отношеній обоихъ государствъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Мартенсъ, вполнѣ можно убѣдиться въ неопровержимости той истины, что международныя сношенія являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ естественныхъ условій, въ которыхъ находятся народы въ данную эпоху ихъ жизни. Если условія благопріятствуютъ сближенію данныхъ народовъ, то сношенія между ними будутъ развиваться силою вещей и сами собою. Напротивъ, если естественныя условія и зависящія отъ нихъ политико-культурныя стремленія народовъ не содѣйствуютъ сближенію народовъ, то послѣдніе останутся чуждыми и даже враждебными другъ другу въ продолженіе вѣковъ и при всемъ стараніи отдѣльныхъ личностей.

Для отрѣзаннаго отъ моря и замкнутаго Московскаго государства Франція являлась страною, съ которою почти невозможно было поддерживать постоянные торговые обороты и политическія сношенія. Для Франціи «Московія» представлялась государствомъ, имѣвшимъ азіатскіе порядки, законы и нравы. Сверхъ

того политическіе интересы Россіи и Франціи совершенно не сходились между собою въ XVI, XVII и даже въ большую часть XVIII столѣтія; друзья Франціи были заклятыми врагами Россіи, и наоборотъ-естественные враги Франціи были ближайшими друзьями Русскаго государства.

Въ самомъ дѣлѣ, опорою политики французскихъ королей со временъ Франциска I были союзныя и дружественныя отношенія къ Турціи, Швеціи и Польшѣ. Союзъ съ этими государствами составлялъ цѣлую политическую систему, извѣстную подъ названіемъ barrière de l'Est. Между тѣмъ и Турція, и Швеція, и Польша были всегда непримиримѣйшими врагами русскаго народа.

Понятно поэтому удивленіе французскаго двора*), когда къ нему въ Бордо явилось въ 1615 г. первое посольство московскаго царя съ Кондыревымъ во главѣ. Впрочемъ уже гораздо ранѣе, въ 1518 г., при Василіи Ивановичѣ начались письменныя сношенія Россіи съ Франціей и все на почвѣ восточнаго вопроса, а по французскимъ свѣдѣніямъ были сношенія съ Россіей еще черезъ особаго посла де-Карля въ 1586 г. и письменныя въ 1595 г., но въ нашихъ архивахъ объ этомъ свѣдѣній не сохранилось. Посольство 1615 г. вызвало посылку въ 1629 г. французскаго посла де-Курменена въ Москву. Французскіе писатели держатся того мнѣ-

*) Г. Мартенсъ пишетъ «версальскаго двора», но какой же могъ быть Версаль въ 1615 году? Такихъ мелкихъ ошибокъ или описокъ не мало у г. Мартенса. Русскій текстъ и французскій переводъ книги также не вездѣ согласуются между собою.

нія, что Курменень заключилъ торговый трактатъ, но г. Мартенсъ не нашелъ въ нашихъ архивахъ слѣдовъ этого трактата и сомнѣвается въ его существованіи и считаетъ, что посольство Курменена было неудачнымъ.

Во всякомъ случаѣ дипломатическія сношенія съ этого момента учащаются, хотя остаются, какъ я сказалъ, на почвѣ взаимнаго недовѣрія.

Сближенію Франціи съ Россіей, кромѣ коренного различія въ политической системѣ, препятствовали и взгляды государей и ихъ министровъ и поведеніе дипломатовъ.

Людовикъ XIV, хотя думалъ было какъ-то занять у насъ денегъ (въ 1702 г.), довольно презрительно относился къ Россіи и до конца жизни оставался вѣрнымъ преданіямъ французской политики. Не желая отказаться отъ стараго союзника Франціи—Швеціи, онъ не хотѣлъ признать за Россіей того мѣста въ средѣ европейскихъ державъ, которое она себѣ завоевала благодаря генію Петра.

Только со смерти великаго короля явилась возможность въ 1717 г. подписать первый международный трактатъ между Россіей и Франціей и сдѣлалось возможнымъ посѣщеніе Парижа и Версаля русскимъ государемъ. Замѣчательно, что уже въ это время проницательные люди, какъ напримѣръ знаменитый герцогъ Сенъ Симонъ, считали союзъ съ Россіей весьма выгоднымъ для Франціи (Mémoires t. IX, chap. XVI). Но ихъ вліяніе было безсильно противъ вліянія фаворита Регента, знаменитаго кардинала Дюбуа, который былъ подкупленъ Англіей и всѣми средствами

удерживалъ Регента въ сѣтяхъ британской политики. Самыя секретныя предложенія Петра немедленно сообщались въ Лондонъ, и когда Петръ пожаловался, то Дюбуа нашелъ, что эта жалоба объясняется единственно желаніемъ царя посадить кого-либо изъ своихъ министровъ на колъ!..

Смерть Регента не измѣнила положенія вещей: герцогъ Бурбонскій, а затѣмъ и самъ Людовикъ XV относились весьма враждебно къ Россіи. Даже къ Елисаветѣ въ моментъ наибольшаго сближенія, во время Семилѣтней войны, Людовикъ XV относился съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ, отказывая во всѣхъ ея просьбахъ, подъ ничтожными предлогами. Онъ не соглашался на присоединеніе къ Россіи провинціи Пруссіи, нами завоеванной. «Единственная цѣль моей политики,—писалъ онъ своему послу Бретёлю,—по отношенію къ Россіи состоитъ въ томъ, чтобы удалить ее насколько возможно отъ европейскихъ дѣлъ... Все, что въ состояніи ввергнуть эту имперію въ хаосъ и заставить ее вернуться во мракъ, выгодно моимъ интересамъ». При такихъ воззрѣніяхъ коалиція противъ Фридриха II была случайнымъ сближеніемъ, а не истиннымъ союзомъ.

Талантливѣйшій изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ Людовика XV, герцогъ Шуазель, котораго Екатерина называла «кучеромъ Европы», былъ также убѣжденнымъ противникомъ Россіи и въ 1767 г. спорами объ императорскомъ титулѣ, который Франція безъ труда признала когда-то за царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, довелъ почти до разрыва диплома-

тическихъ сношеній. Совершенно понятно, что назначаемые Шуазелемъ французскіе дипломаты были воодушевлены такими же враждебными къ намъ чувствами.

Надобно впрочемъ замѣтить, что когда попадались между французскими дипломатами искренно расположенные къ Россіи, то мы не умѣли ихъ оцѣнить и поддержать. Это отлично видно изъ записокъ Корберона (Un diplomate francais à la cour de Catherine II). Корберонъ, бывшій повѣреннымъ въ дѣлахъ въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія, не любилъ Екатерины, но привязался къ Россіи и къ русскимъ. Дневникъ его содержитъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о свѣтской жизни и придворныхъ интригахъ при великой императрицѣ и вмѣстѣ доказываетъ крайнее нерасположеніе ея и ея министра Панина къ Франціи. Напротивъ, Орловъ и даже Потемкинъ, считавшійся подкупленнымъ англичанами, оказывали подчасъ услуги Корберону.

Несчастный Людовикъ XVI какъ будто бы былъ болѣе расположенъ къ намъ. «Какая мнѣ нужда, — говорилъ онъ, — что Россія ведетъ войну съ турками, а въ Польшѣ дѣлаются конфедераціи, и зачѣмъ давать субсидіи Швеціи и Даніи?» Но добрыя намѣренія короля не могли измѣнить отношеній между Россіей и Франціей, которыя продолжали быть непріязненными, кромѣ момента нашего посредничества въ 1783 г., при заключеніи версальскаго мира.

Французскія революціонныя правительства само собою не могли дружелюбно относиться къ Россіи, ихъ не признававшей. Съ 1792 г. произошелъ разрывъ

всѣхъ дипломатическихъ и даже торговыхъ сношеній между Россіею и Франціею, хотя вообще до своей кончины Екатерина осталась вѣрною политикѣ невмѣшательства во внутреннія французскія дѣла. Она даже радовалась, что французская революція отвлекаетъ вниманіе вѣнскаго и берлинскаго дворовъ и оставляетъ ей свободу въ дѣлахъ турецкихъ, польскихъ и шведскихъ (Дневникъ Храповицкаго, стр. 386).

Наполеонъ хотя еще при Павлѣ искалъ случая сблизиться съ Россіей, но, преслѣдуя свои честолюбивые планы, понятно, истиннымъ другомъ нашимъ быть не могъ. Нашъ посланникъ гр. Морковъ справедливо замѣтилъ ему, что онъ руководится только «однимъ правомъ — правомъ силы и своихъ выгодъ». Наполеонъ постоянно возвращался къ вопросу о раздѣлѣ Польши и о возможности перерѣшить его. Мало того, онъ признавалъ за собою даже право дѣлать замѣчанія о несвоевременности реформъ, которыми Александръ I думалъ-было въ началѣ своего царствованія облагодѣтельствовать русскій народъ, и устами Талейрана увѣрялъ, что «эти либеральныя уступки» произведутъ дурное впечатлѣніе во Франціи. На протестъ Россіи по поводу убійства герцога Энгіенскаго Талейранъ отвѣчалъ нотою возмутительною по тону и содержанію.

Послѣ Тильзита Наполеонъ сдѣлался какъ будто бы другомъ Россіи. «Если Франція и Россія въ союзѣ, — говорилъ онъ, — то весь міръ долженъ имъ покориться». Онъ предоставилъ намъ Финляндію,

чтобы «русскія красавицы въ Петербургѣ,—какъ говорилъ онъ,—не слышали болѣе изъ дворцовъ своихъ грома шведскихъ пушекъ», онъ сдѣлалъ уступки и въ польскомъ вопросѣ, но въ восточномъ, соблюдая традиціонную политику Франціи, велъ себя весьма двулично, очевидно стараясь провести насъ и не дать намъ Дунайскихъ княжествъ.

Если французскіе правители почти постоянно выказывали намъ недоброжелательство, то и русскіе государи платили имъ тою же монетою.

Петръ Великій былъ воспитанъ въ чувствахъ подозрительности и недовѣрія къ Франціи; онъ не любилъ и французовъ. Какъ-то царь пилъ шампанское и похвалилъ его, но когда ему сказали, что это вино французское, то онъ его выплеснулъ и рюмку разбилъ, ругая французовъ. Послѣ неудачнаго прутскаго похода онъ, выслушавъ привѣтствіе французскаго посланника Балюза, повернулся къ нему спиною и не сказалъ ни одного слова. Обстоятельства заставили однако Петра сдѣлаться болѣе сговорчивымъ и въ 1717 г. онъ видимо искалъ союза съ Франціей для окончанія Сѣверной войны, разорявшей Россію.

У Екатерины I было желаніе сблизиться съ Франціей и выдать даже свою дочь за французскаго короля, но, кромѣ противодѣйствія французскаго правительства, сближеніе это встрѣтило противодѣйствіе и въ окружавшихъ императрицу лицахъ, въ канцлерѣ гр. Головкинѣ, кн. Репнинѣ, Долгорукомъ и Ягужинскомъ, сторонникахъ Австріи. При Аннѣ Іоанновнѣ

Россія серьезно разошлась и даже слегка, безъ объявленія войны, воевала съ Франціей изъ-за польскаго вопрбса. Гр. Остерманъ, бывшій при Екатеринѣ I сторонникомъ французскаго союза, при Аннѣ перешелъ вполнѣ на сторону Австріи и только въ концѣ царствованія Анны, благодаря Бирону, какъ будто бы появилось стремленіе къ сближенію съ Франціей. Политика правительницы Анны Леопольдовны была чисто австрійскою.

Императрица Елисавета питала симпатіи къ Франціи, но слабость характера и физическіе недуги препятствовали развитію дружелюбной въ отношеніи французскихъ интересовъ политики. Хотя императрица была обязана вступленіемъ на престолъ содѣйствію Франціи, но скоро измѣнила свои взгляды, а ея министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Бестужевъ-Рюминъ, несмотря на предлагаемыя Франціей взятки, предпочелъ быть подкупленнымъ и многократно Австріей и Англіей. Послѣдняя подкупила и наиболѣе вліятельнаго сторонника Франціи при нашемъ дворѣ Лестока.

Мало-по-малу однако французскія симпатіи Елисаветы, благодаря вліянію на нее гр. Воронцова, возстановились, и когда, вслѣдствіе вѣроломнаго приступленія союзной намъ Англіи къ союзу съ Пруссіей, Франція сблизилась съ Австріей, императрица пошла навстрѣчу Франціи, вяло однако поощряемая Людовикомъ XV, не забывшимъ исторіи съ Шетарди.

О Петрѣ III и говорить нечего. Онъ самымъ вѣроломнымъ образомъ оставилъ своихъ союзниковъ и

перешелъ на сторону Фридриха II, съ которымъ Франція была въ войнѣ.

Екатерина II не любила съ молоду Францію, увлекаясь англійскими порядками, не любила даже французскихъ модъ. Она досадовала, что французскій посланникъ Бретёль отказалъ выдать ей 60,000 рублей, необходимыхъ для совершенія государственнаго переворота. Бретёль въ одномъ изъ своихъ донесеній дѣлаетъ любопытную характеристику императрицы, замѣчая, что она очень боязлива во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. «Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности, во-вторыхъ потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ». Революціонное движеніе не могло, конечно, увеличить симпатіи къ Франціи императрицы, которая сказала въ 1789 г. графу Сегюру: «Я останусь аристократкою, это мое ремесло», и ненавидѣла клубъ «жакобановъ» (sic), учрежденный, по ея словамъ, «для взбунтованія вездѣ народовъ противу власти и властей».

Несмотря на радушный пріемъ, оказанный въ Парижѣ въ 1782 г., Павелъ I никогда не питалъ особеннаго расположенія къ Франціи и меньше всего могъ сочувствовать низверженію французскими революціонерами многовѣковыхъ престоловъ и всѣхъ основъ государственнаго порядка. Онъ рѣшилъ, что нужно «ускромлять французовъ для общей безопасности». Только желаніе отомстить чувствительно Австріи вы-

пудило его въ 1800 г. войти въ дипломатическія сношенія съ Бонапартомъ.

Александръ I, принимавшій близко къ сердцу судьбу германскихъ государей, не могъ равнымъ образомъ сочувствовать Франціи, хотя писалъ и говорилъ не иначе, какъ по-французски, даже доклады нѣкоторыхъ министерствъ принималъ только по-французски. Государь очень недовѣрчиво относился къ Наполеону и хотя, по мнѣнію многихъ, послѣ Тильзита увлекающійся и слабохарактерный Александръ I былъ будто бы совершенно порабощенъ обаятельною личностью французскаго императора, но, какъ справедливо полагаетъ г. Мартенсъ, это господствующее мнѣніе не имѣетъ подъ собою прочнаго основанія. Александръ I вовсе не былъ порабощенъ, а ждалъ минуты.

Еще въ Тильзитѣ онъ писалъ своей матери, приходившей въ ужасъ при мысли, что ея сынъ вступилъ въ дружескія отношенія съ Bonaparté (ея правописаніе), котораго Синодъ объявилъ только что антихристомъ: «Бонапарте при всемъ геніи имѣетъ слабую сторону — тщеславіе и я рѣшился принести въ жертву личное самолюбіе, чтобы спасти Имперію». Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отправляясь въ 1808 году на Эрфуртскій конгрессъ, онъ называетъ союзную намъ Францію «страшнымъ колоссомъ» и «истинно опаснымъ врагомъ». Еще категоричнѣе выразился онъ въ письмѣ, написанномъ въ этотъ же моментъ къ своей сестрѣ, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. «Bonaparté считаетъ меня ка-

жется дуракомъ (un sot), но смѣется хорошо тотъ, кто смѣется послѣднимъ. Я же полагаюсь вполнѣ на Бога!» Очевидно, государь не имѣлъ ни малѣйшаго довѣрія, ни малѣйшей симпатіи къ своему союзнику и вынужденный союзъ ихъ былъ только маскою, что уже въ 1809 году и выяснилось оригинальною помощью, оказанною Наполеону въ его войнѣ съ Австріею. Ведя эту войну, мы не имѣли ни одного ни убитаго, ни раненаго и только мѣшали дѣйствіямъ арміи Варшавскаго герцогства.

Вялость и неудачу нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Франціей можно отчасти объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что дипломатическій персоналъ, который мы употребляли для сношеній въ Парижѣ, былъ весьма невысокаго качества.

Посланный въ 1653 г. Мачехинъ постоянно пьянствовалъ и безчинствовалъ. Потемкинъ, ѣздившій въ 1668 и 1681 гг., только ссорился съ прочими членами посольства и вызывалъ неудовольствіе французовъ смѣшными претензіями. Великое посольство въ 1686 г. кн. Долгорукова и Мышецкаго, не доѣзжая до Парижа, открыло торговлю, и когда французскій чиновникъ хотѣлъ воспретить это, то его чуть не убили. Послы опять возбудили мелочные споры изъ-за этикета. Кончилось тѣмъ, что почетная стража была снята у посольскаго дома, и даже мебель изъ этого дома убрана. Посольство пожелало ѣхать въ городъ «Савостьяновъ» (С.-Себастіанъ), но его довезли только до Гавра.

Болѣе прилично держали себя первые представители единодержавнаго Петра: Постниковъ, впрочемъ, тайно скрывшійся отъ долговъ, и Матвѣевъ, котораго Людовикъ XIV называлъ почему-то Matucof. Но на нихъ мало обращали вниманія и, получая неакуратно ничтожное содержаніе, они не имѣли достаточно представительности. Французскій морской министръ Дибервиль замѣтилъ Матвѣеву, что главной помѣхою дружбы между обоими государствами были русскіе послы, которые «хлопотали только о своей прибыли и ничего не искали къ пользѣ своего государя» и «умному и политическому народу французскому дуростями своими досаждали». Повѣренный въ дѣлахъ Волковъ замѣчателенъ тѣмъ, что указалъ Петру на необходимость подкупа газеты. «Народъ здѣшній,— писалъ онъ,—весь враждебенъ Россіи и которыя добрыя извѣстія бываютъ, тѣхъ и слышать не хотятъ и въ печать они не допускаются, почему выгодно было бы курантельщика (редактора газеты) чѣмъ-нибудь приласкать, чтобы принималъ и печаталъ добрыя о насъ вѣдомости».

Послѣ сближенія съ Франціей Петръ назначилъ своимъ представителемъ въ Парижѣ нѣмца барона Шлейница и Регентъ вынужденъ былъ требовать, чтобы былъ назначенъ посланникъ съ русской фамиліей, ибо къ нѣмцу онъ довѣрія не имѣетъ, такъ какъ этотъ нѣмецъ выдаетъ всѣ дипломатическія тайны.

Послѣ ряда болѣе достойныхъ, но слишкомъ часто смѣнявшихся и потому съ французскими дѣлами мало

знакомыхъ представителей: кн. Куракина, кн. В. Долгорукова, кн. Кантемира (извѣстнаго сатирика), Гросса, графа М. Бестужева-Рюмина, гр. Чернышева, которому пришлось вынести на себѣ неудовольствія Людовика XV поведеніемъ Петра III, мы видимъ въ Парижѣ гр. Салтыкова, который, несмотря на болѣзненное состояніе, успѣлъ надѣлать столько долговъ, что французское правительство хотѣло его арестовать. Его смѣнилъ кн. Голицынъ, а затѣмъ Хотинскій, донесенія котораго, по словамъ г. Мартенса, «отличаются изумительною бѣдностью фактовъ и соображеній», между тѣмъ это было время раздѣла Польши и первой турецкой войны. Не лучше Хотинскаго представлялъ Россію смѣнившій его красивый кн. Барятинскій. «Безсодержательность донесеній Барятинскаго,—говоритъ г. Мартенсъ,—феноменальна». Онъ очевидно по мѣсяцамъ не видалъ ни короля, ни говорилъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Симолинъ былъ весьма дѣльный дипломатъ, но въ это время монархія во Франціи окончательно разлалась. Донесенія Симолина, мало касающіяся дипломатическихъ сношеній, заслуживаютъ особаго вниманія для историка этой эпохи и хорошо рисуютъ, съ какимъ добродушнымъ ослѣпленіемъ относились министры Людовика XVI къ предвѣстіямъ французской революціи. Симолинъ, какъ извѣстно, подвергался большой личной опасности, выдавъ для бѣгства Маріи Антуанеттѣ фальшивый паспортъ на имя баронессы Корфъ. Онъ получилъ и отъ своего двора стро-

жайшій выговоръ за то, что вздумалъ извинять выдачу этого паспорта «легкомыслiемъ». Уѣзжая въ концѣ декабря 1791 г. изъ Парижа, Симолинъ имѣлъ тайное свиданіе съ королемъ и Маріей Антуанеттой въ спальнѣ, гдѣ провелъ три часа. Разговоръ этотъ г. Мартенсъ передаетъ почти цѣликомъ. Тогда уже королева сказала, что предпочла бы смерть ежедневнымъ униженіямъ, которымъ подвергалась. Она передала письма брату своему императору Леопольду II и кн. Кауницу, но эти письма, лично отданныя Симолинымъ, не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія и не спасли королеву и ея мужа отъ смерти.

При возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ Франціей Павелъ I послалъ въ Парижъ вице-канцлера Колычева, котораго Талейранъ нашелъ «старомоднымъ дипломатомъ и трусишкою-царедворцемъ». Колычевъ весьма скоро проникъ въ честолюбивые замыслы Бонапарта. Находя нашего посла «глупымъ, упрямымъ и грубымъ», послѣдній добился его отозванія, но не остался доволенъ и преемникомъ его гр. Морковымъ. Бонапартъ называлъ этого знаменитаго дѣятеля польскихъ раздѣловъ «скареднымъ, интриганомъ и высокомѣрнымъ». Въ свою очередь Морковъ увѣрялъ, что Талейранъ «способенъ на всякія мерзости и подлости».

Наполеонъ и его министръ были недовольны и преемникомъ Моркова — Убри, къ которому въ Парижѣ относились презрительно. «Кажется нѣтъ,—писалъ Талейранъ представителямъ Франціи за границею въ

1804 г.,—двора болѣе бѣднаго людьми какъ русскій. Тамъ графъ Морковъ — орелъ! Воронцовы, какъ хорошо извѣстно, — англичане... Воронцовы не русскіе и ужъ давно эта британская клика старалась продавать лондонскому кабинету національные интересы Россіи».

Убри дѣйствительно «орломъ» не былъ, и когда его въ іюлѣ 1806 г. послали агентомъ по дѣламъ военноплѣнныхъ, то онъ, не имѣя никакого полномочія, подписалъ мирный трактатъ съ Франціей! «Такого результата никто не ожидалъ въ Европѣ и Убри удивилъ своимъ легкомысліемъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ», говоритъ г. Мартенсъ. Трактатъ, по которому Россія, не получивъ никакихъ уступокъ, вѣроломнымъ образомъ оставляла своихъ союзниковъ, понятно, ратификованъ не былъ и Убри былъ сосланъ въ свои имѣнія.

Таковы были наши представители въ эпоху до заключенія тильзитскаго мира. Между французскими представителями въ Петербургѣ тоже не всѣ были на высотѣ своего положенія, маркиза де-Боссе напр., самъ Шуазель называлъ глупцомъ, но изъ нихъ было какъ будто болѣе людей выдающихся. Французскій дипломитическій корпусъ считался тогда заслуженно первымъ въ Европѣ, но къ намъ, по отзыву одного нашего посланника, соглашались ѣхать только дипломаты второго сорта, считая Россію страною дикою *).

*) Даже простые «цирюлики» (хирурги) боялись ѣхать. Приглашая ихъ, Постниковъ писалъ въ 1703 г. Петру: «чаютъ на край свѣта ѣхать къ Москвѣ и дьяволъ ихъ знаетъ, что тому-

Между выдающимися представителями Франціи отмѣтимъ Кампредона, состоявшаго посланникомъ при Петрѣ и Екатеринѣ I. Онъ былъ неутомимъ въ своихъ стараніяхъ поддержать добрыя отношенія между обѣими державами и принесъ намъ пользу при заключеніи Ништадскаго мира. Извѣстный маркизъ де ла Шетарди, игравшій такую роль при возведеніи на престолъ Елизаветы, хотя былъ человѣкомъ тщеславнымъ и отчасти легкомысленнымъ, отличался однако живымъ умомъ, смѣлостью и сообразительностью. Г. Мартенсъ останавливается впрочемъ болѣе на его мелочныхъ столкновеніяхъ изъ-за вопросовъ этикета.

Съ гораздо большимъ тактомъ дѣйствовалъ Лопиталь, заставившій Россію присоединиться къ союзу между Франціей, Швеціей и Австріей, но ему недоставало, по мнѣнію г. Мартенса, ума и кромѣ того Людовикъ XV своею тайною дипломатіей (le Secret du Roi) мѣшалъ часто послу, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ при русскомъ дворѣ.

Бретёль, хотя и прозѣвалъ переворотъ 1762 г., былъ недурнымъ дипломатомъ, но его терпѣть не могла Екатерина. Самымъ лучшимъ представителемъ Франціи при Екатеринѣ былъ графъ Сегюръ. Благодаря ловкости, уму и любезности, графъ сдѣлался у Екатерины II и Потемкина persona gratissima и безъ всякихъ подкуповъ достигъ черезъ послѣдняго заклю-

---

рять; егда слышать Москву нашу, чають, что она съ Индіями граничитъ».

ченія въ 1786 г. перваго коммерческаго трактата между Франціей и Россіей. Франція была тогда первою въ левантійской торговлѣ и ей было важно стать поставщицей въ новыхъ русскихъ владѣніяхъ на Черномъ морѣ.

Первый посланецъ Наполеона I Дюрокъ былъ также человѣкъ очень тонкій; хотя онъ оставался въ Петербургѣ недолго, но донесеніе его о петербургскомъ обществѣ, напечатанное въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ Вандаля «Napoléon et Alexandre I-er», т. I, замѣчательно по чрезвычайно вѣрному описанію русскаго высшаго сословія. Оно и до сихъ поръ не потеряло своей цѣны.

Маркизъ Лопиталь высказалъ убѣжденіе, что французскій посолъ въ Петербургѣ долженъ быть «уменъ, спокойнаго нрава и великолѣпенъ». Эти три качества рѣдко соединялись въ одномъ лицѣ. Если бы они однако, и соединялись, но нельзя было считать успѣхъ дипломата заранѣе обезпеченнымъ. Въ XVIII вѣкѣ были другіе нравы и другія понятія о долгѣ службы. Теперь правительства соперничаютъ вооруженіями и тратятъ деньги на пушки и броненосцы, тогда они соперничали субсидіями и особенно подкупомъ министровъ, фаворитовъ, фаворитокъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Цинизмъ, съ которымъ производилась эта торговля, просто невѣроятенъ. Большую роль игралъ также «черный кабинетъ».

ВЪ ИТАЛІИ.

Необыкновенные холода во Франціи, какихъ уже не было съ X столѣтія, заставили меня поѣхать погрѣться въ Италію на чудныя итальянскія озера [1]). Уже по дорогѣ въ Швейцарію я увидѣлъ, что меня ожидаетъ горькое разочарованіе, а въ Миланѣ погода оказалась холоднѣе и дождливѣе, чѣмъ въ Парижѣ, поэтому, чтобы не возвращаться немедленно, я ограничился поѣздкою въ Римъ и на возвратномъ пути остановился въ Туринѣ посмотрѣть международную выставку декоративнаго искусства и фотографіи, недолго передъ тѣмъ открытую.

Въ Миланѣ я нашелъ очень мало перемѣнъ: прибавилось только нѣсколько крупныхъ зданій въ центрѣ города, выстроили прекрасный лѣтній театръ и ресторанъ въ Новомъ паркѣ и всѣ улицы, даже самыя узкія, покрылись такою сѣтью электрическихъ дорогъ, что буквально нельзя ни пройти, ни проѣхать безъ опасности жизни.

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1902 года.

Отъ лучшаго художественнаго произведенія въ Миланѣ, знаменитой «Тайной вечери» Леонарда да Винчи въ бывшемъ монастырѣ Маріи Милостивой — нынѣ кавалерійской казармѣ—ничего уже не осталось. Она окончательно вылиняла отъ сырости и конечно только на-слово будущія поколѣнія туристовъ будутъ вѣрить, что это была величайшая картина эпохи возрожденія.

Вслѣдствіе скверной погоды, на Бастіонахъ никто не катался; да и въ театрахъ было немного публики, такъ какъ «сезонъ» въ Италіи официально уже кончился.

Я поѣхалъ въ театръ Dal-Vernie посмотрѣть знакомую нашей публикѣ красавицу Лину Кавальери, пѣвшую «Manon», Г-жа Кавальери пѣла недурно, но играла неважно; бо́льшаго впрочемъ трудно и требовать отъ бывшей продавщицы газетъ и исполнительницы неаполитанскихъ шансонетокъ въ кафе-шантанахъ. Замѣчательно, что артистка, благодаря тонкимъ чертамъ лица, кажется на сценѣ менѣе красивою, чѣмъ вблизи. Для сцены, извѣстно, нужны крупныя черты.

Артистка казалась также и гораздо выше ростомъ, отчасти потому, что теноръ, исполнявшій роль Дегріе, былъ маленькій и толстенькій, совершенно «драматическій самоваръ».

Публики было менѣе, чѣмъ восторговъ. Особенно неистовствовали военные, наполнявшіе двѣ большія ложи въ бенуарѣ рядомъ со мною. Въ Миланѣ стоятъ лучшіе полки итальянской кавалеріи, офицеры которой все больше изъ аристократіи. Молодежь эта, весьма

молодецкая на видъ, вела себя, какъ дома: пѣла, кричала, мяукала и вообще развлекала остальную публику не менѣе, чѣмъ г-жа Кавальери. По итальянской методѣ, никто не прослушивалъ цѣлой оперы, приходили къ любимымъ нумерамъ и затѣмъ уходили, на смѣну имъ являлись другіе. Не находя мѣста, стояли преспокойно въ коридорѣ: такъ продефилировали цѣлые полки за какія-нибудь 80 лиръ.

Въ Римѣ погода оказалась не лучше миланской и парижской, но, къ счастью, дождь только накрапывалъ. Построекъ новыхъ прибавилось мало. Городу, исключительно чиновничьему и духовному, недостаетъ денегъ. По наружности все чисто, но, говорятъ, восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, т. е. треть населенія, живутъ насчетъ общественной и частной благотворительности. Между тѣмъ остальная Италія, кромѣ бѣдныхъ уголковъ Калабріи, въ послѣднее время экономически дѣлаетъ большіе успѣхи: отпускъ увеличивается, бумажная лира теряетъ при обмѣнѣ менѣе 2 процентовъ и одни путешественники оставляютъ ежегодно въ Италіи до 500 милліоновъ лиръ.

Въ Ватиканѣ новостью для туристовъ представляются частныя комнаты знаменитаго папы Александра VI Борджіа, очищенныя и реставрированныя по приказанію Льва XIII. Это любопытный образчикъ архитектуры и убранства XVI вѣка.

Самого папу видѣть теперь довольно трудно. Имѣя

девяносто два года отъ роду, онъ, хотя сохранилъ свѣжесть умственныхъ силъ, физически очень опустился, даже подписать свое имя для него большая задача. Его выносятъ только на показъ толпамъ пилигримовъ, прибывающихъ время отъ времени въ Римъ. При мнѣ былъ пріемъ сардинскихъ пилигримовъ.

Отношенія наши къ папѣ въ послѣднее время немного охладѣли изъ-за извѣстной исторіи съ виленскимъ епископомъ, но вообще недурны, недавно же еще они отличались необыкновенною любезностью и сердечностью. На прошлогодній юбилей были присланы отъ Двора великолѣпные подарки. Отношенія, конечно, находятся въ связи не съ одними религіозными вопросами. Чѣмъ холоднѣе относятся Россія и Франція къ тройственному союзу, т. е. и къ Италіи, тѣмъ, естественно, это пріятнѣе папѣ. Теперь же, какъ извѣстно, Италія желаетъ выторговать себѣ поболѣе отъ союза, а потому дѣлаетъ видъ, что далеко не въ восторгѣ отъ послѣдняго; она заигрываетъ съ нашею союзницею Франціей, какъ Австро-Венгрія заигрываетъ съ нами*). Это не можетъ нравиться папѣ, который къ Франціи очень благоволитъ, несмотря на стѣснительные для монашескихъ орденовъ законы, изданные въ послѣднее время. Законы эти оставались пока болѣе на бумагѣ; для всѣхъ монастырей, дѣлающихъ ликеры и шеколадъ, они въ фискальныхъ видахъ уже не при-

*) Въ послѣднее время Италія стала сближаться не только съ Франціей, но и съ нами.

мѣняются: такая снисходительность будетъ вѣроятно распространена и на остальные, когда соціалисты уйдутъ изъ состава министерской партіи.

Сношеній папы съ итальянскимъ правительствомъ попрежнему не происходитъ вовсе, и папа упорно отказывается отъ 3.500,000 лиръ, назначенныхъ ему итальянскимъ правительствомъ по органическому статуту. Въ этомъ случаѣ папа можетъ быть поступаетъ вполнѣ расчетливо не только съ политической, но и съ финансовой точки зрѣнія. Принявъ дотацію итальянскаго королевства, папа сталъ бы въ положеніе итальянскаго высшаго чиновника, что умалило бы его авторитетъ въ католичествѣ; съ другой стороны сознаніе, что папа матеріально вполнѣ обезпеченъ, прекратило бы сборъ «динарія св. Петра», которымъ и существуютъ теперь папа и его органы, кромѣ коллегіи пропаганды, имѣющей независимые огромные капиталы и доходы.

Этой коллегіей завѣдываетъ извѣстный врагъ Россіи кардиналъ Ледоховскій. Онъ теперь слѣпъ и глухъ, всѣмъ управляетъ его секретарь ловкій полячекъ. Левъ XIII давно хотѣлъ бы уволить престарѣлаго Ледоховскаго, но не рѣшается *).

Если динарій святого Петра превосходитъ дотацію итальянскаго правительства, то не нужно думать, что

*) Ледоховскій умеръ въ іюлѣ 1902 г. и на его мѣсто префектомъ коллегіи пропаганды назначенъ кардиналъ Готти, который считается однимъ изъ кандидатовъ на папскій престолъ. Готти сторонникъ Франціи.

онъ очень великъ: въ лучшіе юбилейные годы доходы папы составляютъ отъ 10 до 11 мил. лиръ, въ обыкновенные годы доходы его не превосходятъ 4 или 5 мил. лиръ, причемъ большую часть этой суммы даетъ страна Вольтера и энциклопедистовъ — Франція. Фанатическіе испанцы, баварцы, бельгійцы, ирландцы и друг. ограничиваются благословеніями и благопожеланіями.

Между тѣмъ у папы множество обязательныхъ расходовъ. Онъ содержитъ Ватиканъ съ его 10,000 комнатъ, дворцы Латеранскій и Кастель Гандольфо, церкви св. Петра и Павла за стѣнами. На его рукахъ лежитъ содержаніе огромной церковной центральной администраціи *). Правда, вся эта масса чиновниковъ и прислуга существуетъ больше взятками и подачками, но папа содержитъ на свой счетъ двадцать пять кардиналовъ, занимающихъ высшія административныя должности при его дворѣ.

Положеніе этихъ сановниковъ церкви не особенно завидное. Большинство ихъ люди безъ личнаго состоянія, а содержаніе кардинала составляетъ только 25,000 лиръ въ годъ, между тѣмъ кардиналъ обязанъ имѣть экипажъ и квартиру не менѣе какъ изъ восьми

*) Администрація эта не остается безъ дѣла. 35 секретарей назначено только для разбора личной переписки папы, который получаетъ въ среднемъ ежедневно 22,000 писемъ, тогда какъ король англійскій получаетъ ихъ только около 1,500, Императоры всероссійскій и германскій по 600 и 700, а голландская королева отъ 100 до 150.

комнатъ, причемъ особая комиссія рѣшаетъ, прилична ли нанимаемая квартира для кардинала, имѣетъ ли она парадный входъ съ улицы и т. п. Къ счастью, квартиры въ Римѣ не дороги: за 6 или 8,000 лиръ можно имѣть квартиру въ палаццо въ 20 или 25 комнатъ непомѣрной вышины, расписанныхъ фресками и изъ которыхъ каждая вмѣстила бы въ себѣ квартиру скромнаго петербургскаго чиновника.

Въ этомъ случаѣ итальянцы и до сихъ поръ допускаютъ въ постройкахъ извѣстную роскошь. Даже въ новыхъ зданіяхъ размѣры комнатъ, высота этажей и особенно ширина лѣстницъ поражаютъ людей, привыкшихъ къ узкимъ витымъ лѣстницамъ другихъ городовъ. Да по климату это здѣсь и необходимо. Отъ іюня до конца сентября въ Римѣ стоитъ невыносимая жара, вѣтра и дождя не бываетъ, на дачѣ же мало кто живетъ; дачи находятся въ горахъ, въ 6 или 8 час. по желѣзной дорогѣ или трамваю. Вокругъ самаго Рима дачъ нѣтъ.

Вообще это удивительная не только столица, но и городъ вообще, такъ какъ у Рима нѣтъ ни предмѣстій, ни дачъ, ни огородовъ. За городомъ прямо начинается пустыня. Къ счастью еще, что послѣдняя теперь очищена отъ разбойниковъ; даже лихорадки стали менѣе жестокими, въ городѣ отъ нихъ почти не страдаютъ.

Вышеозначенные кардиналы-сановники составляютъ въ куріи сплошную «римскую партію», которая свои мелочные интересы ставитъ впереди интересовъ като-

личества, поэтому при выборѣ новаго папы вся суть борьбы сводится къ устраненію кандидата этой партіи. Легче всего могъ бы сдѣлаться папою статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ кардиналъ Рамполла, но по традиціямъ этотъ сановникъ никогда не избирается папою, а въ Римѣ все основано на традиціяхъ. Теперь, послѣ трехвѣкового опыта, традиція установила, что папа непремѣнно долженъ быть итальянецъ, поэтому надежда видѣть папу изъ иностранцевъ осуществлена быть не можетъ. Новый папа будетъ изъ итальянцевъ, но по всей вѣроятности изъ провинціальныхъ кардиналовъ. Таковыхъ вмѣстѣ съ иностранными кардиналами двадцать семь, то-есть большинство въ избирательной комиссіи.

Новый папа вѣроятно будетъ консерваторомъ, такъ какъ, по римскимъ традиціямъ, новый папа долженъ имѣть другую политику и другія связи, чѣмъ его предшественникъ. Кардиналы, въ огромномъ большинствѣ люди свѣтскіе, не желаютъ также очень строгаго папы, поэтому кардиналы изъ монаховъ при всѣхъ достоинствахъ не имѣютъ шансовъ быть избранными въ папы. Молва уже теперь называетъ будущихъ кандидатовъ, но Левъ XIII можетъ ихъ и пережить, какъ пережилъ онъ уже нѣсколькихъ своихъ бывшихъ соперниковъ.

Въ воскресенье, 28-го апрѣля (11-го мая), происходило въ присутствіи короля и перваго министра Цанардели открытіе около Porto del Popolo новаго стрѣльбища и здѣсь легко было убѣдиться, какъ мало

популяренъ Викторъ-Эммануилъ III. Онъ, кажется, еще менѣе популяренъ, чѣмъ его отецъ Гумбертъ, который, когда погибъ отъ руки полоумнаго злодѣя, то биржа, какъ будто бы не произошло ничего особеннаго, повысила на другой день курсъ ренты на одинъ франкъ. А Гумбертъ еще ребенкомъ сражался за единство Италіи!

Молодому королю ставятъ въ вину тѣ качества, которыя составляли бы заслугу для каждаго частнаго человѣка: его скромность и бережливость. Онъ интересуется только нумизматикой и велосипедомъ. Ни военная часть, ни политика его ни занимаютъ. Желая быть вполнѣ коректнымъ парламентнымъ королемъ, онъ даже выборъ придворной прислуги предоставляетъ, какъ въ Англіи, министерству. Между тѣмъ итальянскому народу надоѣлъ парламентаризмъ, отъ котораго кромѣ новыхъ налоговъ и интригъ безчисленныхъ мелкихъ партій и котерій ничего онъ не замѣчаетъ, и народъ желалъ бы видѣть въ монархѣ больше силы и блеска.

Королева Елена не можетъ увеличить популярности короля, ибо сама ею не пользуется, несмотря на молодость и красоту. Она ведетъ жизнь семейную, замкнутую, рѣдко гдѣ показывается, даже дѣла благотворительности ее мало интересуютъ. Народъ ставитъ ей въ вину даже ея скромное происхожденіе. Глупые народные толки увѣряютъ, что королева живетъ такъ тихо потому, что копитъ ящики драгоцѣнныхъ металловъ для отсылки на родину. И вся эта дурацкая

сплетня произошла отъ того, что королева послала какую-то старую люстру въ Цетинье изъ провинціальнаго дворца въ Казертѣ!

Какъ два года назадъ во всѣхъ витринахъ въ Римѣ я видѣлъ только переводы Сенкевича, такъ теперь витрины книжныхъ магазиновъ и кіосковъ полны переводами Максима Горькаго. И въ газетахъ переводятъ съ русскаго, переводятъ даже романы г. Боборыкина въ фельетонахъ, что не легко. Итальянскія газеты и самыя распространенныя, какъ «Tribuna», величиною не болѣе нашего «Свѣта», литературному фельетону въ нихъ отводится ежедневно строкъ шестьдесятъ. Такимъ образомъ, чтобы передать цѣликомъ романъ г. Боборыкина, потребовалось бы лѣтъ десять. Очевидно, производятся купюры.

Сезонъ, какъ я сказалъ, въ Римѣ уже кончился, хорошія гостинницы, гдѣ, кстати замѣтить, принимая всѣхъ людей за англичанъ, дерутъ непомѣрно, закроются съ 1-го іюня и городъ наводнится «куками». Въ театрахъ играли второстепенныя труппы. Я посмотрѣлъ только въ театрѣ Vale неаполитанскую труппу Скарпети, который и актеръ и авторъ уморительныхъ фарсовъ, по большей части передѣлываемыхъ съ французскаго. Давали новый фарсъ «Djirolamo e Djiroline» въ палерояльскомъ вкусѣ. Публика, довольно изящная съ виду, надрывала животики надъ остротами и bons mots, которыя, конечно, для меня были недоступны. Сюжетъ фарса — пріемъ одного влюбленнаго за разбойника—даетъ предлогъ осмѣивать судей, по-

лицію и муниципалитетъ, который въ Италіи завѣдываетъ полиціей. Очень комично поставлена сцена спора полицейскихъ между собою, оканчивающаяся общею потасовкою.

Въ Туринѣ я не останавливался съ 1884 года, когда тамъ происходила большая международная промышленная выставка. Особыхъ перемѣнъ за восемнадцать лѣтъ въ этомъ городѣ я не нашелъ: преобразовалась только сѣть конныхъ дорогъ въ электрическую да прибавилось нѣсколько монументовъ.

Между ними меня заинтересовалъ поставленный въ 1892 году на правомъ берегу рѣки По, на пригоркѣ передъ мостомъ Маріи Терезіи, большой монументъ въ память участія Сардиніи въ Крымской войнѣ. Монументъ работы Белли представляетъ гранитную пирамиду съ бронзовыми барельефами и надписями, а передъ пирамидою прекрасная большая группа изъ бѣлаго мрамора: статуя «Побѣды» ведетъ по правую руку матроса, по лѣвую — берсальера.

Глядя на эту группу, мнѣ стало досадно, что мы до сихъ поръ не собрались поставить надлежащаго памятника севастопольской осадѣ, этой величественной эпопеѣ XIX столѣтія, рѣдкой по героизму и великодушію участниковъ. Нѣкоторые эпизоды этой борьбы прекрасно разсказаны въ вышедшемъ недавно въ Парижѣ второмъ томѣ «Записокъ Маршала Канробера» (Le Maréchal Canrobert, Souvenir d'un siècle, par Germain Bapst).

съ желѣзными дорогоми, дѣло, конечно пошло бы иначе...»

Представивъ Канробера императрицѣ Маріи Александровнѣ, государь опять повторилъ: «Вы были счастливы, что не сдѣлали ошибки взять Севастополь сейчасъ же послѣ Альмы; вы бы навѣрное его взяли, а мы не имѣли бы несчастія защищать эту цитадель съ такою энергіею и настойчивостью. Если бы вы были умнѣе, а мы менѣе энергичны, то побѣда была бы за нами. Такова судьба, дѣла часто идутъ наперекоръ и здравому смыслу и разуму...»

У насъ во время Крымской войны о сардинскихъ войскахъ отзывались съ презрѣніемъ. Между тѣмъ, по отзыву Канробера, она дралась очень хорошо. Піемонтская армія состояла преимущественно изъ савояровъ — французовъ по языку и обычаямъ. Французскіе солдатики подсмѣивались впрочемъ надъ ними, называя берсальеровъ cantinières — маркитантками, такъ какъ ихъ широкіе панталоны, куртки и круглыя лакированныя шляпы съ перомъ напоминали костюмы этихъ дамъ.

Какъ городъ, Туринъ не упалъ экономически отъ переноса столицы во Флоренцію и затѣмъ въ Римъ, но онъ не сдѣлался и оживленнѣе. Распланированіе по-американски на правильные квадраты дѣлаетъ городъ еще скучнѣе. Кто видѣлъ одну улицу Турина или одинъ бульваръ—видѣлъ ихъ всѣ. Ужасны въ городѣ также сквозные вѣтры, вѣчно дующіе изъ Сузской долины. Прежде всѣ туринскія улицы назывались по именамъ

святыхъ, теперь многія изъ нихъ перекрещены именами современныхъ итальянскихъ знаменитостей.

Новая международная выставка находится въ томъ же городскомъ паркѣ El Valentino, въ которомъ были и выставки 1884 и 1898 гг. Она занимаетъ нѣсколько деревянныхъ павильоновъ, изъ которыхъ одинъ очень большой, бѣлый съ громаднымъ оригинальнымъ куполомъ. Хотя выставка уже двѣ недѣли какъ была открыта королемъ Викторомъ-Эммануиломъ, но казалась далеко не законченною, а о дорожкахъ и клумбахъ и говорить нечего. Публики попадалось очень мало.

На выставкѣ имѣются отдѣлы: фотографіи, велосипедовъ и даже вина и деревяннаго масла, но главнымъ образомъ выставка устроена, чтобы показать успѣхъ такъ называемаго moderne style—смѣси стиля англійскихъ мужиковъ, прерафаэлизма и декадентства. Эта уродливая окрошка развивается и захватываетъ себѣ мѣсто. На всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 года, говорятъ, уже были замѣтны ея успѣхи, но тамъ образцы «новаго стиля» терялись въ множествѣ другихъ издѣлій. Въ Туринѣ все это собрано во-едино и въ придачу помѣщено въ зданіяхъ соотвѣтствующаго стиля, представляющихъ верхъ безвкусицы и невѣроятныхъ комбинацій, напримѣръ древнеегипетскаго стиля съ новѣйшимъ китайскимъ, и т. п.

Въ Италіи послѣдователями новаго искусства явились нѣкоторые члены «кружка артистовъ» въ Туринѣ съ извѣстнымъ живописцемъ Леонардо Бистольфи во главѣ. Имъ то и принадлежитъ иниціатива вы-

ставки. Для нея въ Туринѣ были выпущены акціи, давшія по подпискѣ больше чѣмъ милліонъ рублей. Эта сумма покрыла всѣ расходы. Во главѣ орканизаціоннаго комитета выставки стоялъ братъ короля герцогъ д'Аоста, а также сенаторъ Біанки и друг. Главнымъ руководителемъ по постройкамъ былъ архитекторъ д'Аронко.

Что «новый стиль» преуспѣваетъ, я заключилъ уже и ранѣе изъ того, что даже спальный вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ изъ Рима въ Туринъ, былъ отдѣланъ въ этомъ стилѣ. Неожиданностью для меня было географическое распространеніе стиля. Наиболѣе обширные отдѣлы изъ иностранныхъ государствъ устроили не Англія и Франція, а Голландія, Швеція и особенно Венгрія. У насъ все еще эту послѣднюю страну представляютъ въ видѣ гусаровъ, танцующихъ чардашъ подъ звуки цыганскихъ скрипокъ, а оказывается, что она идетъ впереди всѣхъ въ декоративномъ искусствѣ. Даже Японія фигурируетъ въ числѣ странъ, усваивающихъ «новый стиль».

Россіи на Туринской выставкѣ нѣтъ, но art russe на манеръ «новаго стиля» фигурировала въ Village russe въ кустарномъ отдѣлѣ Парижской всемірной выставки 1900 года въ видѣ ковровъ, деревянныхъ издѣлій братинъ, каменныхъ и гончарныхъ издѣлій. Многія изъ послѣднихъ были сдѣланы по рисункамъ Врубеля.

Огромная часть туринской выставки занята картинами въ декадентскомъ стилѣ. Кое-что тутъ не ли-

шено таланта, но большинство картинъ мазилки, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ. Немало картинъ тенденціозныхъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Когда-то искусство имѣло цѣлью украшеніе природы. Теперь, выйдя изъ балагановъ выставки и очутившись среди чудныхъ каштановыхъ деревьевъ городского парка, видишь, что оно ударилось въ противуположную крайность—искажать природу. Во всякомъ случаѣ попытки забыть на время грековъ, съ которыми носились столько вѣковъ, и поискать помимо академій и музеевъ новыхъ путей для искусства заслуживаютъ вниманія.

Реакція не въ одномъ декоративномъ искусствѣ. Человѣчество преклоняется теперь передъ Милле, Манэ, Боделеромъ, Берліозомъ, Вагнеромъ, Родэномъ, имена которыхъ произносились когда-то съ едва скрываемымъ презрѣніемъ.

ИЗЪ ПАРИЖА.

Франко-русскій союзъ. — Французская печать. — Суды. — Моды.—Театръ.—Двѣ артистки.

По словамъ одной англійской газеты, перепечатаннымъ всею парижскою печатью, путешествіе Делькасэ, извѣстнаго друга Англіи, въ Петербургъ имѣло цѣлью посовѣтовать Россіи быть-де болѣе умѣренною въ манчжурскомъ вопросѣ! И «такъ какъ,—прибавляетъ означенная газета («Financial Times»),—французское правительство является крупнымъ кредиторомъ (?), то его совѣты должны имѣть большой вѣсъ».

Эти слухи, а равно извѣстія о желаніи будто бы Италіи по экономическимъ причинамъ выйти изъ тройственнаго союза и сблизиться съ Франціей, возбудили вновь въ Парижѣ разговоры о франко-русскомъ союзѣ.

Съ наружной стороны въ этомъ союзѣ все обстоитъ благополучно. Въ китайскомъ вопросѣ оба правительства идутъ какъ будто бы рука объ руку, поѣздка генерала Пендезека и перемѣны въ военномъ агент-

ствѣ въ Парижѣ сблизили военные интересы, Делькасэ второй разъ уже пропутешествовалъ въ Петербургъ, а о поведеніи печати и говорить нечего. По отношенію къ франко-русскому союзу вся французская печать держится въ высшей степени корректно. Мало того, со ствойственнымъ французамъ стремленіемъ переходить во всемъ мѣру, можно сказать, что французская печать est plus russe, чѣмъ даже русская. За исключеніемъ можетъ быть «Siècle», «Petite République» и т. п. чисто еврейскихъ органовъ, ни одна парижская газета не напечатаетъ теперь строки, направленной къ критикѣ русскихъ порядковъ или русской политики.

Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что во французскомъ обществѣ, особенно въ дѣловыхъ кружкахъ, замѣчается какое-то охлажденіе къ Россіи, нѣкоторая ворчливость и какъ бы разочарованіе въ результатахъ франко-русскаго сближенія. Жалобы сводятся къ тому, что Россія недовольно предупредительна къ Франціи, особенно къ тому, что всѣ выгоды отъ соглашенія достались будто бы на долю Россіи, Франція же только даетъ деньги. Эти жалобы раздаются уже не впервые и французы забываютъ слова Бисмарка, что «до извѣстной степени дружба одного кабинета къ другому всегда останется платонической: ни одна великая держава не можетъ отдать себя на службу другой: она всегда должна помнить о своихъ отношеніяхъ къ остальнымъ».

Жалобы на малую предупредительность особенно часто раздавались во время всемірной выставки, а

именно на то, что Россія была слабо представлена съ официальной стороны. Положимъ и другія правительства отнеслись равнодушно къ выставкѣ, но это молъ особая статья, мы же союзники, а потому отъ насъ и требованія другія.

Съ своей стороны французы были во время выставки болѣе чѣмъ предупредительны, давали намъ все, что мы просили, и если наши постройки произвели слабое впечатлѣніе, то потому, что мы сами не умѣли выбрать мѣстъ. Такъ, русскій Кремль поставили не на берегу Сены, а подъ дворцомъ Трокадеро, точно какую-то надворную пристройку. За выставку русскіе получили болѣе французскихъ орденовъ, и самыхъ высокихъ, чѣмъ получила ихъ вся французская армія во время Крымской войны.

Щедрость привела къ тому, что получить Легіонъ à titre étranger не считается уже очень большою честью и орденскія ленточки стали носить въ Парижѣ гораздо менѣе прежняго, особенно съ тѣхъ поръ, какъ это сдѣлалось признакомъ принадлежности къ «народу избранному».

Жалобы на равнодушіе появились даже по случаю привѣтствія президента республики итальянскимъ флотомъ въ Тулонѣ. «Почему русская эскадра не принимала участія въ этомъ торжествѣ»,—спрашивали здѣсь многіе. Между тѣмъ само собою разумѣется, что немногочисленной нашей эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ, состоящей изъ второстепенныхъ судовъ, не было расчета являться на торжество, гдѣ два государства щеголяли

другъ передъ другомъ своими лучшими и крупнѣйшими боевыми единицами.

Не мало жалобъ и на потери денежныя, понесенныя французами, благодаря русской дружбѣ, хотя виною здѣсь отчасти обстоятельства всемірнаго рынка и отчасти увлеченія самихъ же французовъ. Россія была конечно очень рада конвертировать свой долгъ въ моментъ, когда деньги были дешевы—при этой конверсіи, занимая болѣе, чѣмъ погашая, мы усилили свою кассовую наличность, образованную Вышнеградскимъ путемъ скупа векселей и спекуляцій съ кредитными билетами въ Берлинѣ; для насъ было выгодно также выйти изъ зависимости Берлина по отношенію къ государственному кредиту и сдѣлать своимъ главнымъ кредиторомъ союзника. Но въ виду повышенія цѣны русскихъ бумагъ на биржѣ въ половинѣ 90-хъ годовъ, французы такъ охотно пріобрѣтали ихъ, что очистили не только нѣмецкіе рынки, но и бельгійскіе, голландскіе и англійскіе.

Новѣйшія данныя показываютъ впрочемъ, что далеко не всѣ наши заграничные займы перешли во Францію, что, пожалуй, намъ и выгоднѣе. Иначе Россіи въ случаѣ войны трудно было бы занимать деньги, французы же, продавая русскія бумаги исключительно у себя дома, конечно, очень понизили бы имъ цѣну и понесли бы большіе убытки.

Во всякомъ случаѣ во Франціи имѣется не менѣе семи милліардовъ франковъ русскихъ бумагъ, и количество это ежегодно увеличивается то займами, то

небольшими выпусками бумагъ Дворянскаго Банка и друг., дѣлаемыми преимущественно черезъ Credit Lyonnais. Въ виду того, что русскія бумаги упали на нѣсколько процентовъ, потеря, хотя для большинства и номинальная, кажется не малою, но надобно имѣть въ виду, что такая же потеря, а можетъ быть и большая была бы для французовъ и при помѣщеніи въ займахъ другихъ государствъ.

Болѣе реальную потерю понесли французы на помѣщеніи своихъ капиталовъ въ русскія промышленныя предпріятія. Здѣсь положительно можно сказать, что не менѣе половины французскаго капитала или навсегда уже потеряна, или же онъ получитъ какіе-либо проценты не ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ.

У насъ высказывается мнѣніе, что бельгійцы понесли болѣе чувствительныя потери, нежели французы, на помѣщеніи своихъ капиталовъ въ русскія промышленныя предпріятія, но это невѣрно. Многія русскія предпріятія были учреждены въ Брюсселѣ, такъ какъ бельгійскіе биржевые законы свободнѣе французскихъ и биржевые налоги въ Бельгіи менѣе, но по крайней мѣрѣ двѣ трети капитала въ русскихъ компаніяхъ, созданныхъ въ Бельгіи, было доставлено французами. Громадную потерю по этимъ капиталамъ надобно причислить равнымъ образомъ къ потерямъ Франціи.

Понятно, что французы относятся теперь весьма кисло къ учрежденію новыхъ франко-русскихъ обществъ, и надобно удивляться наивности людей, которые являются еще въ Парижѣ съ предложеніемъ новыхъ рус-

скихъ компаній, причемъ аферистамъ грезятся попрежнему сотни тысячъ комиссіи и милліоны за фантастическіе апорты.

*
* *

Послѣ шатанія по бульварамъ и въ Булонскомъ лѣсу, чтеніе газетъ составляетъ главное занятіе парижанъ (но не парижанокъ), и интересно взглянуть на нынѣшнюю группировку французской печати.

Одно время долго держался слухъ, что газеты «Figaro» и «Gaulois» соединяются вмѣстѣ — очевидное доказательство, что обѣ онѣ плохо теперь работаютъ. Для «Gaulois» это не ново, но «Figaro» недавно еще считалась одною изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ. И до сихъ поръ, хотя эта газета состоитъ почти сплошь изъ оплаченныхъ заранѣе рекламъ и имѣетъ очень мало талантливыхъ сотрудниковъ, да и тѣ, что талантливы, писали очень скучно, какъ Марсель Прево, Гешъ, Фукье, Дешанъ; она представляетъ органъ весьма вліятельный, потому что расходится въ лучшемъ обществѣ.

Паденію «Figaro» содѣйствовали не только ухудшеніе состава его редакціи и неловкое, притомъ запоздалое, сочувствіе къ Дрейфусу, но и конкуренція другихъ органовъ, издающихся по той же программѣ, но болѣе доступныхъ по цѣнѣ для массы публики. На первомъ планѣ изъ такихъ конкурирующихъ органовъ

стоитъ газета Летелье «Le Journal», дающая за полцѣны то же, что даетъ «Figaro». Очень обширный кругъ читателей имѣютъ и газеты «Eclair» и «Echo de Paris». Послѣдній — органъ націоналистовъ. Въ немъ принимаетъ участіе самый талантливый парижскій карикатуристъ Форэнъ, ярый антисемитъ.

Націоналисты имѣютъ еще двѣ газеты — «Patrie» и «Presse». Онѣ ничтожны по содержанію, но печатаются въ нѣсколькихъ изданіяхъ въ день, почему криками о нихъ такъ называемыхъ camelots, разносчиковъ газетъ, раздираются по цѣлымъ днямъ уши парижанамъ.

Къ націоналистскому направленію примыкаютъ двѣ газеты, имѣющія огромное распространеніе: «Intransigeant» и «La Libre Parole». Первая — органъ Рошфора, рѣзко теперь отдѣлившагося отъ соціалистской партіи съ тѣхъ поръ, какъ та подъ вліяніемъ Мильерана стала правительственной. «Intransigeant» — любимѣйшее чтеніе всѣхъ парижскихъ кучеровъ; его почитываютъ и люди образованные изъ-за статей Рошфора, ежедневно ругающаго на всѣ корки министровъ и президента. По таланту публициста, по Вольтеровскому стилю, а также по здравомыслію и патріотическому чутью Рошфоръ, несмотря на его увлеченія и иногда mauvaise foi, конечно, первый публицистъ во Франціи. «Intransigeant» стоитъ за Россію, не то, что Дрюмонъ — душа «Libre Parole»; какъ публицистъ, онъ гораздо слабѣе, но сумѣлъ стать во главѣ антисемитской партіи, которая ежедневно увеличи-

вается, сообразно усиленію политическаго значенія евреевъ во Франціи.

Чистые соціалисты важнѣйшимъ органомъ имѣютъ «La Petite Republique» — скучнѣйшій доктринерскій органъ, гдѣ первую скрипку играетъ велерѣчивый Жоресъ. Этотъ органъ очень яро настроенъ противъ Россіи. Извѣстія изъ нашего отечества такъ и печатаются тамъ подъ особою рубрикою: «Dans le pays du knout»!

Въ политикѣ «La Petite Republique» поддерживаетъ теперь правительство. Правительство поддерживаетъ, конечно за деньги, и «Matin», довольно распространенный органъ репортерскаго направленія. Дополненіемъ къ нему служитъ «Français», вечерній органъ. Онъ, впрочемъ, для приманки помѣщаетъ статьи крупныхъ писателей и разныхъ направленій, а въ послѣднее время выдумалъ родъ лотереи: раздачу на улицѣ «сюрпризовъ», подарковъ людямъ, въ рукахъ которыхъ виденъ «Matin». «Figaro» и «Gaulois» — органъ бывшаго секретаря Бланшъ д'Антиньи, а нынѣ повѣреннаго Орлеанскихъ принцевъ, тоже направленія репортерскаго; теперь это газеты опозиціонныя, особенно послѣдняя, гдѣ пишутъ Демоленъ и Вогюэ.

Изъ вечернихъ газетъ «Temps» — органъ полуофиціозный, «Journal dés Débats и «Liberté» — опозиціонные. «Temps», — наилучше составляемая по части иностранной политики газета; она довольно распространена въ образованномъ обществѣ. «Débats», нѣкогда лучшая французская газета, сотрудники которой неизмѣнно попадали въ академію, со смертью Леона Сэя

очень упала, плохо редактируется и едва влачитъ существованіе — это еврейскій органъ. Еврею Перейрѣ принадлежатъ и «Liberté», недурно редактируемая газета; она имѣетъ очень мало читателей и служитъ органомъ крупныхъ капиталистовъ.

Совершенно особое положеніе занимаютъ газеты «Petit Journal» и «Petit Parisien». Первая — антидрейфусаровская и отчасти оппозиціонная, въ статьяхъ своего главнаго сотрудника Жюдэ; вторая, принадлежащая бывшему министру земледѣлія Дюпюи, скорѣе органъ правительственный. Но обѣ онѣ въ политикѣ стараются скорѣе быть индеферентнаго направленія, чтобы не возбудить противодѣйствія правительства, которое считается съ этими органами. Обѣ газеты расходятся въ милліонахъ экземпляровъ и читаются малоразвитою публикою. «Le Petit Journal» — любимѣйшій органъ столь вліятельныхъ въ Парижѣ консьержей. Сила его и его конкурента въ жестокихъ романахъ. За романы эти невѣдомымъ образованной публикѣ авторамъ платятъ по 30 и по 35 тысячъ франковъ за штуку! Въ послѣднее время тиражъ «Petit Journal» нѣсколько уменьшился.

Чисто партійныя парижскія газеты имѣютъ ограниченный кругъ читателей и подерживаются субсидіями Орлеанскаго дома, банкировъ и выборныхъ комитетовъ. Къ числу этихъ органовъ относится «L'Autorité», органъ почти не существующей бонапартистской партіи. Онъ поддерживается блестящимъ перомъ Поля де-Кассаньяка, одного изъ лучшихъ французскихъ пу-

блицистовъ. «Le Soleil» — органъ монархистовъ, «La Republique Franaise», нѣкогда вліятельный органъ Гамбетты, теперь органъ мелинистовъ, «Radical» — органъ-радикалъ-соціалистовъ и панамистовъ, «Univers-Monde»—органъ католическаго духовенства, «Gazette de France», старѣйшая газета во Франціи, существующая съ 1631 г., органъ обломковъ непримиримыхъ легитимистской партіи, такъ называемыхъ blancs d'Espagne.

Дрейфусары имѣютъ еще два органа: «Aurore» и «Siècle»; первая—газета Клемансо, а послѣдній редактируется бывшимъ министромъ и извѣстнымъ экономистомъ Ивъ Гюйо. Подписчиковъ у этихъ газетъ очень мало.

Газету «Fronde», защищающую эмансипацію женщинъ, разсматриваютъ, какъ курьезъ. Увѣряютъ, что ее сочиняютъ по большей части мужчины, только подъ женскими псевдонимами. Настоящею женскою газетою можетъ назваться скорѣе «Gil-Bas»; онъ издается тѣми же капиталистами, которые издаютъ «Journal». «Gil-Blas» редактируется недурно въ литературномъ и политическомъ отношеніи, но приманкою его служитъ отдѣлъ «Potins», посвященный спеціально интимной жизни кокотокъ и актрисъ. Стоитъ имъ подраться или разойтись съ любовникомъ, чтобы сейчасъ же въ «Gil-Blas» появилась объ этомъ обстоятельная статья. Газета эта по дороговизнѣ (отдѣльный нумеръ стоитъ 15 сант.) имѣетъ, конечно, ограниченное распространеніе.

Существуетъ еще нѣсколько другихъ ежедневныхъ органовъ разныхъ направленій: «Lanterne», «Petit Bleu», «Rappel», «Drapeau» и т. д., но ихъ нигдѣ не видно и они существуютъ только для шантажа или для доставленія ихъ сотрудникамъ права бывать даромъ въ театрахъ, на обѣдахъ и т. п.

Всѣ почты газеты выходятъ въ Парижѣ утромъ, нѣкоторые имѣютъ и нѣсколько изданій въ день. Вечеромъ въ 5 ч. выходятъ «Temps», «Journal des Débats», «Liberté». Въ 9 ч. вечера выходитъ «Soir», помѣщающій краткіе, но ясные отчеты о засѣданіяхъ парламента. Прежде это былъ офиціозный органъ, но съ прекращеніемъ субсидіи сдѣлался довольно жалкимъ листкомъ.

Еженедѣльная политическая печать значенія не имѣетъ; еженедѣльно выходятъ, по недостатку средствъ, органы анархистовъ: «Père Peinard» и «Libertaire». По сравнительно высокой цѣнѣ (10 сант.), они покупаются только курьеза ради образованною публикою, хотя пишутся нарочно какимъ-то кабацко-сутенерскимъ языкомъ.

Нѣкто обратилъ вниманіе, что евреи, столь вліятельные во Франціи въ администраціи, въ палатахъ, судахъ, искусствахъ, на биржѣ и даже въ арміи, не имѣютъ особаго органа для защиты ихъ интересовъ; но это, я думаю, потому, что во всѣхъ почти парижскихъ газетахъ, за малымъ исключеніемъ, еврейскіе публицисты играютъ выдающуюся роль, а въ ихъ

духѣ пишутъ и публицисты изъ протестантовъ, какъ, напр., душа «Temps» Пресансе.

Многія провинціальныя ежедневныя газеты имѣютъ во Франціи довольно обширный кругъ читателей и въ провинціи имѣются уже свои дешевые petits journals для массы: «Petit Marseillais», «Petit Lyonnais», «Petit Niçois» и т. п. Всѣ эти провинціальные политическіе органы исключительно партійные. Для независимыхъ органовъ мѣста нѣтъ, какъ показалъ крахъ газеты «Messager de Toulouse», — органа извѣстнаго депутата Піу, одного изъ руководителей партіи ralliés, т. е. консерваторовъ, признающихъ республику.

Главная черта провинціальной печати во Франціи заключается въ томъ, что она замѣтно, во-первыхъ, менѣе продажна, чѣмъ парижская, во-вторыхъ, менѣе безнравственна и скандалолюбива и, въ-третьихъ, болѣе серьезна и добросовѣстна въ своихъ отношеніяхъ къ государственнымъ интересамъ. Въ Россіи, какъ извѣстно, наблюдается совсѣмъ противоположное явленіе. Столичная печать, за рѣдкими исключеніями, до извѣстной степени руководствуется извѣстными правилами приличія. Провинціальная печать, а отчасти и московская, поражаетъ своею распущенностью, поразительнымъ невѣжествомъ и наглымъ тономъ.

И въ Парижѣ независимые политическіе органы существуютъ съ большимъ трудомъ. Чтобы выдерживать конкуренцію, французскія газеты должны понижать свою цѣну до 5-ти сантимовъ, между тѣмъ

бумага постоянно дорожаетъ, а застой въ дѣлахъ уменьшаетъ число объявленій и рекламъ. При маломъ доходѣ отъ такъ называемой publicité газеты при цѣнѣ 5 сантимовъ за нумеръ, изъ которыхъ еще дается комиссія продавцамъ, несутъ большой убытокъ. Вообще въ Парижѣ считаютъ, что нумеръ газеты обходится себѣ въ 10 сантимовъ, т. е. вдвое противъ ея продажной цѣны. И это неудивительно, такъ какъ, кромѣ бумаги, хорошіе публицисты обходятся дорого. Плата 500 франковъ за передовую статью не рѣдкость. Какой-нибудь Пьеръ Легу, талантъ весьма второстепенный, получалъ въ «Figaro» жалованье 4,000 франковъ въ мѣсяцъ. Я не говорю уже о Рошфорѣ и Дрюмонѣ, получающихъ 100,000 франковъ въ годъ жалованья. Даже ничтожный Ивъ Гюйо получаетъ 60,000 франковъ въ годъ. Рядовымъ сотрудникамъ рѣдко впрочемъ платятъ болѣе 15 сантимовъ за строку.

Во всякомъ случаѣ газеты, отказывающіяся отъ пособій изъ секретныхъ фондовъ министерства внутреннихъ дѣлъ или частныхъ компаній, съ трудомъ влачатъ свое существованіе. Разные соціалистическіе органы еще могутъ поддерживаться распродажею въ большомъ количествѣ экземпляровъ, но консервативныя и умѣренныя газеты не могутъ существовать подписной платою ограниченнаго числа подписчиковъ, вынужденныя при томъ нести на свой счетъ рискъ, и рискъ не малый: тутъ и судебные штрафы, и тюрьма, и дуэли. Расходъ на штрафы не малый, потому

что французскіе суды любятъ приговаривать къ печатанію насчетъ обвиненныхъ судебныхъ рѣшеній въ другихъ газетахъ, что обходится иногда въ десятки тысячъ франковъ. Правда, эти штрафы, какъ доказалъ примѣръ практической Англіи, лучше тюрьмы умѣряютъ страсть разныхъ литературныхъ негодяевъ къ шантажу и дифамаціи.

И суды впрочемъ не всегда помогаютъ. Многія газеты, печатая дифамаціи и клеветы, предлагаютъ развязно тянуть ихъ къ суду, разсчитывая, что большинство не пожелаетъ возиться съ юстиціей и предпочтетъ презрительное молчаніе.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что число талантливыхъ публицистовъ не увеличивается, а скорѣе уменьшается. Лучшіе публицисты: Дрюмонъ, Клемансо, Рошфоръ, Кассаньякъ—старики. Когда они умрутъ, то не видно, кто бы могъ занять ихъ мѣста.

Напротивъ, число репортеровъ постоянно увеличивается. Для этого ремесла не требуется почти никакой подготовки и, чтобы сочинять faits-diver, достаточно грамотности и особенно крѣпкихъ ногъ.

Почти весь этотъ народъ не брезгаетъ взятками шантажемъ, почему ремесло газетчика пользуется во Франціи полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Впрочемъ, еще Бальзакъ, т. е. болѣе полувѣка тому назадъ, писалъ: «Газета вмѣсто того, чтобы быть святилищемъ, сдѣлалась орудіемъ партій, затѣмъ изъ орудія обратилась въ торговлю и, какъ всякая торговля, отбросила принципы и законы. Газета стала

лавочкою, гдѣ продаются публикѣ слова по цвѣту, какой кому нуженъ. Если бы существовала газета горбатыхъ, она стала бы доказывать утромъ и вечеромъ красоту и даже необходимость горбатыхъ. Газета больше не просвѣщаетъ, она только льститъ мнѣніямъ. Вслѣдствіе этого всѣ газеты, въ нужную минуту, подлы, лицемѣрны, мерзки, лгуны и убійцы. Онѣ будутъ убійцами мысли, системъ людей».

Надобно замѣтить еще, что перемѣна мнѣній рѣдко осуждается во Франціи. Въ Англіи человѣкъ, оставившій свою партію, считается опозореннымъ на всю жизнь, развѣ представитъ серьезный мотивъ для своего рѣшенія. Во Франціи, наоборотъ, мнѣнія и партіи мѣняютъ сообразно интересамъ минуты и никто не считаетъ нужнымъ давать отчетъ въ своихъ апостазіяхъ. Ренегатовъ можно видѣть даже руководителями партій. Радикалъ Комбъ былъ учителемъ семинаріи, Жоресъ — депутатомъ лѣваго центра, Мелинъ — членомъ коммуны и т. д.

Содержаніе парижскихъ газетъ теперь перемѣнилось; руководящія статьи и талантливые фельетоны потеряли свое значеніе, на первомъ планѣ стоятъ faits-divers, статейки на ту же тему ежедневной и судебной хроники, затѣмъ важную роль играютъ спортъ и иллюстрированныя приложенія. Отдѣлы биржи, модъ и театра—сплошь оплаченная заранѣе реклама.

*
* *

Такимъ образомъ, полная свобода печати не содѣйствовала нисколько ея улучшенію. Оригинальный фактъ, что лучшіе публицисты вырабатывались при цензурѣ. Это не значитъ, впрочемъ, что послѣдняя такъ ужъ полезна. Цензуру очень вѣрно опредѣлилъ кто-то, сказавъ, что она напоминаетъ солому, которую кладутъ на улицѣ у домовъ, гдѣ имѣются тяжко больные. «Шума меньше, но солома не мѣшаетъ ни экипажамъ ѣздить, ни больнымъ умирать»...

Всѣ французскіе окружные суды завалены дѣлами, и хотя парламентъ отпускаетъ отъ времени до времени средства для устройства временныхъ отдѣленій судовъ, чтобы разрѣшить накопившіяся сотнями и тысячами дѣла, но это немного помогаетъ и число дѣлъ все растетъ. Выяснено, что самое простое дѣло, не встрѣчающее зацѣпокъ въ процедурѣ, не можетъ быть разсмотрѣно ранѣе полутора года! Такая же масса дѣлъ во Франціи и у мировыхъ судей, и число дѣлъ у нихъ возрастаетъ ежегодно на 15 тысячъ.

Заваленъ также работою и государственный совѣтъ, разбирающій, какъ въ Россіи первый департаментъ сената, иски противъ казны. Только кассаціонный судъ и нѣкоторыя судебныя палаты менѣе обременены дѣлами, что указываетъ на разработку кодекса во всѣхъ тонкостяхъ, почему случаи недоразумѣній и кассаціи относительно рѣдко.

Французскія газеты удивляются, откуда берется

такъ много процессовъ, когда народная мудрость французовъ давно выразилась въ пословицахъ: «кто хочетъ выиграть на судѣ копку, долженъ потерять корову», или «лучше имѣть дѣло со змѣями, чѣмъ съ судьями и судебными приставами».

Еще Вольтеръ ужасался судебнымъ порядкамъ во Франціи и указывалъ на примѣръ Голландіи, гдѣ существовало примирительное судопроизводство. Прежде всякаго процесса тяжущіеся должны были обращаться тамъ въ подобные суды, и суды старались примирить тяжущихся. «Если послѣдніе приходили съ адвокатами и стряпчими, то судъ,—говоритъ Вольтеръ,—прежде всего удалялъ послѣднихъ, все равно какъ удаляютъ огонь отъ дровъ, если желаютъ, чтобы послѣдніе не загорѣлись».

Причину количества тяжебъ во Франціи объясняютъ именно изобиліемъ адвокатскаго и судебнаго сословій. Уже въ 1835 г. предсѣдатель кассаціоннаго суда Беранже насчиталъ во Франціи 550,000 человѣкъ, жившихъ отъ процессовъ и имѣвшихъ интересъ ихъ создавать, возбуждать, развивать, раздувать и доводить до крайнихъ предѣловъ. Теперь число представителей судебной шиканы вѣроятно удвоилось. Всѣ эти паразиты живутъ насчетъ тяжущихся, хотя юстиція, въ отличіе отъ XVIII вѣка, якобы безвозмездна. «Она конечно безвозмездна,—замѣтилъ еще при второй Имперіи Руэръ съ трибуны,—но... обставлена такими дорогими формальностями, которыя дѣлаютъ ее недоступною для бѣдныхъ людей». Ту же мысль

выразилъ недавно Бріе въ извѣстной комедіи «Robe rouge»: «Юстиція во Франціи безвозмездна, но пути къ ея достиженію даромъ не даются; въ этомъ вся штука».

Кромѣ дороговизны, суды во Франціи отличаются еще несправедливостью: наказанія налагаются далеко не соотвѣтственно важности преступленія. При увлекающемся темпераментѣ французовъ случаи судебныхъ ошибокъ, даже влекущіе каторжныя работы, вовсе не рѣдкость, судя по частымъ пересмотрамъ дѣлъ, для чего изданъ недавно особый законъ.

Случаются и курьезы. Недавно въ Парижѣ одна дама была приговорена за убійство мужа и связь съ сыномъ къ 5-ти годамъ тюремнаго заключенія. Она подала, по совѣту адвоката, кассаціонную жалобу. Кассаціонный судъ уважилъ ничтожный поводъ для кассаціи и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія версальскому суду, а тотъ взялъ и приговорилъ даму къ смертной казни! Виноваты, говорятъ, присяжные. Но, конечно, вина и предсѣдателя суда, не сумѣвшаго разъяснить имъ дѣло.

Сознавая свою непопулярность, новѣйшіе французскіе суды для привлеченія общественнаго мнѣнія сдѣлались невѣроятно снисходительными по части преступленія прелюбодѣянія. Хотя по французскому уголовному кодексу оскорбленный мужъ можетъ убить свою жену и французскіе присяжные обыкновенно оправдываютъ мужей, даже когда для изловленія любовниковъ они устраиваютъ засады, но суды знать

ничего не хотятъ и виновныхъ въ прелюбодѣяніи приговариваютъ обыкновенно къ 25 франкамъ штрафа. Это разъ навсегда установленный тарифъ.

Одна изъ пойманныхъ въ прелюбодѣяніи дамъ откусила мужу кусокъ уха. Судъ все-таки приговорилъ ее къ 25 франкамъ штрафа, а за поврежденное ухо назначилъ 16 франковъ dommages-interêts!

Впрочемъ, какая-то г-жа Марадъ была приговорена къ 50 франкамъ штрафа, но въ свое оправданіе она сказала буквально слѣдующее: «Совѣршенно вѣрно, что я живу ужъ пятнадцать мѣсяцевъ съ г. Боссю, но во всемъ виноватъ мой мужъ. Онъ меня не обижалъ, но лѣнился дѣлать меня счастливою. Затѣмъ онъ виноватъ въ неосторожномъ оставленіи меня вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ».

Судъ приговорилъ прилежнаго любовника къ 16-ти франкамъ штрафа! Подобные случаи попадаются почти ежедневно въ газетахъ въ судебныхъ отчетахъ и, конечно, не остаются безъ вліянія на тяготящихся узами брака дамъ. На-дняхъ парижскій судъ разбиралъ весьма любопытный вопросъ, достойный Эскобара и Молины: съ какого именно момента начинается преступленіе противъ VII заповѣди, и рѣшилъ, что снятіе головныхъ уборовъ и перчатокъ, хотя бы и въ maison de passe, вовсе не служитъ еще признакомъ преступленія и напрасно молъ гг. мужья обижаются.

Если судьи такъ снисходительно относятся къ преступленіямъ по половой части, то чего требовать отъ

литературы? Хотя сенаторъ Беранже устроилъ особую «Лигу для преслѣдованія уличнаго разврата» и вчинаетъ нерѣдко иски за нарушеніе наружныхъ приличій, вся почти иллюстрированная печать исключительно посвящена порнографіи. Цѣлый рядъ иллюстрированныхъ альбомовъ, а затѣмъ иллюстрированные журналы: «Frou-frou», «Frisson», «Rabelais», «Indiscret», «Amour», «Vie de Paris», «Paris Vivant», «Miroir de l'Amour», «Sans Gêne» и многіе друг. — имена жъ ихъ Ты, Господи, вѣси — страницы свои предоставляютъ раздѣтымъ женщинамъ и адюльтеру. Множество рисунковъ сдѣлано прямо съ фотографій. Эта отрасль печати весьма распространена и быстро плодится.

* * *

Извѣстный русскій богачъ Никита Демидовъ, ѣздившій въ половинѣ XVIII столѣтія за границу, такъ описываетъ парижанокъ: «Красота ихъ похожа на часовую пружину, сходящую каждыя сутки; равнымъ образомъ и прелесть ихъ заводится всякое утро, и все это дѣлается притираніемъ, окропленіемъ, убѣленіемъ и промываніемъ».

Главную роль въ этой «заводкѣ» играютъ теперь не парфюмерные магазины и «убѣленія», а швеи и модистки. Въ сезонѣ шикарная парижанка, если не желаетъ «ходить голой», должна каждый день покупать новую шляпку и каждый день часа по два примѣрять платья. Старая кокотка Жанъ Дюпаркъ, какъ

оказалось изъ ея процесса, у одного Пакена заказала (и заплатила почти цѣликомъ по счетамъ) платьевъ на 300,000 франковъ въ два года!

Въ послѣдніе годы расходы мужей и разныхъ категорій amis значительно возросли, ибо въ страшной модѣ мѣха. Ими обшиваютъ платья, изъ мѣховъ дѣлаютъ шляпки и токи на голову. Конечно много мѣховъ фальшивыхъ: кошка фигурируетъ во всѣхъ видахъ, подстриженный заяцъ идетъ за песца, подстриженной кроликъ—за котика, конечно, и тотъ и другой при подкраскѣ, но носится множество мѣховъ и настоящихъ. Въ наибольшей модѣ соболь, шеншила, чернобурая лисица и бретшванцъ.

Послѣдній идетъ на болеро; изъ лисицъ дѣлаютъ муфты и боа, сшивая ихъ по три и по четыре шкуры, отчего простое боа обходится въ пять и шесть тысячъ франковъ; соболь и шеншила идутъ на накидки мѣхомъ кверху, причемъ эти накидки дѣлаются почти до пятъ. Г-жа Отеро, извѣстная въ Парижѣ столько же своими процессами съ модными магазинами, сколько и красотою, заказала себѣ соболью накидку въ 140,000 франковъ! На эту сумму и въ Парижѣ можно купить себѣ домъ. «Скромно» можно покрыть себя мѣхами за восемь или шестнадцать тысячъ рублей. И это, замѣтьте, въ сущности на нѣсколько дней, потому что зимы модныя парижанки проводятъ въ Монте-Карло и на Лазурномъ берегу Средиземнаго моря, гдѣ порхаютъ въ лѣтнихъ платьяхъ и шляпкахъ, заказывая ихъ въ выѣзжающихъ

туда отдѣленіяхъ большихъ парижскихъ couturiers и модистокъ.

Все, что касается первой имперіи, въ модѣ и неоднократно возбуждались проекты вернуться къ короткимъ таліямъ, какъ во времена имперіи, когда опоясывались подъ мышками. Этотъ проектъ встрѣчаетъ однако рѣшительное сопротивленіе въ средѣ женщинъ. Очень короткія таліи нелѣпы и некрасивы, женщины при нихъ всегда кажутся толстыми. Затѣмъ, что станется съ корсетами, турнюрами и юбками? Послѣднія постигнетъ цѣля революція.

Между тѣмъ, если верхи не забываются модою, то и низы также. Въ Парижѣ существовало уже множество органовъ печати по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ моды, но недавно явился еще одинъ новый, пополняющій очевидно «пробѣлъ». Нѣкто Ж. Витербо объявилъ объ изданіи журнала, носящаго пикантное названіе «Les dessous élégants» и спеціально посвященнаго женскому бѣлью, корсетамъ, юбкамъ и панталонамъ! Извѣстные спеціалисты г-жа де-Мирекуръ, Е. Леоти, докторъ О'Фоллоуэль и другіе заявили о своемъ «благосклонномъ участіи» въ журналѣ. Имѣя въ виду, что таинственныя dessous теперь въ Парижѣ стоятъ дороже платьевъ и хвастовство ихъ роскошью одна изъ крупныхъ причинъ адюльтеровъ, влекущихъ двадцатипятифранковые штрафы, надо думать, что успѣхъ новаго журнала вполнѣ обезпеченъ.

Наивный читатель, быть можетъ, спроситъ, зачѣмъ

такая роскошь въ тѣхъ частяхъ туалета, которыя скрыты отъ глазъ? На это можно отвѣтить то, что отвѣтила въ прошломъ столѣтіи одна маркиза, когда ее спросили, зачѣмъ она носитъ на подвязкахъ бриллiантовыя пряжки: — Ахъ, мужчины такъ любопытны!

По этому поводу не могу не обратить вниманія, что въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ ни одного художественнаго моднаго журнала, журнала не для портнихъ, а для большой публики, который могъ бы наставлять профановъ на путь истинный въ томъ смыслѣ, что давать имъ ключъ къ уразумѣнію тайнъ женскаго туалета — того, что дѣйствительно въ модѣ. Мужъ не удивлялся бы, если жена надѣнетъ какую-нибудь тарелку на голову, разъ онъ узналъ бы, что надѣвать тарелки слѣдуетъ; l'homme serieux не ужасался бы, увидѣвъ на счетѣ за корсетъ его пріятельницы рублей сто: онъ соображалъ бы лишь, что оплачивается нѣчто hors concours et très chic. Слѣдя за подобною хроникою, петербуржцы могли бы разсчитывать по пальцамъ, какъ медленно доходятъ моды изъ Парижа, а провинціалы — изъ Петербурга или Москвы. У женъ явился бы рессурсъ, если ихъ стали бы упрекать въ экцентричности наряда; онѣ указывали бы на журналъ и говорили коротко и ясно: «возьми и прочти», что водворяло бы во многихъ семействахъ согласіе. Словомъ, результатовъ надобно было бы ожидать отъ такой популяризаціи парижской элегантности самыхъ обильныхъ.

Къ сожалѣнію, кругъ модъ у насъ ограниченъ,

напр., осеннія моды, т. е. платье для охоты и для морскихъ купаній,—вещь для русскаго обихода почти непримѣнимая. На сѣверѣ и легкіе туалеты почти непримѣнимы.

Утренніе туалеты въ модѣ у насъ также никогда не будутъ, потому что у насъ дамы спятъ до часу и до двухъ, тогда какъ парижанки уже въ 11 час. утра гуляютъ въ Булонскомъ лѣсу, даже тѣ парижанки, что ложатся спать въ 4 часа утра, проведя пріятно ночь въ ресторанѣ Maxim's.

Требуются также не малыя средства, чтобы со вкусомъ дѣлать туалеты по возможности въ стилѣ одной эпохи, хотя нѣтъ ничего забавнѣе видѣть, напримѣръ, женщину въ нарядѣ временъ Франциска I со шляпкой на головѣ эпохи Людовика XV.

*
* *

Въ Парижѣ театры работаютъ въ послѣдніе годы не важно, и пьесъ, кромѣ нѣсколькихъ заурядныхъ фарсовъ или возобновленій, нѣтъ, а равно и талантливыхъ актеровъ мало. Болѣе всего налегаютъ директора на роскошь обстановки. По этой части опера «Astarte» въ Grand Opéra, съ весьма скучной и жиденькой музыкой, могла кажется служить образцомъ. Декораціи и балеты этой оперы верхъ роскошной фантазіи, вкуса и скабрезности. Постановка обошлась чуть ли не въ 250,000 франковъ! Особенно удачно воспользовались декораторы свѣтовыми эффектами. Въ «Astarte» участвовала и наша соотечественница г-жа

Нимидова (Гульковіусъ), славящаяся въ Парижѣ своей красотою.

Театры поговаривали о повальномъ пониженіи цѣнъ для привлеченія публики, но едва ли дѣло только въ цѣнахъ, такъ какъ les boites, т. е. маленькіе театрики, привлекаютъ много публики, а дерутъ громадныя цѣны за мѣста: по 5 и 6 рублей за стулья и по 25 и 35 руб. за ложи и помѣщаются въ бывшихъ сараяхъ или конюшняхъ, гдѣ подъ видомъ ложъ на 6 персонъ даютъ вамъ клѣтушки, куда съ трудомъ влѣзаютъ два, три человѣка. Этихъ boites очень много; большинство ихъ гнѣздится у подножія Монмартра,—этой горы Авентинской Парижа,—около бульвара Клиши, но имѣются boites и въ центрѣ города, напр. Théâtre des Mathurins, Théâtre des Capucines. Послѣдній и дѣлаетъ теперь самые лучшіе сборы.

Между прочимъ, публику привлекала туда датская знаменитость, г-жа Шарлотта Віэ (Wiehe), рѣдкій образчикъ артистки до конца ногтей и такъ сказать отъ рожденія. Уже пяти лѣтъ отъ роду она начала посѣщать сцену королевскаго театра въ Копенгагенѣ, гдѣ отецъ ея былъ дирижеромъ оркестра. Правительственный директоръ театра опредѣлилъ Віэ въ балетную школу, которая по своей организаціи напоминаетъ въ столицѣ Даніи наше театральное училище и также пользуется вниманіемъ двора. Семнадцати лѣтъ маленькая Лотта была уже прима-балериною королевскаго театра. Она танцовала съ большихъ успѣхомъ три года, послѣ чего, по совѣту знаменитаго нор-

вежскаго композитора Грига, посвятила себя лирической карьерѣ, такъ какъ обладала прекраснымъ сопрано.

Г-жа Віэ избрала оперетку. Будучи превосходною мимою, она отличилась также въ мимодрамѣ, сыгравъ съ громаднымъ успѣхомъ роль Пьеро въ «Enfant Prodigue». Окончательно даровитая датчанка остановилась на комедіи. Съ большимъ успѣхомъ играла она на разныхъ сценахъ Скандинавіи «Frou-Frou» и др. пьесы французскаго репертуара, а рядомъ пѣла въ опереткахъ. Французскіе критики находили, что Режанъ и Жюдикъ соединили свои качества въ одномъ тѣлѣ этой выдающейся артистки: первую она напоминаетъ тонкостью исполненія и задушевностью, вторую—заразительною веселостью, пикантностью и игривымъ комизмомъ.

Такъ какъ, благодаря акценту, иностранка никогда не можетъ иначе какъ послѣ долгихъ лѣтъ практики играть въ Парижѣ по-французски, то для г-жи Віэ удачно выбрали пьесу, гдѣ она изображала американку, и слѣдовательно должна была говорить съ акцентомъ и могла сколько угодно дѣлать граматическихъ ошибокъ.

Пьеса эта называлась «Le je ne sais quoi», она принадлежитъ перу Франциска Круазе и Мориса де-Валеффа. Первый довольно уже извѣстный драматургъ и поэтъ, второй—мало писалъ для театра, но дебютировалъ съ успѣхомъ какъ романистъ.

«Le je ne sais quoi» не комедія и не фарсъ, а

скорѣе рядъ сатирическихъ сценъ изъ современной парижской жизни, осмѣивающихъ бракъ молодыхъ прогорѣвшихъ аристократовъ на богатыхъ американскихъ невѣстахъ. Образчикомъ подобныхъ браковъ можетъ служить извѣстный бракъ Бони де-Кастелана на дѣвицѣ Гульдъ, причемъ ими была промотана очень быстро значительная часть приданаго въ 60 мил. рубл.

Въ комедіи изображено подобное же семейство маркиза д'Эвре. Его атакуютъ репортеры и фотографы, а затѣмъ друзья. Маркизъ въ отчаяніи, что его ставятъ на одну доску съ цыганомъ Риго и что жена его «слишкомъ богата». Послѣдняя дѣлаетъ при помощи разныхъ «монархистскихъ банкировъ» попытки разориться, играя на биржѣ, но всѣ ея нелѣпыя спекуляціи принимаются биржевиками за ловкіе маневры и ведутъ только къ бо̀льшему обогащенію. Маркизъ все жалуется, что имъ недостаетъ чего-то, je ne sais quoi, для полнаго шика. Маркиза скоро успокаиваетъ его на этотъ счетъ. Замѣтивъ, что маркизъ, считая свою жену образцомъ семейныхъ добродѣтелей, открыто ухаживаетъ за графинею д'Арлеваль, американка связывается съ мужемъ послѣдней графомъ д'Арлевалемъ и объявляетъ своему мужу, что онъ теперь настоящій mari parisienne, что «все» у него есть, даже рога—le je ne sais quoi, на недостатокъ котораго постоянно жаловался, пополненъ.

Г-жа Віэ играла мастерски американку, она и по фигурѣ напоминаетъ таковую съ своими бѣлокурыми волосами и худощавостью бывшей танцовщицы. Во-

обще ею выдержана вся роль наивно лукавой кокетливой женщины, которая сначала является какъ будто бы дитятей среди испорченнаго парижскаго общества, а въ концѣ концовъ оплетаетъ всѣхъ. Мужскія роли также очень хорошо исполнялись. Маркиза игралъ Галло, одинъ изъ наиболѣе веселыхъ парижскихъ молодыхъ комиковъ; графа сначала игралъ извѣстный пѣвецъ комической оперы Викторъ Морель, а потомъ Пьеръ Манье. Особенно онъ былъ хорошъ въ сценѣ, гдѣ графъ д'Арлеваль, вальсируя съ американкой, изъясняется съ ней въ любви.

Г-жа Віе дѣлаетъ сборы. Это исключеніе, потому что итальянскія, испанскія и псевдо-русскія знаменитости, несмотря на всѣ рекламы и сочувственные отзывы понимающихъ дѣло или хорошо подмазанныхъ театральныхъ критиковъ, обыкновенно сборовъ въ Парижѣ не дѣлаютъ.

* * *

Въ Парижѣ умерли недавно двѣ артистки, изъ которыхъ одна была почти наша соотечественница, а другая появлялась между прочимъ и въ Россіи, въ Петербургѣ. Обѣ были еще молоды и не лишены оригинальности, даже по наружности.

Первая изъ этихъ артистокъ — актриса Comédie Française Ванда де-Бонза, дѣйствительное, имя которой было Эмилія Рутковская. Она, кажется, приходится родственницей танцовщицѣ нашего с.-петербургскаго балета г-жѣ Рутковской. Отецъ Ванды, капи-

танъ бывшей польской арміи, Рутковскій умеръ въ Парижѣ въ глубокой старости—девятидесяти лѣтъ отъ роду.

Ванда родилась въ Парижѣ въ 1872 г. Семь ея сестеръ и братьевъ умерли отъ чахотки въ дѣтствѣ, а она, хотя слабая здоровьемъ, избрала по необходимости артистическую карьеру, для чего мать и опредѣлила ее въ консерваторію, гдѣ первоначально Ванда готовилась въ піанистки и получила даже третью медаль за фортепіано. По совѣту г-жи Фаваръ, она отказалась быть учительницею музыки, избрала драматическую карьеру и поступила въ классъ г. Вормса, у котораго работала усердно два года, по вечерамъ посѣщая по даровымъ билетамъ, щедро раздаваемымъ въ Парижѣ, театры.

На экзаменѣ 1894 г. она обратила на себя вниманіе въ роли Лидіи въ «Visite de Noce» Дюма-сына и получила первую награду за комедію, что даетъ право поступить въ Comédie Française и обезпечиваетъ такимъ образомъ будущее существованіе артистки. Еще важнѣе, что на этомъ конкурсѣ Ванда понравилась Дюма-сыну, который и открылъ ей доступъ въ Comédie, отказывавшей ей сначала въ пріемѣ подъ предлогомъ, что труппа изобилуетъ красивыми пансіонерками. Дюма-сыну, какъ извѣстно, и наша Фейгина, такъ рано покончившая съ собою изъ-за любви къ молодому герцогу Морни, обязана была поступленіемъ на сцену перваго французскаго театра.

Два года пришлось Вандѣ играть въ Одеонѣ, плохо

оплачивающемъ своихъ артистовъ; тамъ она дебютировала съ успѣхомъ въ комедіи Готье и Галда «Barisnya», а затѣмъ играла въ «Fiancés», «Pour la couronne», «Le Marige d'Olympe» и въ «Roman d'un jeune homme pauvre». Блестящій успѣхъ въ извѣстной сценѣ, гдѣ героиня комедіи въ амазонкѣ бьетъ хлыстомъ бѣднаго учителя, ускорилъ ея дебютъ въ Comédie.

Въ «Мольеровскомъ домѣ Ванда де-Бонза выступила въ декабрѣ 1896 г. въ «On ne badine pas avec l'amour» Мюссе и затѣмъ играла «Struensée», «Othello», «Adrienne Lecouvreur», «Conscience de l'enfant», «Alkets», «Etrangère» и наконецъ въ «Marquis de Priola».

На сценѣ она почему-то никогда не хотѣла макильироваться, отъ того казалась очень блѣдною, но это не было некрасиво при ея великолѣпныхъ карихъ выразительныхъ глазахъ и черныхъ какъ смоль волосахъ съ синеватымъ отливомъ. Худощаво-стройная и изящная, она, имѣла вполнѣ аристократическую наружность, хотя типъ ея былъ скорѣе еврейскій или цыганскій, чѣмъ польскій или французскій.

Съ успѣхомъ и славою обстоятельства Ванды, конечно, измѣнились. Въ Парижѣ все и всѣ къ услугамъ красивыхъ артистокъ. Она покинула свою бѣдную квартирку въ Батиньолѣ и занимала великолѣпную квартиру въ avenue Hoche, полную роскошныхъ вещей. Одѣвалась она чрезвычайно изысканно, но съ большимъ вкусомъ, любила особенно стиль Empire, который отчасти и пустила въ моду. Какъ истинно

шикарная женщина, не пропускала она никогда скачекъ ни въ Парижѣ, ни въ Довилѣ. Каждый день ее можно было встрѣтить и въ Булонскомъ лѣсу съ неоставлявшей ее никогда, даже на завтракахъ и обѣдахъ въ ресторанахъ, дуэньей, всегда въ закрытомъ купэ, обитомъ неизмѣнно сѣрымъ серебристымъ сукномъ, на которомъ еще рѣзче выдавалась ея фигура брюнетки. Только зубы, нѣсколько большіе, портили слегка прелестную улыбку артистки, чѣмъ и пользовались каррикатуристы. Маленькій Семъ особенно удачно схватывалъ эту улыбку въ своихъ талантливыхъ альбомахъ.

Разсѣянная жизнь и усердная работа въ театрѣ подточили однако наслѣдственно слабое здоровье Ванды де-Бонза. Въ послѣднее время она сильно похудѣла и легко утомлялась. Вернувшись изъ Шатель Гюйона, воды котораго ей были прописаны врачами, она почувствовала себя очень дурно. Докторъ нашелъ у нея модную теперь болѣзнь—воспаленіе придатка слѣпой кишки (appendicité); хирургъ Сегонъ поспѣшилъ сдѣлать операцію. Какъ всегда, «операція удалась блистательно», но больная черезъ два дня умерла въ страшныхъ мученіяхъ отъ зараженія крови. По словамъ доктора, зараженіе крови сдѣлано апендицитомъ, но если бы послѣдній могъ говорить, то вѣроятно сказалъ бы, что кровь заразилась отъ неосторожной и ненужной операціи.

Похороны артистки были торжественны, между прочимъ было прочитано прекрасное письмо отсутство-

вавшаго администратора Comédie Française Кларти. Публика была разстроена, но болѣе всего разстроились, кажется, кредиторы, потому что у Ванды, несмотря на роскошную ея жизнь и чуть не публичную связь съ однимъ богатѣйшимъ банкиромъ, оказалось пять сотъ тысячъ франковъ долга, въ томъ числѣ тридцать тысячъ прачкѣ! Послѣдняя цифра неудивительна: въ Парижѣ дорогія кружева суютъ теперь во всѣ принадлежности туалета и вымыть рубашку стоитъ пять франковъ. Уважающая же себя женщина должна перемѣнить въ сутки по крайней мѣрѣ три рубашки, считая и ночную.

Замѣчательно, что въ Comédie Française долговѣчны только старухи. Истинно талантливымъ молодымъ артисткамъ не везетъ тамъ. За короткій періодъ Фейгина, Самари, Людвигъ, Ванда де-Бонза умерли въ цвѣтѣ лѣтъ; прелестная Анріо, дочь извѣстной и у насъ актрисы, сгорѣла два года назадъ живою. Она не хотѣла послушаться своей горничной и вмѣсто того, чтобы сбѣжать среди дыма внизъ, побѣжала изъ своей уборной по лѣстницѣ вверхъ, гдѣ и задохлась ранѣе, чѣмъ сгорѣла. Ей поставленъ теперь прекрасный монументъ на кладбищѣ Монпарнасъ.

Насколько Ванда со своею дуэньею и закрытымъ купэ позировала добродѣтелью передъ непосвященною въ парижскія таинства публикою, настолько другая скончавшаяся недавно талантливая артистка, Маргарита Дюклеръ, позировала своимъ цинизмомъ.

Послѣдніе два, три года Дюклеръ, страдая злой ча-

хоткою, на сценѣ не появлялась, но въ Парижѣ всѣ вспоминали эту оригинальную пѣвицу, оживлявшую публику по вечерамъ въ театрикахъ и кафе-шантанахъ, а по начамъ—въ модныхъ ресторанахъ, гдѣ Margot пользовалась репутаціей d'une soupeuse endiablée, т. е. способностью въ большомъ количествѣ воспринимать крѣпкіе напитки. Эта вторая менѣе похвальная часть ея дѣятельности и свела ее въ могилу.

Какъ настоящая вакханка, она была въ состояніи, подбодряя себя шампанскимъ extra-dry, танцовать по цѣлымъ часамъ на столахъ ресторановъ подъ звуки цыганскаго оркестра, съ всклокоченными волосами и обезумѣвшими глазами. Въ изнеможеніи садилась она, приказывала играть что-нибудь сантиментальное, затѣмъ снова вскакивала на столъ, какъ бѣшеная, и продолжала подобное упражненіе до семи часовъ утра.

И такую жизнь артистка вела цѣлые годы; никто изъ ея подругъ не могъ, конечно, за нею угоняться. Чтобы при чахоткѣ, тянувшейся десять лѣтъ, выносить такое существованіе, надо именно было имѣть здоровые нервы и извѣстную подготовку.

Дюклеръ до своего дебюта въ 1889 г. въ Concert Parisien разносила, говорятъ, хлѣбъ по домамъ изъ булочныхъ въ Марсели или въ Бордо и, бѣгая по улицамъ, себя «тренировала», какъ тренируютъ скаковыхъ лошадей. Типъ у нея былъ южный, почти арабскій. Она не была красива собою, худа, съ короткими *вьющимися* волосами, необыкновенною тонкою таліею

(45 сантиметровъ) и блѣднымъ цвѣтомъ лица. Живые глаза и необыкновенная гибкость, а также маленькія ножки и руки дѣлали ее интересною на сценѣ; все это еще скрашивалось огнемъ и веселостью.

Она создала цѣлый жанръ, названный иронически «испанско-монмартрскимъ», лучшими представительницами котораго въ настоящее время состоятъ г-жи Полеръ и Фужэръ и который представляетъ въ сущности слегка облагороженный danse de ventre арабскихъ танцовщицъ и пѣвицъ.

Кромѣ Concert Parisien Дюклеръ съ большимъ успѣхомъ пѣла, танцовала и мимировала въ театрахъ Parisiana, Olympia, Ambassadeurs. Она устроила нѣсколько лѣтъ назадъ собственный театрикъ Cabaret de Pendu. Онъ привлекалъ множество публики оригинальною затѣею. Какой-то несчастный артистъ соглашался висѣть по цѣлымъ днямъ на веревкѣ, но петля устраивалась замысловатымъ способомъ и онъ не задыхался. Полиція закрыла однако заведеніе. Нѣкоторыя изъ созданныхъ Дюклеръ пѣсенокъ, «Allume, Allume», «Bicyclette», «Macarona» и особенно «Tarara boum» получили европейскую, если не всемірную извѣстность, разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и обогатили своихъ невѣдомыхъ авторовъ.

Дюклеръ тоже знала одно время, что такое богатство и роскошь, знала близко les boyards, занимающихъ почетныя мѣста въ аристократическихъ кабакахъ въ родѣ ресторана Maxim's въ rue Royale; но болѣзнь удалила отъ нея мало-по-малу ея друзей и,

хоткою, на сценѣ не появлялась, но въ Парижѣ всѣ вспоминали эту оригинальную пѣвицу, оживлявшую публику по вечерамъ въ театрикахъ и кафе-шантанахъ, а по начамъ—въ модныхъ ресторанахъ, гдѣ Margot пользовалась репутаціей d'une soupeuse endiablée, т. е. способностью въ большомъ количествѣ воспринимать крѣпкіе напитки. Эта вторая менѣе похвальная часть ея дѣятельности и свела ее въ могилу.

Какъ настоящая вакханка, она была въ состояніи, подбодряя себя шампанскимъ extra-dry, танцовать по цѣлымъ часамъ на столахъ ресторановъ подъ звуки цыганскаго оркестра, съ всклокоченными волосами и обезумѣвшими глазами. Въ изнеможеніи садилась она, приказывала играть что-нибудь сантиментальное, затѣмъ снова вскакивала на столъ, какъ бѣшеная, и продолжала подобное упражненіе до семи часовъ утра.

И такую жизнь артистка вела цѣлые годы; никто изъ ея подругъ не могъ, конечно, за нею угоняться. Чтобы при чахоткѣ, тянувшейся десять лѣтъ, выносить такое существованіе, надо именно было имѣть здоровые нервы и извѣстную подготовку.

Дюклеръ до своего дебюта въ 1889 г. въ Concert Parisien разносила, говорятъ, хлѣбъ по домамъ изъ булочныхъ въ Марсели или въ Бордо и, бѣгая по улицамъ, себя «тренировала», какъ тренируютъ скаковыхъ лошадей. Типъ у нея былъ южный, [illegible] скій. Она не была красива собою, худа, с[illegible] вьющимися волосами, необыкновенно [illegible]

хоткою, на сценѣ не появлялась, но въ Парижѣ всѣ вспоминали эту оригинальную пѣвицу, оживлявшую публику по вечерамъ въ театрикахъ и кафе-шантанахъ, а по начамъ—въ модныхъ ресторанахъ, гдѣ Margot пользовалась репутаціей d'une soupeuse endiablée, т. е. способностью въ большомъ количествѣ воспринимать крѣпкіе напитки. Эта вторая менѣе похвальная часть ея дѣятельности и свела ее въ могилу.

Какъ настоящая вакханка, она была въ состояніи, подбодряя себя шампанскимъ extra-dry, танцовать по цѣлымъ часамъ на столахъ ресторановъ подъ звуки цыганскаго оркестра, съ всклокоченными волосами и обезумѣвшими глазами. Въ изнеможеніи садилась она, приказывала играть что-нибудь сантиментальное, затѣмъ снова вскакивала на столъ, какъ бѣшеная, и продолжала подобное упражненіе до семи часовъ утра.

И такую жизнь артистка вела цѣлые годы; никто изъ ея подругъ не могъ, конечно, за нею угоняться. Чтобы при чахоткѣ, тянувшейся десять лѣтъ, выносить такое существованіе, надо именно было имѣть здоровые нервы и извѣстную подготовку.

Дюклеръ до своего дебюта въ 1889 г. въ Concert Parisien разносила, говорятъ, хлѣбъ по домамъ изъ булочныхъ въ Марсели или въ Бордо и, бѣгая по улицамъ, себя «тренировала», какъ тренируютъ скаковыхъ лошадей. Типъ у нея былъ южный, почти арабскій. Она не была красива собою, худа, съ короткими вьющимися волосами, необыкновенною тонкою таліею

(45 сантиметровъ) и блѣднымъ цвѣтомъ лица. Живые глаза и необыкновенная гибкость, а также маленькія ножки и руки дѣлали ее интересною на сценѣ; все это еще скрашивалось огнемъ и веселостью.

Она создала цѣлый жанръ, названный иронически «испанско-монмартрскимъ», лучшими представительницами котораго въ настоящее время состоятъ г-жи Полеръ и Фужэръ и который представляетъ въ сущности слегка облагороженный danse de ventre арабскихъ танцовщицъ и пѣвицъ.

Кромѣ Concert Parisien Дюклеръ съ большимъ успѣхомъ пѣла, танцовала и мимировала въ театрахъ Parisiana, Olympia, Ambassadeurs. Она устроила нѣсколько лѣтъ назадъ собственный театрикъ Cabaret de Pendu. Онъ привлекалъ множество публики оригинальною затѣею. Какой-то несчастный артистъ соглашался висѣть по цѣлымъ днямъ на веревкѣ, но петля устраивалась замысловатымъ способомъ и онъ не задыхался. Полиція закрыла однако заведеніе. Нѣкоторыя изъ созданныхъ Дюклеръ пѣсенокъ, «Allume, Allume», «Bicyclette», «Macarona» и особенно «Tararaboum» получили европейскую, если не всемірную извѣстность, разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и обогатили своихъ невѣдомыхъ авторовъ.

Дюклеръ тоже знала одно время, что такое богатство и роскошь, знала близко les boyards, занимающихъ почетныя мѣста въ аристократическихъ кабакахъ въ родѣ ресторана Maxim's въ rue Royale; но болѣзнь удалила отъ нея мало-по-малу ея друзей и,

умирая въ бѣдности, она съ трудомъ могла купить себѣ на два су льду! Какая-то бѣдная артистка, заложивъ послѣднія вещи, содержала ее. Сама Дюклеръ, сердечная, какъ всѣ француженки, долгое время кормила какихъ-то стариковъ, которые будто-бы ее подобрали маленькимъ ребенкомъ завернутую въ тряпкахъ на улицѣ.

ПО ГОРНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

Юбилей горнаго вѣдомства.

24-го августа 1900 года исполнилось двѣсти лѣтъ существованія горнаго вѣдомства въ Россіи, именно вѣдомства, потому что горное дѣло существовало у насъ съ незапамятныхъ временъ, а въ первой половинѣ XVII столѣтія, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, оно перешло изъ кустарной въ заводскую промышленность; горное же управленіе, ранѣе основанія приказа рудокопныхъ дѣлъ, вѣдалось приказами посольскимъ и пушкарскимъ.

Юбилеи принято встрѣчать сочувственно, даже юбилей фельдъегерей (людей весьма, впрочемъ, почтенныхъ) былъ привѣтствуемъ во всѣхъ газетахъ; но почему-то для горнаго юбилея сдѣлано исключеніе: его или промолчали, или встрѣтили съ нескрываемымъ злорадствомъ. Нѣкоторыя газеты любезно предлагали даже въ честь юбилея «разорить горное гнѣздо», точно горная администрація какое-то сборище злодѣевъ.

«Новое Время» въ оправданіе означеннаго злорадства резюмировало упреки, обращенные къ горному вѣдомству за его двухвѣковую дѣятельность.

Газета прежде всего недоумѣваетъ, почему мы вывозили двѣсти лѣтъ назадъ металлы за границу, а теперь ихъ отчасти привозимъ; почему металлы обходятся у насъ будто бы «въ три-дорога»; почему каменный уголь привозится изъ-за границы; почему золота мы добываемъ меньше, чѣмъ могли бы; почему не устроили нашихъ минеральныхъ водъ; почему дурно эксплоатируемъ наши нефтяныя богатства и продаемъ нефтяные продукты по дорогой цѣнѣ?

Газета говорила, что русское горное дѣло только въ послѣднее время замѣтно подвинулось впередъ подъ вліяніемъ таможеннаго тарифа, а до того «время юбилейнаго двухсотлѣтія было для нашей промышленности временемъ жалкаго прозябанія и застоя», причемъ мы, имѣя неистощимые запасы руды, уложили свои желѣзныя дороги иностранными рельсами и заплатили колоссальныя суммы за границу за постройку своихъ рельсовыхъ путей. Хотя въ послѣднее время горное дѣло сдѣлало успѣхи, но обязано оно этимъ иностранцамъ, а не русскимъ, причемъ только теперь открылись рудныя богатства даже въ центрѣ Россіи, о которыхъ не подозрѣвали горные дѣятели; двѣсти лѣтъ «пропало» такимъ образомъ для Подмосковнаго района.

Причина этого положенія, по мнѣнію газеты, наше бѣдное знаніе. Горный институтъ основанъ лишь всего

сто лѣтъ назадъ, а среднихъ горныхъ школъ не было; о пользѣ ихъ догадались слишкомъ поздно. «Для юбилейнаго пафоса во всемъ этомъ,—заключаетъ «Новое Время»,—мало благодарныхъ мотивовъ, и лучше всего отпраздновать горный юбилей новыми энергическими усиліями въ борьбѣ съ нашимъ техническимъ невѣжествомъ».

На все это я, нѣсколько знающій исторію горнаго дѣла и въ Россіи, и за границею и причастный къ горной администраціи въ теченіе 33 лѣтъ, позволю себѣ отвѣтить, что всѣ упреки, насколько они касаются горнаго вѣдомства и его дѣятелей за двѣсти лѣтъ, ровно ни на чемъ не основаны. Заслуги горнаго вѣдомства передъ Россіею громадны и неоцѣненны.

Создать горное дѣло въ такой обширной и притомъ земледѣльческой и мало культурной странѣ, какъ Россія, заслуга колоссальная, и если это созданіе встрѣчало массу препятствій и далеко еще не закончено, то вина въ этомъ менѣе всего лежитъ на горныхъ дѣятеляхъ и горномъ вѣдомствѣ. «Плетью обуха не перешибешь»,—говоритъ вѣрно русская пословица. Стоитъ перелистать любой русскій энциклопедическій словарь, чтобы убѣдиться, какое огромное число крупныхъ дѣятелей выставила наша горная промышленность по части практики, администраціи и науки за двѣсти лѣтъ *), а если взять пропорцію къ общему

*) Списокъ этихъ дѣятелей составилъ цѣлый біографическій словарь, который собирается издавать Горный департаментъ. Ге-

числу этихъ дѣятелей, то можно только удивляться выгодному отношенію, единственному въ Россіи, по энергіи и способностямъ отдѣльныхъ выдающихся лицъ и достигнутыхъ ими результатовъ, съ сравнительно ничтожными средствами, коими они располагали. Иностранцы и иностранная наука сыграли, конечно, свою роль въ Россіи, какъ и повсюду, но на одного иностранца можно привести десятки и сотни собственныхъ дѣятелей, носящихъ иногда иностранныя имена, но въ дѣйствительности чисто русскихъ.

За двѣсти лѣтъ горные дѣятели Россіи не только изучили ея строеніе, не только отыскали рудныя мѣсторожденія и построили горные заводы, но и колонизировали цѣлыя обширныя области, превосходящія площадью большія иностранныя государства. Не трудно построить и многомилліонный заводъ теперь, когда существуютъ банки, желѣзныя дороги и пароходы и когда можно заказать самыя усовершенствованныя машины и приборы за границею. Другое дѣло было строить горные заводы, когда Уралъ представлялъ безлюдную невѣдомую пустыню по сосѣдству съ воинственнымъ грабительскимъ инородческимъ населеніемъ, когда путь шелъ на Уралъ по пустынной Вычегдѣ волоками въ дѣвственныхъ лѣсахъ и когда приходилось переселять за тысячи верстъ людей, оторванныхъ отъ сохи, чтобы превращать ихъ въ рудокоповъ и

ніальный нашъ полководецъ Суворовъ былъ сынъ горнаго дѣятеля: отецъ его былъ прокуроромъ и членомъ бергъ-коллегіи при Аннѣ Іоанновнѣ.

заводскихъ мастеровыхъ. Каковы же были препятствія для созданія горнаго дѣла на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ краѣ! На устройство горнаго дѣла въ этихъ краяхъ и ушли царствованія Петра, Анны, Елизаветы и Екатерины.

Первой половинѣ нашего столѣтія досталась другая задача—развитіе золотого дѣла. Просуществовавъ въ видѣ зародыша 70 лѣтъ на Уралѣ, золотопромышленность съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, за сорокъ лѣтъ, уже на свободномъ трудѣ, раскинулась по всѣмъ концамъ Сибири до Алдана, Камчатки и Уссури, въ краяхъ, куда за два и за три года ранѣе нужно заготовлять провіантъ и сѣно, и гдѣ работать можно три мѣсяца въ году. Другою задачею было созданіе соляного дѣла. До XIX столѣтія Россія питалась исключительно сѣвернымъ солевареніемъ; недостатокъ въ поваренной соли былъ постояннымъ. Въ XIX столѣтіи горное вѣдомство устроило правильное соляное дѣло на Елтонѣ, въ Астраханской губерніи, въ Крыму, въ Бессарабіи и около Одессы и открыло каменную соль въ Донецкомъ краѣ. Новѣйшему времени достались водвореніе горнаго дѣла въ Киргизской степи и Средней Азіи и развитіе каменноугольнаго и нефтяного производствъ.

Если горное дѣло не развивалось въ Россіи быстрѣе въ *количественномъ* отношеніи, то причиною тому было вовсе не отсутствіе техническаго знанія, а бѣдность населенія, отсутствіе культуры, ложная финансовая политика, а главное общій недостатокъ путей

сообщенія, т. е. желѣзныхъ дорогъ, потому что всѣмъ, что можно было извлечь изъ системы водяныхъ сообщеній, русское горное дѣло воспользовалось. Если въ Россіи металлы были дороги, особенно въ Юго-Западномъ краѣ, то для потребителей причиною того былъ именно этотъ недостатокъ путей сообщенія. На заводахъ металлы обходились при обязательномъ трудѣ замѣчательно дешево; чугунъ, напримѣръ, стоилъ на Уралѣ 8 коп. пудъ, когда въ Англіи онъ никогда не стоилъ дешевле 30 коп. за пудъ. Самая дороговизна металловъ была относительная, такъ какъ машины, многія металлическія издѣлія и пароходы до 60-хъ и 80-хъ годовъ допускались безпошлинно.

Какъ это, спрашиваютъ, Россія вела при Петрѣ внѣшнюю торговлю желѣзомъ и мѣдью, а теперь сама покупаетъ ихъ? Россія снабжала (вмѣстѣ со Швеціей) Европу желѣзомъ не при Петрѣ, а съ Петра до 1810 г., потому что за истребленіемъ лѣсовъ и до изобрѣтенія пудлингованія желѣзное дѣло почти прекратилось въ Западной Европѣ и мы невольно остались монополистами.

Плавка на коксѣ, пудлингованіе, примѣненіе горячаго дутья обернули положеніе; уже въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія снабженіе Европы перешло къ Англіи, а постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ заставила и остальную Европу поощрить у себя созданіе желѣзнаго дѣла. Мѣдью мы снабжали Европу не только *при* Петрѣ, а до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, *а перестали* снабжать отъ открытія въ Чили и Сѣ-

верной Америкѣ рудъ въ 20 — 40% содержанія, съ которыми не могли конкурировать наши мѣдныя руды въ $1^1/_2$—5%.

Противъ природы бороться нельзя, и гдѣ она за насъ, тамъ мы никогда не отставали; такъ, до сихъ поръ Россія снабжаетъ земной шаръ всею платиною, половиною нефтяныхъ продуктовъ и марганцевой руды и четвертой частью ртути.

Величайшимъ преступленіемъ противъ русскаго горнаго дѣла дѣйствительно была постройка русской сѣти желѣзныхъ дорогъ изъ иностранныхъ металловъ. Но горное вѣдомство и русскіе горные дѣятели въ этомъ нисколько неповинны. Еще въ 40-хъ годахъ, по иниціативѣ Чевкина и герцога Лейхтенбергскаго, на русскихъ заводахъ и русскими инженерами были приготовлены рельсы и паровозы; но въ 60-хъ годахъ, подъ вліяніемъ фритредерской политики и ради ускоренія постройки, сѣть было рѣшено строить изъ заграничныхъ безпошлинныхъ металловъ. Такимъ образомъ упустили благопріятнѣйшій моментъ для развитія своего желѣзнаго дѣла. Горное вѣдомство постоянно и неустанно протестовало, но что значилъ его голосъ, когда оно подчинялось лицамъ, знать не хотѣвшимъ интересовъ русскаго горнаго дѣла. Надобно замѣтить, что за сто лѣтъ изъ руководителей горнаго дѣла одинъ Канкринъ былъ знакомъ съ нимъ близко, онъ въ молодости даже служилъ по горной части.

Сдѣланная ошибка была исправлена только въ 80-хъ годахъ. Какъ и ранѣе предсказывали спеціалисты,

приготовленіе рельсовъ, паровозовъ и проч. безъ труда водворилось въ Россіи; но приписывать развитіе въ послѣднее время желѣзнаго дѣла исключительно вліянію таможеннаго тарифа не вполнѣ основательно. Кромѣ фритредерскаго періода 1859—1881 гг. у насъ для желѣза и чугуна существовалъ не покровительственный, а прямо-таки запретительный тарифъ; но это нисколько не вліяло на увеличеніе ихъ производства, ибо избытокъ приготовленныхъ металловъ не нашелъ бы себѣ помѣщенія въ крѣпостной и бездорожной Россіи.

Я даже того мнѣнія, что пошлины, установленныя въ послѣднее время, вопреки мнѣнію горнаго вѣдомства, своимъ громаднымъ размѣромъ скорѣе повредили, чѣмъ принесли пользу. Онѣ дали случайные большіе барыши тремъ-четыремъ существовавшимъ большимъ заводамъ, но создали для всѣхъ разорительное перепроизводство, которое уже сказывается. Во всякомъ случаѣ толки о томъ, что металлы стоятъ въ Россіи «въ три-дорога», невѣрны; горные заводы не пользуются большею частью таможеннаго покровительства. Котельное желѣзо, напримѣръ, продается у насъ на заводахъ по 1 руб. 15 коп. пудъ, а таможенная пошлина на него почти равняется этой цифрѣ. Если бы заводчики пользовались полнымъ покровительствомъ, они должны были бы продавать котельное желѣзо не дешевле 2 р. 50 к. за пудъ, но дѣлать этого они не могутъ въ силу внутренней конкуренціи, черезчуръ приподнятой высокимъ тарифомъ.

Золотое дѣло наше не развилось шире отъ отсутствія въ Сибири желѣзныхъ дорогъ, рабочихъ и капиталовъ. Въ техническомъ отношеніи разработка розсыпей была достаточно удовлетворительна; заграничные пріемы всѣ были извѣстны и если не примѣнялись, то потому, что или не подходили къ мѣстности, или требовали (какъ гидравлическій способъ) большихъ капиталовъ. Для разработки жильныхъ мѣсторожденій золота также недостаетъ капиталовъ, а не знаній. А теперь вмѣсто кредита преподносятъ нашему золотому дѣлу тяжелый и запутанный промысловый налогъ! И все-таки золотое дѣло не стоитъ на мѣстѣ; для полученія тѣхъ же $2^1/_2$ тысячъ пудовъ золота требуется добыть и промыть въ четыре раза болѣе песковъ, чѣмъ требовалось прежде.

Угольное дѣло замедлилось развитіемъ равнымъ образомъ вовсе не отъ отсутствія знаній. Лисичанскій рудникъ по всѣмъ правиламъ горнаго искусства былъ устроенъ еще въ прошломъ столѣтіи, а геологическая карта Донецкаго бассейна составлена болѣе 60-ти лѣтъ назадъ. Не добывался уголь изъ-за отсутствія желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ гужомъ его далѣе 25-ти верстъ возить нельзя. Съ постройкою желѣзныхъ дорогъ добыча угля съ 8-ми милліоновъ поднялась до милліарда пудовъ въ годъ и въ три, четыре года, если построятъ необходимыя рельсовыя вѣтви, добыча угля навѣрно еще удвоится.

Нефтяное дѣло сдѣлало поразительные успѣхи: керосинъ съ $7^1/_2$ рублей падалъ въ цѣнѣ на бакин-

скихъ заводахъ до $5^1/_2$ копѣекъ за пудъ! Капиталовъ въ этомъ дѣлѣ помѣщается достаточно, буреніе идетъ очень интенсивно, и если добыча еще не увеличивается болѣе, то потому, что сбыту керосина (отъ котораго зависитъ количество сырой нефти и мазута) мѣшаетъ внутри Россіи высокій акцизъ, а за границу — постоянныя измѣненія съ фискальной цѣлью тарифа Закавказской желѣзной дороги, обращеннаго въ подоходный налогъ съ нефтепромышленности.

Упрекъ за минеральныя воды горному вѣдомству также несправедливъ Эти воды изсякли бы, если бы горное вѣдомство по моей иниціативѣ въ 80-хъ годахъ не издало закона объ охранѣ минеральныхъ источниковъ. Затѣмъ, съ передачею въ половинѣ 80-хъ годовъ, по мысли статсъ-секретаря Сольскаго, горному вѣдомству Кавказскихъ водъ, онѣ настолько улучшились, что тому же вѣдомству отданы теперь и прочія казенныя воды, хотя эксплоатація лечебныхъ заведеній и не входитъ въ кругъ естественныхъ обязанностей горнаго вѣдомства. Минеральныя воды наши уступаютъ заграничнымъ не въ техническомъ отношеніи, а отъ первобытной обстановки жизни, что отъ администраціи не зависитъ.

Упреки горному вѣдомству въ игнорированіи науки просто забавны. Техническія школы на заводахъ Татищевъ завелъ еще при Петрѣ. Упрекъ, что горный институтъ существуетъ только сто лѣтъ (въ дѣйствительности 127-й годъ), особенно милъ. Да нашъ Гор-

ный институтъ старѣйшее въ Европѣ, послѣ Фрейбергской академіи, горное заведеніе. Пруссія и Англія устроили горныя училища только въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія, а Франція свою школу даже закрыла при республикѣ за ненадобностью; возстановилъ ее при помощи нѣмецкихъ профессоровъ Наполеонъ и то въ Савойѣ. Высшее горное училище существуетъ у насъ болѣе столѣтія, тогда какъ техническимъ заведеніямъ другихъ вѣдомствъ едва минуло полвѣка. Упрекъ, зачѣмъ имѣлся только одинъ институтъ, еще болѣе страненъ, когда Англія и Франція съ ихъ громаднымъ горнымъ дѣломъ до сихъ поръ довольствуются одною горною школою.

Горное вѣдомство вовсе не игнорировало и среднихъ техническихъ школъ. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ оно имѣло ихъ въ Петербургѣ (даже три, если считать школу Строгановыхъ и пробирное училище), Екатеринбургѣ, Барнаулѣ; затѣмъ существовали весьма порядочныя школы во всѣхъ казенныхъ округахъ. Въ послѣднее тридцатилѣтіе учреждены среднія горныя школы въ Лисичанскѣ, Домбровѣ, Иркутскѣ и высшая въ Екатеринославлѣ.

Горный институтъ былъ не только спеціальнымъ заведеніемъ; долгое время онъ былъ наилучшимъ изъ нашихъ общеобразовательныхъ заведеній. Въ его стѣнахъ воспитались Бестужевъ-Марлинскій, Измайловъ, Языковъ, Каратыгинъ, Брянскій, Самойловъ, множество администраторовъ, ученыхъ, академиковъ, воен-

ныхъ и духовныхъ*), философовъ и даже водевилистовъ. Но для горнаго дѣла однихъ знаній недостаточно, нужны капиталы. А гдѣ они у насъ, когда всѣ свободныя средства съ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному поглащались казною въ видѣ податей, налоговъ, займовъ, казенныхъ банковъ и сберегательныхъ кассъ? На обращеніе же къ казнѣ отвѣтъ всегда получался одинъ и тотъ же: «Затруднительное положеніе государственнаго казначейства!» А оно, какъ извѣстно, у насъ въ затруднительномъ положеніи еще со временъ Игоря. За всю мою долголѣтнюю службу я не помню ни одного проекта по улучшенію горной части, на который не получали бы этого стереотипнаго отвѣта, а если требовался гдѣ милліонъ, то послѣ десятилѣтнихъ настойчивыхъ просьбъ и переписокъ отпускалось тысячъ этакъ двадцать или сорокъ.

Поэтому и казенные заводы наши никогда не стояли на желательной высотѣ, хотя и ихъ заслуга передъ Россіею огромная. Они первые, напримѣръ, стали примѣнять правильное лѣсное хозяйство. Горный чиновникъ Ползуновъ построилъ первую въ Россіи паровую машину, горный чиновникъ Бердъ—первый пароходъ. Петръ основалъ казенные заводы, какъ средство избавиться отъ иностранцевъ по снабженію предметами вооруженія. Горное вѣдомство и устроило въ

*) Не только духовныхъ, но апостоловъ и мучениковъ. Бывшій горный офицеръ іеромонахъ Ювеналій окрестилъ съ 1793 по 1796 гг. жителей Кадьяка и Кенайскаго залива и былъ убитъ туземцами-язычниками подлѣ озера Илямны на Аляскѣ.

Россіи приготовленіе холоднаго оружія, стальныхъ пушекъ и снарядовъ, брони, построило Ижевскій оружейный заводъ. Герои Чесмы, Наварина, Севастополя стрѣляли по врагамъ изъ орудій и снарядами горнаго вѣдомства. Въ Крымскую войну небольшой въ мирное время Александровскій заводъ готовилъ по большекалиберной пушкѣ въ день, а Луганскій — вмѣсто 22 тысячъ отлилъ 750,000 пудовъ снарядовъ. Теперь эта цифра показалась бы не крупною, а въ то время, когда чугунъ и уголь возили на волахъ, это было своего рода подвигомъ.

Подвигомъ было и житье въ теченіе двухъ столѣтій нашихъ инженеровъ и другихъ спеціалистовъ въ глухихъ дебряхъ Урала, Сибири и Олонецкаго края вдали отъ всѣхъ удобствъ и цивилизованнаго общества. Многіе спились и погибли, но большинство не ослабѣвало въ своей энергіи и въ научныхъ трудахъ.

Объ отношеніяхъ горнаго вѣдомства къ своему крѣпостному населенію можно судить по тому, что знаменитый экономистъ Фредерикъ Леплэ, служившій одно время на Уралѣ, въ изданномъ въ 50-хъ годахъ сочиненіи «Les ouvriers des deux mondes» считаетъ положеніе этого населенія лучшимъ въ Европѣ. Архивы горнаго вѣдомства полны указаній, какъ горная администрація защищала крѣпостное населеніе отъ эксплоатаціи заводчиковъ. Затѣмъ при крѣпостномъ трудѣ еще установлены были пенсіи за увѣчья пострадавшимъ рабочимъ и ихъ семьямъ.

При освобожденіи было издано положеніе о горно-

заводскихъ товариществахъ и кассахъ для рабочихъ; казенные заводы повсемѣстно подали примѣръ устройства ихъ у себя. Дѣтскій и женскій трудъ въ горныхъ работахъ у насъ воспрещенъ былъ еще при крѣпостномъ трудѣ, а въ Бельгіи онъ существуетъ и до сихъ поръ; горное вѣдомство ввело также фабричную инспекцію на 73 года ранѣе, чѣмъ это сдѣлано на остальныхъ фабрикахъ Россіи. Было, конечно, не мало отдѣльныхъ злоупотребленій и на заводахъ, но разъ культура наша такъ низка, то это естественно отзывалось и на заводской жизни, какъ и на жизни другихъ частей Имперіи. Я говорю объ общей тенденціи администраціи и законодательства, а не о случайныхъ явленіяхъ. Горное вѣдомство по своимъ широкимъ идеямъ участливости къ частнымъ интересамъ до сихъ поръ составляетъ у насъ исключеніе.

Только въ послѣдніе три года принципы «горной свободы», установленные Петромъ Великимъ и сохранявшіеся всегда для массы казенныхъ земель, свободныхъ и несвободныхъ, стали обходиться, но, конечно, иниціатива этого прискорбнаго искаженія шла не отъ горныхъ дѣятелей. Въ горномъ законодательствѣ у насъ едва ли не ранѣе и не строже другихъ проведено различіе между закономъ и инструкціей, имѣющей силу закона, смѣшеніемъ чего страдаетъ весь нашъ сводъ законовъ. Горное вѣдомство уже болѣе двадцати пяти лѣтъ дало возможность частнымъ промышленникамъ организовать публичные съѣзды, получившіе большое значеніе и ставшіе юридическими

лицами съ своими доходами, капиталами, недвижимымъ имуществомъ, кассами и постоянными совѣтами. Въ другихъ отрасляхъ промышленности только недавно стали подражать этому, забывая, конечно, упоминать, съ кого берутся копіи. Горные съѣзды—весьма удачный примѣръ возможности у насъ самоуправленія.

Не менѣе похвально было и усердіе въ ученыхъ изслѣдованіяхъ; русскіе инженеры дѣлали изслѣдованія и въ Египтѣ, и въ Китаѣ, и въ Черногоріи и т. д. Изучить детально нѣдра такого государства, какъ Россія, не такъ-то просто: на это нужны сотни лѣтъ, тысячи ученыхъ и милліоны рублей, но въ общихъ чертахъ все было обслѣдовано и приведено въ извѣстность, и нельзя ставить въ упрекъ горному вѣдомству, что оно не знало будто бы, напримѣръ, о богатствахъ Замосковнаго края. Вѣдь здѣсь еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ дѣйствовали многіе горные заводы, руды здѣсь эксплоатировались и до сихъ поръ эксплоатируются, хотя, конечно, значеніе ихъ при возможности провезти коксъ и уголь по желѣзнымъ дорогамъ видоизмѣнилось. Газеты прокричали объ открытіи около Липецка рудъ, какъ о чемъ-то новомъ, того не подозрѣвая, что казенные заводы дѣйствовали тамъ до конца XVIII столѣтія и только отъ истощенія лѣсовъ были перенесены при Павлѣ на берега Луганки.

Горное вѣдомство имѣетъ и другія заслуги передъ русскою наукою,—оно первое устроило правильныя метеорологическія и магнитныя наблюденія и основало главную юфизическую обсерваторію въ Петербургѣ.

Долгое время въ Россіи систематическія метеорологическія изслѣдованія производило у насъ только горное вѣдомство; метеорологія была въ загонѣ, для руководства же метеорологическими трудами выписывались нѣмцы изъ-заграницы изъ числа тамошнихъ второстепенныхъ ученыхъ, «согласныхъ въ отъѣздъ». Но главная научная заслуга горнаго вѣдомства все-таки по части геологіи и минералогіи. Мурчисонъ, Вернейль, Леплэ, Густавъ Розе, Котта, Дюбуа де Монпере и др. только резюмировали богатые матеріалы, собранные ранѣе нашими инженерами. Минералогическій музей Горнаго института, одинъ изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ, живой свидѣтель сдѣланнаго горнымъ вѣдомствомъ для науки.

Наконецъ по поводу горной науки я долженъ прибавить, что русская горная статистика давно прекрасно организована, а «Горный Журналъ», существующій безъ перерыва съ 1825 г., старѣйшій технической журналъ въ Россіи. Триста слишкомъ томовъ или болѣе 1,200 книгъ его наполнены самостоятельными трудами и отчетами объ изслѣдованіяхъ нашихъ горныхъ инженеровъ. А сколько еще этихъ трудовъ появилось въ изданіяхъ Минералогическаго и Географическаго обществъ и Геологическаго комитета! Для оцѣнки этой работы надобно обратить вниманіе, что число горныхъ инженеровъ быстро увеличилось только въ послѣднее время. Ранѣе корпусъ инженеровъ заключалъ не болѣе двухсотъ лицъ. Большинство ихъ оставило однако слѣдъ въ горной литературѣ.

РУКОВОДИТЕЛИ РУССКАГО ГОРНАГО ДѢЛА ЗА ДВѢСТИ ЛѢТЪ.

6-го декабря 1900 г., въ конференцъ-залѣ Горнаго института, увѣшанной портретами знаменитѣйшихъ дѣятелей по горной части въ Россіи, торжественно праздновался 200-лѣтній юбилей горнаго вѣдомства.

Это одно изъ старѣйшихъ нашихъ русскихъ учрежденій, сохранившееся въ общихъ чертахъ такъ, какъ задумано было при Петрѣ Великомъ. Исторія его весьма поучительна и представляетъ непрерывную борьбу вѣдомства, старавшагося отстоять свою независимость отъ другихъ вѣдомствъ, и воевавшаго съ хищными инстинктами частныхъ лицъ, желавшихъ поживиться казеннымъ добромъ.

По счастью, горное вѣдомство имѣло, за немногими исключеніями, во главѣ своей людей выдающихся, и если послѣднимъ не удалось многое изъ задуманнаго, то потому, что чисто фискальное значеніе горнаго

дѣла съ общимъ увеличеніемъ государственнаго бюджета сравнительно понижалось, а потому вѣдомство теряло все болѣе свою самостоятельность и попадало нерѣдко подъ высшее руководство лицъ, неспособныхъ ни понимать, ни осуществлять его задачъ*).

XVIII вѣкъ былъ очень благопріятенъ для горнаго вѣдомства. Вслѣдствіе господствовавшихъ меркантильныхъ идей, значеніе горнаго производства даже преувеличивалось и до 1802 г. горное вѣдомство, кромѣ двухъ перерывовъ съ 1711—1715 гг. и 1784—1796 гг., было учрежденіемъ совершенно автономнымъ. Надобно сказать, что и успѣхи промышленности, особенно за первую половину столѣтія, были сравнительно грандіозны, особенно взявъ въ расчетъ трудныя географическія и культурныя условія Россіи. Этимъ успѣхамъ содѣйствовало впрочемъ повсемѣстное въ Европѣ паденіе горнаго производства отъ истребленія лѣсовъ, служившихъ единственнымъ основаніемъ металлургическому производству. Поэтому, несмотря на отсутствіе путей сообщенія и крѣпостной трудъ, Россія снабжала Европу желѣзомъ до перваго десятилѣтія нынѣшняго столѣтія, а мѣдью даже до половины XIX вѣка, раздѣляя монополію со Швеціей. До открытія калифорнскихъ и австралійскихъ пріисковъ

*) Горное дѣло Россіи ждетъ еще своего историка, хотя вообще по исторіи этого дѣла написано немало и громадные архивы горнаго вѣдомства сохраняются въ порядкѣ. Краткій очеркъ исторіи собственно горной администраціи былъ составленъ къ юбилею А. М. Лоранскимъ.

Россія занимала первое мѣсто и по добычѣ золота, особенно въ періодъ 20—40-хъ годовъ XIX столѣтія.

Двухсотлѣтіе горнаго вѣдомства не означаетъ однако двухсотлѣтія горной промышленности. Послѣдняя въ Россіи возникла очень давно. Уже въ половинѣ XVI столѣтія англичане, недовольные вздорожаніемъ нѣмецкой стали отъ уничтоженія монополіи Ганзы, хотѣли покупать сталь въ Россіи, гдѣ ее выдѣлывалось много и хорошаго качества. Горные заводы основались въ Подмосковномъ краѣ въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, въ Олонецкомъ краѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Даже на Уралѣ первые заводы были основаны: Ницынскій въ 1631 году, Пыскорскій въ 1640 г. При Петрѣ Великомъ не основалась даже горная администрація,—она получила только свою самостоятельность выдѣленіемъ 24-го августа 1700 г. Приказа рудныхъ дѣлъ изъ состава Приказа большой казны. Новый Приказъ доходовъ сначала не имѣлъ, а на жалованье его служащимъ было положено только 2,000 рублей.

Казенными средствами построены въ самомъ началѣ XVIII столѣтія и заводы Невьянскій и Каменскій, но тогда уже «ссоры и крамолы между приставниками производили остановку всякому доброму и полезному дѣлу», почему Невьянскій заводъ въ 1702 г. былъ отданъ туляку Никитѣ Демидову, причемъ выяснилось два обстоятельства: необходимость участія иностранцевъ и заботы правительства о рабочихъ. О

первыхъ въ одной грамотѣ Петра говорится: «И какіе мастера иноземцы у него (Демидова) въ уговорѣ изъ того промысла будутъ искать и учинить, чтобы русскіе люди тѣмъ мастерствамъ дѣло изучить»; по другому указу предоставлено Демидову наказывать заводскихъ людей «съ тѣмъ однакожъ, чтобы не навелъ онъ на себя правыхъ слезъ и обиднаго въ томъ воздыханія; а всякая обида паче же убогому человѣку есть грѣхъ непростительный».

Новые заводы выстроилъ однако не Никита Демидовъ, а его сынъ Акиноій, замѣчательно энергичный дѣятель. Въ короткое время онъ построилъ заводы, входящіе нынѣ въ составъ округовъ: Нижне-Тагильскаго, Ревдинскаго, Суксунскаго, Невьянскаго и частью Верхъ-Исетскаго на Уралѣ и Алтайскаго въ Сибири.

Петру приписываютъ много такого, что въ дѣйствительности совершено не имъ, но при немъ. Г. Милюковъ, написавшій замѣчательное изслѣдованіе о русскомъ государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ, подкрѣпляетъ мнѣніе Фокеродта, что Петръ любилъ морское дѣло, очень занимался военною и дипломатическою частью, но «о внутреннихъ улучшеніяхъ въ государствѣ, судопроизводствѣ, хозяйствѣ, доходахъ и торговлѣ онъ мало или вовсе не заботился». Этого нельзя сказать однако о горномъ дѣлѣ. Что послѣднее его интересовало, даже въ мелочахъ,—видно изъ переписки съ де-Генинымъ и Демидовымъ, хотя можетъ быть означенная заботливость вытекала изъ того,

что горное дѣло имѣло тогда главною цѣлью дать матеріалъ для артиллеріи и флота, необходимыхъ для войны со шведами.

Но что и созданіе центральной горной администраціи произведено отчасти случайно,—доказываетъ, что хотя Петръ еще въ 1711 году обратилъ вниманіе на меморіалъ саксонскаго инженера І. Ф. Блигера (Блюэра) о необходимости учредить для горнаго дѣла особый коллегіумъ, но въ томъ же году Рудный приказъ, по предложенію Сената, упразднилъ. Приказъ былъ однако возстановленъ въ 1715 г. подъ вѣдѣніемъ касимовскаго царевича Ивана Васильевича въ Петербургѣ и въ 1717—1719 гг. преобразованъ въ берггъ-коллегію.

Идея коллегій заимствована, какъ извѣстно, цѣликомъ изъ Швеціи. Это были учрежденія не только административныя, но и судебныя. Проектъ коллегій сочинили Г. Фикъ и А. фонъ-Люберасъ; послѣдняго сдѣлали вице-президентомъ берггъ-коллегіи и, по всей вѣроятности, онъ и написалъ ея регламентъ. Первымъ президентомъ берггъ-коллегіи и завѣдующимъ артиллерійской канцеляріей *) былъ знаменитый гр. Я. В. Брюсъ, астрономъ, математикъ, артиллеристъ, инженеръ, ботаникъ, минералогъ и географъ. Петръ такъ любилъ и цѣнилъ Брюса, что по уходѣ его въ 1722 г. никого не хотѣлъ назначить президентомъ, «заобыч-

*) Тѣсная связь горнаго вѣдомства съ артиллеріей сохранилась съ тѣхъ поръ.

наго незная», и только при Екатеринѣ I президентомъ бергъ-коллегіи назначили ея вице-президента А. К. Зыбина, но отъ него скоро отобрали монетную часть и коллегію перевели въ Москву, а въ 1731 г. по проискамъ Демидова присоединили вмѣстѣ съ мануфактуръ-конторою къ комерцъ-коллегіи, коей президентомъ состоялъ А. Л. Нарышкинъ, любимецъ Петра и противникъ Меншикова, человѣкъ по своему времени разносторонне образованный.

Учрежденіе бергъ-коллегіи дало громадный толчокъ горному дѣлу, ибо въ указѣ о ней была дана такъ называемая бергъ-привилегія, т. е. право искать руды на всякихъ земляхъ, не исключая и частныхъ (горная свобода). Законъ этотъ послужилъ развитіемъ указа 1700 г., признавшаго нѣдра во всѣхъ земляхъ казенными.

Бергъ-привилегія всячески поощряла поиски рудъ и постройку заводовъ, «дабы благословеніе Божье втунѣ не оставалось», а за сокрытіе рудъ и препятствія къ постройкѣ заводовъ грозила «жестокимъ гнѣвомъ, неотложнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и смертною казнью съ лишеніемъ всѣхъ имѣній». Въ 1720 г. всѣ права на бергъ-привилегіи были предоставлены иностранцамъ, и только 167 лѣтъ спустя были сдѣланы первыя ограниченія для послѣднихъ по отношенію къ горному дѣлу.

Еще болѣе значенія имѣла посылка на Уралъ двухъ замѣчательныхъ дѣятелей, извѣстнаго историка и администратора В. Н. Татищева и нѣмца-артиллериста

Г. В. де-Генина, обратившаго на себя вниманіе устройствомъ Олонецкихъ заводовъ. Де-Генинъ и Татищевъ построили много казенныхъ заводовъ, основали Екатеринбургъ, завели школы и учредили мѣстную горную администрацію.

Успѣхъ дѣла скоро возбудилъ аппетиты, и уже въ 1733 г. была учреждена комиссія для приведенія въ «лучшее состояніе» казенныхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, результатомъ коей было рѣшеніе передать ихъ компаніямъ и частнымъ лицамъ. Приведеніе этого въ исполненіе досталось нѣмцу бар. Шембергу, сдѣланному въ 1736 г., по упраздненіи бергъ-коллегіи, генералъ-бергъ-директоромъ.

По словамъ Татищева, Шембергъ, пріятель Бирона, не только захватилъ въ свою пользу казенные заводы, но и расхитилъ огромныя суммы. По мнѣнію же Гельбига, тоже саксонца, Шембергъ былъ очень дѣльный человѣкъ, и все его злополучіе произошло отъ преслѣдованія при Елисаветѣ Петровнѣ нѣмцевъ придворною кликою. Что здѣсь былъ вопросъ скорѣе о «пирогѣ», доказывается какъ изданіемъ Шембергомъ весьма разумныхъ горныхъ узаконеній: бергъ-регламента, такъ и тѣмъ, что по упраздненіи въ 1742 г. генералъ-бергъ-директоріума и возстановленіи бергъ-коллегіи отобранные отъ Шемберга заводы были растасканы придворными фаворитами Шуваловымъ, Воронцовымъ, Чернышевымъ и др. и только при Екатеринѣ II за долги взяты обратно въ казну. Монополія означенныхъ вельможъ была причиною небы-

валаго ни до того, ни послѣ повышенія цѣнъ на желѣзо въ Россіи.

Президентами возстановленной бергъ-коллегіи при Елисаветѣ Петровнѣ были А. Ф. Томиловъ, при коемъ Высочайшею властью былъ сдѣланъ раздѣлъ имѣній Демидовыхъ, генералъ-маіоръ М. С. Опочининъ и главный судья монетной канцеляріи И. А. Шлатеръ. Послѣдній былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ горныхъ дѣятелей. Онъ перевелъ бергъ-коллегію въ Петербургъ и соединилъ въ своихъ рукахъ управленіе не только горною, но и монетною частью и заводами Кабинета. Шлатеръ былъ авторомъ многихъ сочиненій по минералогіи, горному искусству и металлургіи. По этому поводу нельзя не замѣтить, что, судя по «Росписи книгъ» Ал. Смирдина, русская горная литература уже въ прошломъ столѣтіи была довольно богата, особенно по сравненію съ ничтожнымъ количествомъ книгъ по другимъ отраслямъ техническихъ знаній. Царствованіе Елисаветы отмѣчено постройкою множества частныхъ заводовъ, распространеніемъ трудами Твердышева и Мясникова горныхъ заводовъ въ башкирскихъ земляхъ на рудахъ, открытыхъ еще казною, и отобраніемъ отъ Демидова въ Кабинетъ Колывано-Воскресенскихъ (Алтайскихъ) заводовъ. Туда же перешли при Екатеринѣ II устроенные еще при Петрѣ Нерчинскіе заводы.

По выходѣ въ отставку Шлатера, съ 1767 по 1771 гг. президентомъ бергъ-коллегіи былъ графъ А. Е. Мусинъ-Пушкинъ (ранѣе вице-президентъ), сынъ

котораго Аполлосъ Аполлосовичъ извѣстенъ устройствомъ горнаго управленія на Кавказѣ при Александрѣ I. Мусина-Пушкина во главѣ коллегіи смѣнилъ, съ званіемъ главнаго бергъ-коллегіи командира, оберъ-прокуроръ Сената М. Ф. Соймоновъ, сынъ извѣстнаго петровскаго дѣятеля въ Сибири. Соймоновъ, прославившійся въ Сенатѣ прямотою своего характера, также потрудился немало для Сибири, но еще болѣе онъ сдѣлалъ для горнаго дѣла; Горный институтъ ему обязанъ своимъ основаніемъ. Послѣ десятилѣтняго управленія Соймоновъ вышелъ временно въ отставку и на его мѣсто въ 1781 г. былъ назначенъ извѣстный синодальный прокуроръ И. И. Рязановъ.

Послѣдній, однако, управлялъ недолго, ибо съ 1784 г. бергъ-коллегія была упразднена, а дѣла ея распредѣлены между различными палатами въ губерніяхъ, преимущественно между казенными палатами, для наблюденія же за поступленіемъ доходовъ учреждена при экспедиціи для свидѣтельствованія счетовъ экспедиція для горныхъ дѣлъ.

Екатерина II разрушила не только прежній строй горной администраціи, но, отчасти подъ вліяніемъ французскихъ физіократическихъ идей, отчасти подъ вліяніемъ трудовъ знаменитой комиссіи по составленію уложенія, кореннымъ образомъ измѣнила въ 1782 г. принципы петровскаго горнаго законодательства, заимствованные изъ реальнаго права въ Германіи.

Въ комиссіи по уложенію бергъ-коллегія имѣла своего представителя, но наказъ ему ничего любопыт-

наго не содержитъ. Труды комиссіи дали, какъ извѣстно, матеріалъ для учрежденія о губерніяхъ и для жалованной грамоты дворянству; въ послѣдней и подтвержденъ принципъ акцесіи, т.-е. безграничнаго права собственника земли на нѣдра, отмѣнявшій горную свободу.

По справедливости слѣдуетъ отмѣтить, что отступленія отъ началъ бергъ-привилегіи наблюдались и ранѣе. Уже въ 1727 г. устройство заводовъ на казенныхъ земляхъ «въ дачахъ тамошнихъ обывателей» допускалось не иначе, какъ по добровольному договору съ владѣльцами.

Управленіе заводами черезъ казенныя палаты, вслѣдъ за разореніемъ заводовъ Пугачевщиной, совершенно разстроило наше горное дѣло. Въ этомъ офиціально сознался правительство при Александрѣ I. Да и ранѣе кн. Щербатовъ приписывалъ незнаніе естественныхъ богатствъ Россіи «раздѣлу правительства бергъ-коллегіи». Всѣ спеціалисты оставили заводы, а ни генералъ-губернаторы, ни губернаторы, ни вице-губернаторы (ближайшіе хозяева заводовъ) ничего въ заводскомъ дѣлѣ не понимали. Не помогли дѣлу ни изданіе законовъ 1779 и 1781 гг., защищавшихъ работу крѣпостного населенія, ни томоженные тарифы 1782 и 1789 гг., впервые установившіе покровительство для горнаго производства.

Павелъ I по вступленіи на престолъ возстановилъ коллегіи, но съ характеромъ бюрократическимъ. Президентомъ бергъ-коллегіи въ 1796 г. былъ назначенъ ея

вице-президентъ А.А. Нартовъ, извѣстный какъ остроумный писатель-историкъ и ученый. Онъ былъ президентомъ Вольнаго Экономическаго общества. Но при немъ, какъ равно и его съ 1798 г. преемникѣ сенаторѣ А. В. Алябьевѣ, высшее завѣдываніе горною частью находилось въ рукахъ упомянутаго уже выше сенатора М. Ф. Соймонова, занимавшаго должность члена Императорскаго совѣта и пользовавшагося полною довѣренностью Павла I. Кромѣ устройства горнаго училища, къ заслугамъ Соймонова нужно отнести возстановленіе Олонецкихъ заводовъ, постройку Луганскаго завода, ставшаго разсадникомъ горнаго дѣла на югѣ Россіи, замѣну приписныхъ крестьянъ непремѣнными работниками и организацію рудоисканія. Въ техническомъ отношеніи Соймонову помогалъ шотландецъ К. Гаскойнъ, кромѣ Луганскаго, построившій также существующіе до сихъ поръ заводы въ Кронштадтѣ и Петербургѣ.

При учрежденіи министерствъ бергъ-коллегія, президентомъ которой былъ генералъ-отъ-артиллеріи А. П. Корсаковъ, вошла въ составъ Министерства финансовъ. Это лишило высшее горное управленіе самостоятельности, хотя новый министръ графъ Васильевъ очень интересовался горною частью и уважалъ — рѣдкій примѣръ — спеціалистовъ. По его словамъ, «директоръ горнаго департамента долженъ быть чиновникъ не только въ высшихъ классахъ состоящій, но извѣстный и своей опытностью и знаніемъ въ горныхъ и заводскихъ дѣлахъ, что́ необходимо нужно потому,

что ему предостовляется власть и возлагается обязанность болѣе чѣмъ на управляющаго канцеляріей... ибо горная часть въ Россійской Имперіи столь обширна, что можетъ занять собою все время министра». По приглашенію гр. Васильева, Дерябинъ, Ярцевъ и Качка выработали новый горный уставъ, названный проектомъ горнаго положенія. Этотъ уставъ расширилъ примѣненіе для казенныхъ земель началъ горной свободы, уже частью возстановленной Соймоновымъ при Павлѣ I, и создалъ весьма разумную систему управленія казенными заводами и горнозаводскимъ населеніемъ, просуществовавшую въ общихъ чертахъ до нашихъ дней.

Въ 1807 г. бергъ-коллегія была замѣнена горнымъ департаментомъ, часть коего составлялъ горный совѣтъ. Директоромъ былъ сдѣланъ Г. С. Качка, пріобрѣвшій извѣстность по управленію монетнымъ департаментомъ, Колывано-Воскресенскими и Богословскими заводами. Эти послѣдніе были созданы Походяшинымъ при Екатеринѣ II, но попали за долги въ казну. Качка хотя не получилъ техническаго образованія, но имѣлъ практическія познанія въ горномъ дѣлѣ и отличался твердостью характера.

Въ 1811 г., послѣ новаго преобразованія министерствъ, соляная часть была присоединена къ горному вѣдомству, почему Горный департаментъ сталъ называться (до 1863 г.) Департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Соляная часть была организована въ видѣ монопольной казенной продажи соли повсюду, кромѣ Западнаго края. Операція эта давала поводъ

къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, но зато все населеніе Европейской Россіи имѣло соль не дороже 60 коп. за пудъ.

Незадолго до этого преобразованія Качка былъ назначенъ сенаторомъ, а директоромъ департамента сдѣлался А. Ѳ. Дерябинъ, пользовавшійся громкою извѣстностью какъ горный законодатель и техникъ. Имя его до сихъ поръ чтится всѣми горными инженерами какъ идеалъ администратора. Онъ поочередно управлялъ всѣми горными округами въ Сибири и на Уралѣ и изучалъ горное дѣло за границею.

Въ концѣ царствованія Александра I, на горное дѣло вліялъ сенаторъ В. Ю. Соймоновъ, ранѣе вице-президентъ бергъ-коллегіи. Проектъ его о вполнѣ самостоятельномъ управленіи горною частью не осуществился, но по его мысли учреждена была должность главнаго начальника уральскихъ горныхъ заводовъ, которому первоначально предполагалось дать названіе горнаго генералъ-губернатора. Къ Соймонову обратились потому, что государь, лично посѣтившій Уралъ, былъ недоволенъ преемникомъ съ 1817 г. Дерябина Е. И. Мечниковымъ, угодникомъ графа Гурьева. Мечникову принадлежитъ честь устройства музеума Горнаго института, но для украшенія его онъ не додавалъ жалованья служащимъ.

Замѣстившаго въ 1824 г. Мечникова Е. В. Карнѣева Устряловъ въ своихъ запискахъ описываетъ по наружности руиною. Карнѣевъ, ранѣе управлявшій мануфактурнымъ департаментомъ, былъ чело-

вѣкъ высокаго классическаго воспитанія и замѣчательнаго трудолюбія. Онъ перевелъ Монтескье, Корнелія Непота и писалъ стихи. Карнѣевъ оставилъ слѣдъ учрежденіемъ ученаго комитета по горной и соляной части, которому должны были соотвѣтствовать ученыя общества на заводахъ, и особенно основаніемъ въ 1825 г. «Горнаго Журнала».

Въ 1834 г. Карнѣева назначили сенаторомъ. Все горное вѣдомство, вмѣстѣ съ рабочими казенныхъ горныхъ заводовъ, получило тогда, по мысли гр. Сентъ-Альдегонда, очень понравившейся Николаю I, военную организацію; былъ образованъ корпусъ горныхъ инженеровъ *); совѣтъ и ученый комитетъ стали совѣтомъ и комитетомъ корпуса; главноначальствующимъ этимъ корпусомъ назначенъ министръ финансовъ, тогда графъ Канкринъ, служившій въ молодости по соляной части, и при немъ учрежденъ штабъ корпуса горныхъ инженеровъ и горный аудиторіатъ. Реформа эта, заимствованная отчасти отъ Франціи, гдѣ корпусъ горныхъ инженеровъ былъ созданъ Наполеономъ I-мъ, оцѣнивалась различно, но несомнѣнно, что она очень улучшила личный составъ горнаго вѣдомства, особенно техническаго персонала.

Душа реформы, начальникъ новаго штаба К. В. Чевкинъ, впослѣдствіи главноуправляющій путями со-

*) Классные горные чиновники уже съ Петра I назывались горными офицерами, имѣя особую табель о рангахъ, а при Елисаветѣ уравнены въ правахъ съ инженерными и артиллерійскими офицерами.

общенія и предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ человѣкъ прекраснаго образованія и энергичный, хотя и мелочной. Онъ объѣхалъ заводы, даже Нерчинскіе, очень заботился объ улучшеніи быта рабочихъ; но главными его заслугами было начало цѣлаго ряда геологическихъ и другихъ изслѣдованій и поднятіе вопроса о желѣзныхъ дорогахъ, которому въ Министерствѣ финансовъ мало сочувствовали. Чевкинъ привелъ также въ образцовое состояніе Горный институтъ, и ранѣе имѣвшій отличную репутацію. По выходѣ Чевкина заботы объ институтѣ на правахъ главнозавѣдывающаго перешли къ герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому, сынъ котораго Николай Максимиліановичъ въ свою очередь принималъ дѣятельное участіе, въ званіи члена горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета, въ трудахъ горнаго вѣдомства (въ 60-хъ годахъ).

Директоромъ департамента въ 1834 году сдѣлался начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ Е. П. Ковалевскій, бывшій впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. Человѣкъ ловкій, онъ искусно сдѣлалъ свою карьеру. Ковалевскій имѣлъ всѣ данныя быть хорошимъ директоромъ. Ему принадлежитъ первое геологическое описаніе Донецкаго бассейна, сдѣланное, когда Ковалевскій былъ начальникомъ Луганскаго завода. Братъ Ковалевскаго Егоръ, извѣстный дипломатъ, путешественникъ и основатель Общества поощренія литераторовъ, также значительную часть своей службы посвятилъ горному вѣдомству.

При Ковалевскомъ впервые были изданы связныя законоположенія о золотомъ промыслѣ. Сороковые годы были эпохою чрезвычайнаго оживленія нашей золотопромышленности. Богатства, найденныя въ Енисейской тайгѣ, создали быстро милліонныя состоянія. Всѣ крупные золотопромышленники подѣлались откупщиками, а откупщики—золотопромышленниками. Аристократія пожелала вновь пріобщиться къ горному промыслу. Тогда-то началась раздача по протекціи зачисляемыхъ въ казну золотыхъ пріисковъ, съ большимъ трудомъ прекращенная при Рейтернѣ.

Замѣстившій въ 1843 году Ковалевскаго Ф. Ф. Бегеръ, практически знакомый съ золотопромышленностью, какъ бывшій начальникъ Богословскихъ и Алтайскихъ заводовъ, значительно пополнилъ наши законы о золотомъ промыслѣ. Съ исправленіями, сдѣланными въ 1870 г., они сохранились въ общихъ основаніяхъ и только въ настоящую минуту подверглись нѣкоторой порчѣ введеніемъ промысловаго налога.

Преемникомъ Бегера, оставившаго департаментъ въ 1849 г., но до самой смерти принимавшаго большое участіе въ дѣлахъ горнаго вѣдомства, между прочимъ въ трудахъ по освобожденію горнозаводскаго населенія, былъ ничѣмъ непримѣчательный И. А. Фуллонъ, ранѣе членъ горнаго совѣта и ученаго комитета. Точно также и Чевкина въ должности начальника штаба не могъ замѣнить гораздо менѣе его способный В. Е. Самарскій-Быховецъ, добрый и хорошій человѣкъ, замѣстившій впослѣдствіи Бегера по предсѣдательству

въ горномъ совѣтѣ, горномъ ученомъ комитетѣ и въ комиссіи по пересмотру горнаго устава. Самарскаго по штабу смѣнилъ въ 1861 г. А. А. Перецъ, превосходнѣйшей души человѣкъ, сынъ извѣстнаго откупщика, у котораго, говорятъ, въ молодости гр. Канкринъ служилъ бухгалтеромъ.

По смерти Фуллона въ 1855 г. директоромъ былъ сдѣланъ вице-директоръ департамента А. Р. Гернгроссъ; на него выпала трудная задача по подготовительнымъ работамъ по крестьянской реформѣ 1861 г. Эта реформа была весьма дѣльно примѣнена къ заводамъ съ цѣлью не обращать горнорабочихъ въ земледѣльцевъ, но послѣдующими узаконеніями 70-хъ годовъ эта цѣль была совершенно извращена. Почти одновременно съ назначеніемъ Гернгросса, вѣдомство департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ сузилось возвращеніемъ управленія Алтайскимъ и Нерчинскимъ заводами въ министерство Двора. Передача сопровождалась постепеннымъ упадкомъ горнаго дѣла въ обоихъ округахъ. Во главѣ горнаго управленія кабинета долгое время стоялъ Л. А. Соколовскій, очень умный, человѣкъ, консервативнаго направленія; онъ игралъ не малую роль и въ общихъ горныхъ дѣлахъ, являясь краснорѣчивымъ противникомъ всякихъ канцелярскихъ измышленій.

Крѣпостная реформа кореннымъ образомъ измѣнила строй нашей горной промышленности, а постройка желѣзныхъ дорогъ давала желѣзной промышленности, находившейся сорокъ лѣтъ въ застоѣ, возможность

быстраго развитія. Къ сожалѣнію, вмѣсто уволеннаго послѣ одной статьи о немъ въ «Колоколѣ» Герингросса, во главѣ горнаго департамента былъ поставленъ управлявшій Демидовскими заводами на Уралѣ В. К. Рашетъ, не соотвѣтствовавшій по своимъ способностямъ важности момента.

Гр. Путятинъ, извѣстный какъ министръ народнаго просвѣщенія, подалъ въ это время Александру II проектъ объ образованіи, въ виду значенія горнаго дѣла, особаго главнаго управленія для горныхъ заводовъ, какое имѣло, напр., гораздо менѣе важное коннозаводство. Проектъ этотъ не встрѣтилъ, какъ и предыдущіе, сочувствія. Реформа вѣдомства была произведена, впрочемъ, и состояла въ упраздненіи штаба корпуса, горнаго аудиторіата, военнаго устройства корпуса горныхъ инженеровъ (по настоянію гр. Милютина) и въ передачѣ соляной части въ вѣдомство неокладныхъ сборовъ. Отошли также мѣры, вѣса, физическія и метеорологическія обсерваторіи и заводскія школы. Взамѣнъ того въ 1870 г. была присоединена къ горному департаменту горная часть въ Царствѣ Польскомъ.

Рашетъ былъ болѣе техникъ, нежели администраторъ. Онъ не имѣлъ силы настоять на томъ, чтобы постройка начатой сѣти желѣзныхъ дорогъ производилась средствами русскихъ заводовъ, и устремилъ все свое вниманіе на переустройство казенныхъ заводовъ, разстроенныхъ отмѣною крѣпостного труда. Но заводы эти имѣли болѣе узкую задачу снабженія артил-

леріи и флота, да и тутъ встрѣчалось противодѣйствіе въ видѣ стремленія все покупать за границею. Рашетъ, впрочемъ, если бы и хотѣлъ что-нибудь сдѣлать, то не могъ, за передачею всѣхъ важныхъ законопроектовъ по горной части въ податную комиссію, состоявшую изъ фритредеровъ, знаменитыхъ «экспертовъ отъ потребителей». Трудамъ ихъ Рейтернъ, какъ и его предшественники, мало способные Вронченко и Брокъ и выжившій отъ старости изъ ума Княжевичъ, горною частью вовсе не интересовавшійся, благоразумно никакого хода не далъ, но эти курьезные труды затормозили на пятнадцать лѣтъ улучшеніе нашего горнаго законодательства и повели къ продажѣ за безцѣнокъ значительной части казенныхъ заводовъ. Комиссія предлагала даже вовсе упразднить все горное управленіе подъ остроумнымъ предлогомъ, что нѣтъ-де особаго салотопеннаго или медоваренаго управленія! Означенныя благоглупости и до сихъ поръ еще, впрочемъ, находятъ сторонниковъ.

Не менѣе вреда горному вѣдомству и горному дѣлу принесла передача по настоянію Валуева въ 1874 г. горнаго вѣдомства изъ Министерства финансовъ въ Министерство государственныхъ имуществъ, которое имѣетъ очень мало отношенія къ горному дѣлу и лишено денежныхъ средствъ, безъ которыхъ развитіе горнаго дѣла немыслимо. При этомъ отъ горнаго вѣдомства отошли тѣсно связанныя съ нимъ части монетная и пробирная. Департаментъ лишился даже ла-

бораторіи, т. е. той функціи, которая была даже у Руднаго приказа.

Совершенно не зная горнаго дѣла, ни личнаго состава горнаго вѣдомства, новый начальникъ послѣдняго желалъ однако дѣлать реформы. Онъ уволилъ довольно безцеремонно въ 1875 г. Рашета, но, не зная, кѣмъ его замѣстить, оставилъ временное управленіе на вице-директорѣ Ф. И. Раселли, который и до Рашета руководилъ всѣмъ, что касалось частной промышленности. Раселли, вышедшій въ люди изъ польскихъ писцовъ, не имѣлъ вовсе спеціальныхъ познаній и, по уклончивому характеру, не могъ удержать авторитета горнаго вѣдомства даже на томъ скромномъ положеніи, въ которое поставилъ его Рашетъ.

Это было печальное время для нашего горнаго дѣла. Если еще кто о немъ заботился, то покойный адмиралъ Посьетъ въ качествѣ министра путей сообщенія. Изданныя же законоположенія, какъ напр. инструкція 1877 г. о надѣлѣ горнозаводскихъ крестьянъ, скопированная съ неудачнаго закона 1866 г. о надѣлѣ государственныхъ крестьянъ, угрожала разстроить казенные заводы. Частная промышленность не развивалась, кромѣ золотого дѣла, поощряемаго высокимъ лажемъ на золото *).

*) Въ это время произошла раздача по протекціи нефтяныхъ земель на Кавказѣ, но безъ участія центральнаго горнаго вѣдомства, которому кавказское горное дѣло подчинилось только съ 1883 г. Горное дѣло на Дону перешло въ горное вѣдомство только въ 1900 г.

По уходѣ Валуева кн. Ливенъ, ознакомившись, по званію товарища министра, съ личнымъ составомъ министерства, пожелалъ серьезно освѣжить послѣдній. Онъ замѣнилъ въ 1881 г. старика Раселли вице-директоромъ департамента, а ранѣе начальникомъ Гороблагодатскихъ заводовъ Г. Л. Грасгофомъ. Въ это время соляная часть снова вернулась въ горное вѣдомство, упавъ въ акцизномъ управленіи въ техническомъ отношеніи.

Послѣ сдѣланной перетасовки кн. Ливенъ оставался недолго управляющимъ министерствомъ. Преемникъ его М. Н. Островскій не отличался настойчивостью, но, будучи очень умнымъ человѣкомъ, идеальной честности и слушаясь, подобно гр. Васильеву и Канкрину, спеціалистовъ, онъ сдѣлалъ чрезвычайно много для поднятія горнаго дѣла въ Россіи. Помогло значительно и измѣненіе общей экономической политики. Таможенный тарифъ, принявъ съ 1881 г. строго покровительственное направленіе, привлекъ много иностранныхъ капиталовъ, а постройка желѣзныхъ дорогъ начала питать свое, а не чужестранное горное производство.

Перешедшаго въ 1882 г. въ частную службу Грасгофа, который былъ техникъ, не любившій канцелярщины, смѣнилъ профессоръ Горнаго института Н. А. Кулибинъ, а засимъ въ 1891 г. авторъ этого очерка, занимавшій и при Грасгофѣ и Кулибинѣ должность вице-директора департамента и члена горнаго совѣта и ученаго комитета. Съ 1870 по 1890 г. на дѣла

горныя имѣлъ вліяніе и А. А. Іосса, какъ предсѣдатель въ горномъ совѣтѣ и ученомъ комитетѣ.

Такъ какъ и при Грасгофѣ и при Кулибинѣ авторъ очерка былъ ихъ ближайшимъ сотрудникомъ, то не считаетъ удобнымъ дѣлать подробную оцѣнку означенному періоду*). Въ это время мѣстныя горныя управленія были совершенно преобразованы. Значительнымъ измѣненіямъ и улучшеніямъ подверглось горное законодательство: стоитъ сравнить для оцѣнки этого горный уставъ изданія 1893—1895 гг. съ горнымъ уставомъ изданія 1857 г. Преобразованы радикально горныя управленія и управленіе казенными заводами и горными лѣсами, а также горныя учебныя заведенія и получили большое развитіе ученыя работы вѣдомства. Компетенція горнаго вѣдомства расширилась подчиненіемъ всѣхъ металлургическихъ заводовъ и минеральныхъ водъ. Изданы различныя узаконенія по найму рабочихъ и технической инспекціи. Устроенный въ 1882 г. геологическій комитетъ сталъ систематизировать геологическія работы горнаго вѣдомства.

Переустройство Министерства государственныхъ имуществъ въ Министерство земледѣлія не измѣнило положенія центральнаго горнаго управленія.

*) Что именно мною сдѣлано по горной части, подробно — хотя далеко не полно—изложено въ отчетѣ горнаго департамента за 1896 г., составленномъ уже по выходѣ моемъ въ отставку. Этотъ отчетъ не худо было просмотрѣть тѣмъ господамъ, которые, по случаю юбилея горнаго вѣдомства, старались по завист[illegible] и можетъ быть и просто глуп[illegible]ить мою дѣятельность.

Съ мая 1896 г. директоромъ горнаго департамента назначенъ былъ начальникъ томскаго горнаго управленія Н. А. Денисовъ. Въ это время, хотя горное дѣло росло быстрѣе всѣхъ отраслей промышленности, снова возобновились попытки приводить въ «лучшее состояніе» заводы, т. е. ограничить кругъ дѣятельности горнаго управленія и исказить начала горной свободы. Человѣкъ мягкій, Денисовъ оставилъ съ 1900 года свое мѣсто и его замѣнилъ директоръ Горнаго института Н. А. Іосса, которому досталось нелегкое наслѣдство защищать горную администрацію отъ охотниковъ отбирать отъ нея хорошіе куски.

Всего за два столѣтія во главѣ нашего горнаго дѣла стояло тридцать лицъ, а считая съ начальниками штаба—33. Цифра небольшая. Вычитая время упраздненія особаго центральнаго органа, каждый начальникъ въ среднемъ оставался въ должности 6 лѣтъ и $3^1/_2$ мѣсяца. Періодъ довольно продолжительный, потому что люди смирные и лѣнивые повсюду сидятъ долѣе людей настойчивыхъ и живыхъ. Это вполнѣ объясняется условіями бюрократіи. Если бы какому-либо Вокансону удалось сдѣлать съ достаточнымъ совершенствомъ автоматическаго чиновника, то онъ навѣрно не только у насъ, но и въ любомъ государствѣ просидѣлъ бы въ должности до полной порчи механизма.

Изъ перечисленнаго выше списка людей посредственныхъ не наберется и четверти, остальные были болѣе или менѣе выдающіеся. Ухудшеніе со-

става замѣчается скорѣе въ истекшемъ столѣтіи, когда съ усиленіемъ бюрократизма проявляется постоянное стремленіе обращать директоровъ, которые, по мысли Сперанскаго, должны были начальствовать своими частями, въ правителей канцеляріи, т. е. въ исполнителей чужихъ мнѣній. Это ухудшеніе гр. Семенъ Воронцовъ предсказалъ еще въ моментъ учрежденія министерствъ. Замѣчательно также, что, за тремя, четырьмя исключеніями, правительству удавалось, среди издревле господствовавшей въ русскомъ обществѣ распущенности, находить для управленія горнымъ дѣломъ, связаннымъ съ крупными казенными интересами, въ теченіе двухъ столѣтій людей безусловно безкорыстныхъ.

Д. И. МЕНДЕЛѢЕВЪ ОБЪ УРАЛѢ.

Въ интересномъ докладѣ къ Росписи на 1900 годъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о необходимости увеличить въ Россіи добычу металловъ (хотя, скорѣе, замѣчается уже перепроизводство послѣднихъ), между прочимъ сказано, что для этого необходимо лишь облегченіе частной предпріимчивости разрабатывать тѣ неисчерпаемыя минеральныя богатства, которыми въ изобиліи надѣлено наше отечество. А въ частности относительно чугуна признается настоятельно необходимымъ скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о предоставленіи частнымъ предпринимателямъ возможности эксплоатировать богатѣйшія залежи желѣзной руды Урала, находящіяся въ рукахъ казны и остающіяся въ продолженіе долгаго времени безъ соотвѣтствующей ихъ богатству разработки. «Залежи эти, при правильномъ пользованіи, могли бы доставлять ежегодно свыше 100 мил. пудовъ чугуна; въ настоящее время онѣ являются въ полномъ смыслѣ слова капиталомъ, въ землю зарытымъ».

Подъ залежами руды, находящимися въ рукахъ казны, въ докладѣ разумѣются, очевидно, мѣсторожденія въ дачахъ казенныхъ горныхъ заводовъ, такъ какъ руды въ земляхъ казенныхъ вообще открыты для всеобщаго пользованія еще въ 1719 г. по бергъ-привилегіи Петра Великаго, и если были какія ограниченія, то только въ самые послѣдніе годы, преимущественно въ Сибири и на Кавказѣ.

Нельзя сказать однако, что руды и въ дачахъ казенныхъ горныхъ заводовъ оставались «зарытымъ въ землю капиталомъ»: ими пользовались не только казна, но и частныя лица. Если взглянуть на карту уральскихъ казенныхъ округовъ, то легко видѣть, что она испещрена отводами рудниковъ, принадлежащими, во многихъ случаяхъ съ XVIII столѣтія, частнымъ лицамъ и заводамъ; множество также отводовъ сдѣлано для разработки золота, платины, асбеста и другихъ минераловъ. Въ принципѣ и теперь земли эти свободны для заявокъ, и если есть дачи закрытыя, то потому, что, за отсутствіемъ полныхъ развѣдокъ, трудно рѣшить, насколько обезпечены рудою заводы самой казны. Затѣмъ и въ закрытыхъ дачахъ на извѣстныхъ условіяхъ разрѣшались поиски частнымъ лицамъ; даже мѣсторожденія, необходимыя безусловно казеннымъ заводамъ, какъ гора Благодать, обезпечивающая дѣйствіе Гороблагодатскаго, Пермскаго и Камско-Воткинскаго округовъ и гдѣ до сихъ поръ опредѣленъ запасъ не свыше 400 милліоновъ пудовъ руды, служили *и для частной* промышленности. Руда ея отпускалась

для заводовъ кн. Абемелекъ-Лазарева, гр. Шувалова, гр. Строганова и др. Если отпускъ не былъ болѣе 5 мил. пуд. въ годъ, то потому, что по малому развитію желѣзнаго дѣла до 90-хъ годовъ болѣе и не требовалось, а частью и потому, что, за недостаткомъ развѣдокъ, подобные отпуски представляли опасность истощить рудники. Развѣдокъ же дѣлалось мало потому, что финансовымъ вѣдомствомъ деньги на развѣдки отпускались болѣе чѣмъ скупо. На казенные горные заводы вообще,—разъ въ 1871 г. было признано полезнымъ большинство ихъ отчудить постепенно въ частныя руки, —отпускалось денегъ очень мало. За пятнадцать лѣтъ на всѣ новыя постройки и сооруженія на тридцать почти казенныхъ заводовъ было отпущено менѣе, чѣмъ дано, напр., пособія частному Невскому заводу, принадлежавшему enfant terrible нашей администраціи г. Мамонтову, въ одномъ 1899 году. Неудивительно, что результаты дѣйствія казенныхъ заводовъ не блестящи, между тѣмъ металлургія за послѣдніе годы сдѣлала огромные успѣхи и слѣдить за ними возможно лишь при постоянной затратѣ огромныхъ капиталовъ *).

---

*) Значительная часть уральскихъ казенныхъ заводовъ [illegible] продана. Для [illegible] прибавимъ, что [illegible] заводовъ построено казною для ея цѣлей. [illegible] въ казну случайно, за долги частныхъ [illegible] приспособлялись къ наиболѣе подходящей дѣятельности [illegible] ренію надобностей правительства. [illegible] существуютъ [illegible] и въ Германіи [illegible] ществуютъ [illegible]

Засимъ, неисчерпаемыхъ рудныхъ мѣсторожденій нѣтъ даже на Уралѣ. Слово это могло быть употребляемо сто лѣтъ назадъ, когда общая добыча металловъ была ничтожна; теперь, какъ показалъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, нѣтъ мѣсторожденій, которыя въ 10, 15 лѣтъ не истощались бы. Я думаю даже, что черезъ 50 лѣтъ во всемъ мірѣ почувствуется недостатокъ рудъ и минеральнаго топлива и наступитъ великій металлическій голодъ, такъ какъ мѣсторожденія рудъ вовсе не общее явленіе, а счастливое и рѣдкое исключеніе. Хотя у насъ теперь чуть не во всѣхъ губерніяхъ soi-disant открываются руды и публика думаетъ, что это — великія открытія новѣйшаго времени, но спеціалистамъ все это давно извѣстно, конечно, не въ деталяхъ, такъ какъ, повторяю, на развѣдки требуются большія суммы, а производить послѣднія слѣдуетъ тогда только, когда предстоитъ уже въ виду сбытъ руды.

По моимъ соображеніямъ, заключенія доклада министра финансовъ основаны, вѣроятно, на чтеніи отчета г. Менделѣева по поѣздкѣ его на Уралъ въ 1899 году. Это онъ имѣлъ смѣлость утверждать, что 100 милліоновъ пудовъ чугуна въ годъ могутъ дать рудники

недавно прикупило еще у частныхъ лицъ значительное количество каменноугольныхъ копей. Къ сожалѣнію, какъ я сказалъ, колебанія нашей финансовой политики по отношенію къ промышленности, начиная съ 60-хъ годовъ, оставляли эти цѣнныя имущества въ загонѣ, что продолжается и по сей день, и дѣйствительно казенное хозяйство на заводахъ требуетъ реформы.

уральскихъ казенныхъ заводовъ, если только забудутъ все, что сдѣлано горнымъ вѣдомствомъ съ Петра Великаго за двѣсти лѣтъ и послѣдуютъ указаніямъ означеннаго химика, прокатившагося лѣтомъ по Уралу въ сопровожденіи трехъ лицъ, едва ли не въ первый разъ въ жизни увидавшихъ рудники и горные заводы.

Г. Менделѣевъ забылъ, что къ Уралу ранѣе его прогуливались на казенный счетъ не диллетанты, а великіе инженеры и ученые: Лепле, Туннеръ, Гумбольдтъ, Мурчисонъ, Густавъ Розе и мн. др. и находили, что при наличности данныхъ условій дѣло велось такъ, какъ могло вестись, что съ каждымъ измѣненіемъ экономическихъ условій Россіи и безъ указанія диллетантовъ уральское горное дѣло видоизмѣнялось и приспособлялось къ рынку. И въ настоящее время, несмотря на соперничество Юга Россіи и Царства Польскаго, гдѣ минеральное топливо изобилуетъ, уральская промышленность сдѣлала успѣхи, а главное—находится въ періодѣ полнаго техническаго обновленія. Задерживаетъ его не отсутствіе знаній или нежеланіе заводчиковъ или какіе-либо пробѣлы мѣропріятій горнаго управленія, а исключительно недостатокъ прочнаго сбыта и отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, особенно подъѣздныхъ путей. Построить эти дороги въ общей сложности на тысячи верстъ у заводовъ нѣтъ и никогда не будетъ средствъ, это—дѣло казны. Если Донецкій бассейнъ, занимающій площадь въ 20 и 30 разъ меньшую Урала, еще не вполнѣ оборудованъ рельсовыми путями, то, понятно, трудно

ждать этого скоро отъ Уральской горной области, превосходящей по размѣру Германію.

Лично къ г. Менделѣеву, который когда-то былъ моимъ учителемъ въ гимназіи, я питаю уваженіе: это человѣкъ трудолюбивый и настойчивый, но далеко не считаю его слова за евангельскія истины и даже за слова Заратустры. Напротивъ, у этого человѣка, родившагося, если не ошибаюсь, въ Тобольскѣ, фантазія уроженца Палестины, особенно когда идетъ рѣчь о вопросахъ экономическихъ. Я это подтвержу нѣсколькими примѣрами.

Въ концѣ 80-хъ годовъ г. Менделѣевъ, которому, выражаясь словами исторіи Кайданова, «лавры Макъ-Кинлея не давали спать», пожелалъ найти свою, русскую, идею покровительства и обернуть на-выворотъ западную теорію протекціонизма, для чего сочинилъ проектъ таможеннаго тарифа, названный имъ «толковымъ». По этому проекту пошлины, вопреки извѣстному принципу, примѣняемому во всѣхъ тарифахъ міра, были пропорціональны не тому, чѣмъ выше были приложенія труда, а обратно, такъ что приготовленіе простого кирпича облагалось пропорціонально выше, чѣмъ дорогихъ фарфоровыхъ вазъ! Профессоръ исходилъ изъ того, что Россіи надобно выучиться сначала выдѣлывать у себя дешевыя вещи. Обложенія получались колоссальныя. «Толковому» проекту обрадовался товарищъ г. Менделѣева по Педагогическому институту покойный Вышнеградскій, любившій приращенія доходовъ. Въ происходившемъ подъ его предсѣдатель-

ствомъ предварительномъ совѣщаніи проектъ г. Менделѣева вызвалъ много возраженій и въ томъ числѣ съ моей стороны, хотя я всю жизнь былъ убѣжденнымъ и горячимъ протекціонистомъ. Пришлось многое сбавить. Въ тарифной комиссіи 1890 г. опять сдѣлана была поправка. Съ согласія Государственнаго Совѣта, при разсмотрѣніи тарифа, снова уменьшены многія преувеличенныя ставки, между прочимъ отклонено курьезное предложеніе обложить двумя рублями съ пуда египетскія муміи. Когда тарифъ въ 1891 г. опубликовали, то онъ оказался такъ стѣснителенъ, что уже два года спустя, подъ предлогомъ договора съ Германіей, пошлины были сбавлены на 25% и все-таки во многихъ отношеніяхъ для потребителя онѣ обременительны, а для цѣлей покровительства безполезны. Желѣзная руда обложена 12 коп. съ пуда, когда цѣна ея въ 1891 г. была не выше 5 коп., да и теперь, при усилившемся спросѣ, не превосходила 9 коп. Сырой матеріалъ обложенъ, значитъ, 133 процентами: Что же было бы, если бы первоначальный проектъ г. Менделѣева былъ принятъ въ его неприкосновенной уродливости?

Въ концѣ 70-хъ годовъ наша нефтяная промышленность стала дѣлать большіе успѣхи. Занялся ею и г. Менделѣевъ и сталъ доказывать, что нефть слѣдуетъ обрабатывать не въ Баку и не на Кавказѣ, а внутри Россіи, т.-е. подалѣе отъ источниковъ, уплачивая огромныя суммы за провозъ сырья и платя дорого за топливо. Разсужденія нашего химика основы-

вались опять на грубомъ софизмѣ, что съ дорогой нефтью фабриканты будутъ внимательно обходиться, а потому извлекутъ изъ нея не керосинъ и остатки только, а дорогія смазочныя масла и разныя краски. Забывалось, что такого количества маселъ и красокъ никому не нужно, а прилагая теорію г. Менделѣева и къ другимъ производствамъ, пришлось бы запретить и рубить дрова, ибо изъ дерева получается кислота и множество другихъ цѣнныхъ продуктовъ перегонки. Идеи г. Менделѣева тормозили однако долгое время развитіе бакинской промышленности и имя его возбуждало страхъ въ Баку.

Недавно въ «Новомъ Времени» нѣкто напомнилъ что для удешевленія каменнаго угля на югѣ Россіи г. Менделѣевъ предлагалъ весьма-де практичную мѣру—поднятіе уровня Азовскаго моря устройствомъ плотины, преграждающей Керчь-Еникальскій проливъ. Для этого, очевидно, пришлось бы пользоваться Южною косою; но тогда плотина, загораживающая проливъ, имѣла бы 18 верстъ длины. Построенная со шлюзами и въ проливѣ, открытомъ сильнымъ NO и SW вѣтрамъ и натиску льдовъ, она должна обойтись баснословно дорого. Но положимъ, что означенное чудовищное сооруженіе осуществилось бы. Само собою уголь не подешевѣлъ бы на копѣйку, потому что цѣна его зависитъ не отъ азовскаго фрахта, а отъ цѣны горнорабочихъ и аренды за угленосныя земли, между тѣмъ отъ поднятія уровня Азовскаго моря Арабатская стрѣлка оказалась бы подъ водою, Сивашъ съ

его многочисленными соляными промыслами затопило бы и вѣроятно затоплена была бы и порядочная часть степной части Крымскаго полуострова, богатая солью и пастбищами.

Въ настоящее время г. Менделѣевъ, изучавшій въ антрактѣ метеорологію и летавшій на аэростатѣ, а также занимавшійся организаціей обширной администраціи для повѣрки мѣръ и вѣсовъ, обратилъ свое вниманіе на уральское горное дѣло и сразу, безъ всякой подготовки, рѣшилъ, что все сдѣланное до его поѣздки никуда не годится. Подробный отчетъ г. Менделѣева еще не появился, а пока напечатанъ предварительный отчетъ, извлеченіе изъ коего сдѣлано въ «Уральскомъ Горномъ Обозрѣніи». Проглотивъ въ жизни много казенной прозы на тему «не любо—не слушай», я, признаться, рѣдко читалъ что-либо болѣе неосновательное и поразительное по легкомыслію и по изобилію голословныхъ обвиненій и инсинуацій.

Курьезовъ не перечтешь. Г. Менделѣевъ увѣряетъ, напримѣръ, что богаче, лучше и дешевле рудъ уральскихъ нѣтъ въ Западной Европѣ. Онъ забылъ только руды испанскія, шведскія, штирійскія и съ острова Эльбы. Даже знаменитыя на Уралѣ руды гороблагодатскія очень трудноплавки и мѣдисты, а сколько и въ настоящее время проплавляютъ на Уралѣ рудъ бѣдныхъ по содержанію и фосфористыхъ.

Онъ увѣряетъ, что теперь не даютъ разрѣшенія строить заводы малыхъ размѣровъ. По новѣйшимъ понятіямъ, огромное большинство уральскихъ горныхъ

заводовъ можетъ быть отнесено къ разряду малыхъ: они построены безъ разрѣшенія явочнымъ порядкомъ; если же встрѣчались единичные случаи отказа въ разрѣшеніи доменныхъ печей, то это потому, что онѣ строились для дѣйствія явно на ворованномъ лѣсѣ, а правительство обязано, кажется, охранять и свою, и частную собственность. Таковы же свѣдѣнія г. Менделѣева о ходѣ крестьянской реформы. Но курьезнѣе всего, что г. Менделѣевъ рекомендуетъ существующіе въ Россіи около 120-ти лѣтъ принципы горнаго законодательства замѣнить существующими въ Соединенныхъ Штатахъ. А между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствуютъ буквально тѣ же принципы, что и въ Россіи, т. е. горная свобода для казенныхъ земель и акцесія для частныхъ!

Столь же курьезно соображеніе г. Менделѣева, что горные заводы (т. е. металлургическіе) не могутъ оставаться въ горномъ вѣдомствѣ, ибо это значило бы возвратиться чуть ли не къ допотопнымъ временамъ. Между тѣмъ горные заводы состоятъ въ горномъ вѣдомствѣ въ Германіи, Бельгіи, Австро-Венгріи, Италіи, Испаніи и другихъ государствахъ, которыя, кажется, нѣсколько подвинулись съ временъ потопа.

Между тѣмъ, въ силу этого чудодѣйственнаго яко бы вліянія — передачи надзора изъ одного департамента въ другой, т. е. перевозки дѣлъ по Большой Морской на другой ея конецъ, и воспрещенія брать на горную службу инженеровъ изъ почему-то ненавистнаго г. Менделѣеву Горнаго института, а брать

изъ несуществующаго пока Уральскаго политехникума,—нашъ химикъ обѣщаетъ, что на Уралѣ будетъ получаться (это на древесномъ-то углѣ!) 300 милліоновъ пудовъ чугуна по цѣнѣ 25 к. за пудъ и рельсы будутъ стоить по 50 коп. пудъ, при чемъ г. Менделѣевъ полагаетъ еще, что уголь и руда будутъ доставляться за 200 верстъ по желѣзной дорогѣ плюсъ 20 верстъ гужомъ,—доставляться даже изъ Тобольской губ., которая, кстати сказать, отъ рудниковъ Урала лежитъ подалѣе 200 верстъ. И такое благополучіе только изъ-за перемѣны цвѣта бархата на форменныхъ вицъ-мундирахъ! Собственно говоря, даже и цвѣтъ не перемѣнится, такъ какъ и у вѣдомства финансоваго, какъ и у земледѣлія, воротники зеленые, только у послѣднихъ потемнѣе.

Но темнота мнѣ кажется не въ воротникахъ, а въ понятіяхъ алхимиковъ, берущихся критиковать и столь рѣзко послѣ прогулокъ, напоминающихъ знаменитыя поѣздки членовъ Пиквикскаго клуба, полезную и самоотверженную дѣятельность цѣлыхъ поколѣній ученыхъ тружениковъ. Я не говорю уже, что означенная «критика» задѣваетъ дѣятельность многихъ живущихъ людей и въ томъ числѣ автора этой книги. Реформировать русское горное дѣло не такъ легко, какъ обратить елисѣевскій хересъ въ мадеру: для этого кромѣ таланта надобно всю жизнь посвятить изученію исторіи горнаго дѣла, горнаго законодательства, экономическихъ и техническихъ условій промышленности. Если такого человѣка не нашлось за два вѣка —

да въ немъ и надобности не было, такъ какъ промышленность идетъ своимъ путемъ,—то едва ли онъ сысканъ въ настоящемъ случаѣ.

Въ проектахъ г. Менделѣева мало даже новаго, въ значительной степени они заимствованы изъ книги о казенныхъ горныхъ заводахъ бывшаго служащаго въ конторѣ Демидовыхъ г. Бѣлова, — представляющей искаженіе историческихъ фактовъ, тенденціозныя разсужденія и совсѣмъ дикія предположенія, осуществленіе которыхъ вернуло бы Уралъ къ XVII столѣтію.

* * *

Отчетъ г. Менделѣева въ видѣ увѣсистаго тома явился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ написанія вышеозначенныхъ строкъ и не заставилъ измѣнить моего мнѣнія о крайней легкомысленности его заключеній.

Отчетъ состоитъ изъ путевыхъ впечатлѣній самого г. Менделѣева по Уралу и Тобольской губерніи, гдѣ замѣтки чисто личнаго и семейнаго характера перемѣшаны съ категорическими заключеніями, почти ни на чемъ не обоснованными, ибо большей части заводовъ нашъ химикъ не видѣлъ, и ряда коротенькихъ отчетовъ лицъ, сопровождавшихъ г. Менделѣева, а также статьи какого-то господина, занимавшагося земнымъ магнетизмомъ *).

*) Уральская желѣзная промышленность въ 1899 г. Спб. 1900 г.

Этотъ псевдо-техническій винигретъ разобрали по косточкамъ спеціалисты и доказали все его пустословіе. Между прочимъ извѣстный профессоръ Горнаго института И. А. Тиме, который разбиралъ отчетъ, пришелъ къ грустному заключенію, что «въ настоящее время объ Уралѣ берутся толковать часто люди, не обладающіе достаточнымъ знаніемъ этого края». «Выводы, къ которымъ я пришелъ, заключаетъ свой разборъ г. Тиме, послѣ рецензіи подробнаго отчета Д. И. Менделѣева, въ сущности согласуются съ выводами почтеннаго К. А. Скальковскаго въ его статьѣ «Новаго Времени» 5-го января 1900 г. № 8569, касающимися предварительнаго краткаго отчета»... «Главный недостатокъ отчета заключается въ томъ, что экспедиція (г. Менделѣева) отправилась на Уралъ съ предвзятою мыслью, что все, что было сдѣлано на Уралѣ съ самаго начала и по сіе время, никуда не годится и дѣятельность цѣлыхъ поколѣній его низводится къ нулю».

Другіе спеціалисты также нашли, что отчетъ не болѣе, не менѣе, какъ записки туристовъ, второпяхъ объѣхавшихъ обширный край и ничего въ немъ не понявшихъ.

Курьезнѣе всего рисунки, приложенные къ этому якобы изслѣдованію нашей желѣзной промышленности.

Незабыта и группа съ фотографіей авторовъ отчета. Но кромѣ г. Менделѣева остальные члены экспедиціи: минералогъ Земятченскій, морской химикъ Вуколовъ и технологъ Егоровъ, никому невѣдомые, не пріобрѣли,

кажется, права распространять свои изображенія въ публикѣ путемъ печати.

Независимо отъ портретовъ означенныхъ неизвѣстностей, въ книгѣ помѣщены, Богъ знаетъ для какой потребы, рисунокъ зданія Палаты мѣръ и вѣсовъ въ С.-Петербургѣ, арестантскаго вагона, носильщиковъ, несущихъ сакъ-вояжи отнынѣ знаменитыхъ членовъ экспедиціи, кондуктора Запольскаго, «державшаго постоянно самоваръ въ готовности», собаки одного изъ изслѣдователей, крестнаго хода въ Абалацѣ, иконостасовъ въ селѣ Аремзянскомъ, гдѣ родилась мать г. Менделѣева, и въ Архангельской церкви въ Тобольскѣ, въ приходѣ которой жилъ въ дѣтствѣ г. Менделѣевъ, гимназіи, гдѣ онъ учился, наконецъ дома купчихи Корниловой въ Тобольскѣ, гдѣ, вмѣсто постоялаго двора, останавливался Дмитрій Ивановичъ.

Спрашивается, какое все это имѣетъ отношеніе къ Уральской желѣзной промышленности? Очевидно, какъ вѣрно замѣтилъ г. Тиме, члены экспедиціи каждому своему шагу придавали преувеличенное, почти что историческое значеніе. Напечатать на казенный счетъ въ изслѣдованіи уральской желѣзной промышленности портреты своихъ отца и матери, рисунокъ могилы того же папаши и портретъ городского головы, угощавшаго туристовъ, дѣлаетъ честь г. Менделѣеву какъ признательному сыну и доброму пріятелю, показываетъ у химика «признательный желудокъ», но ни-

сколько не подкрѣпляетъ тѣхъ фантастическихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ нашъ «толковый» протекціонистъ, желая угодить вожделѣніямъ одного департамента, желавшаго оттянуть кое-что изъ компетенціи другого департамента.

А тутъ-то и была зарыта собака — какъ говорятъ нѣмцы.

ПАМЯТИ Н. П. БАРБОТА де-МАРНИ.

Давно мнѣ не случалось читать такой возмутительной лжи и такихъ беззастѣнчивыхъ клеветъ, какъ въ статьѣ какого-то г. Коныша—«Краткій очеркъ исторіи открытія криворожскихъ желѣзныхъ рудъ въ Приднѣпровскомъ краѣ», относительно памяти покойнаго профессора Горнаго института Н. П. Барбота де-Марни, одного изъ лучшихъ нашихъ геологовъ, заслужившаго своими многочисленными учеными трудами европейскую извѣстность.

Клеветы касаются участія Барбота де-Марни въ изслѣдованіи моднаго теперь Кривого Рога.

Въ разсказѣ г. Коныша записка помѣщика Поля послужила, будто бы, причиною командировки въ 1868 г. Барбота де-Марни для изысканій въ Херсонской губерніи, результатомъ которыхъ явился черезъ годъ «увѣсистый» томъ «Геологическаго очерка Херсонской губерніи», гдѣ отрицается, будто бы, существованіе желѣзныхъ рудъ въ Кривомъ Рогѣ, а допускается только существованіе желѣзистаго кварцита.

негоднаго какъ руда для желѣзнаго производства, что-де впервые было опровергнуто «горнымъ инженеромъ» Ѳеодосьевымъ.

Такой яко бы результатъ есть плодъ «смѣхотворнаго» поясненія г. Конышомъ способа производить Барботомъ геологическія изслѣдованія. Описаніе этого способа Конышъ слышалъ отъ Поля, но такъ какъ послѣдній умеръ, то трудно провѣрить, дѣйствительно ли послѣдній, котораго я лично зналъ за порядочнаго человѣка (и даже, кстати прибавить, открылъ торжественно монументъ ему въ 1891 г. на Кривомъ Рогѣ), даже въ шутку могъ разсказывать что-либо подобное. Судя же по тому, какъ искажаетъ г. Конышъ факты, для установленія которыхъ ему не для чего было обращаться къ Полю, я думаю, что и ссылка на послѣдняго оскорбляетъ скорѣе память Поля и не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія.

Г. Конышъ такимъ образомъ характеризуетъ Барбота де-Марни:

Покойный профессоръ былъ *большой баринъ и большой эпикурецъ*, не только геологъ, но *тонкій и капризный гастрономъ*. Командированный на казенный счетъ для геологическихъ изысканій, онъ *по своему генеральскому чину* разъѣзжалъ по степямъ Херсонской губерніи въ дорожномъ дормезѣ, въ который впрягался шестерикъ почтовыхъ лошадей, а въ форъ-декѣ сидѣлъ *важный* столичный *камердинеръ*, за дормезомъ слѣдовалъ еще экипажъ тройкой, гдѣ помѣщалась передвижная кухня и торжественно возсѣдалъ *поваръ* геолога-гастронома, имѣя подъ рукою запасъ всякихъ консервовъ, другихъ съѣстныхъ припасовъ и *дорогихъ, тонкихъ винъ*. Пока профессоръ совершалъ свои про-

гулки-изысканія, поваръ готовилъ обѣдъ или фриштикъ. Затѣмъ профессоръ съ аппетитомъ кушалъ изящно-приготовленныя различныя кулинарныя прелести, запивалъ тонкимъ виномъ, выкуривалъ *ароматную сигару*, отдыхалъ и снова двигался въ путь до слѣдующей остановки.

Способъ проявлять геологическія изслѣдованія Барбота описывается слѣдующимъ образомъ:

Въ Кривомъ Рогѣ Барбота де-Марни встрѣтили, какъ и подабаетъ встрѣчать *генерала*. Явился становой приставъ. Увидѣвъ на шеѣ генерала *крупный орденъ*, онъ не на шутку перепугался. Становой приставъ счелъ долгомъ извиниться, что во ввѣренномъ ему станѣ стоитъ такая ужасная погода. Узнавъ о постигшемъ профессора горѣ, въ видѣ утраты по пути экипажа съ кухней и поваромъ, распорядительный становой пообѣщалъ сейчасъ же отправить нарочнаго съ строжайшимъ приказомъ немедленно исправить и доставить въ Кривой Рогъ потерянный экипажъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, отправляться на геологическую экскурсію нечего было и думать, а потому скучающій профессоръ приказалъ явиться къ нему волостному старшинѣ. У волостного старшины профессоръ сталъ разспрашивать, какіе находятся въ Кривомъ Рогѣ минералы и горныя породы. Волостной старшина оказался совершенно несвѣдущимъ человѣкомъ въ геологіи, геогнозіи и минералогіи, на всѣ вопросы пытливаго профессора онъ отвѣчалъ: «що е разни каминья, а яки—Богъ ихъ знае; будуютъ зъ ихъ хаты, кладутъ заборы, а яки каминья и якъ звуться—кто ихъ знае». Раздраженный утратой повара и кухни и отсутствіемъ самомалѣйшихъ познаній въ геологіи и минералогіи волостного старшины, профессоръ распорядился доставить ему образчики минераловъ, имѣющихся въ Кривомъ Рогѣ и его окрестностяхъ. Волостной старшина, собравъ подростковъ-мальчишекъ, приказалъ имъ набрать нѣсколько мѣшковъ различныхъ камней, изъ которыхъ сложены *заборы* селенія Кривого Рога.

Наконецъ небо прояснилось и профессоръ, воспользовавшись благопріятной погодой, поспѣшилъ уѣхать изъ Кривого Рога съ образцами минераловъ, доставленныхъ ему услужливымъ волостнымъ старшиной. Эти то образчики и послужили основаніемъ для сочиненія Барбота де-Марни.

Все вышеприписанное есть чистѣйшая ложь. Во-первыхъ, командировка Барбота никакого отношенія къ какимъ-то запискамъ Поля не имѣла. Барботъ изслѣдовалъ въ 1865 г. Подольскую и Волынскую губерніи; онъ при помощи вѣнскихъ геологовъ установилъ существованіе на югѣ Россіи такъ называемаго сарматскаго яруса. Ему хотѣлось прослѣдить этотъ ярусъ и въ Херсонской губерніи. Такъ какъ губернія эта не изслѣдовалась подробно уже болѣе 30-ти лѣтъ, изъ горнаго департамента, по ходатайству мѣстнаго генералъ-губернатора, снарядили въ 1866 г. экспедицію, продолжавшуюся не годъ, а равно три года. Ничего «увѣсистаго» въ отчетѣ Барбота нѣтъ; это книга обыкновеннаго формата in 8^0, написана какъ все, что писалъ Барботъ, талантливо и изящно. Цѣль изслѣдованій была, повторяю, чисто научная, геологическая, а не практическая; никакихъ развѣдокъ рудъ Барботъ не производилъ (это и не было его дѣло), да и производить развѣдки было не для чего, такъ какъ тогда криворожскія руды непосредственнаго практическаго значенія не имѣли. Криворожскія руды были, впрочемъ, уже ранѣе изслѣдованы въ 30-хъ годахъ горнымъ чиновникомъ Кульши-

нымъ, и во время изслѣдованія Барбота Кульшинъ еще былъ живъ.

Барботъ, впрочемъ, говоритъ о криворожскихъ рудахъ даже и со стороны ихъ практическаго значенія. На стр. 94-й «Геологическаго очерка Херсонской губ.», при описаніи обнаженій, напечатано между прочимъ:

«Такое отличное содержаніе (т. е. содержаніе желѣза въ рудѣ), совершенное отсутствіе вредныхъ примѣсей и огромное развитіе руды, въ чемъ легко убѣдиться безъ всякой развѣдки, ибо руда выходитъ наружу, все это заставляетъ считать криворожское желѣзное мѣсторожденіе заслуживающимъ полнаго вниманія со стороны горнопромышленниковъ. Главнѣйшая препона, которую должна встрѣтить обработка криворожскихъ рудъ, заключается въ отсутствіи топлива; но нѣтъ сомнѣнія, что донской антрацитъ въ самомъ близкомъ будущемъ...» и т. д.

Точно также высокая оцѣнка мѣсторожденія и качествъ криворожской руды приводится и на стр. 140—141 и опять прибавляется, что «главное препятствіе къ водворенію въ Кривомъ Рогѣ желѣзной промышленности есть, конечно, отсутствіе горючаго матеріала, но препятствіе это устраняется проведеніемъ желѣзной дороги отъ Елисаветградской линіи къ Николаеву».

Изъ этого очевидно, что г. Конышъ, взявшійся писать исторію Кривого Рога, книги Барбота о Херсонской губерніи не читалъ или прочитаннаго не понялъ. Никакого горнаго инженера Ѳеодосьева, опровергшаго Барбота, не существовало; былъ такого имени мор-

ской офицеръ, слушавшій курсъ металлургіи въ Горномъ институтѣ, но о своихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Кривомъ Рогѣ онъ ничего не публиковалъ.

Никакимъ «маститымъ генераломъ» Барботъ, при изслѣдованіяхъ Херсонской губ., быть не могъ; онъ имѣлъ въ это время чинъ надворнаго или коллежскаго совѣтника, и такъ какъ окончилъ курсъ въ 1852 г., то ему было лѣтъ тридцать пять. Но эти искаженія, простительныя для неспеціалиста, неважны, сравнительно съ клеветами о томъ, что Барботъ былъ «большой баринъ» и «большой эпикуреецъ», «капризный гастрономъ» и катался на казенный счетъ въ дормезахъ съ поварами, тонкими винами и дорогими сигарами, собирая породы и окаменѣлости черезъ волостныхъ старшинъ.

Въ дѣйствительности покойный профессоръ былъ сынъ бѣднаго горнаго офицера, умершаго, кажется въ должности смотрителя въ Златоустѣ; всю жизнь онъ боролся съ нуждою и умеръ преждевременно отъ болѣзни сердца, нажитой тяжелыми трудами въ дурной обстановкѣ во время изслѣдованія Калмыцкой степи, Урала, сѣвера Россіи, Усть-Урта и др. столь же непривлекательныхъ и неудобныхъ для ученыхъ экскурсій мѣстностей. Семейство свое онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ для существованія, кромѣ казенной пенсіи, а сестру и вовсе безъ всякихъ средствъ. Жилъ Барботъ всегда въ высшей степени скромно,

на жалованье по чину, да и мѣсто профессора получилъ онъ только лѣтъ за пять или за шесть до смерти.

Въ 1864 г. я дѣлалъ вмѣстѣ съ Барботомъ, тогда еще капитаномъ, описаніе пермской формаціи въ Новгородской, Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Я провелъ съ нимъ неразлучно изо дня въ день четыре мѣсяца и могъ видѣть, что это былъ за баринъ, сибаритъ и гастрономъ. Съ разсвѣта и до поздней ночи ходилъ онъ, собирая окаменѣлости, снимая разрѣзы или разбирая собранныя коллекціи. Всѣ путешествія мы сдѣлали или въ телѣжкѣ, или на лодкѣ, а рѣки Сухону, Вычегду, Сѣверную Двину, часть Выма и Яренги прошли пѣшкомъ (да иначе и нельзя дѣлать геологическія изслѣдованія). Ужасные комары и мошка высасывали нашу кровь, а питались мы акридами и дикимъ медомъ, т. е. булками, чаемъ, сухимъ сыромъ, молокомъ, изрѣдка ухою и макаронами. Я просто впадалъ въ отчаяніе, а Барботъ, какъ человѣкъ бывалый въ поѣздкахъ по дикимъ странамъ, только посмѣивался, хотя подчасъ страдалъ немало, имѣя и тогда уже зародыши своей смертельной болѣзни.

Да и какая могла быть гастрономія, когда горное вѣдомство выдавало инженерамъ (это положеніе мало измѣнилось и теперь), при геологическихъ экскурсіяхъ, прогоны, двойное жалованье и квартирныя по военному чину и подъемныя, которыя по особому Вы-

сочайшему повелѣнію могли составить для штабъ-офицера maximum рублей шестьсотъ. Нетрудно высчитать, какъ на эти средства можно было заводить себѣ дормезы, поваровъ, тонкія вина и сигары.

Я убѣжденъ, что десятки ученыхъ, работавшихъ вмѣстѣ съ Барботомъ, и сотни его признательныхъ учениковъ подтвердятъ все мною сказанное и раздѣлятъ мое негодованіе по поводу очерненія памяти этого рѣдкаго по своимъ достоинствамъ человѣка.

УСПѢХИ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОЦІАЛИЗМА.

Centralisation et nivellement dans les choses politiques a pour conséquence et pour aboutissement logiques, nivelement relatif des fortunes et tendance à faire ceci que l'Etat seul soit riche.

E. Faguet.

Извѣстно, что хозяйственная или коммерческая дѣятельность правительства постоянно растетъ и усиливается; многіе видятъ въ ней неувѣренность въ прочности дальнѣйшаго возрастанія налоговъ, другіе, наоборотъ, въ будущихъ прибыляхъ нашего казеннаго хозяйства находятъ средство уменьшенія податной тяжести населенія.

Иные идутъ еще дальше. Тогда какъ защитники казеннаго хозяйства предвкушаютъ въ немъ тотъ идеалъ, когда не будетъ капиталистическаго производства и каждый будетъ вертѣть колесо или толочь въ ступѣ подъ руководствомъ «интеллигентнаго» инспектора, противники усматриваютъ въ такомъ хозяйствѣ регрессъ, возвращеніе къ патріархальному порядку, когда, за отсутствіемъ раздѣленія труда, капиталовъ и рынка, государство дѣлало все само.

Громадность нашего казеннаго хозяйства дѣйствительно поражаетъ каждаго, знакомаго съ нашими финансами. Оно и въ старину было всегда обширно, ибо по отношенію къ государственному хозяйству Россія издревле разсматривалась какъ вотчина и чисто государственныя воззрѣнія явились не ранѣе XVIII столѣтія, но въ послѣднее время представляется рѣзкое увеличеніе всѣхъ отраслей казенной эксплоатаціи и скоро колоссальность хозяйственныхъ операцій казны превзойдетъ, а можетъ быть ужъ и превзошла собственно финансовыя операціи правительства, отчего исполненія нашихъ обыкновенныхъ государственныхъ росписей и не даютъ полнаго представленія о нашемъ финансовомъ положеніи.

Ничего подобнаго мы не видимъ за границей; даже Пруссія, страна обширнаго казеннаго хозяйства и камеральной науки, далеко уступаетъ намъ, еще слабѣе тѣ же операціи въ Австріи и Венгріи. Объ Англіи, Франціи, Италіи и Соединенныхъ Штатахъ и говорить нечего: казенное хозяйство тамъ является только въ видѣ исключенія. Наиболѣе крупная операція такого рода—табачная монополія во Франціи.

Казна у насъ является предпринимателемъ во всѣхъ политическихъ сферахъ, отъ постройки церквей въ Западномъ краѣ и Сибири до содержанія танцовщицъ. Только цирка не содержитъ уже она, какъ въ 40—50-хъ годахъ. Было бы любопытно составить подробный перечень всѣхъ отраслей казеннаго хозяйства, но и бѣглое перечисленіе важнѣйшихъ съ указаніемъ на

нѣкоторыя цифры даетъ въ общемъ огромные итоги, которые еще должны значительно увеличиться въ непродолжительномъ будущемъ.

На первомъ планѣ стоитъ желѣзнодорожное хозяйство. Большинство новыхъ желѣзныхъ дорогъ строитъ казна (болѣе 2,000 верстъ въ годъ). Эксплоатація уже открытыхъ для движенія казенныхъ линій требуетъ около 350 милліоновъ. Когда откроются дороги Манчжурская, Сѣдлецкая, новая Екатерининская, Петербурго-Вятская, обороты казенной эксплоатаціи дойдутъ до полумилліарда рублей въ годъ! Но и это не исчерпываетъ участія казны въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Казна имѣетъ казенные элеваторы, желѣзнодорожныя фабрики и мастерскія, даетъ ссуды; недавно вѣдомство путей сообщенія построило заводъ для приготовленія торфянаго угля, обходящагося втрое дороже другихъ видовъ топлива.

Другая колоссальная операція казны—это кредитъ. Казна имѣетъ Государственный банкъ съ 122 провинціальными конторами и отдѣленіями, Дворянскій банкъ и Крестьянскій банкъ съ ихъ отдѣленіями (65), Русско-Китайскій банкъ и цѣлую сѣть сберегательныхъ кассъ; казначейства и почтовыя учрежденія обращены также въ казенныя кредитныя учрежденія. О размѣрѣ кредитныхъ операцій казны можно судить по тому, что въ однѣхъ операціяхъ Государственнаго банка затрачивается до 350 милліоновъ руб. казенныхъ денегъ; для казенныхъ ипотечныхъ банковъ *казна заняла* около 800 милліоновъ.

Третья по размѣру казенная операція—это винная монополія, охватившая всю Имперію. Уже въ 1901 г., не считая цѣнности акциза (320 мил.), отъ нея ожидали дохода свыше 170 мил. руб. Монополія повлекла за собою монополію ректификаціи спирта и несомнѣнно повлечетъ за собою и монополію выдѣлки водокъ и ликеровъ. Извѣстно, что самые выгодные водочные заводы, какъ вдовы Поповой, предпочитаютъ ликвидироваться, а въ Парижѣ я пилъ уже въ ресторанахъ прекрасный анизетъ въ бутылкахъ нашей монополіи. Винная монополія въ извѣстной степени монополизируетъ въ рукахъ казны торговлю стеклянною посудою (отчего она упала въ цѣнѣ) и пробкою. Казна завела уже казенный пробочный заводъ для конкурренціи съ существующими частными. Она устроила въ Москвѣ собственное угольное производство и какіе-то офиціозные публицисты рекомендуютъ казнѣ завести собственный стеклянный заводъ, также заводы капсюлей, смолки и др. предметовъ укупориванія и, наконецъ, продавать сахаръ въ винныхъ лавочкахъ.

Означенныя три крупныя отрасли казеннаго хозяйства затмеваютъ, конечно, остальныя, но и тѣ вовсе немаловажны и притомъ весьма разнообразны.

Казна чеканитъ сама монету и занимается очисткой и сплавомъ шлиховаго золота, что заграницею дѣлается частными предпринимателями. Она имѣетъ многочисленные рудники, горные и солеваренные заводы, государственные конскіе заводы, пороховые и патронные заводы, арсеналы и интендантскія мастер-

скія. Желѣзное судостроеніе производится главнымъ образомъ средствами казенныхъ верфей, даже восковыя свѣчи выдѣлываются уже на разныхъ епархіальныхъ заводахъ.

Казна эксплоатируетъ телефоны во многихъ городахъ, ею же эксплоатируются важнѣйшія минеральныя воды и ванны. Она содержитъ для заграничныхъ пароходныхъ сообщеній Добровольный флотъ. Мурманское, Дунайское и Восточно-Сибирское пароходныя Общества также почти казенныя предпріятія.

Типографское дѣло въ обширныхъ размѣрахъ эксплоатируется Экспедиціей заготовленія кредитныхъ бумагъ, типографіями: Сенатскою, Синодальною и Государственною, картографическимъ заведеніемъ Главнаго штаба и безчисленными казенными типографіями въ столицахъ и провинціи. Всѣмъ извѣстно множество казенныхъ періодическихъ изданій, особенно техническихъ и губернскихъ вѣдомостей.

Въ Царствѣ Польскомъ казна занимается страхованіемъ; въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Варшавѣ она содержитъ театры. Тюрьмы и казенныя сельскохозяйственныя учрежденія, а также нѣкоторыя техническія училища представляютъ въ извѣстномъ размѣрѣ казенныя промышленныя предпріятія. Немало казенныхъ аптекъ. Имѣются казенные ледоколы.

Для памяти можно прибавить объ огромномъ доходѣ казны отъ лѣсовъ, соли, нефти и разныхъ оброчныхъ статей. Во многихъ изъ нихъ казна является (лѣсъ) или собирается явиться (нефть) предпринима-

телемъ и коммерческимъ конкуррентомъ частнымъ лицамъ. Лѣсной доходъ казенныхъ дачъ дошелъ уже до 60 мил. рублей и растетъ что-то ужъ очень быстро. Очевидно, производится нерасчетливая выборочная рубка. Еще важнѣе торговыя операціи казны по заготовленію хлѣба для голодающихъ, для интендантства и для поддержки помѣщиковъ. Недавно эти заготовки, хотя и на десятки милліоновъ рублей, являлись случайными; теперь, съ переходомъ изъ рукъ земства въ руки казны продовольственной операціи, эти заготовки станутъ явленіемъ обычнымъ. Также развиваются постепенно и общественныя работы на казенный счетъ.

Но и всего этого кажется еще недостаточнымъ для нашей публики и то и дѣло являются писатели и прожектеры, предлагающіе, чтобы казна вернулась всецѣло къ традиціямъ Московскаго государства и монополизировала въ своихъ рукахъ вывозъ за границу извѣстныхъ «заказныхъ» товаровъ. Предлагаютъ уже монополію казнѣ по части платины, нефтяныхъ продуктовъ и проч.

Къ чему же въ концѣ концовъ сводится это милліардное казенное хозяйство, объемъ котораго долженъ сокрушать старыхъ поклонниковъ laisser faire laisser passer и приводить въ умиленіе катедеръ-соціалистовъ, когда-то отогрѣтыхъ подъ крылышкомъ Бисмарка?

Защитники указываютъ, о чемъ уже выше было сказано, на барыши, которые позволятъ современемъ

сократить податную тяжесть. Теоретически это возможно, но требуется время. Пока до этого еще далеко. Постройка желѣзныхъ дорогъ на Востокѣ нарушаетъ благопріятный балансъ, достигнутый удачнымъ выкупомъ; Дворянскій банкъ всегда давалъ убытки; винная монополія не уменьшила взноса населенія въ видѣ налога съ напитковъ. Взносъ этотъ скорѣе увеличился, и если при содѣйствіи лучшаго надзора полиціи пьянство уменьшится, чего пока, говорятъ, незамѣтно (правда, срокъ наблюденія коротокъ), то несомнѣнно пострадаютъ винодѣліе и пивовареніе. Не въ интересахъ монополіи поощрять ихъ, монополизировать же потребленіе всѣхъ напитковъ нелегко и недешево.

Какъ каждый организмъ, казенное хозяйство имѣетъ естественную тенденцію расширяться и разростаться. Эта сила стихійная. Для разростанія требуются однако новые капиталы и новые займы. Пріисканіе, оплачиваніе и погашеніе новыхъ затратъ будетъ, конечно, долго еще поглощать тѣ прибыли, которыя рано или поздно должно дать государству казенное хозяйство.

Такова положительная его сторона, предполагая, что казенное хозяйство вообще можетъ быть выгодно, о чемъ, конечно, всегда шелъ споръ. Ипполитъ Тенъ удивительно хорошо изложилъ этотъ вопросъ въ III т. своихъ «Origines de la France Contemporaine».

Народная мудрость, выражающаяся въ пословицахъ, также давно опредѣлила негодность общественнаго *или казеннаго* хозяйства. Насъ наиболѣе интересуютъ

наши собственныя дѣла, объ общественныхъ никто не хочетъ заботится какъ о своихъ. Тамъ, гдѣ приходится дѣлиться съ другими выгодами или заслугами, рѣдко у кого находится достаточно энергіи и иниціативы. L'ane du commun est toujour le plus mal bâté, говорятъ французы. У испанцевъ таже идея: «общественнаго осла съѣдаютъ волки», да и древніе римляне говорили уже: «то, что всѣхъ касается, всѣми пренебрегается».

Теперь посмотримъ на стороны отрицательныя государственнаго соціализма. Онѣ существуютъ и немаловажныя.

Преобладаніе казеннаго хозяйства ослабляетъ частную иниціативу, послѣдней остается мало приложенія, а въ недостаткѣ самодѣятельности всегда упрекали наше общество и даже наше купечество. Еще Петръ сказалъ, что у насъ все дѣлается только по принужденію, что преувеличено, какъ доказало, напримѣръ, недавнее установленіе русской торговли на Цейлонѣ.

Разъ самыя выгодныя предпріятія, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ, питейная торговля, хлѣбная торговля сосредоточены въ рукахъ казны, накопленіе капиталовъ въ частныхъ рукахъ, естественно, сокращается. Теперь даже народныя развлеченіи, театры и пр. переходятъ въ руки чиновниковъ акцизнаго надзора. Полученные казною капиталы лежатъ въ казначействахъ, пока не придумано имъ производительнаго употребленія, тогда какъ въ частныхъ рукахъ тѣ же капиталы успѣли бы обернуться десятки разъ. То же касается и

казенныхъ кредитныхъ учрежденій. Сберегательныя кассы начали у насъ прекрасно прививаться, хорошая сторона ихъ—пріученіе населенія къ сбереженію, но изъ отчетовъ кассъ видно, что скопленные такимъ образомъ капиталы, около 700 милліоновъ, обращаются въ казенные долги. Конечно, и послѣдніе получаютъ теперь производительное употребленіе (идя главнымъ образомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ), но можно ли сомнѣваться, что въ частныхъ рукахъ тѣ же деньги имѣли бы болѣе живое, непосредственное употребленіе. Не нужно забывать, что деньги, собранныя теперь въ Кіевской или Харьковской губерніяхъ, могутъ употребляться въ Енисейской или Иркутской губерніяхъ. Это съ государственной точки зрѣнія ножалуй и очень нужно, но нисколько не помогаетъ жителямъ Кіевской и Харьковской губерній, сдѣлавшимъ сбереженія.

Самымъ дурнымъ послѣдствіемъ обширнаго казеннаго хозяйства является безмѣрное размноженіе всякихъ агентовъ фиска, чиновниковъ и контролеровъ; число ихъ увеличивается десятками тысячъ, а нынче и безъ того каждое государство, даже западное, имѣетъ тенденцію увеличивать число казеннослужащихъ, отъ увеличенія числа учебныхъ заведеній, почтово-телеграфныхъ бюро и т. п. Вся эта армія агентовъ, а равно ихъ дѣти и семейства требуютъ обезпеченія въ старости и т. п. Это дѣлаетъ грознымъ и вопросъ о пенсіяхъ. Въ той или другой формѣ созданы будутъ эти пенсіи, все равно онѣ потребуютъ огромныхъ приплатъ изъ государственнаго казначейства, а

въ случаѣ созданія эмеритуръ—отпуска особыхъ капиталовъ.

Я не говорю уже о сторонѣ политической. Страна, гдѣ огромная часть населенія существуетъ исключительно на жалованье и пенсіи и всего ждетъ отъ администраціи, даже хорошей погоды, конечно, иначе думаетъ, иначе разсуждаетъ, иначе учится, иначе пишетъ и вѣритъ, чѣмъ страна, гдѣ частная предпріимчивость, торговля и промышленность развиваются въ широкой степени на свободѣ.

Къ концу XVII столѣтія въ Россіи не было, можно сказать, ни одного свободнаго человѣка. Дворянство служило поголовно по военной и гражданской части, городское населеніе было закрѣпощено городскою службою и повинностями, крестьяне закабалены въ видѣ «подданныхъ» дворянству для его содержанія. Порядокъ этотъ, какъ противный культурѣ, былъ мало-помалу расшатанъ, начиная съ половины XVIII столѣтія. Въ настоящее время мы видимъ попытку какъ бы обратнаго движенія къ общему возврату на казенную службу и содержаніе.

А у насъ безъ послѣдней и безъ того многіе вообразить себя не могутъ. Зашла напримѣръ рѣчь о сокращеніи учителей древнихъ языковъ. Сейчасъ явился вопросъ, что безъ казеннаго пайка они могутъ перемереть съ голоду. И вотъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» совершенно серьезно предлагаютъ назначить ихъ провѣрщиками мѣръ и вѣсовъ, наблюдателями въ метеорологическихъ обсерваторіяхъ и

винными сидѣльцами! Это послѣ Аристофана и Цицерона-то!

Но отчего ужъ не ветеринарами или акушерами? Читалъ же въ Московскомъ университетѣ по приказанію начальства, чтобы сохранить право на пенсію, профессоръ русскаго языка Давыдовъ — акушерство, а недавно исправникъ, ради добавочнаго жалованья, исправлялъ на Кавказѣ должность уѣзднаго врача!

АЗБУКА ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЯ.

(НОВОГОДНЯЯ ФАНТАЗІЯ).

Русскій вольный университетъ въ Парижѣ, въ виду моихъ заслугъ по части изученія русской географіи, пригласилъ меня прочесть курсъ отечествовѣдѣнія. Курсы въ вольномъ университетѣ незамысловаты. Г. Мечниковъ прочелъ, напр., курсъ о сѣдѣніи волосъ— науки, которая, очевидно, можетъ быть изложена въ полчаса.

Но что за наука отечествовѣдѣніе? Я купилъ сочиненія Ловягина и другихъ отечествовѣдовъ и нашелъ, что они только своими словами пересказываютъ календарь Суворина. Но это не новость. Многіе еще вѣроятно помнятъ въ Петербургѣ молодого извозчика, который зналъ наизусть «Русскій календарь на 1875 годъ» и любилъ, чтобъ ему задавали вопросы изъ этого календаря, а за удовлетворительные отвѣты проспилъ гривенникъ на водку.

Этотъ отечествовѣдъ далѣе извозчика не пошелъ, ни магистерскаго званія, ни даже простого атестата

зрѣлости ему не досталось, почему я сообразилъ, что однихъ календарныхъ свѣдѣній недостаточно еще, чтобы узнать наше отечество во всей его совокупности Требуется нѣчто болѣе. Пересматривая учебники, я нашелъ, что они скользятъ по поверхности, не проникая въ глубь вещей. Свѣдѣнія о квадратныхъ миляхъ за Полярнымъ кругомъ, о числѣ фабрикъ резиновыхъ галошъ, о количествѣ крысъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ хотя и поучительны, но не даютъ полной картины. Самыя важныя вещи для изученія русской жизни пропускаются, а то, что дѣйствительно важно, оставляется безъ вниманія.

На скорую руку я составилъ въ азбучномъ порядкѣ краткій словарь замѣченныхъ пробѣловъ. Полный словарь пробѣловъ подготовляется и печатается у Ефрона-Брокгауза; онъ составитъ не менѣе десяти томовъ въ три столбца убористаго шрифта.

Авансъ — бранье денегъ безъ отдачи, преимущественно у актеровъ и литераторовъ. Имперіи погибали отъ «поврежденія нравовъ», а русскія газеты отъ авансовъ.

Администрація. «Море сіе обширно, — писалъ объ администраціи министръ юстиціи Трощинскій — и много въ немъ всякаго гада». Поговорка «не въ службу, а въ дружбу» — доказываетъ, что на службѣ надобно смотрѣть на всѣхъ, какъ на враговъ. См. перепроизводство бумаги, пререканія вѣдомствъ, «тащить и не пущать», комисіи, справки.

Акціонерныя общества, см. мыльные пузыри, грабежъ, караулъ!

Блага—земныя, см. концессіи, земли на Кавказѣ, казенныя объявленія, казенныя дрова, награды внѣ правилъ. Блага загробныя—доступны преимущественно писателямъ: ихъ перестаютъ ругать только послѣ смерти; удостоился этихъ благъ и нашъ другъ Ли-Хун-Чангъ.

Бракъ—устарѣлое, по мнѣнію русскихъ философовъ и публицистовъ, учрежденіе. Удачнѣе всего, согласно новѣйшимъ доктринамъ, разрѣшенъ вопросъ о бракѣ на Сахалинѣ, гдѣ заботливое начальство соединяетъ мужчинъ и женщинъ безъ всякаго церковнаго благословенія, руководствуясь единственно ихъ сердечнымъ влеченіемъ, и расторгаетъ бракъ по окончаніи срока ссылки одной изъ сторонъ. Дѣти остаются «собственностью государства». Этого и г. Розанову не придумать.

Брянское общество прославило Брянскъ, хотя въ этомъ городѣ не оперировало.

Взятки. Наша, по словамъ графа Бобринскаго, Charta Magna, оплотъ противъ произвола. См. комиссіонное вознагражденіе (крупнымъ чинамъ), благодарность (мелкимъ чинамъ), смазка (въ банкахъ), гонорары. Для достиженія счастья одинъ знаменитый государственный человѣкъ рекомендовалъ тратить $^3/_4$ дохода на взятки для друзей и $^1/_4$ на палки для враговъ.

Вранье, см. дипломаты, охотники, корреспонденты, репортеры, путешественники на сѣверъ, востокъ, югъ, западъ, сѣверо-востокъ, юго-западъ и т. д.

Газета—слово это происходитъ отъ мелкой монеты въ Венеціи,—литература, размѣнявшаяся на мелкую монету.

Грабежъ, см. онъ-коли, банкирскія конторы, бумаги въ разсрочку, делькредере, дисконтёры, драматурги, сиротскій судъ.

Граждане—имѣются только почетные (не почетный одинъ «Гражданинъ» кн. Мещерскаго), но гражданскихъ чувствъ, даже почетныхъ, не полагается; за то есть гражданская скорбь, отъ которой и умирали, но болѣе писатели изъ семинаристовъ, не безъ участія впрочемъ сивухи.

Грамотность—см. безграмотность.

Двадцатое число—одинъ изъ столповъ государственнаго устройства. Послѣ его изобрѣтенія, замѣнившаго разныя системы «кормленія» (даже лукомъ), всѣ пожелали сдѣлаться чиновниками, для чего устроены особыя фабрики безъ паровыхъ двигателей. Удивительно, что при всеобщемъ «перепроизводствѣ» одни чиновники находятъ себѣ легко помѣщеніе. «Должно уменьшать, а не прибавлять число чиновниковъ»,—сказалъ между тѣмъ Николай I.

Демидовъ садъ—доходное мѣсто, ради котораго старыя Армиды увлекали старыхъ Танкредовъ, и все это, на манеръ Торквато Тассо, воспѣлъ и въ восторженномъ и въ элегическомъ тонѣ кн. Мещерскій.

Добродѣтели, см. простота московская, простота коломенская.

Примѣчаніе. Дурень уманьскій, что, по наивно-

сти, «съ чужого воза бере и на свой кладе», встрѣчается нерѣдко на окраинахъ.

Доктора. Въ 1686 г. вышелъ указъ: если лекарь «кого и ненарочно уморитъ, то казнить смертью». Если бы указъ примѣнялся, то всѣ доктора давно положили бы голову на плаху «и въ вѣчную переселився жизнь».

Примѣчаніе. Доктора любятъ рекомендовать богатымъ жить впроголодь и работать до седьмого пота, а бѣднякамъ ничего не дѣлать, прогуливаться, ѣсть бифштексы шатобріанъ и пить хорошій шато-лафитъ. Это и называется въ наукѣ «гигіеной». Предлагаютъ даже устроить цѣлое министерство для завѣдыванія такой гигіеной.

Дороги. См. метели, ухабы, колеи, жалобныя книги, обиды со стороны гг. проѣзжающихъ, клячи. Романсъ: «Несется тройка удалая!» видно, написанъ очень давно.

Дороги желѣзныя. См. снѣжные заносы, хлѣбныя залежи, необорудованіе, ошибки въ примѣненіи тарифовъ, предварительный контроль, соскакиванія съ рельсовъ, столкновенія, душки-путейцы, злодѣи стрѣлочники. На желѣзнодорожные безпорядки жаловались даже въ Портъ-Артурѣ, когда дорога еще не была открыта. Что же будетъ, когда ее открыли?

Доходы—такъ называемые «безгрѣшные» особенно грѣшны, но зато кажется единственные, которые поступаютъ вполнѣ исправно и безъ недоимокъ. Счетъ ихъ не публикуется контролемъ.

Драматургія, см. воровство безъ взлома. Еще великій Гете сказалъ: «Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ — понять его, русскій — себѣ присвоить».

Ерунда—единственное наслѣдіе классической системы воспитанія. Писали много ерунды и ранѣе, но не знали, что она такъ называется. См. литература, театръ, періодическая печать, предписанія, отношенія и пр.

Ѣ — буква, по мнѣнію многихъ, излишня, но она необходима для начальства, чтобъ отличать грамотныхъ отъ безграмотныхъ и давать послѣднимъ «движеніе по службѣ». Буква эта могущественна, справиться съ нею не могли даже иные министры.

Домостроительство. До 1863 г. дома строились для залога по откупамъ, послѣ того вслѣдствіе преувеличенныхъ оцѣнокъ кредитныхъ обществъ. Не будь этихъ двухъ обстоятельствъ, города состояли бы изъ однихъ казармъ, канцелярій и остроговъ.

Древности, см. щечки премьершъ нашихъ театровъ, направленіе «Вѣстника Европы», философское міросозерцаніе г. Михайловскаго, борода г. Вейнберга à la Moïse Микель Анджело, развалины Херсонеса, Венеры въ русскихъ опереткахъ.

Елены Прекрасныя — обыкновенно старыя охрипшія актрисы съ фальшивымъ голосомъ, фальшивыми волосами и фальшивыми брилліантами. Требуется разрѣзъ платья сбоку на толстыхъ ногахъ.

Женщины. По вычисленію доктора Штраца, хорошо

сложенныя женщины имѣютъ въ среднемъ въ сантиметрахъ: ширину плечъ $37^1/_2$, таліи $21^1/_2$, бедеръ $33^1/_2$. Пропорціи эти у нашихъ балетныхъ танцовщицъ надобно уменьшить на половину, а у московскихъ купчихъ увеличить вдвое.

Живопись. Первый русскій *живо-писецъ*—г. Немировичъ-Данченко, потому что живой рукой накаталъ томовъ сто, если не болѣе, и сталъ моложе прежняго.

Земство. По словамъ одного нижегородскаго оратора, наше земство надѣваетъ на голову англійскій цилиндръ, а на ногахъ у этого земства лапти. Quel horreur!

Зоологическій садъ — мѣсто, гдѣ, благодаря вліянію пива, люди обращаются въ животныхъ и служатъ предметомъ изумленія для птицъ, сидящихъ въ клѣткахъ.

Исторія — драки въ клубѣ, театрѣ, ресторанѣ, на улицѣ и т. п., составляющія предметъ не столько для музы Кліо, сколько для полицейскихъ протоколовъ. «Истинно русское въ нашей исторіи я вижу только до XIII столѣтія Затѣмъ, пошли татары, Византія, нѣмцы». (Мельниковъ-Печерскій).

Іудеи, см. черта осѣдлости. Назначеніе ея извѣстно: охранять русское населеніе отъ будущихъ Мейерберовъ и Дизраэли, но удивительно названіе. Какъ будто бы по эту сторону черты, т.-е. въ самой Московіи, нѣтъ уже осѣдлаго населенія, а одно кочевое?

Кабаки—сохранились только литературные и театральные. Акцизные замѣнены распитіемъ «мерзавчиковъ» на улицѣ, подъ древомъ или у кумы. За это удо-

Драматургія, см. воровство безъ взлома
кій Гете сказалъ: «Шотландецъ стремится
въ произведеніе, французъ — понять его,
себѣ присвоить».

Ерунда—единственное наслѣдіе класс
стемы воспитанія. Писали много ерунды
не знали, что она такъ называется. См.
театръ, періодическая печать, предписанія
и пр.

Ѣ — буква, по мнѣнію многихъ, излиш
необходима для начальства, чтобъ отлич
ныхъ отъ безграмотныхъ и давать послѣдн
ніе по службѣ». Буква эта могущественна,
съ нею не могли даже иные министры.

Домостроительство. До 1863 г. дом
для залога по откупамъ, послѣ того всл
увеличенныхъ оцѣнокъ кредитныхъ общес
этихъ двухъ обстоятельствъ, города сост
однихъ казармъ, канцелярій и остроговъ.

Древности, см. щечки премьершъ наши
направленіе «Вѣстника Европы», филосо
созерцаніе г. Михайловскаго, борода г. Ве
Моïse Микель Анджело, развалины Херсон
въ русскихъ опереткахъ.

Елены Прекрасныя — обыкновенно ст
шія актрисы съ фальшивымъ голосомъ,
волосами и фальшивыми брилліантами. Тр
рѣзъ платья сбоку на толстыхъ ногахъ.

Женщины. По вычисленію доктора Штр

Драматургія, см. воровство безъ взлома. Еще великій Гете сказалъ: «Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ — понять его, русскій — себѣ присвоить».

Ерунда — единственное наслѣдіе классической системы воспитанія. Писали много ерунды и ранѣе, но не знали, что она такъ называется. См. литература, театръ, періодическая печать, предписанія, отношенія и пр.

Ѣ — буква, по мнѣнію многихъ, излишня, но она необходима для начальства, чтобъ отличать грамотныхъ отъ безграмотныхъ и давать послѣднимъ «движеніе по службѣ». Буква эта могущественна, справиться съ нею не могли даже иные министры.

Домостроительство. До 1863 г. дома строились для залога по откупамъ, послѣ того вслѣдствіе преувеличенныхъ оцѣнокъ кредитныхъ обществъ. Не будь этихъ двухъ обстоятельствъ, города состояли бы изъ однихъ казармъ, канцелярій и остроговъ.

Древности, см. щечки премьершъ нашихъ театровъ, направленіе «Вѣстника Европы», философское міросозерцаніе г. Михайловскаго, борода г. Вейнберга à la Moïse Микель Анджело, развалины Херсонеса, Венеры въ русскихъ опереткахъ.

Елены Прекрасныя — обыкновенно старыя охрипшія актрисы съ фальшивымъ голосомъ, фальшивыми волосами и фальшивыми брилліантами. Требуется разрѣзъ платья сбоку на толстыхъ ногахъ.

Женщины. По вычисленію доктора Штраца, хорошо

сложенныя женщины имѣютъ въ среднемъ въ сантиметрахъ: ширину плечъ 37½, таліи 21½, бедеръ 33½. Пропорціи эти у нашихъ балетныхъ танцовщицъ надобно уменьшить на половину, а у московскихъ купчихъ увеличить вдвое.

Живопись. Первый русскій *живо-писецъ*—г. Немировичъ-Данченко, потому что живой рукой накаталъ томовъ сто, если не болѣе, и сталъ моложе прежняго.

Земство. По словамъ одного нижегородскаго оратора, наше земство надѣваетъ на голову англійскій цилиндръ, а на ногахъ у этого земства лапти. Quel horreur!

Зоологическій садъ — мѣсто, гдѣ, благодаря вліянію пива, люди обращаются въ животныхъ и служатъ предметомъ изумленія для птицъ, сидящихъ въ клѣткахъ.

Исторія — драки въ клубѣ, театрѣ, ресторанѣ, на улицѣ и т. п., составляющія предметъ не столько для музы Кліо, сколько для полицейскихъ протоколовъ. «Истинно русское въ нашей исторіи я вижу только до XIII столѣтія Затѣмъ, пошли татары, Византія, нѣмцы». (Мельниковъ-Печерскій).

Іудеи, см. черта осѣдлости. Назначеніе ея извѣстно: охранять русское населеніе отъ будущихъ Мейерберовъ и Дизраэли, но удивительно названіе. Какъ будто бы по эту сторону черты, т.-е. въ самой Московіи, нѣтъ уже осѣдлаго населенія, а одно кочевое?

Кабаки—сохранились только литературные и театральные. Акцизные замѣнены распитіемъ «мерзавчиковъ» на улицѣ, подъ древомъ или у кумы. За это удо-

вольствіе приплачивается лишнихъ всего двѣсти милліоновъ въ годъ.

Казна—кличка ей «матушка» дана, вѣроятно, интендантами, разными строителями и инспекторами, также заготовителями хлѣба и лошадей для голодающихъ. Для остальныхъ она скорѣе мачиха.

Канцелярія—въ средніе вѣка означала мѣсто, гдѣ чиновники сидѣли за рѣшеткою. Теперь за рѣшеткою держатъ чиновниковъ не въ канцеляріяхъ, а въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ опасаются, чтобы они не искусали публику. См. завтра, волокита, 20-е число, чернильная душа, стрекулисты и десятокъ другихъ, столь же лестныхъ названій. По закону Петра, за нарушеніе канцелярской тайны рвали ноздри и казнили смертью. Теперь или нравы мягче или «тайнъ» въ канцеляріяхъ не осталось болѣе.

Карты—см. клубы, шулера, винтъ съ присыпкой, съ игуменьей Митрофаніей, мушкатеры (ничего общаго съ «Тремя мушкетерами» Дюма не имѣющіе) и пр. «Выиграть не трудно, вотъ получить—другое дѣло», говорилъ старшина одного изъ благороднѣйшихъ собраній.

Примѣчаніе. Есть еще карты географическія, но онѣ такъ мало употребляются, что на всю Россію ихъ поставляетъ одинъ Ильинъ.

Кассаціонный судъ — учрежденіе, отличающееся такою быстротою, что если бы Жанна д'Аркъ подала кассаціонную жалобу, то была бы жива до сихъ поръ.

Климатъ—въ Россіи отличается упрямствомъ и не слушается никакихъ указаній г. Демчинскаго и не боится его «узловъ».

Командировка—порханье на манеръ мотылька вокругъ народныхъ бѣдствій. Въ утѣшеніе слабонервнымъ чинамъ полагаются: подъемныя, прибавочныя, добавочныя, суточныя, порціонныя, раціонныя и др. дусёры.

Комиссіи. См. смѣшеніе языковъ, столпотвореніе вавилонское, «сдать въ комиссію»—похоронить дѣло. «Комиссіи—машины, въ которыхъ умъ одного разбавляется глупостью остальныхъ» (Григорьевъ). Давно было сказано, что нѣтъ выгоднѣе мѣста, какъ «исправляющаго должность сверхштатнаго члена упраздненной комиссіи».

Красноръчіе—адвокатское, по резолюціи Николая I, «вещь въ Россіи совершенно безполезная».

Кредитъ—такъ называемый «клиновый» наиболѣе популяренъ. Русскій народъ открылъ еще, что кто хочетъ не встрѣтить отказа въ займѣ денегъ, долженъ положить въ карманъ листья земляники. По отзыву опытныхъ финансистовъ, средство это мало дѣйствительно, особенно за границею.

Лакомства. Хорошая вещь вареники съ вишнями!—Да вы ихъ ѣли?—Нѣтъ, не ѣлъ, но мой братъ видѣлъ, какъ жидъ ихъ ѣлъ.

Это напоминаетъ тепи русскаго мужика.

Литература—слово иностранное, по-русски бумагомараніе или собраніе никому ненужныхъ книгъ,

неизвѣстно для кого печатающихся все въ большемъ и большемъ количествѣ. См. также перекладываніе чужихъ романовъ въ драмы и драмъ съ романы, семинаристы, босяки, истерическія женщины, евреи, репортеры, авансы, построчные, отставные половые.

Любовь. См. брилліанты, жемчужныя колье, отдѣлка квартиръ, мѣсячные экипажи, чужія дѣти: внѣбрачныя, внѣзаконныя и внѣканоническія, врачебно-полицейскій комитетъ.

Примѣчаніе. По мнѣнію адвокатовъ и моралистовъ—любовь рѣже всего встрѣчается въ бракѣ.

Механика. «Хитрая механика» довела нѣкоторыхъ до висѣлицы, а просто механика еще большее число—до сумы. См. механическіе и машиностроительные заводы.

Металлургія. «Одинъ истинно прекрасный стихъ сдѣлалъ больше блага міру», говоритъ Анатоль Франсъ, «чѣмъ всѣ чудеса металлургіи». Но что дѣлать странѣ, какъ Россія, гдѣ прекрасныхъ стиховъ не пишутъ?

Мивы—см. вѣдьмы, земскіе мосты, кассовая наличность, домовые, успѣхи просвѣщенія, предварительный контроль, сокращеніе штатовъ, удалыя тройки на станціяхъ, свѣжее масло въ ресторанахъ.

Молочное хозяйство—бываетъ и у дамъ, у которыхъ нѣтъ никакого имѣнія, ни скотнаго двора. Ничего общаго съ депутатами, ѣздившими изъ Москвы въ Лондонъ завтракать у лордъ-мэра, чтобы вкушать англійское краснорѣчіе г. Крюкова.

Молчаніе. Молчаніе такъ почитается, что есть даже

у насъ чудотворная икона Благого молчанія. См. свобода слова.

Мѣры—русскія: коломенская верста, косая сажень и др. Въ напиткахъ будто бы только «душа знаетъ мѣру», почему вѣроятно нигилисты, душу отрицавшіе, нерѣдко кончали запоемъ.

Мѣста—предпочитаются «теплыя»; очень неохотно посѣщались болѣе или менѣе «отдаленныя», особенно тѣ, «куда Макаръ телятъ не гонялъ», но теперь, съ успѣхами цивилизаціи, и тамъ наживаются милліоны на каждой «дистанціи», даже если она и не преогромнаго размѣра; требуется только польское происхожденіе.

Народъ—русскій отличается отъ другихъ народовъ тѣмъ, что женщины стягиваютъ талію выше грудей, а мужчины носятъ поясъ ниже брюха; въ остальномъ родится, умираетъ, платитъ подати, несетъ военную повинность, обманываетъ точно такъ же, какъ и др. народы на свѣтѣ.

Народники—люди, ждущіе всего (для себя) отъ народа.

Непріятности—мозоли, налоги прямые и косвенные, дамская благотворительность, праздничные подарки, сырыя квартиры, перемѣны спекталей, новогодніе визиты.

Нагайка—сей предметъ замысловатъ, такъ какъ онъ иногда заходитъ и въ область высшихъ наукъ.

Общественныя бѣдствія: наводненія, землетрясенія, пожары; въ старину присоединялись рекрутскіе

наборы и проѣзды начальства, теперь—комиссіи, санитарный надзоръ, классическая система воспитанія.

Переутомленіе—вновь открытая болѣзнь. Въ старину у насъ государственные люди собственноручно по цѣлымъ часамъ пытали и нисколько не утомлялись, теперь же утомляются, подписавъ въ день нѣсколько пустыхъ бумажекъ.

Печать періодическая—см. цензура казенная, партійная, рыночная, трехъэтажныя слова, шантажъ, драки. Пользуется уваженіемъ: недавно на юбилеѣ «Таганрогскаго Вѣстника» полиціймейстеръ произнесъ рѣчь о пользѣ печати, а помощникъ начальника жандармскаго управленія предложилъ тостъ въ честь рабочихъ! Когда Погодинъ приступалъ къ изданію журнала, то ему представлялись свиныя рожи, затѣмъ снилось, что онъ попалъ въ «золотарное производство», и наконецъ приснилось, что онъ попалъ въ грязь передъ памятникомъ Минина.

Подлецы—точнаго исчисленія имъ никогда сдѣлано не было, ибо это превзошло бы силы человѣческія и потребовало бы десятерыхъ новыхъ центральныхъ статистическихъ комитетовъ. Классики даже столицу назвали по-гречески Подлецополь. «Больше 800 вывелъ я въ своихъ романахъ и комедіяхъ на свѣтъ Божій, и почти всѣ мерзавцы», говорилъ Писемскій.

Публика—читающая публика, по картинному описанію Максима Горькаго, имѣетъ «одно огромное рабское лицо безъ глазъ, а только два мутныхъ пятна

на мѣстѣ ихъ, и носъ на лицѣ этомъ длиненъ, какъ хоботъ слона». Просто ужасти!

Петербургъ, см. блага земныя, а также мосты Батиньоля, лошади съ сапомъ, гласные съ храпомъ, департаменты, флюсы, казармы, куплеты г-жи Вяльцевой, котлеты на сибирскомъ маслѣ (изъ маргарина), разговоры о смѣнѣ высокопоставленныхъ лицъ, разные Звѣрьки, Кудлашки и другія милашки, клеветы, оттепели.

Равенство—въ строю равняться не только не воспрещается, но даже предписывается.

Радикалъ—въ одной малороссійской книгѣ напечатано: «Ежели тебѣ скажутъ, что ты радикалъ, отвѣчай—ты самъ дурный!»

Развлеченія—см. отсутствіе мѣстъ въ оперѣ, глядѣніе черезъ заборъ въ народные дома, кулачные бои, сплетни, топленіе кобелей въ рѣкѣ, семейныя ссоры. Менѣе всего можно развлечься, читая журналъ «Развлеченіе».

Разводъ—по уставу гарнизонной службы бываетъ съ церемоніей и безъ церемоніи. Въ семейной жизни второй, когда мужъ выгоняетъ жену въ шею безъ церемоніи.

Реклама—американская штучка, а очень пришлась ко двору: рекламируютъ о себѣ не только сановники, но и отцы-протоіереи.

Религія. По переписи оказалось, что русская вѣра дѣлится на 51 толковъ или сектъ, но всѣ они сходятся въ необходимости ѣсть на Новый годъ кашу,

въ Крещеніе—пироги, въ чистый понедѣльникъ—тертый хрѣнъ, въ Благовѣщеніе—просфору, въ Пасху—куриныя яйца, куличи и поросенка, въ Семикъ—яичницу, въ Спасъ—яблоки, въ Рождество—оладьи и кутью. Такъ какъ народу пироги приходится ѣсть рѣдко, то онъ ихъ обоготворилъ. По мнѣнію Вогюэ будійская религія была бы будто бы наиболѣе подходящей для рускаго народа!?

Репортеры — слово, заимствованное изъ охотничьяго языка, означаетъ, приносить всякую дичь.

Рубахи. По извѣстной арабской сказкѣ, у истинно счастливыхъ людей рубахъ не бываетъ. У насъ не мало такихъ счастливцевъ, особено между инородцами.

Руки—по словамъ Шопенгауэра, созданы у человѣка, чтобы драться, чѣмъ онъ и отличается отъ другихъ животныхъ. Эта истина открыта фельдъегерями, становыми и драматическими ingénus гораздо ранѣе, чѣмъ знаменитымъ нѣмецкимъ философомъ. Не дерутся только, если вѣрить г. Потапенко, русскія курсистки. Или можетъ быть онѣ, какъ обманутый подпоручикъ у Щедрина, который говорилъ: «я драться не люблю, а этакъ скомкать мордасы».

Самоваръ—единственное русское изобрѣтеніе (хотя сдѣланное китайцами). Одинъ французъ, вѣроятно изъ уваженія къ франко-русскому союзу, съѣлъ за обѣдомъ une bonne tranche de samovar!! Не изобрѣтя ничего до сихъ поръ, русскіе, вѣроятно, изобрѣтутъ когда-либо восьмой смертный грѣхъ, на недостатокъ котораго жаловался одинъ знаменитый писатель.

Садоводство — «клубничка» и «разлюли-малина», фрукты, которымъ нѣкоторые, лишенные патріотическихъ чувствъ, предпочитаютъ французскихъ камелій.

Санитарная часть. Въ XVII столѣтіи докторъ получалъ въ Россіи жалованья девять рублей въ годъ; теперь многіе доктора не получаютъ и этого, почему изобрѣтаютъ санитарныя правила, противочумную сыворотку, ловятъ за хвостъ бактерій и всячески хотятъ возстановить ужасы инквизиціи.

Примѣчаніе. Были еще «братья-санитары», много содѣйствовавшіе усиленію акцизныхъ доходовъ.

Сахалинъ. По словамъ каторжныхъ, настоящая каторга начинается только съ выходомъ на свободу.

Сберегательныя кассы — такъ какъ у родителей нечего уже сберегать, то устроены для дѣтей: младенцы будутъ сберегать молоко своихъ кормилицъ и покупать билеты внутренняго займа въ разсрочку.

Свобода—свободъ очень много: свободная кассовая наличность, свободная сѣрная кислота (въ керосинѣ), свободныя казенныя земли, свободная любовь, свободныя искусства (для нихъ даже зданіе на Васильевскомъ Островѣ), свободные хлѣбопашцы и т. д. Есть меланхолики, недовольные такимъ количествомъ свободъ и желающіе просто свободы.

Семейство, см. рога, кузены, тенора, студенты-развиватели, женскіе доктора, бѣдные родственники, снохи.

Скопцы—см. декаденты, адвокатскіе гонорары, новѣйшіе поэты.

Служба, см. распеканіе, несправедливость начальства, геморой, зависть товарищей, обхожденіе мѣстомъ и наградами, протекція, маменьки и тетеньки.

Собаки — по объявленію петербургской городской управы, стоимость содержанія собаки равна 20 коп. въ день. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ земскихъ статистиковъ, люди пресловутаго «центра» умудряются жить на $6^3/_4$ коп. въ день!

Соборы—слово не модное: земскіе не собираются, каѳедральные разваливаются, изрѣдка еще соборуютъ людей, которыхъ «постигъ предѣлъ богоположенный».

Состоянія — см. добрые малые, крапивное сѣмя, интеллигенты, отцы-командиры, господа ташкентцы, мыслящіе реалисты, ѣдоки (на казенный счетъ), сироты казанскіе, сидоровы козы. Послѣднія особенно многочисленны.

Справка—любимѣйшій, вмѣстѣ съ комиссіями, канцелярскій пріемъ для затягиванія дѣлъ. Въ московскихъ приказахъ за невѣрныя справки подъячихъ прибивали за ухо къ письменному столу. Обычай, къ сожалѣнію, вышелъ изъ употребленія, хотя гвозди нынче подешевѣли.

Судоходство внутреннее—см. мели, перекаты, паузки, заставы, сторожа на шлюзахъ.

Счетъ времени — по сказанію одного англійскаго путешественника, въ канцеляріяхъ *сейчасъ* означаетъ черезъ недѣлю, *сію минуту*—черезъ годъ!

Ташкентъ—городъ, куда господа ташкентцы никакъ не могли доѣхать, проигравъ и пропивъ по до-

рогѣ казенные прогоны, почему направились нынѣ, получивъ новые прогоны, на Манчжурку.

Торговля—см. обираніе, обдуваніе, опеканіе, объегориваніе, злостное банкротство, ломаніе рубля, приглашеніе на чашку чая, угощеніе жаренымъ, конкурсы.

Уголъ. Раздѣлить уголъ на три части не смогла еще ни одна академія въ Европѣ, а у насъ въ Петербургѣ бѣдняки отлично дѣлятъ «углы» на три части безъ всякой высшей математики.

Фонтанъ. Въ старину славился «Бахчисарайскій фонтанъ», но теперь его совершенно затмили нефтяные фонтаны Манташева. Съ паденіемъ цѣнъ нефти и къ послѣднимъ примѣняется слова Козьмы Пруткова: «Заткни фонтанъ, дай отдохнуть и фонтану».

Фраза—съ словомъ нужно обращаться осторожно. Не скажи Гостомыслъ Буривоичъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», у насъ не было бы, вѣроятно, земскихъ начальниковъ и фабричныхъ инспекторовъ, но оставалось бы обиліе и не шла бы «рѣчь объ оскудѣніи центра». А все отъ порядка! Странный порядокъ.

Харбинъ—Эльдорадо путейцевъ: вмѣсто грязи шлиховое золото, на деревьяхъ вмѣсто листьевъ процентныя бумаги, половина жителей—контрольные чиновники.

Хунхузы — китайскіе инсургенты, прославившіеся въ Манчжуріи тѣмъ, что истребили всѣ книги, счета и оправдательные документы по постройкѣ желѣзныхъ

дорогъ и тщательно сохранили въ цѣлости имущество дорогъ.

Честь—просить честью—бить по зубамъ публику, занять на честное слово—никогда не отдать, честные артисты—актеры безъ талантовъ. Бываетъ еще честное направленіе у органовъ, которыхъ никто читать не хочетъ.

Цицикаръ—будущая столица русскаго государства, когда центръ совсѣмъ оскудѣетъ, а Петербургъ вымретъ отъ сапа.

Шельма—слово нѣмецкое, но ставшее чисто русскимъ, придясь совсѣмъ по мѣркѣ.

Щигры—помѣщики его уѣзда въ 40-хъ годахъ были Гамлетами, а въ 60-хъ сдѣлали тѣ реформы, которыя, по картинному выраженію поэта, ударили однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику, и причислены за это «Русскими Вѣдомостями» къ лику святыхъ.

Ъ, Ы, Ь. Не вѣрить въ эти буквы чуть не государственное преступленіе. Въ одной галиційской газетѣ напечатано:

Каждой книжечцѣ и газетѣ, которую тобѣ присылаютъ добре придивися въ зубы. Если увидишь, что въ ней нѣтъ нашихъ буквъ: ы, ь, ъ, о — то знай, що она не есть правдивая русская книжка, чи газетка. Въ томъ случаю разложи въ печи огонь, кинь ю на огонь, собери хорошенько пепелъ, вынеси его далеко за село, роскинь на всѣ четыре стороны и, повернувши до хаты, отвори двери и окна, щобы и твоя хата прочистилась.

Примѣчаніе. Буква ъ совершенно излишняя, по-

этому переживетъ вѣроятно государство Россійское и дождется новаго пришествія монголовъ.

Экономисты. По словамъ Лассаля, въ Германіи не наберется двадцати человѣкъ, знающихъ политическую экономію. У насъ, очевидно, цифра эта должна быть уменьшена вчетверо, а между тѣмъ сколько состоитъ по штату профессоровъ политической экономіи, финансистовъ, экономическихъ публицистовъ, марксистовъ; большинство изъ нихъ даже жалованье получаютъ.

Югъ. Помимо географическихъ и административныхъ дѣленій, Россія культурно раздѣляется на двѣ обширныя области: Сѣверъ, деревянный, страну клоповъ, и Югъ, мазаный, страну блохъ. Вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія внутреннихъ таможенъ, безъ всякаго пособія переселенческаго управленія, значительное количество клоповъ поселилось на югѣ, а блохи скачутъ и на Новой Землѣ.

Примѣчаніе. Въ старину провинціальныя барышни стыдливо звали блохъ «кіевскими гусарами» по формѣ этого храбраго полка (чернаго съ золотомъ). Съ тѣхъ поръ стыдливость исчезла, а блохи остались.

Ябеда—см. аблакаты, дровокаты, брехунцы, балалайки, по старому—сутяги, ябедники, крючкотворцы. Наше судопроизводство, по мнѣнію г. Кони, достигло «высочайшей степени совершенства (!!!), недостаетъ ему только немного «этики», или, по старинному, «ионики»; между тѣмъ Вирховъ констатировалъ повсемѣстный упадокъ чувства справедливости. Откуда же ее намъ взять?

ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО ЧИНОВНИКОВЪ.

«Русскимъ Вѣдомостямъ» сообщили изъ Петербурга, что вопросъ о предоставленіи правъ государственной службы лицамъ, окончившимъ образованіе въ учебныхъ заведеніямъ Русскаго музыкальнаго общества, рѣшенъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта въ утвердительномъ смыслѣ.

Читая это извѣстіе, можно думать, что у насъ такой уже недостатокъ въ чиновникахъ и лицахъ, желающихъ служить, что приходится привлекать къ казенной службѣ и лицъ, спеціально посвятившихъ себя кларнету и генералъ-басу.

Можетъ быть чиновники изъ музыкантовъ къ чему-нибудь и пригодятся,—былъ же Разумовскій сдѣланъ генералъ-фельдмаршаломъ изъ пѣвчихъ,—но едва ли есть надобность всячески поощрять тенденцію искать въ казенной службѣ выхода для всей нашей интеллигенціи. Эта тенденція и безъ того вошла у насъ въ плоть и въ кровь, даже въ сознаніе простого народа.

Знаменитый славистъ Венелинъ писалъ, что въ Болгаріи никакъ не могли понять (правда, это было до освобожденія), зачѣмъ въ Россіи столько чиновниковъ. «Это только у васъ, говорили ему,—есть особые дома, гдѣ люди цѣлый день пишутъ». У насъ народъ другого мнѣнія. Одинъ мой знакомый, помѣщикъ на Югѣ Россіи, разсказывалъ мнѣ, что мѣстные крестьяне спрашивали его: «Скоро ли намъ отдадутъ всю землю?»— А что же будутъ дѣлать тогда паны,—спросилъ онъ ихъ.—«Паны будутъ по городамъ пысаты»,—отвѣтили хохлы.

Народъ значитъ имѣетъ тѣ же китайскія представленія о государствѣ, которыя нынѣ раздѣляются у насъ фанатиками государственнаго соціализма. Государство-де должно состоять изъ двухъ слоевъ: наверху мандарины, виноватъ—чиновники, внизу громадная народная масса, закрѣпощенная общинѣ и для забавы имѣющая право въ длинные зимніе мѣсяцы развлекаться кустарными промыслами, гдѣ, трудясь часовъ четырнадцать въ сутки, баба можетъ выработать на художественной работѣ, какъ плетеніе кружевъ, копѣекъ до пяти въ день.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что чиновники необходимы и что никакое государство безъ агентовъ обойтись не можетъ. Но и здѣсь нужна мѣра.

Расширеніе бюрократіи неизбѣжно вызываетъ централизацію и упадокъ мѣстнаго самоуправленія, а то и другое явленія неуклонно наблюдаются у насъ вѣками. Уже управленіе московскаго государства было

вполнѣ централизовано, а по части самоуправленія мы постепенно уничтожили его, въ видахъ объединенія, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно сложилось исторически и было крѣпко, напр. у казаковъ. А у себя послѣ реформы Петра, котораго нѣмцы прославили первымъ европейцемъ, хотя онъ то и укрѣпилъ азіатскіе порядки управленія, мы не могли упрочить никакихъ новыхъ попытокъ самоуправленія. Это недавно еще сказалось въ мнѣніяхъ извѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Почти ни одинъ изъ послѣднихъ не формулировалъ дѣйствительныхъ мѣстныхъ нуждъ, но всѣ единодушно вкратцѣ повторили мнѣнія, высказываемыя въ столичныхъ газетахъ отставными и не отставными чиновниками и профессорами.

Не трудно доказать, что число чиновниковъ вызывается искусственно. Какъ всѣ организмы, и бюрократія имѣетъ свойство развиваться до безконечности, выдѣляя изъ себя клѣточки, и чѣмъ болѣе будутъ создавать должностей, тѣмъ болѣе ихъ еще понадобится, хотя бы для одного руководства, для инспекціи и для контроля существующихъ.

Одинъ капитанъ Русскаго Общества пароходства и торговли, ненавидѣвшій, какъ моряки всѣхъ странъ, бюрократію и приходившій въ ужасъ отъ господства канцелярскихъ порядковъ въ главной конторѣ Общества, картинно описывалъ мнѣ во время плаванія въ Бомбей порядки въ конторѣ.

— Уйдешь въ плаваніе, вернешься, смотришь, уже у конторщика заведенъ, неизвѣстно для чего, помощ

никъ. Выгрузился, нагрузился, ушелъ, вернулся, а тамъ уже конторщикъ сидитъ посерединѣ, на высокомъ стулѣ, а по бокамъ его, на низкихъ табуретахъ, два помощника, и всѣ чѣмъ-то заняты, а дѣла все также для троихъ, какъ было для одного: ни число пароходовъ, ни число грузовъ не прибавилось...

Если такіе порядки у частныхъ обществъ, то объ администраціи и говорить нечего. Изъ записокъ Дивова въ «Русской Старинѣ» видно, что при Екатеринѣ II въ иностранной коллегіи, что нынѣ министерство иностранныхъ дѣлъ, было всего 600 исходящихъ бумагъ въ годъ. Теперь это число навѣрно увеличилось въ 30 или 40 разъ, и если не увеличилось болѣе, то потому, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ важнѣйшихъ департаментахъ не полагается, ради лучшаго сохраненія канцелярской тайны, писцовъ для переписки.

Между тѣмъ дипломатическія сношенія за сто лѣтъ, конечно, не возросли въ сорокъ разъ. Если прибавились разные колоніальные вопросы, зато въ одной Германіи сократилось болѣе двухсотъ независимыхъ ранѣе владѣтелей, да и вопросы международнаго этикета имѣютъ теперь гораздо менѣе значенія; морское право также вышло изъ запутаннаго періода полуграбежа. Сколько работы дипломатіи въ прежнее время давали одни корсары и каперы!

Писавъ по двѣ бумаги въ день, екатерининскіе дипломаты раздѣлили однако Польшу, подготовили при-

соединеніе Кавказа, унизили Турцію и Швецію и увеличили Европейскую Россію на добрую четверть.

За-границею число чиновниковъ также увеличивается, но главнымъ образомъ отъ увеличенія числа школъ и возрастанія почтово-телеграфныхъ сношеній. У насъ эти факторы вліяютъ менѣе существенно. Чиновничество растетъ и помимо ихъ. А что будетъ еще, когда крестьянская полиція и суды сдѣлаются не выборными, а административными органами и X томъ распространится на все населеніе.

На первомъ мѣстѣ стоятъ органы фиска и казеннаго хозяйства. Теперь уже и пробки и древесный уголь для ректификаціи изготовляются въ казенныхъ учрежденіяхъ. У насъ имѣется также особое министерство для контроля. Мѣстный контроль вездѣ существуетъ, но только въ Россіи такая роскошь, что контроль образуетъ цѣлое особое вѣдомство.

Въ Англіи, Италіи, Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ центральныхъ контрольныхъ учрежденій, въ другихъ великихъ державахъ они стоятъ: въ Пруссіи около полумилліона рублей, въ Австріи и Венгріи около 800,000 рублей (два учрежденія), во Франціи 575,000 рублей. У насъ же центральныя учрежденія государственнаго контроля обходятся около милліона рублей и въ Государственный Совѣтъ внесены ихъ новые штаты, очевидно въ виду недостаточности числа лицъ и окладовъ. А министерство Двора, вѣдомства православнаго духовенства и учрежденій императрицы Маріи имѣютъ сверхъ того особые контроли.

Увеличенію бюрократіи сочувствуетъ очень интеллигенція, видя въ этомъ легчайшее для себя помѣщеніе. Недавно «Промышленный Міръ» въ числѣ главныхъ заслугъ г. Ковалевскаго поставилъ то, что, найдя въ департаментѣ торговли и мануфактуръ только три маленькія отдѣленія, онъ создалъ департаментъ, гдѣ было нѣсколько совѣтовъ и комитетовъ, 20 отдѣленій, 200 штатныхъ чиновниковъ, 100 сверхштатныхъ и 100 писцовъ! Этотъ комплиментъ имѣлъ бы силу, если бы можно было доказать, что за то же время русскія промышленность и торговля увеличились въ шесть или семь разъ, чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности не было. Едва ли они за десять лѣтъ даже удвоились.

Что промышленность можетъ развиваться и безъ увеличенія числа чиновниковъ, доказываетъ горная и горнозаводская промышленность. За десять лѣтъ она слишкомъ утроилась, промышленность желѣзная даже упятерилась, а число отдѣленій и служащихъ въ горномъ департаментѣ не увеличилось, а если и прибавилось нѣсколько лицъ, то болѣе потому, что къ департаменту перешли изъ медицинскаго вѣдомства всѣ казенныя минеральныя воды.

Число чиновниковъ зависитъ отъ вкуса и взглядовъ. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ министровъ графъ Рейтернъ всегда отказывалъ даже въ своемъ вѣдомствѣ въ учрежденіи новыхъ должностей, исключая случаевъ неизбѣжныхъ; онъ предпочиталъ временныя

порученія. Потребность прекратится, и чиновники непремѣнно останутся»,—резонно говорилъ онъ.

Потребность въ новыхъ чиновникахъ появляется часто потому, что при сочиненіи новыхъ законовъ не обращаютъ вниманія, что для исполненія понадобится много новыхъ лицъ. Горную подать съ драгоцѣнныхъ металловъ замѣнили, напримѣръ, промысловымъ налогомъ. Взиманіе горной подати не требовало особыхъ лицъ,—промысловый налогъ потребовалъ ихъ множество, а доходъ между тѣмъ сократился. Надобно дѣйствовать, какъ въ Англіи: тамъ, если палата общинъ видитъ, что поправка палаты лордовъ, хотя бы самая резонная, вызоветъ новый расходъ, то безъ церемоніи вычеркиваетъ поправку.

Я убѣжденъ, что число чиновниковъ можно значительно сократить при увеличеніи ихъ окладовъ.

Во всякомъ случаѣ не трудно не допускать ихъ возрастанія. Мои взгляды я испыталъ и на опытѣ. Когда въ 1893 г. учреждалось министерство земледѣлія, было предложено сочинить новые штаты, всѣ обрадовались случаю. Только въ моемъ департаментѣ, гдѣ были въ 1862 г. сдѣланы значительныя сокращенія, я не нашелъ нужнымъ прибавлять ни одного чиновника и, право, дѣло оттого не шло нисколько хуже или медленнѣе. Говорю про свое время, можетъ быть теперь потребность въ [illegible] составѣ обозначилась болѣе [illegible]ъ, что инициатива должна [illegible]чковъ, а отъ горнопромыт[illegible]вого дѣла,

а не бумаги. Эти съѣзды стали копировать теперь и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Много работаютъ у насъ въ полиціи, на почтѣ и телеграфѣ и въ среднихъ и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; остальныя, особенно центральныя, учрежденія работаютъ слабо; стоитъ сравнить для этого службу въ въ частныхъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ.

Конечно, нельзя сравнивать дѣятельность чиновника, сочиняющаго законодательные проекты или отстаивающаго милліонные казенные интересы, со службою какого-либо конторщика въ банкѣ или телеграфиста, но никто не мѣшаетъ установить различіе въ вознагражденіи служащихъ разныхъ категорій, да оно въ дѣйствительности и существуетъ, хотя достигается косвенными путями: разрѣшеніемъ совмѣстительства, командировками, наградами, добавочными жалованьями и усиленными пенсіями. Въ министерствѣ финансовъ множество лицъ получаетъ теперь болѣе десяти тысячъ въ годъ, а акцизные техники получаютъ болѣе сенаторовъ.

Чѣмъ болѣе приказныхъ, тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ, возбуждается ими дѣлъ и рождается потребность въ новыхъ чиновникахъ, причемъ буквально одно и то же дѣло дѣлается въ разныхъ учрежденіяхъ. Статистика урожаевъ собирается, напримѣръ, у насъ яко бы для разныхъ цѣлей департаментомъ окладныхъ сбо[illegible] министерства финансовъ, центральнымъ стати[illegible]имъ комитетомъ и хозяйственнымъ департаме[illegible]ельской экономіи министерства земледѣлія

порученія. «Потребность прекратится, а чиновники непремѣнно останутся»,—резонно говорилъ онъ.

Потребность въ новыхъ чиновникахъ вызывается часто потому, что при сочиненіи новыхъ законовъ не обращаютъ вниманія, что для исполненія понадобится много новыхъ лицъ. Горную подать съ драгоцѣнныхъ металловъ замѣнили, напримѣръ, промысловымъ налогомъ. Взиманіе горной подати не требовало особыхъ лицъ,—промысловый налогъ потребовалъ ихъ множество, а доходъ между тѣмъ сократился. Надобно дѣйствовать, какъ въ Англіи: тамъ, если палата общинъ видитъ, что поправка палаты лордовъ, хотя бы самая резонная, вызываетъ новый расходъ, то безъ церемоніи вычеркиваетъ поправку.

Я убѣжденъ, что число чиновниковъ можно значительно сократить при увеличеніи ихъ окладовъ.

Во всякомъ случаѣ не трудно не допускать ихъ наростанія. Мои взгляды я испыталъ и на опытѣ. Когда въ 1893 г. учреждалось министерство земледѣлія, было предложено сочинить новые штаты, всѣ обрадовались случаю. Только въ моемъ департаментѣ, гдѣ были въ 1862 г. сдѣланы значительныя сокращенія, я не нашелъ нужнымъ прибавлять ни одного чиновника и, право, дѣло оттого не шло нисколько хуже или медленнѣе. Говорю про свое время, можетъ быть теперь потребность въ личномъ составѣ обозначилась болѣе настоятельно. Я полагалъ, что инициатива должна идти не отъ столоначальниковъ, а отъ горнопромышленныхъ съѣздовъ, людей живого дѣла,

а не бумаги. Эти съѣзды стали копировать теперь и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Много работаютъ у насъ въ полиціи, на почтѣ и телеграфѣ и въ среднихъ и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; остальныя, особенно центральныя, учрежденія работаютъ слабо; стоитъ сравнить для этого службу въ въ частныхъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ.

Конечно, нельзя сравнивать дѣятельность чиновника, сочиняющаго законодательные проекты или отстаивающаго милліонные казенные интересы, со службою какого-либо конторщика въ банкѣ или телеграфиста, но никто не мѣшаетъ установить различіе въ вознагражденіи служащихъ разныхъ категорій, да оно въ дѣйствительности и существуетъ, хотя достигается косвенными путями: разрѣшеніемъ совмѣстительства, командировками, наградами, добавочными жалованьями и усиленными пенсіями. Въ министерствѣ финансовъ множество лицъ получаетъ теперь болѣе десяти тысячъ въ годъ, а акцизные техники получаютъ болѣе сенаторовъ.

Чѣмъ болѣе приказныхъ, тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ, возбуждается ими дѣлъ и рождается потребность въ новыхъ чиновникахъ, причемъ буквально одно и то же дѣло дѣлается въ разныхъ учрежденіяхъ. Статистика урожаевъ собирается, напримѣръ, у насъ яко бы для разныхъ цѣлей департаментомъ окладныхъ сборовъ министерства финансовъ, центральнымъ статистическимъ комитетомъ и хозяйственнымъ департаментомъ сельской экономіи министерства земледѣлія

и государственныхъ имуществъ. Собранныя свѣдѣнія все-таки навѣрное ошибочны, ибо, какъ доказало недавно офиціальное изслѣдованіе, они ошибочны даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ всѣ грамотны и сознаютъ пользу статистики, и гдѣ организація сельскохозяйственной статистики послужила образцомъ для другихъ государствъ.

Уменьшить число служащихъ есть два средства. Одно было испробовано въ 60-хъ годахъ по иниціативѣ великаго князя Константина Николаевича, примѣнившаго его впервые въ морскомъ министерствѣ, а именно: предоставлять чиновникамъ съѣдать самимъ другъ друга. Для этого дозволяется каждому учрежденію уничтожить столько должностей, сколько оно признаетъ возможнымъ, раздѣливъ остающееся свободное штатное содержаніе между сохраняющимися чиновниками, которые будутъ нести впредь усиленные труды.

Но это средство временное и отъ него собственно расходы на администрацію не уменьшаются, пожалуй даже увеличиваются, потому что остающимся за штатомъ чиновникамъ надобно давать пенсіи и пособія. Гораздо болѣе дѣйствительное средство — сдерживать существующее у насъ, повидимому даже между музыкантами, стремленіе къ государственной службѣ, для чего лучше всего не расширять правъ на поступленіе въ государственную службу, а наоборотъ—ограничивать его въ выдаваемыхъ разными заведеніями дипломахъ, почему я и обратилъ вниманіе

на сообщеніе «Русскихъ Вѣдомостей». Въ прежнее время Технологическій институтъ назначался, напримѣръ, для приготовленія техниковъ. Прошло сорокъ лѣтъ—и мыловарамъ и сахароварамъ не только дали права службы, но и всѣ университетскія права. Служба отъ этого ничего не выиграла, но много ли выиграла промышленность?

Г. Евг. Марковъ написалъ недавно въ «Новомъ Времени» блестящую по обыкновенію статью о вредѣ для государства отъ общаго въ Россіи стремленія къ службѣ и захудалости отъ того агрономической дѣятельности. Въ краснорѣчіи его, мнѣ кажется, сквозила однако ложная черта. Признавая вредъ поглощенія всего государствомъ, онъ стремится поднять мѣстную сельскохозяйственную дѣятельность путемъ какъ бы приравненія ея къ дѣятельности на почвѣ государственной службы. Отъ этого недалеко уже, чтобы договориться и до 100,000 полицейместеровъ, которыхъ императоръ Николай I усматривалъ въ помѣщикахъ крѣпостной эпохи. Разлучить интеллигенцію съ служилымъ классомъ, наоборотъ, и должно составить главную нашу задачу въ XX столѣтіи; въ XVIII и XIX не только инженеровъ и докторовъ, но даже поповъ старались обратить въ чиновниковъ.

* * *

На ту же тему расположенія чиновничьей опеки я помѣстилъ еще въ прошломъ году письмо въ отвѣтъ на измышленія извѣстнаго нашего офиціальнаго финансоваго публициста.

Пониженіе цѣнъ промышленныхъ бумагъ и крахъ нѣсколькихъ банковыхъ предпріятій подняли теперь вопросъ о спасительности казенной опеки. Всѣ бранятъ полицію, но при первомъ случаѣ кричатъ: «караулъ!» Это въ порядкѣ вещей; но что кричатъ караулъ экономисты, даже мнящіе себя учеными — болѣе странно.

Вотъ и г. Гурьевъ, секретарь ученаго комитета министерства финансовъ, гдѣ я нѣкогда имѣлъ честь состоять членомъ, въ статьѣ «Государственная защита акціонеровъ» въ «Новомъ Времени» доказываетъ, что такъ какъ наша промышленность создана, будто бы, не русскими людьми, а исключительно чиновниками и существуетъ только покровительственной системой, чего-де не знаетъ Западъ, то нужно создать «собственное акціонерное законодательство, соотвѣтствующее нашимъ бытовымъ условіямъ», т. е. установить правительственный надзоръ за дѣйствіями управителей всѣхъ акціонерныхъ предпріятій; до тѣхъ же поръ «для нашего русскаго акціонера рискъ участія въ предпринимательствѣ будетъ равносиленъ риску прогулки по нѣкогда знаменитымъ Брынскимъ лѣсамъ».

Сильно сказано! Г. Гурьевъ заботливо прибавляетъ еще, что «наше акціонерное законодательство, построенное на заимствованномъ съ Запада принципѣ невмѣшательства, совсѣмъ намъ не подъ стать... Вѣдь для себя самихъ мы пишемъ законы, и пока мы *черненькіе*, нужны намъ и законы *сѣренькіе*».

Какая, подумаешь, скромность! Но если мы всѣ такіе черненькіе, какъ полагаетъ г. Гурьевъ, то почему онъ считаетъ, что одни чиновники составляютъ въ Россіи исключеніе и такіе ужъ бѣленькіе? Бюрократія повсюду есть плоть отъ плоти и кость отъ кости каждаго народа и каждаго общества, и если русскій народъ такъ будто бы плохъ, то и чиновники не могутъ быть совершенствомъ. О качествахъ бюрократіи легко составить себѣ мнѣніе, стоитъ развернуть хоть газеты, особенно провинціальныя: это сплошной вопль, и сколько тамъ заявленій о произволѣ, казнокрадствѣ, взяточничествѣ, вымогательствѣ!

Я думаю, что бюрократія наша, даже провинціальная, гораздо лучше, чѣмъ о ней пишутъ господа корреспонденты, во всякомъ случаѣ это не такая прелесть, чтобы съ легкимъ сердцемъ расширять безгранично ея компетенцію и отдавать подъ ея начало всю торговую и промышленную предпріимчивость.

Это тѣмъ было бы несправедливѣе, что если несомнѣнно встрѣчаются предпріятія гнилыя и находятся директора вороватые, то тысячи акціонерныхъ дѣлъ въ Россіи идутъ себѣ исправно, а нѣкоторыя и образцово. Никто о нихъ не вспоминаетъ и никто на нихъ не жалуется. Такъ зачѣмъ же за грѣхъ нѣсколькихъ грѣшниковъ наказывать сотни праведниковъ? Это противно и евангельской заповѣди. Или истины Евангелія не обязательны для финансоваго ученаго комитета?

Напрасно г. Гурьевъ воображаетъ, что за-границею

акціонеры такіе уже развитые, умные и внимательные, что правительству остается только вырабатывать «правовыя нормы» и обезпечивать «общегражданскую защиту правъ».

За-границею, какъ показываютъ примѣры сотень и тысячъ компаній, ежегодно разоряющихся и плохо управляемыхъ, большинство акціонеровъ—бараны не менѣе, чѣмъ у насъ. Колоссальный крахъ англійскаго банкирскаго дома Беринга, французскихъ банковъ Мереса, Бонту, Rhone et Loire, Comptoir d'Escompte, первоклассныхъ банковъ въ Италіи, лейпцигскаго банка въ Германіи, показываютъ, что повсюду акціонеры очень мало освѣдомляются о положеніи предпріятій, въ которыя вкладываютъ свои капиталы.

Недавно я лечился въ Виши и спросилъ у купальщиковъ-массажистовъ въ Etablissement: хрустятъ ли мои суставы отъ ревматизма?.

— Tout craque dans la vie,—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ массажистовъ,—même les banquiers allemands font des crachs.

Онъ разсуждалъ въ сущности дѣльнѣе, чѣмъ экономисты-опекатели. Равнодушіе акціонеровъ къ крахамъ очень понятно въ виду того, что акціонеры несутъ ограниченную отвѣтственность; они заранѣе знаютъ, чѣмъ рискуютъ, а затѣмъ понимаютъ, что въ общественномъ дѣлѣ, какъ и въ частномъ и въ казенномъ, все въ людяхъ, а не въ уставахъ и регламентахъ; отсутствію честныхъ и порядочныхъ людей для управленія дѣлами никакія строгости уставовъ не помогутъ.

Почему это г. Гурьевъ считаетъ также, что только въ Россіи промышленность поддерживается покровительственною таможенною системою? Онъ совсѣмъ забылъ, что во всѣхъ образованныхъ иностранныхъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи (нѣкогда очень протекціонной), Голландіи, Швейцаріи и отчасти Бельгіи, господствуетъ покровительственная таможенная система, постоянно еще усиливающаяся въ послѣдніе годы. Соединенные Штаты не могутъ быть отнесены къ числу «черненькихъ» странъ, но таможенная система Штатовъ гораздо болѣе покровительственная, чѣмъ русская. Однако никто тамъ не проситъ полицейскаго вмѣшательства и довольствуются судами и періодическою печатью, существеннѣйшаго же улучшенія ждутъ отъ развитія образованія и воспитанія, когда каждый будетъ осторожнѣе и осмотрительнѣе обсуждать свои денежныя дѣла.

И почему это мы, русскіе, какая-то низшая раса людей, для которой непремѣнно нужна во всемъ палка? Напротивъ, насъ болѣе чѣмъ кого слѣдуетъ пріучать думать и заботиться о собственныхъ дѣлахъ и нести отвѣтственность за свои дѣйствія. Излишество вѣковой опеки и сдѣлало насъ такими неловкими въ дѣлахъ самоуправленія. Что у насъ останется отъ такъ называемыхъ «правъ человѣка», если будетъ ограничено даже право распоряженія собственными деньгами?

Въ теоріи, конечно, покажется восхитительнымъ, что отчеты, а слѣдовательно документы и счета акціонерныхъ предпріятій будутъ провѣряться чиновниками

Но почему же такое вниманіе къ однимъ паевымъ товариществамъ? Каждое товарищество можетъ дѣлать злоупотребленія, не худо и его провѣрять, да и въ частной жизни развѣ мы не видимъ на каждомъ шагу мужей, содержащихъ любовницъ, женъ, тратящихъ на тряпки деньги, необходимыя на воспитаніе дѣтей; кухарокъ, обсчитывающихъ своихъ хозяекъ, и т. д. Такъ ужъ не прикажетъ ли г. Гурьевъ и всѣ счета частныхъ лицъ отдавать на провѣрку въ контрольныя палаты? Это покажется смѣшнымъ, а въ сущности нисколько не смѣшнѣе опеки акціонерныхъ обществъ.

Я понимаю, что правительство имѣетъ право надзора и контроля за предпріятіями монопольными, привилегированными, субсидированными, гдѣ затронуты казенные интересы, хотя и здѣсь контроль долженъ быть насколько возможно деликатный, чтобы не убивать частной предпріимчивости и особенно чувства отвѣтственности, но контроль надъ частной предпріимчивостью вообще есть и нелѣпость и тягчайшій деспотизмъ.

Это все равно, что предупредительно посадить въ каждомъ домѣ по городовому изъ опасенія, что члены семьи поругаются или передерутся между собою или съ гостями, что, какъ извѣстно, нерѣдко случается.

Да и почему ревизовать нужно только отчеты компаній? Объегориваніе акціонеровъ можетъ практиковаться сотнями способовъ, а не однимъ составленіемъ отчетовъ. Недавно во многихъ газетахъ было напе-

чатано, что какой-то бессарабскій цыганъ или молдаванинъ, мнящій себя великимъ финансистомъ, хотѣлъ учредить общество, чтобы сбыть какіе-то едва ли что стоящіе угольные отводы въ недоступныхъ горныхъ дебряхъ и взять за это (excuser du peu) 15 милліоновъ (милліоновъ, а не сотенъ) рублей учредительской комиссіи. Какіе инспектора или контрольныя палаты могутъ помѣшать апетитамъ подобныхъ господъ или помѣшать дуракамъ, буде таковые отыщутся, ловиться на удочку?

СТОЛѢТІЕ МИНИСТЕРСТВЪ.

Званіе министровъ, кабинетъ-министровъ, конференцъ-министровъ и др. существовало у насъ и въ XVIII столѣтіи, но распредѣленіе всѣхъ вѣдомствъ по министерствамъ и образованіе изъ министровъ рода совѣта въ видѣ Комитета Министровъ совершилось только сто лѣтъ назадъ, 8-го сентября 1802 года, со времени учрежденія у насъ министерствъ. Это учрежденіе было въ свое время очень важной административной реформой, замѣнивъ государственныя коллегіи, состоявшія подъ верховнымъ надзоромъ Сената, а по части гражданскаго управленія — подъ единственнымъ контролемъ генералъ-прокурора.

Реформа была двукратная. Въ первый разъ, по мысли Новосильцева и Чарторыжскаго, наши вѣдомства были сгруппированы въ восемь министерствъ, и лица, ставшія въ ихъ главѣ, должны были образовать комитетъ, объединявшій ихъ дѣйствія; доклады государю должны были происходить въ комитетѣ. Вторая реформа 1810 г., начало которой въ 1803 г. поло-

жилъ гр. Кочубей въ своемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и окончательно провелъ Сперанскій, установила строго бюрократическій порядокъ. Но она дѣлала преобразованіе министерствъ только частью общей реформы высшаго государственнаго управленія. Къ сожалѣнію, реформа закончена не была, и Россія, по выраженію Сперанскаго, осталась въ прежнемъ положеніи «полуустройства». «Я твердо увѣренъ», писалъ Сперанскій Александру I изъ Перми, «что безъ устройства Сената сообразно устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и вамъ заботы, нежели пользы и достоинства».

Изъ учрежденныхъ въ 1802 г. министерствъ: коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военно-сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія, министерство коммерціи не сохранилось, зато возникли новыя вѣдомства: въ 1811 г. главное управленіе ревизіи счетовъ, переименованное въ 1836 г. въ государственный контроль; въ 1809 г. главное управленіе путей сообщенія, преобразованное въ 1812 и 1865 гг.; въ 1826 г. министерство Императорскаго Двора и статсъ-секретаріатъ великаго княжества Финляндскаго; въ 1838 г. министерство государственныхъ имуществъ, преобразованное въ 1894 г. въ министерство земледѣлія; въ 1843 г. главное управленіе государственнаго коннозаводства, вновь возсозданное въ 1856 г.; въ 1902 г. главное управленіе торговаго флота и портовъ.

Сверхъ того существовали, но постепенно закрылись, въ видѣ особыхъ вѣдомствъ: министерство полиціи съ 1810 по 1819 гг., почтовый департаментъ и министерство почтъ и телеграфовъ съ 1830 г. по 1868 г. и въ 1880 г., статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ 1880 г., министерство удѣловъ съ 1852 г. *), III отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи съ 1826 по 1880 гг.; IV отдѣленіе той же канцеляріи, учрежденное съ 1828 г., образуетъ особое вѣдомство учрежденій императрицы Маріи. Мало-по-малу образовалось цѣлое министерство или вѣдомство православнаго духовенства изъ канцеляріи оберъ-прокурора Синода.

Нельзя сказать, чтобы превращеніе коллегій въ министерства и введеніе единоличнаго управленія встрѣчены были обществомъ одобрительно. Память о временщикахъ временъ Анны, Елисаветы, Екатерины была еще очень сильна. «Признаюсь», говоритъ адмиралъ Шишковъ, бывшій государственнымъ секретаремъ и министромъ народнаго просвѣщенія, въ своихъ запискахъ, «что сія перемѣна, разрушившая постановленія Петра Великаго и Екатерины, крѣпко меня опечалила: казалось мнѣ, что многое послѣ сего не устоитъ на своемъ мѣстѣ и что новый порядокъ и новое преобразованіе вещей едва ли поведутъ насъ

*) Оно существовало уже въ видѣ министерства временно при Павлѣ I и затѣмъ какъ самостоятельное вѣдомство до 1808 г., а въ 1856 г. опять слилось съ министерствомъ Двора.

по лучшему пути, нежели тотъ, который проложенъ былъ толь мудрыми монархами». Даже такой просвѣщенный и относительно либеральный человѣкъ, какъ гр. С. Р. Воронцовъ, писалъ гр. Кочубею: «Не забудьте, что Россія вамъ обязана изобрѣтеніемъ, введеніемъ и укорененіемъ министерскаго деспотизма, то-есть величайшаго несчастія, величайшаго бича, которому можетъ подвергнуться страна, — дѣлающая подданныхъ несчастными и уменьшающая ихъ любовь къ государю».

Въ этомъ письмѣ выражается, между прочимъ, опасеніе, что Россія, устоявшая въ борьбѣ съ сильнымъ внѣшнимъ врагомъ, едва ли устоитъ противъ внутренней неурядицы, пораженной учрежденіемъ министерствъ. «При личныхъ докладахъ и совмѣстной съ государемъ работѣ съ глазу на глазъ не можетъ быть даже и рѣчи о какомъ либо контролѣ надъ министрами», говоритъ гр. Воронцовъ. «Ни одинъ министръ не станетъ возражать противъ ложныхъ мѣръ, предложенныхъ его собратомъ, изъ опасенія, чтобы послѣдній не противодѣйствовалъ и его мѣрамъ. C'est comme entre les deux médecins de Molière: Passez-moi la rhubarbe, je vous passerai la séné».

Строки эти, вѣроятно, остались неизвѣстными Александру I. Слѣдствіемъ ихъ и другихъ подобныхъ жалобъ и было учрежденіе Государственнаго Совѣта и другія предположенія Сперанскаго. Любопытно, что и самъ Сперанскій, гордившійся даже два года спустя послѣ паденія составленнымъ имъ проектомъ общаго учрежденія министерствъ, впослѣдствіи усомнился въ

правильности принципа, положеннаго въ основу этого законодательнаго акта и писалъ: «Коллегіальное управленіе я считаю полезнѣйшимъ потому, что Россія къ нему привыкла и что оно сообразно съ духомъ учрежденія объ управленіи губерній».

Упраздненное коллегіальное устройство высшей администраціи, хотя цѣликомъ заимствованное Петромъ I изъ Швеціи и примѣненное нѣмцемъ Фикомъ, не было новостью въ Россіи. Старые приказы имѣли по большей части также коллегіальное устройство, подобно своимъ первообразамъ—византійскимъ и китайско-монгольскимъ учрежденіямъ. Коллегіи долгое время имѣли своихъ защитниковъ и даже панегиристовъ, напримѣръ Трощинскаго и Карамзина, видѣвшихъ, подобно Воронцову, въ этихъ учрежденіяхъ оплотъ противъ своеволія и произвола. Дѣйствительно, такую роль коллегіи играли въ Швеціи и въ Пруссіи, но у насъ, признаться, роль коллегій и объединявшаго ихъ Сената далеко не была таковою.

Уже и въ первую половину XVIII столѣтія коллегіи, кромѣ Сената и генералъ-прокурора, то и дѣло руководились разными лицами съ правами министровъ, а при Екатеринѣ и особенно при Павлѣ коллегіи только по наружности сохраняли коллегіальное устройство. Генералъ-директоры коллегій имѣли личные доклады у государя.

Да и въ свое лучшее время онѣ на шведскія учрежденія походили только изобиліемъ бумажнаго формализма, не имѣя ни стройности, ни единства, ни

опытнаго исполненія. Компетенціи были смѣшаны и рядомъ создавалось много другихъ учрежденій, независимыхъ отъ коллегій.

Медленный и формалистическій коллегіальный порядокъ не въ русскомъ духѣ. У насъ до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ сохранялось коллегіальное устройство въ разныхъ совѣтахъ, палатахъ, горныхъ правленіяхъ и конторахъ, въ консисторіяхъ; въ губернскихъ правленіяхъ оно существуетъ и до сихъ поръ, но только на бумагѣ, въ дѣйствительности царило и царитъ единоличное управленіе и право оппозиціи отдѣльныхъ членовъ существовало лишь въ законѣ. Человѣкъ, желавшій дѣлать «разногласія», считался не защитникомъ общественнаго блага, а чудакомъ и безпокойнымъ человѣкомъ. Такихъ людей только терпѣли, но не поощряли.

При подобныхъ воззрѣніяхъ и неизбѣжной медленности дѣлопроизводства отъ коллегіальнаго порядка ничего особеннаго ждать было нельзя. Нельзя однако не сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прежнія государственныя коллегіи имѣли преимущества передъ теперешними департаментами. Особенно это относится до большихъ спеціальныхъ управленій, каковы: медицинское, горное, таможенное и т. п., которыя были сравнительно самостоятельнѣе, и лица, ими управлявшія, были своего рода фигурами.

Теперь это простыя министерскія канцеляріи, не имѣющія никакой иниціативы, а, понятно, министры не могутъ быть всеобъемлющи, знать и десятой части

дѣлъ, имъ порученныхъ. Правда, по мысли Сперанскаго, сохранившейся въ Сводѣ Законовъ, департаменты должны были рѣшать всѣ текущія дѣла силою закона самостоятельно и только въ случаяхъ новыхъ и неясныхъ спрашивать мнѣнія министровъ или Сената; на дѣлѣ, во избѣжаніе всякой отвѣтственности, въ департаментахъ давно установилась практика не рѣшать дѣла, даже въ родѣ назначенія курьеровъ на должности, иначе, какъ съ министерскаго благословенія. Я не говорю уже о такихъ директорахъ добраго стараго времени, какъ Заика, который позволялъ гр. Клейнмихелю толкать себя въ шею, или Топильскій, цѣловавшій руку у гр. Панина. Въ свою очередь министры, въ нарушеніе первоначальнаго предположенія 1802 и 1810 гг., въ силу стремленія сложить съ себя отвѣтственность, начали разрѣшать дѣла, которыя могли бы разрѣшать сами, не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія по прямому докладу или черезъ Комитетъ Министровъ.

Нѣкоторые въ этомъ порядкѣ видятъ гарантію справедливости, тогда какъ онъ именно гарантируетъ произволъ. При бюрократическомъ порядкѣ старшій всегда отвѣчаетъ за низшихъ, а при испрашиваніи разрѣшенія на всякіе случаи всѣ распоряженія перелагаются какъ бы на верховную власть. Но верховная власть и по существу безотвѣтственна, и съ другой стороны никакой монархъ въ мірѣ, даже такой, какъ Николай I, входившій, подобно Наполеону I, во всѣ мелочи управленія, не въ силахъ изучить массу представляемыхъ

ему для разрѣшенія вопросовъ и поневолѣ долженъ довѣрять докладчику.

«Наименѣе сильный тотъ государь, замѣтилъ еще знаменитый консервативный публицистъ Жозефъ де-Местръ, восторгаясь Александромъ I, который все можетъ сдѣлать». Приблизительно ту же мысль съ грустью въ иронической формѣ выразилъ Николай I въ извѣстной фразѣ, что «Россіей управляютъ столоначальники».

«Въ тѣхъ дѣлахъ, кои особенно интересуютъ министровъ и на которыя они обращаютъ особенное вниманіе, говоритъ Трощинскій, министры суть настоящіе суперъ-арбитры; во всѣхъ же прочихъ они суть только сильныя орудія своихъ чиновниковъ всякаго званія, которые всѣ пользуются равною привилегіею обманывать ихъ, не подвергаясь никакому законному взысканію».

Этимъ и объясняется, что нѣкоторые государи, какъ Александръ II, назначали на должность министровъ лицъ весьма противоположнаго направленія. Это лишало управленіе необходимаго единства, но зато изъ столкновенія мнѣній позволяло освѣщать вопросы съ разныхъ сторонъ и легче узнавать истину.

Недостатку авторитета отдѣльныхъ департаментовъ думали помочь учрежденіемъ, вмѣсто департаментовъ, главныхъ управленій, повышеніемъ должностей начальниковъ ихъ съ IV въ III классъ, но это было лишь перемѣна названій, суть дѣла не измѣнилась, увеличились только расходы.

То же произошло и съ должностями товарищей министровъ. При Александрѣ I на эти должности назначались около старыхъ заслуженныхъ министровъ люди молодые и болѣе живые. Затѣмъ взглядъ измѣнился: товарищами стали дѣлать за выслугу старыхъ директоровъ, такихъ, которыхъ дальнѣйшая карьера считалась законченною. Въ послѣднее время начался новый порядокъ: увеличеніе числа товарищей въ каждомъ министерствѣ, и теперь по значенію своему они не отличаются отъ прежнихъ директоровъ и вся разница въ правѣ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, чѣмъ впрочемъ и ранѣе пользовались начальники отдѣльныхъ частей въ министерствѣ военномъ, а отчасти морскомъ и Двора.

Число министерствъ и ихъ группировка нѣсколько разъ мѣнялись у насъ въ теченіе ста лѣтъ и почти исключительно по личнымъ соображеніямъ, т. е. для того, чтобы извѣстному государственному дѣятелю, пользовавшемуся особымъ довѣріемъ, поручить извѣстную отрасль управленія, а иногда, какъ было съ кн. Голицынымъ или Маковымъ, чтобы внезапнымъ увольненіемъ не обидѣть его.

Какъ извѣстно, департаменты распредѣлены у насъ между министерствами весьма неравномѣрно; въ то время какъ имѣются особыя вѣдомства, на правахъ министерствъ, дли ревизіи счетовъ, торговаго флота, женскихъ учебныхъ заведеній, государственнаго коннозаводства, министерство финансовъ вѣдаетъ финансы, казначейскую часть, торговлю и промышленность, для

чего въ Италіи, напримѣръ, существуютъ три особыя министерства. Министерство внутреннихъ дѣлъ и военное также отличаются въ Россіи обширностью и разнообразіемъ своего круга и дѣятельности.

Что учрежденія наши большею частью копировались съ заграничнаго, а не вырабатывались самостоятельно, видно изъ этого, что хотя Россія была всегда страною по преимуществу земледѣльческою, но до 1894 г. у насъ не было министерства земледѣлія, а при Муравьевѣ упраздненъ былъ даже, изъ-за личнаго столкновенія министра съ директоромъ Заблоцкимъ-Десятовскимъ, и департаментъ сельскаго хозяйства. Положимъ, отъ того послѣднее пошло нисколько ни лучше, ни хуже, но странно все-таки, что въ безграничномъ персоналѣ русскаго чиновничества не было никого, кому слѣдовало по закону пещись о важнѣйшей отрасли народнаго труда.

Оригинальною чертою нашего министерскаго учрежденія является существованіе въ видѣ особаго вѣдомства государственнаго контроля. Въ 1811 г. ревизія счетовъ только высшихъ учрежденій составила, какъ во многихъ мѣстахъ за границею, предметъ особаго независимаго органа, въ 1865 г. и всѣ низшія контрольныя части были выдѣлены изъ состава другихъ министерствъ.

Изъ прилагаемаго ниже списка видно, что за сто лѣтъ только около двухсотъ лицъ занимали въ Россіи посты министровъ, даже менѣе, если принять въ расчетъ, что нѣкоторыя лица, какъ кн. Голицынъ,

гр. Блудовъ, гр. Игнатьевъ, гр. Толстой, г. Витте и др. были министрами по нѣсколько разъ. Число это очень невелико, если сравнить съ заграничными порядками. Во Франціи, напримѣръ, только при Третьей республикѣ за 32 года было уже болѣе пятисотъ министровъ, а тамъ министерствъ только десять, у насъ же министерскихъ и равныхъ имъ постовъ было отъ 14 до 17. Долѣе всѣхъ просидѣлъ министромъ гр. Нессельроде, около сорока лѣтъ, гр. Армфельдъ тридцать пять лѣтъ и гр. Чернышевъ, около двадцати пяти лѣтъ. Судились одинъ министръ, кн. Горчаковъ (военный).

Министры наши, какъ выше сказано, никогда не образовывали цѣльнаго министерства или кабинета, но для объединенія ихъ дѣйствій, одновременно съ учрежденіемъ министерствъ, былъ образованъ Комитетъ Министровъ, а при Александрѣ II въ 1861 г. былъ учрежденъ и Совѣтъ министровъ, собиравшійся однако подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ государей очень рѣдко. Случалось, что нѣкоторыя лица по своему вліянію, какъ, напримѣръ гр. Аракчеевъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, гр. Шуваловъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, играли роль какъ бы первыхъ министровъ, но это было чисто случайное явленіе, не на юридической почвѣ. Въ Комитетѣ сверхъ министровъ, еще при Александрѣ I, стали засѣдать на правахъ членовъ предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта; такія же права были предоставлены начальникамъ во II, III и IV отдѣленіяхъ Собственной Его Величества канцеляріи; на-

оборотъ, лица, занимавшія министерскіе посты, какъ министръ Двора, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода (К. П. Побѣдоносцевъ лично сдѣланъ членомъ Комитета, а не по званію), финляндскій министръ статсъ-секретарь, главноуправляющій коннозаводствомъ только приглашались или приглашаются по извѣстнымъ дѣламъ.

Комитетъ Министровъ за сто лѣтъ быстро измѣнилъ свою физіономію и не соотвѣтствуетъ болѣе мысли своего учредителя. Первоначально, какъ я уже сказалъ выше, это былъ родъ совѣта министровъ, т.-е. министръ дѣлалъ, для сохраненія единства, доклады государю въ присутствіи прочихъ министровъ; но немедленно почти, за неимѣніемъ другого органа, Комитетъ Министровъ присвоилъ себѣ роль законодательнаго учрежденія, таковую сохранилъ и до сихъ поръ, несмотря на возникновеніе Государственнаго Совѣта.

Значеніе Комитета Министровъ было сильно при Александрѣ I, хотя Комитетъ долгое время состоялъ тогда подъ офиціальнымъ «надзоромъ» гр. Аракчеева. При Николаѣ I и Александрѣ II роль Комитета упала, усилилось значеніе личныхъ министерскихъ докладовъ, а при Александрѣ II и роль Государственнаго Совѣта. Николай I думалъ даже въ началѣ царствованія упразднить Комитетъ Министровъ, сливъ его съ первымъ департаментомъ Сената; та же мысль была и у Сперанскаго въ его неосуществленныхъ проектахъ преобразованій. Роль Комитета Министровъ опять

усилилась при Александрѣ III, какъ отъ характера государя, любившаго спокойно въ кабинетѣ избирать изъ различныхъ мнѣній то, которое казалось ему ближе къ истинѣ, а также отъ упраздненія особыхъ спеціальныхъ комитетовъ: Царства Польскаго, Кавказскаго и Сибирскаго.

Хотя Комитетъ Министровъ представляется съ точки зрѣнія теоріи государственнаго права учрежденіемъ несовершеннымъ, какою-то смѣсью совѣта министровъ и законодательнаго учрежденія, но до преобразованія у насъ законодательной части, особенно при сложномъ и медленномъ механизмѣ дѣлопроизводства въ Государственномъ Совѣтѣ, настоящая роль Комитета Министровъ скорѣе полезна: она значительно ускоряетъ дѣятельность государственнаго управленія въ Россіи, хотя несомнѣнно, что половина разрѣшаемыхъ имъ дѣлъ могла бы быть предоставлена всецѣло усмотрѣнію министровъ, особенно если бы министерскіе департаменты были преобразованы въ болѣе самостоятельныя и независимыя главныя управленія.

Списокъ лицъ, занимавшихъ въ Россіи министерскіе и равные имъ посты за сто лѣтъ.

При учрежденіи Комитета Министровъ предсѣдательствовали разныя лица по очереди, затѣмъ старшій изъ министровъ, графъ Н. П. Румянцевъ; съ 1810 г. званіе предсѣдателя соединялось со званіемъ пред-

сѣдателя Государственнаго Совѣта; такимъ образомъ состояли предсѣдателями Комитета: гр. Н. П. Салтыковъ, свѣтл. кн. П. В. Лопухинъ, кн. В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцовъ, гр. В. В. Левашовъ, кн. А. И. Чернышовъ, кн. А. Ѳ. Орловъ, гр. Д. Н. Блудовъ и кн. П. П. Гагаринъ. Со смерти послѣдняго, въ 1872 г., назначались особые предсѣдатели Комитета Министровъ: гр. П. Н. Игнатьевъ, гр. П. А. Валуевъ, гр. М. Х. Рейтернъ, Н. Х. Бунге и И. Н. Дурново.

Министерскіе же посты занимали послѣдовательно за сто лѣтъ по годамъ назначенія:

Министровъ Императорскаго Двора.

Кн. П. М. Волконскій	1826 г.
Гр. В. Ѳ. Адлербергъ	1852 »
Гр. А. В. Адлербергъ	1870 »
Гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ	1881 »
Бар. В. Б. Фредериксъ	1898 »

Министровъ удѣловъ.

Гр. Л. А. Перовскій.	1852 г.

Министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Гр. А. Р. Воронцовъ	1802 г.
Бар. А. Я. Будбергъ	1804 »
Гр. Н. П. Румянцевъ	1807 »
И. А. Вейдемейеръ (испр. дол.)	1815 »

Гр. К. В. Нессельроде . . . . . 1817 г.
Кн. А. М. Горчаковъ . . . . . 1856 »
Н. К. Гирсъ . . . . . 1882 »
Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій . . . . 1895 »
Гр. М. Н. Муравьевъ . . . . . 1896 »
Гр. В. Н. Ламздорфъ . . . . . 1901 »

Министровъ военныхъ:

С. К. Вязмитиновъ . . . . . 1802 г.
Гр. А. А. Аракчеевъ . . . . . 1808 »
Кн. М. Б. Барклай-де-Толли . . . . . 1810 »
Гр. А. П. Горчаковъ (управ.). . . . . 1812 »
Гр. П. П. Коновницынъ . . . . . 1815 »
Бар. П. И. Меллеръ-Закомельскій . . . 1819 »
Гр. А. И. Татищевъ. . . . . 1823 »
Кн. А. И. Чернышевъ . . . . . 1827 »
Кн. В. А. Долгоруковъ . . . . . 1852 »
Н. О. Сухозанетъ. . . . . 1856 »
Гр. Д. А. Милютинъ. . . . . 1861 »
П. С. Ванновскій . . . . . 1881 »
А. Н. Куропаткинъ . . . . . 1899 »

Министровъ морскихъ:

Гр. Н. С. Мордвиновъ . . . . . 1802 г.
П. В. Чичаговъ . . . . . 1803 »
Маркизъ И. И. Траверсе . . . . . 1809 »
А. В. Моллеръ (нач. Гл. М. Шт.) . . . 1827 »
Кн. А. С. Меншиковъ . . . . . 1836 »

Бар. Ф. П. Врангель.	1855 г.
Н. Ѳ. Метлинъ.	1858 »
Н. К. Краббе.	1862 »
С. С. Лесовскій.	1876 »
А. А. Пещуровъ	1881 »
И. А. Шестаковъ	1882 »
Н. М. Чихачовъ	1888 »
П. П. Тыртовъ.	1896 »

Министровъ внутреннихъ дѣлъ:

Гр. В. П. Кочубей	1802 г.
Кн. А. Б. Куракинъ.	1807 »
О. П. Козодавлевъ	1811 »
Гр. В. П. Кочубей	1819 »
В. С. Ланской	1823 »
Гр. А. А. Закревскій.	1828 »
Гр. Д. Н. Блудовъ	1832 »
Гр. А. Г. Строгановъ (управл.)	1839 »
Гр. Л. А. Перовскій	1841 »
Д. Г. Бибиковъ.	1852 »
Гр. С. С. Ланской.	1855 »
Гр. П. А. Валуевъ.	1861 »
А. Е. Тимашевъ	1868 »
Л. С. Маковъ	1878 »
Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ	1880 »
Гр. Н. П. Игнатьевъ.	1881 »
Гр. Д. А. Толстой.	1882 »

И. Н. Дурново. . . . . 1889 г.
И. Л. Горемыкинъ . . . . . 1895 »
Д. В. Сипягинъ . . . . . 1899 »
В. К. Плеве . . . . . 1902 »

Министровъ полиціи:

А. Д. Балашовъ . . . . . 1810 г.
С. К. Вязмитиновъ . . . . . 1812 »

Главноуправляющихъ духовными дѣлами:

Кн. А. Н. Голицынъ. . . . . 1817 г.
Гр. Д. Н. Блудовъ . . . . . 1824 »
Л. С. Маковъ . . . . . 1880 »

Главноначальствующихъ надъ почтовымъ департаментомъ:

Кн. А. Н. Голицынъ. . . . . 1819 г.
Гр. В. Ѳ. Адлербергъ . . . . . 1841 »
Ѳ. И. Прянишниковъ . . . . . 1852 »

Министра почтъ и телеграфовъ:

Гр. И. М. Толстой . . . . . 1865 г.

Главноначальствующаго надъ почтовымъ вѣдомствомъ:

Л. С. Маковъ . . . . . 1880 г.

Главноначальствующихъ III отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи и шефовъ жандармовъ:

Гр. А. Х. Бенкендорфъ.	1826 г.
Кн. А. Ѳ. Орловъ.	1845 »
Св. кн. В. А. Долгоруковъ.	1856 »
Гр. П. А. Шуваловъ.	1867 »
А. Л. Потаповъ	1875 »
Н. В. Мезенцовъ	1878 »
А. Р. Дрентельнъ	1878 »

Министровъ юстиціи:

Г. Р. Державинъ	1802 г.
Св. кн. П. В. Лопухинъ.	1803 »
И. И. Дмитріевъ	1810 »
Д. П. Трощинскій	1814 »
Кн. Д. И. Лобановъ-Ростовскій	1817 »
Кн. А. А. Долгоруковъ	1827 »
Д. В. Дашковъ.	1829 »
Гр. Д. Н. Блудовъ	1839 »
Гр. В. Н. Панинъ	1839 »
Д. Н. Замятнинъ	1862 »
Кн. С. Н. Урусовъ	1867 »
Гр. К. И. Паленъ.	1867 »
Д. Н. Набоковъ	1878 »
Н. А. Манасеинъ	1885 »
Н. В. Муравьевъ	1894 »

Министровъ финансовъ:

Гр. А. И. Васильевъ.	1802 г.
Ѳ. А. Голубцовъ (Госуд. Казнач.) . . .	1807 »
Гр. Д. Л. Гурьевъ	1810 »
Гр. Е. Ф. Канкринъ	1823 »
Гр. Ѳ. П. Вронченко	1844 »
П. Ѳ. Брокъ	1852 »
А. М. Княжевичъ.	1858 »
Гр. М. Х. Рейтернъ	1862 »
С. А. Грейгъ	1878 »
А. А. Абаза	1880 »
Н. Х. Бунге	1881 »
И. А. Вышнеградскій	1887 »
С. Ю. Витте	1892 »

Министра коммерціи:

Гр. Н. П. Румянцевъ	1802 г.

Министровъ государственныхъ имуществъ:

Гр. П. Б. Киселевъ	1837 г.
В. А. Шереметевъ	1856 »
Гр. М. Н. Муравьевъ	1857 »
А. А. Зеленый	1862 »
Гр. П. А. Валуевъ	1872 »
Св. кн. А. А. Ливенъ (управл.)	1879 »
Гр. Н. П. Игнатьевъ	1881 »
М. Н. Островскій	1881 »

Министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ:

А. С. Ермоловъ . . . . . 1893 г.

Главныхъ директоровъ путей сообщенія:

Принцъ Георгій Ольденбургскій . . . . 1811 г.
П. Н. Де-Волантъ. . . . . 1812 »
А. А. Бетанкуръ . . . . . 1819 »

Главноуправляющихъ путями сообщеній и публичныхъ зданій:

Принцъ Александръ Виртембергскій. . . 1822 г.
Гр. К. Ѳ. Толь . . . . . 1834 »
Гр. П. А. Клейнмихель. . . . . 1843 »
К. В. Чевкинъ. . . . . 1855 »

Министровъ путей сообщенія:

П. П. Мельниковъ . . . . . 1862 г.
Гр. В. А. Бобринскій 1-й . . . . . 1868 »
Гр. А. П. Бобринскій 2-й . . . . . 1871 »
Гр. К. Н. Посьетъ . . . . . 1874 »
Г. Е. Паукеръ. . . . . 1888 »
А. Я. фонъ-Гюббенетъ . . . . . 1889 »
С. Ю. Витте . . . . . 1892 »
А. К. Кривошеинъ . . . . . 1892 »
Кн. М. И. Хилковъ . . . . . 1894 »

Министровъ народнаго просвѣщенія:

Гр. П. В. Завадовскій	1802 г.
Гр. А. К. Разумовскій	1810 »
Кн. А. Н. Голицынъ	1816 »
А. С. Шишковъ	1824 »
Кн. К. А. Ливенъ	1828 »
Гр. С. С. Уваровъ	1833 »
Кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ	1849 »
А. С. Норовъ	1853 »
Е. П. Ковалевскій	1858 »
Гр. Е. В. Путятинъ	1861 »
А. В. Головнинъ	1861 »
Гр. Д. А. Толстой	1866 »
А. А. Сабуровъ	1880 »
А. П. Николаи	1881 »
Гр. И. Д. Деляновъ	1882 »
Н. П. Боголѣповъ	1898 »
П. С. Ванновскій	1901 »
Г. Э. Зенгеръ (управл.)	1902 »

Оберъ-прокуроровъ Св. Синода:

А. А. Яковлевъ	1803 г.
Кн. А. Н. Голицынъ	1803 »
Кн. П. С. Мещерскій	1817 »
С. Д. Нечаевъ	1833 »
Гр. Н. А. Протасовъ	1836 »
А. И. Карасевскій (испр. долж.)	1855 »
Гр. А. П. Толстой	1856 »

А. П. Ахматовъ . . . . . 1862 г.
Гр. Д. А. Толстой. . . . . 1865 »
К. П. Побѣдоносцевъ. . . . . 1880 »

Государственныхъ контролеровъ:

Бар. Б. Б. Кампенгаузенъ . . . . . 1811 г.
А. З. Хитрово . . . . . 1827 »
Гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко . . . . 1854 »
М. Н. Анненковъ . . . . . 1855 »
В. А. Татариновъ . . . . . 1863 »
А. А. Абаза . . . . . 1871 »
С. А. Грейгъ . . . . . 1874 »
Д. М. Сольскій . . . . . 1878 »
Т. И. Филипповъ . . . . . 1889 »
П. Л. Лобко . . . . . 1900 »

Главноуправляющихъ государственнымъ коннозаводствомъ:

Р. Е. Гринвальдъ . . . . . 1856 г.
Гр. П. А. Валуевъ . . . . . 1877 »
Св. кн. А. А. Ливенъ . . . . . 1879 »
Гр. Н. П. Игнатьевъ . . . . . 1881 »
Гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ. . . . . 1881 »
Е. И. В. в. к. Дмитрій Константиновичъ . 1898 »

Главноуправляющаго торговымъ флотомъ и портами.

Е. И. В. великій князь Александръ Михайловичъ . . . . . 1902 г.

Министровъ ст.-секр. Царства Польскаго:

Гр. Грабовскій. . . . . 1832 г.
К. Л. Туркулъ. . . . . 1838 »
А. О. Ленскій . . . . . 1856 »
В. П. Платоновъ . . . . . 1860 »

Главноуправляющихъ Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи (ранѣе IV отдѣленіе).

Г. И. Вилламовъ . . . . . 1828 г.
К. Л. Гофманъ . . . . . 1842 »
Принцъ П. Г. Ольденбургскій. . . . . 1861 »
К. К. Гротъ . . . . . 1882 »
Н. Н. Герардъ . . . . . 1884 »
И. Н. Дурново . . . . . 1886 »
Гр. Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ . . . . 1889 »

Министровъ статсъ-секретарей в. к. Финляндскаго.

Гр. Р. И. Ребиндеръ. . . . . 1826 г.
Гр. А. Г. Армфельдъ. . . . . 1841 »
Бар. Э. К. Шернваль-Валленъ . . . . 1876 »
Ѳ. А. Брунъ . . . . . 1882 »
К. Г. Эрнротъ . . . . . 1889 »
В. А. фонъ-Денъ . . . . . 1891 »
В. К. Плеве . . . . . 1899 »

КЪ ЮБИЛЕЮ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ.

Не то царственное богатство, чтобы въ казнѣ было много, а то, чтобы весь народъ былъ богатъ.

27-го декабря наше министерство финансовъ праздновало столѣтіе со времени своего основанія. Половина того состава, который имѣло министерство при своемъ окончательномъ образованіи въ 1810 году, а именно департаментъ государственныхъ имуществъ и горное вѣдомство, входитъ—первый съ 1838 г., второе съ 1874 г.—въ составъ министерства земледѣлія, но остальная половина, состоявшая изъ департаментовъ внѣшней торговли и сборовъ податей и немногихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, разрослась въ обширнѣйшее вѣдомство, захватывающее не только дѣла финансовыя, торговыя и промышленность, но и народные театры, профессіональное образованіе, значительную часть войскъ и гражданское управленіе въ Манчжуріи. Финансы Царства Польскаго присоединились къ имперскимъ съ 1866 г.

Я хочу коснуться не развитія и крупнаго расширенія круга *финансоваго* вѣдомства за сто лѣтъ, которое

скоро увеличится еще финляндскими таможнями, но постараться характеризовать состоявшихъ во главѣ его лицъ и опредѣлить такимъ образомъ въ самыхъ краткихъ чертахъ политику министерства за цѣлый вѣкъ. Съ 1802 г. у насъ было всего 13 министровъ финансовъ: гр. А. И. Васильевъ, Ѳ. А. Голубцовъ, гр. Д. А. Гурьевъ, гр. Е. Ф. Канкринъ, гр. Ѳ. П. Вронченко, П. Ѳ. Брокъ, А. М. Княжевичъ, гр. М. Х. Рейтернъ, С. А. Грейгъ, А. А. Абаза, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградскій и С. Ю. Витте. Голубцовъ носилъ, впрочемъ, титулъ не министра финансовъ, а государственнаго казначея, учрежденный еще въ екатерининскія времена, почему вѣроятно портретъ его и не фигурируетъ въ числѣ портретовъ въ пріемной министра финансовъ, столь извѣстной безчисленнымъ просителямъ. Наиболѣе продолжительно было управленіе финансами графовъ Канкрина и Рейтерна, около двухъ десятковъ лѣтъ, самое короткое—Абазы, всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Съ сотворенія міра ни одинъ министръ финансовъ или лицо, соотвѣтствовавшее этому званію, никогда популярнымъ не было и быть не могло, такъ какъ налоги платить, какъ и умирать (двѣ неизбѣжныя, по словамъ одной англійской пословицы, для каждаго человѣка обязанности) никому не пріятно. Тѣ же англичане остроумно опредѣлили роль министра финансовъ, говоря о Робертѣ Вальполѣ, что «ему зимою муфты не надобно, потому что онъ постоянно держитъ руки въ нашихъ карманахъ». Но безпристрастная исторія

исправляетъ во многомъ пристрастные отзывы современниковъ о финансистахъ.

Сдѣлать краткій очеркъ нашихъ фанансовыхъ заправилъ для меня тѣмъ легче, что, помимо многочисленныхъ статей, я посвятилъ имъ особыя книги*), половину ихъ зналъ лично, а многое слышалъ отъ ихъ приближенныхъ, начиная съ сослуживцевъ гр. Канкрина. Въ общемъ мнѣніе мое противъ напечатаннаго уже въ книгахъ не измѣнилось существенно, хотя за послѣднія десять лѣтъ появилось множество новыхъ изслѣдованій и документовъ, освѣщающихъ разныя остававшіяся неразъясненными достаточно детали нашего финансоваго управленія.

Первымъ министромъ былъ графъ Васильевъ**)— креату рафинансоваго дѣльца екатерининскихъ временъ кн. Вяземскаго. Онъ принадлежалъ къ дѣятелямъ либеральной эпохи начала царствованія Александра I, входилъ въ составъ такъ называемаго «англійскаго министерства» и оставилъ о себѣ хорошую память. Дѣйствительно, нѣкоторыя мѣропріятія его, напримѣръ по горной части, гдѣ сотрудникомъ Васильева былъ извѣстный Дерябинъ, замѣчательны. Изъ записокъ Державина, претендовавшаго на постъ министра финансовъ (онъ былъ государственнымъ казначеемъ при

*) «Наши государственные и общественные дѣятели». Спб. 1891 г. и «Les ministres des finances de la Russie». Paris. 1892 г.

**) Несчастныя «С.-Петербургскія Вѣдомости», издаваемыя буддистами, почему-то гр. Румянцева называютъ первымъ министромъ финансовъ въ Россіи! См № 4 этой газеты текущаго года.

Павлѣ I) и потому можетъ быть не вполнѣ безпристрастнаго, видно однако, что Васильевъ далеко не былъ столь безкорыстенъ, какимъ его считали современники, а наоборотъ—весьма угодливымъ и подчасъ лицепріятнымъ.

Преемникъ Васильева, его креатура Голубцовъ, по отзыву современниковъ, какъ Вигель, и въ дѣйствительности былъ старымъ почтеннымъ бюрократомъ, любезнымъ по манерамъ и державшимся угодливостью Аракчееву. Настоящимъ финансовымъ воротилой въ это время былъ Сперанскій, хотя тоже только «чиновникъ огромнаго размѣра», какъ охарактеризовалъ его одинъ изъ русскихъ писателей, но человѣкъ замѣчательный по всеобъемлющему уму. Удивительно, казалось бы даже, какъ, получивъ семинарское воспитаніе и вращаясь исключительно въ канцеляріяхъ, онъ могъ такъ близко изучить финансовые вопросы, если бы теперь не стало извѣстно, что «планы» его (въ томъ числѣ и знаменитый манифестъ 2 февраля 1810 г.) сочиняли иностранцы Балугьянскій, Вирстъ и Якобъ. Сперанскій и при Николаѣ I былъ въ числѣ лицъ, совѣты котораго охотно выслушивались по финансовымъ дѣламъ.

Графъ Гурьевъ интриговалъ въ свое время противъ Васильева, а противъ него вели войну Сперанскій, Кампенгаузенъ и особенно Мордвиновъ, гуманный, но непрактичный государственный дѣятель. Досталось Гурьеву очень тяжелое наслѣдство — ликвидація войнъ 1812—1815 гг.; время вообще было тя-

желое, необыкновенныхъ неурожаевъ и введенія военныхъ поселеній. Изобрѣтатель «гурьевской каши» имѣлъ репутацію богача-эгоиста, равнодушнаго къ дѣлу. Ему приписываютъ знаменитые вопросы при чтеніи бумагъ: «Это намъ пишутъ или мы пишемъ?»—такъ какъ смысла прочитаннаго онъ себѣ будто бы не уяснялъ. На дѣлѣ было иначе. «Исторія комитета министровъ» Средонина подтверждаетъ, что Гурьевъ былъ единственный еще министръ, который дерзалъ спорить съ Аракчеевымъ, а ближайшій сотрудникъ Гурьева гр. Рибопьеръ описалъ его человѣкомъ очень честнымъ и просвѣщеннымъ. У Гурьева былъ сотрудникомъ Тургеневъ и онъ ввелъ много улучшеній, надо однако признаться, не имѣвшихъ, какъ напримѣръ сокращеніе ассигнаціоннаго долга, питейная монополія и рѣзкое пониженіе таможеннаго тарифа, никакого успѣха. Гурьевъ возстановилъ нашъ кредитъ за границею, учредилъ коммерческій банкъ и преобразовалъ соляную регалію.

Графа Канкрина, поставленнаго Аракчеевымъ вмѣсто Гурьева, въ свое время считали чуть не великимъ финансистомъ въ родѣ Кольбера и даже замѣчательнымъ экономистомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія произошла рѣзкая реакція въ оцѣнкѣ; какъ экономистъ, Канкринъ былъ признанъ чудакомъ-меркантилистомъ XVII столѣтія. Бунге, близко изучившій мѣропріятія Канкрина, находилъ, что послѣдній имѣлъ смутныя понятія о кредитѣ, очень мало зналъ финансы другихъ странъ и Россію счи-

талъ страною полудикою. Даже труды Канкрина по упроченію валюты помощью девальваціи признаны мало удачнымъ замаскированнымъ государственнымъ банкротствомъ. Самая слава Канкрина, какъ «русскаго Кольбера», насадителя фабричной промышленности, отрицалась подъ вліяніемъ увлеченія либъэпанжемъ; Кольберъ развѣнчивался и за-границею. Но болѣе всего, и на этотъ разъ справедливо, упрекали Канкрина, а равно его ближайшихъ преемниковъ по министерству финансовъ за ярое противодѣйствіе сооруженію желѣзныхъ дорогъ, что и привело Россію къ крымской катастрофѣ.

Канкринъ имѣлъ несправедливо приписываемую ему репутацію скупого и суроваго охранителя казенной копѣйки; теперь извѣстно, что онъ былъ, когда нужно, весьма угодливъ. Во всякомъ случаѣ Канкринъ, хотя черезчуръ самоувѣренный и, какъ иностранецъ, въ душѣ презиравшій все русское, оказалъ услуги Россіи, а девальвація, какъ видно изъ новыхъ документовъ, сдѣлана была скорѣе противъ его мнѣній, нежели согласно его проекту. Кромѣ настойчивости въ удержаніи покровительственной системы, онъ издалъ поощрительные законы для мореплаванія, развилъ золотую промышленность и улучшилъ лѣсную часть. Зато ему всецѣло принадлежитъ система замаскированнаго покрытія дефицитовъ позаимствованіями изъ вкладовъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій, позаимствованій, приведшихъ эти цвѣтущія съ виду учрежденія къ банкротству.

Какъ Мордвиновъ критиковалъ постоянно систему Гурьева, такъ и у Канкрина еще при жизни являлись противники въ лицѣ кн. Друцкого-Любецкого и новаго министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева. Изъ воспоминаній гр. Корфа видно, что репутація кн. Друцкого-Любецкого была сильно преувеличена. Это былъ неутомимый болтунъ на финансовыя темы, желавшій обратить на себя вниманіе, но вовсе не государственный человѣкъ. Друцкой-Любецкой вывелъ въ люди Тенгоборскаго, имѣвшаго въ 50-хъ годахъ такое вредное вліяніе на русскую промышленность.

Преемникомъ Канкрина долго хворавшаго передъ смертью, былъ сдѣланъ его товарищъ Вронченко, честный, но суетливый, безтолковый, очень грубый и мало образованый дѣлецъ изъ поповичей, служившій долго пищею петербургской скандалезной хроникѣ изъза своего пристрастія къ кокоткамъ низшаго разбора. Гр. Вронченко продолжалъ, какъ умѣлъ, систему Канкрина, которая очень скоро выказала свои недостатки, хотя по наружности наши финансы, благодаря строгой канцелярской тайнѣ, казались въ хорошемъ состояніи. Важнѣйшимъ предметомъ заботливости Вронченка были откупа: при немъ введено было акцизно-откупное комиссіонерство, главную роль въ созданіи котораго принадлежала Кокореву.

Брокъ, замѣстившій Вронченка, не имѣлъ никакой финансовой опытности, ни способностей. Чистѣйшій канцеляристъ, безъ конца писавшій и исправлявшій

бумаги, онъ едва ли не былъ наименѣе удачнымъ изъ нашихъ министровъ финансовъ. Въ крымскую войну Брокъ не придумалъ ничего, кромѣ безграничныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, а послѣ войны понизилъ таможенный тарифъ и для успѣха подписки на акціи Главнаго общества и уменьшенія прилива вкладовъ въ казенные банки сдѣлалъ неудачное пониженіе процентовъ по вкладамъ, вызвавъ кризисъ. Брокъ, какъ и Вронченко, имѣлъ одно развѣ достоинство—щадилъ по возможности платежныя силы населенія, избѣгая изобрѣтенія новыхъ налоговъ, но безцеремонное обращеніе съ кредитными рублями было равносильно огромному косвенному налогу на все населеніе.

Престарѣлый Княжевичъ сдѣлался по увольненіи Брока министромъ потому, что въ свое время считался однимъ изъ лучшихъ сотрудниковъ гр. Канкрина. Человѣкъ старый и слабый, но образованный (онъ издавалъ «Библіотеку для Чтенія»), онъ попалъ въ руки всемогущихъ тогда «фритредеровъ»—кружка бойкихъ либеральныхъ чиновниковъ, напичканныхъ идеями Кобдена и Бастіа. Главную роль игралъ Гагемейстеръ. Подъ вліяніемъ фритредеровъ, была сдѣлана неудачная реформа государственныхъ кредитныхъ установленій, составленъ непрактичный планъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ, съ внезапнымъ погашеніемъ всѣхъ помѣщичьихъ долговъ, и уничтоженъ поземельный кредитъ въ моментъ, когда онъ былъ особенно нуженъ. Учреждена также пресловутая ко-

миссія для пересмотра податей и сборовъ, издавшая сотню томовъ трудовъ и ничего не пересмотрѣвшая. Наибольшей заслугой Княжевича публика ставила уничтоженіе откуповъ, вредное вліяніе которыхъ, какъ показалъ потомъ опытъ акциза и казенной монополіи, сильно преувеличивалось. Душою акцизной реформы былъ Гротъ,—онъ и свергнулъ Княжевича.

На мѣсто послѣдняго великій князь Константинъ Николаевичъ посадилъ своего чиновника, мало кому вѣдомаго Рейтерна, какъ переходъ къ считавшемуся будущимъ финансовымъ свѣтиломъ Грейгу, но Рейтернъ сразу осрамился неудачной попыткою размѣна, а Грейгъ не внушилъ достаточно довѣрія у Александра II. Ознакомившись съ дѣломъ, Рейтернъ однако измѣнилъ политику. Съ 1866 г. хотя онъ оставилъ при себѣ фритредеровъ, но изъ нихъ вліятельнымъ былъ только Ламанскій, руководившій всѣми кредитными операціями. Можно сказать даже, что онъ дѣлилъ съ Рейтерномъ дѣйствительное руководство финансами. Въ 1877 г. Рейтернъ сталъ даже протекціонистомъ malgré lui.

Человѣкъ неособенно выдающихся дарованій, но честный, настойчивый и здравомыслящій, Рейтернъ оказалъ очень серьезныя услуги содѣйствіемъ быстрой постройкѣ, при помощи концессіонеровъ, сѣти желѣзныхъ дорогъ, возстановленію поземельнаго кредита и созданію многихъ частныхъ кредитныхъ и другихъ акціонерныхъ обществъ. Онъ открылъ также для постройки желѣзныхъ дорогъ денежный рынокъ въ

Германіи, ввелъ единство кассы и первый рѣшился опубликовать государственную роспись. Какъ человѣкъ прямой, не сочувствуя Восточной войнѣ, Рейтернъ подалъ въ отставку, но, видя трудности найти себѣ преемника, остался на своемъ посту до заключенія мира. Это былъ человѣкъ необыкновенно скромный, простой въ образѣ жизни, допускалъ свободную критику своихъ дѣйствій въ печати и не плодилъ понапрасну чиновниковъ, словомъ, былъ гораздо выше своей репутаціи среди современниковъ.

Преемнику Рейтерна Грейгу, образованному, но поверхностному и назначенному за неимѣніемъ лучшаго кандидата, досталась весьма трудная задача ликвидировать тяжелые финансовые результаты войны. Это удалось при изобильномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ, при помощи которыхъ были легко заключены крупные внутренніе займы, а также при пособіи нѣсколькихъ новыхъ налоговъ. Финансовыми совѣтниками Грейга были Бліохъ и Закъ.

Положеніе однако было тяжелое, публика была недовольна пониженіемъ курса и съ удовольствіемъ встрѣтила увольненіе Грейга, устроенное графомъ Лорисъ-Меликовымъ для того, чтобы провести въ министры своего друга и интимнаго совѣтника Абазу, славившагося краснорѣчіемъ и имѣвшаго огромныя связи въ высшемъ обществѣ.

Абаза давно считался однимъ изъ умнѣйшихъ у насъ финансистовъ и дѣльцовъ. Онъ былъ бы недурнымъ министромъ финансовъ, тѣмъ болѣе, что въ то-

варищи ему гр. Лорисъ-Меликовъ еще при Грейгѣ посадилъ трудолюбиваго и ученаго Бунге. Но Абаза былъ слишкомъ недолго министромъ, подавъ въ отставку вмѣстѣ съ графами Лорисъ-Меликовымъ и Милютинымъ послѣ манифеста 29-го мая. Онъ успѣлъ однако отмѣнить соляной налогъ, вреду коего для народнаго благосостоянія печать придавала совершенно преувеличенное значеніе, и реформировать сахарный акцизъ.

За отказомъ графа Баранова министромъ финансовъ пришлось сдѣлать Бунге. Послѣдній въ нашей профессорской литературѣ имѣетъ не мало поклонниковъ, такъ какъ онъ отмѣнилъ подушный налогъ и замѣнилъ его различными налогами, почитаемыми книжниками болѣе раціональными, хотя для плательщиковъ, какъ для больныхъ, все равно, лежать на лѣвомъ или на правомъ боку. Онъ ввелъ также фабричную и податную инспекціи и учредилъ Дворянскій и Крестьянскій банки. Подъ руководствомъ Картавцева, эти учрежденія были направлены къ переходу поземельной собственности изъ рукъ дворянства въ руки сельскаго населенія.

Согласныя съ теоріей, реформы Бунге далеко не оказались красивыми въ дѣйствительности, да и время, признаться, было очень тяжелое: неурожаи, застой промышленности, столкновенія съ Германіей и Англіей; курсъ падалъ, а займы совершались на небывало невыгодныхъ условіяхъ. Бунге долженъ былъ уйти.

Мѣсто его, хотя и не неожиданно, но ко всеобщему удивленію занялъ, по рекомендаціи Каткова, Вышнеградскій, игравшій видную роль акціонернаго дѣльца. Публика встрѣтила назначеніе Вышнеградскаго очень сухо, но затѣмъ быстро общественное мнѣніе вознесло его на высоту великаго финансоваго мага; истина была въ серединѣ. Вышнеградскій внесъ впервые въ наше государственное управленіе пріемы частнаго хозяйства. Онъ былъ чуждъ всякой сантиментальности. Я засталъ его разъ въ отличномъ настроеніи духа:—«Славно пьютъ донскіе казаки, сказалъ онъ, показывая мнѣ вѣдомость—10 мил. акцизнаго перебора за одинъ годъ! Вотъ бы такъ другія губерніи!» Вышнеградскій искусно воспользовался рядомъ урожаевъ, чтобы скупить массу золота. Онъ прекратилъ дефициты увеличеніемъ налоговъ, началъ выкупъ въ казну желѣзныхъ дорогъ, открылъ рядъ конверсій русскихъ займовъ, переведя нашу задолженность изъ Берлина въ Парижъ, и таможеннымъ тарифомъ 1891 г. установилъ рѣшительное покровительство русской промышленности, ослабленное въ фритредерскую эпоху Княжевича, Рейтерна и Грейга. 1892 годъ былъ роковымъ для Вышнеградскаго, неурожай 1891 г. разстраивалъ его систему, а самого министра сразила болѣзнь.

На смѣну былъ призванъ г. Витте, который и при Вышнеградскомъ, въ званіи директора вновь учрежденнаго департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, игралъ *выдающуюся* роль почти по всѣмъ финансовымъ во-

просамъ. Судить окончательно о дѣятельности Витте, хотя она продолжается уже болѣе десяти лѣтъ, конечно, несвоевременно, да и невозможно въ нѣсколькихъ строкахъ. Нельзя однако не отмѣтить, что она была чрезвычайно разнообразна и выказала въ послѣднемъ нашемъ министрѣ финансовъ много энергіи, настойчивости, послѣдовательности и широты во взглядахъ. Касалась она не только финансовъ, но и другихъ частей управленія.

Г. Витте повторилъ девальвацію денежно-бумажнаго обращенія, убилъ окончательно игру на кредитные рубли, ввелъ золотую валюту, закончилъ конверсію государственныхъ и желѣзнодорожныхъ займовъ, привлекъ не мало иностранныхъ капиталовъ въ русскія дѣла, развилъ систему сберегательныхъ кассъ, установилъ питейную монополію, ввелъ промысловый и множество другихъ налоговъ, выкупилъ много дорогъ, докончилъ Сибирскую дорогу и построилъ, преимущественно на казенный счетъ, новыхъ желѣзныхъ дорогъ болѣе 25,000 верстъ не только на Сѣверѣ, но и въ Манчжуріи.

По каждому изъ этихъ мѣропріятій можетъ быть сказано многое и за, и противъ, но положительно ни въ какое десятилѣтіе за цѣлый вѣкъ русской финансовой исторіи не было такой напряженной дѣятельности.

НАША ЮСТИЦІЯ ЗА СТО ЛѢТЪ.

I.

Празднованіе столѣтія министерствъ вызвало у насъ появленіе нѣсколькихъ интересныхъ историческихъ очерковъ этихъ учрежденій, а равно исторіи Комитета Министровъ. Труды эти, конечно, не могутъ замѣнить полной и подробной исторіи каждаго министерства, но даютъ возможность охарактеризовать выдающіеся моменты вѣкового существованія нашихъ вѣдомствъ.

Къ числу очерковъ недурно и сжато составленныхъ относится книга «Министерство юстиціи за сто лѣтъ». составленная главнымъ образомъ сенаторомъ П. Н. Усаковскимъ. Мы пользуемся изъ нея нѣкоторыми свѣдѣніями, причемъ надобно обратить вниманіе, что до судебной реформы 1864 г. очеркъ имѣетъ характеръ связнаго историческаго повѣствованія, тогда какъ послѣ представляетъ простую систематическую выборку изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ и другихъ документовъ.

Начинается очеркъ съ описанія превращенія нашихъ старинныхъ государственныхъ коллегій въ министерства. Это превращеніе, какъ сказано выше въ главѣ «Столѣтіе министерствъ», встрѣтило рѣзкія порицанія Карамзина, Шишкова, гр. Воронцова, Трощинскаго; даже самъ авторъ проекта общаго учрежденія министерствъ Сперанскій впослѣдствіи измѣнилъ свое мнѣніе и находилъ, что коллегіальное управленіе полезнѣе въ Россіи, ибо Россія къ нему привыкла и оно сообразно съ духомъ учрежденія о губерніяхъ. Въ дѣйствительности, впрочемъ, къ началу XIX столѣтія отъ коллегій Петра Великаго оставалась одна тѣнь. Генералъ-прокуроръ, который долженъ былъ служить только «окомъ государевымъ», обратился постепенно въ начальника всѣхъ отраслей административнаго и финансоваго управленія, а рядомъ съ нимъ и другія лица управляли своими частями единолично. Подобное превращеніе почти на нашихъ глазахъ совершилось съ другимъ «окомъ»—съ званіемъ оберъ-прокурора Синода, который сталъ министромъ, хотя по регламенту Петра былъ равенъ только оберъ-прокурорамъ Сената.

Власть Сената къ началу XIX столѣтія очень упала, и хотя съ первыхъ же моментовъ вступленія Александра I на престолъ поднялся вопросъ о возстановленіи правительствующаго значенія этого учрежденія, какъ охраны закона отъ произвола, но молодые либеральные совѣтники государя были противъ такой реформы, видя въ Сенатѣ только «собраніе невѣже-

ственныхъ бояръ» и желая ограничить его судебными функціями.

Первый министръ юстиціи, знаменитый поэтъ Г. Р. Державинъ, сохранившій званіе генералъ-прокурора, хотя деспотически относился къ Сенату, старался однако, чтобы надзоръ послѣдняго за дѣятельностью министровъ не оставился мертвою буквою, что немедленно и привело новаго министра къ столкновенію со всѣми. Державинъ представляетъ рѣдкое исключеніе въ числѣ нашихъ государственныхъ людей по твердому, независимому и настойчивому характеру. Ужъ при Екатеринѣ воевалъ онъ съ Вяземскимъ, Тутолминымъ, Гудовичемъ и др. сильными сего міра. При Павлѣ I былъ онъ «отосланъ назадъ въ Сенатъ за дерзость, оказанную государю», но сейчасъ же вновь назначенъ финансъ-министромъ. Въ званіи министра юстиціи онъ сцѣпился съ Кочубеемъ, Чичаговымъ, гр. Румянцовымъ, Потоцкимъ; это былъ, кажется, единственный министръ, который отказывался контрасигнировать ненравившіеся ему указы, чѣмъ и добился наконецъ увольненія. «Ты всегда хочешь меня учить,— сказалъ ему съ досадою Александръ I. —Я самодержавный государь и такъ хочу».

Тринадцатимѣсячное управленіе Державина министерствомъ юстиціи не осталось безслѣднымъ. Онъ организовалъ министерство, между прочимъ консультацію, существующую и до сихъ поръ, и старался по возможности улучшить судопроизводство, которое Лагарпъ въ письмѣ къ Александру I называлъ «су-

щимъ Дедаломъ, лабиринтомъ кляузъ, плутней и взятокъ».

Преемникомъ Державина былъ безцвѣтный св. князь П. В. Лопухинъ, составившій, какъ извѣстно, свою карьеру при Павлѣ I, благодаря дочери Аннѣ Петровнѣ. У Лопухина товарищами министра были Новосильцовъ и Сперанскій, почему къ министру была присоединена комиссія составленія законовъ, проявившая большую, хотя и безполезную, какъ потомъ оказалось, дѣятельность.

Съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта кн. Лопухину смѣнилъ И. И. Дмитріевъ, извѣстный писатель. Человѣкъ честный и прямой, Дмитріевъ былъ пораженъ существовавшими въ его вѣдомствѣ злоупотребленіями. Оказалось напр., что портной въ Москвѣ Зимулинъ, продолжая свое мастерство, числился фальшиво сенатскимъ чиновникомъ и получалъ жалованье! О мѣстныхъ судахъ и говорить нечего. Дмитріевъ обратилъ особое вниманіе на Сенатъ, который при немъ дѣйствовалъ съ достоинствомъ. Такъ, онъ постоянно обличалъ, хотя и безполезно, проступки Пестеля, сибирскаго генералъ-губернатора, пока наконецъ ревизія Сперанскаго не открыла глаза государю. «Боже мой, — сказалъ Александръ I Дмитріеву, со слезами на глазахъ, по другому впрочемъ дѣлу, — можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается; сколько отъ насъ закрываютъ, мы и вообразить этого не можемъ». Частыя столкновенія Дмитріева съ Комитетомъ Ми-

нистровъ, особенно съ управлявшимъ дѣлами Комитета Молчановымъ, вынудили его выйти въ отставку.

Новый министръ юстиціи, знаменитый дѣлецъ екатерининскихъ временъ Д. П. Трощинскій, также простоялъ не долго во главѣ своего вѣдомства, о которомъ писалъ словами Давида: «сіе море великое и пространное, въ немъ же гадовъ нѣтъ числа». Онъ не могъ вынести подчиненія всемогущему Аракчееву, къ которому, вмѣсто государя, министры являлись съ докладами въ 4 часа утра. На мѣсто Трощинскаго былъ назначенъ старикъ кн. Д. И. Лобановъ-Ростовскій, по словамъ Вигеля въ его запискахъ, «болѣе призракъ министра, чѣмъ дѣйствительный министръ». Въ ряду немногихъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ княземъ, стоитъ отмѣтить существующее и понынѣ ограниченіе права сенаторовъ оговаривать согласительныя предложенія министра юстиціи; они должны лишь заявить о своемъ согласіи или несогласіи съ предложеніемъ.

Николай I, вступивъ на престолъ, обозрѣлъ Сенатъ и возмутился найденными тамъ: запущенностью, грязью и безпорядками. Въ результатѣ этого была постройка нынѣшняго зданія Сената и дозволеніе сенаторамъ собираться на службу не въ 6, какъ слѣдовало по петровскому регламенту, а въ 9 часовъ. Князь Лобановъ-Ростовскій былъ замѣненъ въ 1827 г. кн. А. А. Долгорукимъ. Послѣдній ничѣмъ не ознаменовалъ своего двухлѣтняго управленія министерствомъ, развѣ тѣмъ, что терпѣливо сличилъ въ особой комиссіи по

пунктамъ проектъ Свода Законовъ Сперанскаго съ подлинными указами.

Другого калибра былъ новый министръ Д. В. Дашковъ, просидѣвшій около десяти лѣтъ. Это былъ первый министръ юстиціи не изъ бывшихъ военныхъ, а юристъ и дипломатъ. Надобно впрочемъ имѣть въ виду, что до судебныхъ уставовъ Александра II роль министра юстиціи была совсѣмъ другая. Вся его дѣятельность сосредоточивалась по преимуществу въ высшемъ судебномъ надзорѣ, особенно въ правильномъ разрѣшеніи дѣлъ по разногласіямъ въ Сенатѣ и по протестамъ губернскихъ прокуроровъ. Наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ лежало на высшихъ представителяхъ мѣстной администраціи, причемъ министръ юстиціи, назначающій теперь своею властью болѣе 4,000 лицъ, тогда не назначалъ и 200. Даже заботы о лучшемъ судоустройствѣ и кодексѣ лежали на особомъ учрежденіи, II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Кромѣ того существовало много спеціальныхъ юрисдикцій въ каждомъ вѣдомствѣ, а законодательная дѣятельность почти отсутствовала.

При Дашковѣ Сводъ Законовъ вошелъ въ силу, устроено училище Правовѣдѣнія (по мысли принца П. Г. Ольденбургскаго), учредились каѳедры русскаго права въ университетахъ (по предложенію Сперанскаго — ранѣе наши юристы учились только римскому праву), улучшенъ былъ личный составъ сенатской канцеляріи, преобразованы коммерческіе суды

и изданъ уставъ торговаго судопроизводства, сдѣланы даже кое-какія ограниченія произвола помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ. Въ 1836 г. Дашковъ испросилъ Высочайшее повелѣніе и на полный пересмотръ нашего судопроизводства.

Исполненіе законодательныхъ предположеній Дашкова выпало на долю Д. П. Блудова. Блудовъ оставилъ репутацію одного изъ благонамѣреннѣйшихъ, гуманныхъ и просвѣщеннѣйшихъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, онъ былъ также большимъ патріотомъ, но у него недоставало совершенно характера, въ чемъ упрекалъ его даже Николай I, какъ извѣстно, не очень любившій людей независимыхъ. Въ должности министра юстиціи Блудовъ оставался всего нѣсколько мѣсяцевъ, съ февраля по ноябрь 1839 г., почему ничѣмъ и не могъ ознаменовать себя, но онъ оказалъ незабвенныя услуги нашему правосудію по званію главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи.

Замѣстившій Блудова гр. В. Н. Панинъ оставался на своемъ посту до 1862 г. Дѣятельность его еще у всѣхъ въ памяти. Гр. Панинъ не могъ пожаловаться, какъ Блудовъ, на отсутствіе характера; послѣдній граничилъ у него съ самодурствомъ, хорошо описаннымъ въ воспоминаніяхъ Колмакова и др. лицъ. Аристократъ не только по титулу, но и по убѣжденіямъ, онъ смотрѣлъ на подчиненныхъ, какъ на низшую породу людей, и своею недоступностью сталъ очень непопуляренъ въ обществѣ.

Человѣкъ отлично образованный, гр. Панинъ былъ однако необыкновенно упрямымъ консерваторомъ по своему вѣдомству, уступая только повелѣніямъ монарховъ, передъ которыми благоговѣлъ. Нѣкоторыя странности его доходили до причудъ: такъ никогда не мѣнялъ онъ своихъ резолюцій, хотя бы нелѣпость ихъ ему самому была очевидна. Въ дѣйствительности онъ не имѣлъ твердыхъ принциповъ, ибо, являясь столько лѣтъ реакціономъ и крѣпостникомъ и защитникомъ строгихъ тѣлесныхъ наказаній, онъ въ Редакціонной комиссіи скорѣе дѣйствовалъ либерально, а въ Государственномъ Совѣтѣ выступалъ горячимъ защитникомъ суда присяжныхъ и противникомъ классическаго образованія, хотя превосходно зналъ древніе языки, не то, что графъ Толстой, защищавшій пользу древнихъ языковъ, не зная ни одного изъ нихъ*).

*) По поводу этой фразы г. Стремоуховъ написалъ въ «Новомъ Времени» письмо, очевидно, не совсѣмъ вѣрно понявъ мой отзывъ о гр. Д. А. Толстомъ, что послѣдній не зналъ древнихъ языковъ. Толстой могъ учиться, какъ и другіе, въ школѣ латыни, но это не значитъ еще знать языкъ. И я былъ въ гимназіи, учился латинскому языку, но все-таки его не знаю. Мало ли чему учатъ у насъ въ школахъ. Г. Стремоуховъ основываетъ свое утвержденіе на «настойчивости» и упорномъ характерѣ покойнаго министра», я же основывался на словахъ гр. Панина, который въ Государственномъ Совѣтѣ сказалъ, возражая Толстому во время преній о классическомъ образованіи, что онъ одинъ (т. е. Панинъ), кажется, знаетъ въ этомъ собраніи древніе языки, знаетъ ихъ трудность и то, что они вовсе не развиваютъ умственныхъ способностей. На это Толстой, послѣ ироническаго перерыва, замѣтилъ, что онъ выучился греческому языку въ

Ревностный къ своей власти, Панинъ избѣгалъ назначеній къ себѣ товарищей и выбралъ въ таковые Илличевскаго только по высокому росту! Въ его отсутствіе управленіе министерствомъ поручалось часто постороннимъ вѣдомству лицамъ. По этому поводу любопытенъ слѣдующій случай, описанный въ исторіи министерства. Управляющій министерствомъ Лонгиновъ, представляя на должность Шипова, упомянулъ, что великая княгиня Ольга Николаевна также ходатайствовала за послѣдняго. На этомъ представленіи Николай I положилъ слѣдующую резолюцію: «Я жену и дѣтей душевно люблю, но никогда не дозволяю имъ просить ни меня, ни еще болѣе другихъ о дѣлахъ, подлежащихъ служебному порядку. Ежели вы считаете г. Шипова полезнымъ для этого мѣста, то могли о томъ представить прямо; но говорить о личной просьбѣ Ольги Николаевны и неприлично, и совершенно излишне».

Другая замѣчательная резолюція Николая I была положена по дѣлу о безпорядкахъ въ С.-Петербург-

---

самое короткое время, едва ли не въ три мѣсяца. Графъ Панинъ весьма тонко отвѣтилъ, что это свидѣтельствуетъ только о необыкновенно блестящихъ способностяхъ графа Дмитрія Андреевича.

Правъ былъ, очевидно, гр. Панинъ. Основательно знающихъ древніе языки у насъ такъ мало въ Россіи, а особенно было въ 60-хъ годахъ, что для преподаванія этихъ языковъ пришлось выписывать изъ-за границы чеховъ. Людей, въ родѣ гр. Олсуфьева, который, будучи гусаромъ, выказалъ себя блестящимъ латинистомъ, можно въ Россіи пересчитать по пальцамъ.

скомъ надворномъ судѣ, гдѣ члены были оставлены для окончанія дѣлъ, затѣмъ имъ было прекращено содержаніе, а они все дѣлъ четыре года не оканчивали. По ревизіи Шереметева оказалось, что члены суда (часть ихъ умерла) и безъ жалованья прекрасно жили взятками, дѣлъ кромѣ «интересныхъ» не разсматривали, а сваливали въ кучу, и нельзя было дознаться, кому принадлежали лежавшія въ судѣ 650,000 руб. Государь на докладѣ по этому дѣлу написалъ: «Неслыханный срамъ; безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ не извинительна. Мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами Моими и Мнѣ оставаться неизвѣстнымъ».

Наконецъ резолюція государя по безконечному дѣлу замосковныхъ горнозаводчиковъ Баташевыхъ: «Надо обратить вниманіе на наше неудовлетворительное отправленіе правосудія» и послужила поводомъ къ судебной реформѣ. Графъ Панинъ для устраненія безпорядковъ дѣлалъ немногое, увеличивая число срочныхъ вѣдомостей и бумажныхъ понужденій, между тѣмъ требовалось коренное преобразованіе правосудія. Во многихъ судахъ всѣ судьи были неграмотны, въ уѣздныхъ засѣтатели исполняли обязанности прислуги и министръ лично разъ видѣлъ, какъ засѣдатель подметалъ полъ въ судѣ.

Взяточничество же такъ развилось, что самъ гр. Панинъ при совершеніи рядной записи въ пользу своей дочери далъ, для ускоренія дѣла, 100 рублей

подлежащему судебному чиновнику черезъ директора департамента Топильскаго. А какъ было искоренить взятки, когда нѣкоторые чиновники въ судахъ получали жалованья менѣе рубля въ мѣсяцъ и даже предсѣдатели судебныхъ палатъ получали всего 1,143 руб. въ годъ, когда рядомъ предсѣдатели казенныхъ палатъ получали по 4,406 руб., да еще требовали отъ откупщиковъ отъ 10 до 30,000 руб. въ годъ.

Кромѣ взяточничества и невѣжества судей, самая организація суда и недостатки законовъ мѣшали правосудію. По дѣлу Шидловскихъ въ VII департаментѣ Сената состоялось 12 противорѣчивыхъ указовъ и 20 лѣтъ по возникновеніи дѣла разрѣшенъ былъ лишь одинъ предварительный вопросъ о предоставленіи ему хода!

А что было въ уголовномъ судопроизводствѣ! Пытка, отмѣненная по закону еще въ 1801 году, въ тюрьмахъ, называвшихся въ Москвѣ «Аскольдовыми могилами», практиковалась, по свидѣтельству мѣстнаго прокурора, а затѣмъ сенатара Ровинскаго, даже въ пятидесятыхъ годахъ. Въ 1855 году былъ высѣченъ плетьми мужъ за убійство жены, которая, какъ оказалось въ Сенатѣ, спокойно проживала въ сосѣднемъ селѣ. Московская палата приговорила трехъ лицъ за ограбленіе дома въ раскольничьемъ селеніи; такъ какъ судъ принялъ вопреки 217 ст. XV т. св. зак. свидѣтельство раскольниковъ, то грабителей Сенатъ приказалъ отъ суда освободить, а производившаго слѣдствіе станового пристава предать уголовному суду!

Такіе порядки продолжаться, конечно, не могли. Еще въ 1826 г. Балугьянскій подалъ записку о необходимости улучшенія правосудія, обратившую вниманіе Николая I. Гр. Блудовъ старался хотя отчасти исправить «прогнившее насквозь зданіе правосудія», но гр. Панинъ находилъ проекты Блудова слишкомъ радикальными и тормозилъ всячески судебныя преобразованія. Единственно, въ чемъ онъ уступилъ, это въ отдѣленіи обязанности слѣдователей отъ полиціи.

Судебная реформа, какъ извѣстно, была проведена помимо министерства юстиціи, особой комиссіей Буткова при Государственномъ Совѣтѣ; въ Государственномъ Совѣтѣ возникла и другая популярная реформа: отмѣна или, точнѣе, смягченіе тѣлесныхъ наказаній. Иниціаторомъ реформы былъ кн. Н. А. Орловъ, сторонниками ея явились великій князь Константинъ Николаевичъ, графы Милютинъ и Валуевъ и князь В. А. Долгорукій, а противниками гр. Панинъ, Анненковъ и митрополитъ Филаретъ. Надобно, впрочемъ прибавить, что возражали реформѣ не столько по существу, сколько ссылаясь на крайнюю неудовлетворительность нашихъ тюремъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что уже съ февраля 1860 г. гр. Панинъ почти не занимался своимъ министерствомъ; послѣднимъ вѣдалъ товарищъ министра Д. Н. Замятнинъ, сдѣлавшійся министромъ юстиціи въ 1862 г. Замятнинъ еще въ молодости обратилъ на себя вниманіе по раскрытію злоупотребленій въ департаментѣ герольдіи. Уступая гр. Панину въ способностяхъ, За-

мятнинъ отличался мягкостью и доброжелательнымъ характеромъ. Онъ игралъ, какъ видно изъ разбираемаго очерка, весьма видную роль въ примѣненіи судебной реформы Александра II на практикѣ, въ чемъ ему помогалъ его товарищъ, прекрасный юристъ и человѣкъ, Н. И. Стояновскій. Замятнинъ настоялъ однако на постепенномъ введеніи реформы и, боясь ошибокъ въ выборѣ лицъ, хотѣлъ было даже отмѣнить на первые три года несмѣняемость судей, но Государственный Совѣтъ, весьма тогда либерально настроенный, отклонилъ послѣднее предположеніе.

Судебная реформа встрѣчена была съ необыкновеннымъ сочувствіемъ и обществомъ, и печатью. Ее долго только восхваляли, хотя въ высшихъ сферахъ уже въ 1867 г. рѣшеніе нѣкоторыхъ судовъ вызвало крайнее неудовольствіе, заставившее Замятнина оставить свою должность.

Реформа, конечно, была большимъ шагомъ впередъ, хотя зоилы и утверждали, что главный сотрудникъ Буткова Зарудный, который, кстати сказать, по образованію былъ астрономъ, а не юристъ, перевелъ судебные уставы съ итальянскаго, а именно съ сардинскаго кодекса. Но что реформа была далека отъ совершенства, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова нынѣшняго министра юстиціи Н. В. Муравьева во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1894 года: «мнѣ не предстоитъ надобности подробно останавливаться на доказательствахъ того, что настоящее положеніе судебной части во многомъ неудовлетворительно» Реформа

1864 г. имѣла и отрицательную сторону, а именно: несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ ея началъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта. Господствовавшее въ то время общее увлеченіе теоретическими построеніями и западно-европейскими образцами не осталось безъ вліянія и на составителей судебныхъ уставовъ. Благодаря этому вліянію, Россія получила весьма стройный процессуальный кодексъ, вполнѣ пригодный для дѣйствія въ любомъ государствѣ Западной Европы, но недостаточно приспособленный къ условіямъ нашего отечества съ его историческимъ складомъ, огромными пространствами и сравнительно рѣдкимъ населеніемъ, стоящимъ на далеко неодинаковой степени развитія... Позволительно полагать, что въ моментъ изданія судебныхъ уставовъ значеніе нововведеній было не вполнѣ ясно даже и для самихъ правительственныхъ сферъ. Но по мѣрѣ соприкосновенія реформы съ жизнью, разладъ между новымъ закономъ и требованіями дѣйствительности стали обнаруживаться все съ большею и большею очевидностью»...

На исправленіе, или реформу реформы, и направилась дѣятельность слѣдующихъ министровъ юстиціи.

II.

Для устраненія «разлада между новыми судебными уставами и требованіями дѣйствительности», Замятнина замѣнилъ въ 1867 г. считавшійся болѣе кон-

сервативнымъ князь С. Н. Урусовъ, но онъ пробылъ временно-управляющимъ въ министерствѣ не болѣе полугода и уступилъ мѣсто гр. К. И. Палену, остававшемуся въ должности почти одиннадцать лѣтъ.

До назначенія своего товарищемъ министра юстиціи гр. Паленъ никакого отношенія къ судебному вѣдомству не имѣлъ. Это обстоятельство, нѣмецкій акцентъ и предположеніе, что онъ только орудіе тогда всесильнаго гр. Шувалова сдѣлала Палена довольно непопулярнымъ, хотя въ дѣйствительности это былъ честнѣйшій человѣкъ и благонамѣреннѣйшій государственный дѣятель.

При немъ судебная реформа была распространена на значительное пространство въ Россіи организаціею одесской, казанской и саратовской судебныхъ палатъ. Она была введена даже на Дону и на Кавказѣ. Но когда зашла рѣчь о введеніи реформы въ Западномъ краѣ, произошло столкновеніе. Гр. Паленъ, опираясь на Рейтерна, хотѣлъ ввести тамъ мировыя учрежденія цѣликомъ, Тимашевъ же требовалъ существенныхъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ. Государственный Совѣтъ принялъ проектъ гр. Палена съ незначительными измѣненіями. Предположеніе о введеніи судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ привело по вопросу о компетенціи гминныхъ судовъ къ столкновенію съ Набоковымъ, тогда статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго; Государственный Совѣтъ присоединился при этомъ скорѣе къ мнѣнію послѣдняго, какъ болѣе соотвѣтствовавшему задуман-

ной руссификаціи края. Относительно предоставленія евреямъ права быть присяжными засѣдателями гр. Паленъ былъ противъ всякихъ ограниченій, но Государственный Совѣтъ нашелъ, что число евреевъ присяжныхъ должно быть пропорціонально общему числу евреевъ въ уѣздахъ. Гр. Паленъ защищалъ также постоянно судъ присяжныхъ; передача по его настоянію суду дѣла Засуличъ и была причиною увольненія графа послѣ неожиданнаго оправданія и особенно бѣгства послѣдней.

Между мѣрами консервативнаго характера, измѣнявшими судебные уставы, надобно указать: на пріостановленіе назначенія на должность судебныхъ слѣдователей и замѣну ихъ смѣняемыми чиновниками; на передачу въ 1872 г. политическихъ дѣлъ исключительно Сенату, что продолжалось впрочемъ только до 1878 г., когда дѣла эти опять перешли въ палаты, причемъ въ Государственномъ Совѣтѣ возникли любопытныя пренія: слѣдуетъ ли дополнять палаты въ такомъ случаѣ сословными представителями? Большинство Совѣта признало невозможнымъ простирать слишкомъ далеко опасенія, возбуждаемыя участіемъ на судѣ общественныхъ элементовъ. Гр. Паленъ пріостановилъ также учрежденіе новыхъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ потому, что дѣятельность адвокатовъ кромѣ столицы и большихъ городовъ, «въ виду крайне низкаго нравственнаго и умственнаго уровня, возбуждала повсемѣстно справедливыя жалобы и нареканія».

Судебная реформа расплодила адвокатовъ, увеличивъ число процессовъ. Въ 1865 г. процессовъ было во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ только 700,000, а въ 1878 г. они превысили уже два милліона. Гр. Паленъ, въ виду обремененія отъ того кассаціоннаго Сената дѣлами, предлагалъ раздѣлить кассаціонныя инстанціи, установивъ особыя губернскія присутствія для кассаціи по мировымъ судамъ. Государственный Совѣтъ отвергъ это раздвоеніе кассаціи, но призналъ возможнымъ на усиленіе кассаціоннаго Сената отпустить около 250,000 руб. При этомъ Совѣтъ выразилъ убѣжденіе, что «столь щедрое воспособленіе останется въ лѣтописяхъ отечественнаго законодательства краснорѣчивымъ доказательствомъ того уваженія, съ которымъ русское правительство относится къ дѣлу отправленія правосудія». Эта тирада покажется странною теперь, когда постройка какого-нибудь зданія для техническаго училища поглощаетъ десятки милліоновъ и никто въ этой суммѣ не видитъ ничего необычайнаго для нашего бюджета. Для облегченія кассаціоннаго Сената, рядомъ съ послѣднимъ было учреждено высшее дисциплинарное присутствіе, окончательно организованое уже слѣдующимъ министромъ.

Уволенъ былъ гр. Паленъ 30-го мая 1878 г. и замѣненъ Д. Н. Набоковымъ, близкимъ къ кружку великаго князя Константина Николаевича и обратившимъ на себя вниманіе въ дѣлахъ польскихъ.

Вопреки ожиданіямъ, управленіе Набокова было скорѣе въ либеральномъ духѣ, хотя болѣзненность и

вялость характера не дозволили съ достаточною ясностью обрисовываться намѣреніямъ этого министра. Судебные уставы были распространены на Западный край и сдѣлана первая попытка къ введенію уставовъ въ Прибалтійскомъ краѣ,—попытка, не приведшая, впрочемъ, ни къ какому результату. Начались также приготовленія къ реформѣ суда въ Туркестанѣ, улучшенъ порядокъ составленія списковъ присяжныхъ, отмѣнена публичность смертной казни, измѣнены штаты судебныхъ учрежденій, учреждена эмеритальная касса и дано право министру юстиціи отъ чиновъ своего вѣдомства требовать объясненія и давать симъ чинамъ указанія. При Набоковѣ же учреждены большія комиссіи для пересмотра нашихъ гражданскаго и уголовнаго уложеній. Черезъ руки Набокова прошелъ и знаменитый манифестъ 29-го мая 1881 г., хотя онъ въ составленіи его участія не принималъ.

Въ 1885 г., по болѣзненному состоянію, Набоковъ уступилъ мѣсто Н. А. Манасеину, обратившему уже ранѣе вниманіе своими энергіею и настойчивостью, особенно ревизіей Прибалтійскаго края, положившей начало прочной руссификаціи этой полуавтономной до того области.

Манасеинъ, татарскаго, какъ и другой энергичный министръ юстиціи Державинъ, происхожденія, былъ серьезнымъ, практическимъ юристомъ. Онъ провелъ преобразованіе судебной части въ Прибалтійскомъ краѣ менѣе чѣмъ въ два года—задача ог-

ромная, ибо дѣло было очень сложное: на мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ, кромѣ судебныхъ функцій, лежали и обязанности административныя, сословныя, полицейскія, опекунскія и по надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Кромѣ Прибалтійскихъ губерній судебные уставы 1864 г. были введены въ губерніяхъ Олонецкой, Оренбургской, Уфимской, Астраханской, а мировыя учрежденія въ Архангельской губерніи, въ Туркестанѣ и степныхъ областяхъ.

Особенное свое вниманіе Манасеинъ обратилъ на упорядоченіе суда присяжныхъ, которые, по мнѣнію министра, исполняли удовлетворительно свои обязанности, когда дѣло шло лишь о простѣйшихъ по своей обстановкѣ преступленіяхъ. Кромѣ мѣръ къ улучшенію состава присяжныхъ, причемъ Государственный Совѣтъ вновь призналъ «достоинство этой формы суда, обезпечивающей независимость и нелицепріятіе судебныхъ приговоровъ», изъ компетенціи присяжныхъ были изъяты всѣ дѣла противъ порядка управленій и должностныхъ лицъ. Были изъяты и дѣла о многобрачіи, ибо, по заявленію оберъ-прокурора Св. Синода, по дѣламъ о многобрачіи «присяжные засѣдатели выносили оправдательные приговоры даже въ тѣхъ случаяхъ, когда наличность преступленія не подлежала сомнѣнію и не отвергалась самимъ обвиняемымъ». Наши присяжные наивно, вѣроятно, полагали, что имѣть нѣсколько женъ само по себѣ уже составляетъ достаточное наказаніе для виновнаго. Государственный Совѣтъ оставилъ однако въ вѣдѣніи

присяжныхъ всѣ дѣла о малолѣтнихъ и несовершенолѣтнихъ преступникахъ, какъ крайне несложныя.

Другою весьма важною поправкою къ судебнымъ уставамъ, сдѣланной Манасеинымъ, было ограниченіе публичности суда. Вопросъ этотъ возбудилъ въ Государственномъ Совѣтѣ разномысліе: большинство членовъ не находило основанія, какъ оно выражалось, къ замѣнѣ «суда гласнаго по закону судомъ гласнымъ по усмотрѣнію министра» и полагало право закрытія дверей судебнаго засѣданія предоставлять каждый разъ общему присутствію Сената. Утверждено въ 1887 г. было мнѣніе меньшинства Совѣта, согласное съ Манасеинымъ. Послѣдній сдѣлалъ много и другихъ частныхъ поправокъ въ уставахъ 1864 г. и между прочимъ въ 1888 г. внесъ проектъ объ установленіи предѣльнаго возраста для судебныхъ чиновъ, мысль о коемъ была и у составителей судебныхъ уставовъ. Проектъ дальнѣйшаго движенія не получилъ.

Изъ изложеннаго видно, что Манасеинъ по своей дѣятельности можетъ быть отнесенъ скорѣе къ числу дѣятелей реакціоннаго направленія. И ему однако пришлось выступить защитникомъ цѣлостности судебныхъ уставовъ, а именно по вопросу, поднятому гр. Толстымъ, по мысли Пазухина, о замѣнѣ выборныхъ земствомъ мировыхъ судей въ уѣздахъ земскими начальниками, похожими на англійскихъ мировыхъ судей прежняго времени, соединявшихъ въ себѣ земство, сельскій судъ и полицію и назначавшихся правительствомъ. Реформа эта вытекала изъ необходи-

мости упорядочить крестьянское самоуправленіе, совершенно расшатанное двадцатилѣтней практикой.

Вопросъ, какъ извѣстно, возбудилъ страстную полемику и въ обществѣ, и въ печати, и въ Государственномъ Совѣтѣ возникли разногласія. Большинство Совѣта полагало земскихъ начальниковъ сдѣлать только органами крестьянскаго управленія, меньшинство же раздѣляло мысль, впервые высказанную Вышнеградскимъ, что если земскіе начальники не могутъ играть той же роли, что бывшіе мировые посредники, то необходимо замѣнить ими и мировой институтъ. Вопреки мнѣнію министра юстиціи, Александръ III 28-го января 1889 г. положилъ извѣстную резолюцію: «Соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ, желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены, для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей... Во всякомъ случаѣ непремѣнно желаю, чтобы эти измѣненія не помѣшали окончанію разсмотрѣнія проекта до лѣтнихъ вакацій».

Послѣ такого категорическаго повелѣнія оставалось только выработать поскорѣе компромиссъ между требованіями министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Это было сдѣлано новымъ закономъ 29-го декабря 1889 г., причемъ Манасеину въ Государственномъ Совѣтѣ пришлось сдѣлать новыя уступки, нарушавшія, по его мнѣнію, единство судебныхъ уставовъ. Къ числу мѣропріятій, состоявшихся при Манасеинѣ, слѣдуетъ упомянуть еще объ изданіи пра-

вилъ объ узаконеніи и усыновленіи, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ и о преобразованіи министерства юстиціи въ два департамента.

1-го января 1894 г. Манасеинъ былъ замѣненъ Н. В. Муравьевымъ, имѣвшимъ репутацію одного изъ краснорѣчивѣйшихъ нашихъ прокуроровъ. Новому министру предстояло съ одной стороны докончить распространеніе судебной реформы на всю имперію, съ другой стороны исправить и усовершенствовать судебные уставы, а равно гражданское и уголовное законодательства. Первая часть задачи уже исполнена, вторая продолжается.

Прежде всего слѣдовало заняться переустройствомъ судовъ въ Сибири, и административные отчеты и ревизіи представляли тамъ дѣло въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ 1880 г. члены одного сибирскаго судебнаго учрежденія были заподозрѣны въ кражѣ въ зданіи суда! Еще Александръ III на одномъ изъ отчетовъ написалъ: «Долженъ съ грустью и стыдомъ сознаться, что правительство до сихъ поръ ничего еще не сдѣлало для удовлетворенія надобностей этого богатаго, но запущеннаго края. А пора! Давно пора!». На докладѣ о внесеніи проекта реформы въ Сибири въ Государственный Совѣтъ, въ 1895 году, нынѣ благополучно царствующій Государь положилъ резолюцію: «Дай Богъ, чтобы Сибирь получила столь необходимое ей правосудіе наравнѣ съ остальной Россіей».

При обсужденіи реформы въ Государственномъ Совѣтѣ возбудился вопросъ, не слѣдуетъ ли ввести въ

Сибири земскихъ начальниковъ. Министръ юстиціи рѣшительно возсталъ противъ этого, въ виду отсутствія въ Сибири интеллигентнаго землевладѣнія, и высказалъ между прочимъ справедливую мысль, что «близкая къ народу власть не тѣмъ полезна и сильна, какой мундиръ на ея носителѣ, и не тѣмъ, что она въ широкихъ размѣрахъ можетъ все: и распоряжаться, и рѣшать, и пресѣкать, и наказывать, а тѣмъ, что точно опредѣленныя ей обязанности дѣйствительно выполнены въ предѣлахъ средней человѣческой возможности, что она внушаетъ общее къ себѣ довѣріе, что распоряженія ея разумны, законномѣрны и небезконтрольны».

Сибирская реформа была распространена и на Туркестанъ. На предварительномъ о семъ докладѣ въ 1897 г. государь императоръ написалъ: «Буду счастливъ, когда наша матушка Россія станетъ благоустроенною, по крайней мѣрѣ *въ правосудіи*—скоромъ, безпристрастномъ и близкомъ народу почти по всей ея необъятной площади». Еще Александръ III обратилъ вниманіе на существующіе вообще недостатки нашего судебнаго устройства и на упомянутомъ въ предыдущей статьѣ докладѣ министра юстиціи въ 1894 года о необходимости коренного пересмотра судебныхъ уставовъ написалъ памятную резолюцію. «Твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра новыхъ судебныхъ уставовъ, чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи. И такъ съ Божьею помощью начинайте эту трудную работу».

Пересмотръ уставовъ 1864 г. былъ завершонъ къ концу 1899 г. и въ декабрѣ 1901 г. проектъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ.

Независимо отъ этого была введена несмѣняемость судей въ Царствѣ Польскомъ и Кавказскомъ краѣ и увеличены штаты судебныхъ мѣстъ по числу должностей и по размѣрамъ окладовъ. Мѣра эта встрѣтила первоначально возраженія со стороны финансоваго вѣдомства, которое доказывало, что противъ существовавшаго въ 1898 г. асигнованія свыше 29 мил. руб., суммы на министерство юстиціи могли бы быть увеличены не иначе, какъ въ связи съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ судебныхъ доходовъ. Министерство юстиціи разъяснило, что судебный доходъ въ 1897 г. превысилъ 17 мил. руб., да сверхъ того при участіи лицъ судебнаго вѣдомства поступаетъ ежегодно пошлинъ гербовыхъ и съ безмезднаго перехода имуществъ до 34 мил. руб.

Заслуживаетъ упоминанія также въ числѣ многихъ другихъ улучшеній въ законодательствѣ, сдѣланныхъ при нынѣшнемъ министрѣ юстиціи, законъ объ измѣненіи наказуемости и судопроизводствѣ о несовершеннолѣтнихъ. На этотъ предметъ обратилъ вниманіе еще въ 1893 г. Александръ III отмѣткою по дѣлу Евгенія Жвана: «Какимъ образомъ мальчика присудили Сибирь? Это пропащій человѣкъ въ такомъ случаѣ». Одновременно съ новыми судебными уставами внесено въ Государственный Совѣтъ и новое уголовное уложеніе и пересмотрѣнный уставъ о служебныхъ про-

винностяхъ. Въ новомъ уголовномъ уложеніи, по словамъ разбираемаго очерка, приняты за основанія слова указа 11-го марта 1754 г., что необходимо «всѣхъ» тѣхъ, кои въ преступленіе впадаютъ обратно, къ чистому раскаянію больше милостью и надлежащимъ розысканіемъ къ прошедшимъ въ разныя времена околичностямъ, нежели строгостями и притязаніями».

Что слова эти цѣлые вѣка оставались одною фразой, доказываетъ неустройство тюремной части, также съ 1895 года входящей въ составъ министерства юстиціи. За это короткое сравнительно время министерствомъ кое-что сдѣлано для улучшенія тюремъ, самою же важною заслугою оно считаетъ отмѣну въ 1900 г. ссылки. Ссылка у насъ стала номинальнымъ наказаніемъ. Изъ трехсотъ-тысячнаго наличнаго ссыльнаго населенія Сибири двѣ трети постоянно находились въ бѣгахъ, а не бѣжали только тѣ, которые не могли уйти по дряхлости и болѣзни. Ссыльные, доставлявшіеся до Иркутска за строгимъ конвоемъ, далѣе препровождались земскою полиціею; если случалась рабочая пора, то ссыльныхъ конвоировали въ мѣста жительства бабы! Самое удивительное, что при такихъ патріархальныхъ порядкахъ многіе ссыльные все-таки достигали своего назначенія.

Отмѣна ссылки прошла не безъ разногласія. Значительное меньшинство членовъ въ Государственномъ Совѣтѣ находило, что отмѣна ссылки невозможна безъ переустройства мѣстъ заключенія. Большинство приняло заявленіе министра юстиціи, что при не-

большихъ затратахъ не встрѣтится недостатка въ мѣстахъ заключенія, тѣмъ болѣе, что съ числомъ ссыльныхъ уменьшится и число каторжныхъ, въ которые поступали ссыльные и за незначительныя даже преступленія. Въ Государственномъ Совѣтѣ при этомъ поднятъ былъ вопросъ о совершенной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ, но большинство справедливо возражало, что въ такомъ случаѣ крестьяне-преступники пользовались бы привилегіей противъ крестьянъ, не совершившихъ никакихъ уголовныхъ преступленій.

По сему поводу я не могу не обратить вниманія на быстроту, съ которой измѣнились у насъ взгляды на тѣлесное наказаніе. Наиболѣе случаевъ примѣненія и наиболѣе жестокія наказанія были въ Россіи не въ старину, а при Петрѣ, колотившемъ и своихъ приближенныхъ, «что не можетъ быть въ нашемъ обычаѣ», говорилъ кн. Щербатовъ. Теперь у насъ плети не примѣняются даже къ каторжнымъ, почему убійцы-рецидивисты изъ сосланныхъ безсрочно остаются вовсе безъ наказанія; между тѣмъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ розги, напримѣръ, считались только дѣтскимъ наказаніемъ: кнутомъ сѣкли за накопленіе навоза, за работу въ воскресные дни и т. п. Въ XVIII столѣтіи давали до 400 ударовъ кнута и окончательно кнутъ отмѣненъ былъ только въ 1845 г., хотя Государственный Совѣтъ еще въ 1824 г. постановилъ объ его отмѣнѣ. Плетьми въ XVIII столѣтіи сѣкли даже архіереевъ, впрочемъ и во Франціи

еще въ 1778 г. адвокатъ Сервенъ называлъ плеть «отеческимъ поученіемъ». По закону 1799 г., плети полагались въ Россіи за кражу свыше 20 р. Въ войскахъ палка, которой, по изреченію Фридриха Великаго, «солдаты должны бояться болѣе, чѣмъ пули непріятеля», сохранялась у насъ до 1863 г. Даже по уставу 1859 г. нормальное число шпицрутеновъ было 6,000 и болѣе «при явной дерзости противъ начальства»; въ дѣйствительности съ 1834 г. болѣе 3,000 палокъ, по секретному распоряженію Николая I, не давалось.

Надобно имѣть въ виду, что до Свода Законовъ 1832 г. число ударовъ кнута или плетей въ судебныхъ приговорахъ точно не обозначалось, а предоставлялось вкусу исполнителей. Въ Сводъ было включено требованіе, чтобы число ударовъ точно обозначалось, и только въ уложеніи 1845 г. былъ назначенъ максимальный предѣлъ 100 плетей. Рваніе ноздрей уничтожено лишь въ 1817 г. Какъ все прежде было просто, видно изъ того, что до 1788 г. ради сбереженія расходовъ для сѣченія кнутомъ не было даже деревянныхъ «кобылъ», а преступниковъ взваливали на плечи первыхъ попавшихся на улицѣ «изъ подлыхъ людей».

Въ вѣдѣніи министерства юстиціи находится еще одна очень важная часть государственнаго управленія—межевая. По сознанію самого министерства, часть эта, съ 1842 по 1862 г., при существованіи *особаго* межевого корпуса, подчиненная знаменитому

гр. М. Н. Муравьеву и затѣмъ П. Н. Гедеонову, отъ министерства почти не зависѣвшая, находится въ неудовлетворительномъ положеніи. На всемъ движеніи межевого законодательства отразилась неустойчивость положеній и крайнее различіе во взглядахъ на суть межеванія и компетенцію межевыхъ установленій. Въ особенности не отвѣтили ожиданіямъ узаконенія, изданныя для спеціальнаго межеванія; новый межевой уставъ, внесенный въ Государственный Совѣтъ еще въ 1894 г., остается неразсмотрѣннымъ. Самое устройство межевыхъ учрежденій лишено стройности и представляетъ обломки учрежденій XVIII столѣтія, причемъ содержаніе служащихъ вовсе не соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ.

По русскимъ условіямъ расходъ по межевой части надобы бы удесятерить, ибо безъ хорошей организаціи межеванія невозможны ни введеніе ипотеки, ни серьезный поземельный налогъ, основанный на кадастрѣ, ни переустройство общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, ни переселенческое дѣло.

Историческій очеркъ указываетъ въ заключеніе, что, входя въ нужды и потребности судебныхъ чиновъ, министерство юстиціи выработало имъ новую форменную одежду, очень будто бы удобную, и учредило благотворительное общество судебнаго вѣдомства, гдѣ предсѣдательствуетъ съ основанія Е. И. Муравьева.

КАЛЕНДАРЬ ВАЖНѢЙШИХЪ СОБЫТІЙ НА 1903 ГОДЪ.

По предсказаніямъ одного старца, живущаго на пенсіи у подножья горы Монмартрской.

Январь.

3. 200-лѣтній юбилей появленія первой русской газеты, издававшейся Монастырскимъ приказомъ. Литераторы провели этотъ день довольно постно «въ мечтаніяхъ о лучшихъ временахъ», согласно совѣту «Русскихъ Вѣдомостей», отъ чего никакихъ дракъ и увѣчій не было.

8. Пріѣхалъ бельгіецъ помѣщать капиталы въ русскія металлургическія предпріятія. Заподозрѣнный въ поврежденіи разсудка, былъ препровожденъ, при содѣйствіи консула, на 11-ю версту.

10. Обирало-Надувательскій земельно-торгово-предпринимательскій банкъ вылетѣлъ въ трубу. Вмѣсто денегъ въ кассѣ найдены любовныя письма шестидесятилѣтней опереточной дивы Вѣры Залихватской съ *бланками* вице-директора департамента Взиманій и

проведеній. Акціонеры едва ли получатъ обратно свои капиталы.

13. Въ городѣ Истуканѣ закончился процессъ-монстръ. Господа присяжные, пораженные краснорѣчіемъ адвокатовъ Брехаки и Вракочевскаго, вынесли обвинительный приговоръ предсѣдателю суда и прокурору, а виновнаго въ убійствѣ представили ко Владиміру 4-й степени! Пораженная публика аплодировала, плакала и обнималась. По недоразумѣнію, цѣловали даже старыхъ дамъ.

27. Учреждено новое министерство женскихъ дѣлъ, раздѣленное на три департамента: 1) высшихъ наукъ и корсета, 2) эмансипаціи и адюльтера и 3) косметическихъ средствъ. При министерствѣ состоятъ: парикмахерская, комитетъ по бракоразводнымъ дѣламъ и три инспектрисы чистки ногтей. Всѣ должности заняты женщинами, но для топки печей приглашенъ Елисаветъ Воробей. Бабы новому министерству не подчинены, имъ предоставлено по прежнему вѣдаться обычнымъ бабьимъ правомъ.

31. Гласный Веретенниковъ внесъ въ петербургскую думу предложеніе о починкѣ хозяйственнымъ способомъ окна, прорубленнаго Петромъ въ Европу. По тщательнымъ поискамъ думскаго экзекутора, знаменитаго окна не отыскалось, или его чѣмъ-то заткнули.

Февраль.

1. Евреямъ дано право жить повсемѣстно. Евреи этой привилегіей не воспользовались, ибо оказалось, что они и безъ того живутъ повсемѣстно и получаютъ хорошіе проценты.

5. Русскіе люди подали прошеніе о правѣ жить повсемѣстно на правахъ евреевъ, т.-е. о правѣ уйти изъ своихъ общинъ. Учреждено для разсмотрѣнія просьбы четыре присутствія, два комитета и одно совѣщаніе.

8. Закрылся конкурсъ на постоянный мостъ на Васильевскій островъ; дума рѣшила построить два моста, одинъ туда, другой обратно, но исполненіе поручила шести комиссіямъ, которыя соберутся въ 1975 году.

9. По случаю масляницы, чиновники загуляли и директоръ департамента Плача и скрежета зубовнаго, сочинившій 780 законодательныхъ проектовъ о благополучіи Россіи, не могъ найти писца, который былъ бы въ силахъ переписать хоть одинъ изъ этихъ проектовъ.

12. Въ Объегорьевско-Шоссейномъ клубѣ старшины обыграли въ макао пріѣхавшихъ съ Дальняго Востока опытнѣйшихъ шулеровъ.

19. Мѣстнымъ земскимъ начальникомъ открыта среди киргизовъ Букѣевской орды подписка на памятникъ Шопенгауэру.

27. Одинъ метафизикъ, пытаясь разгадать смыслъ *примѣненія* нѣкоторыхъ статей гербового и промы-

словаго обложенія, упалъ съ Полицейскаго моста въ Мойку, откуда былъ вытащенъ окрашенный въ удивительно красивый оранжевый цвѣтъ. Принятый за представителя Оранжевой республики, онъ съ торжествомъ былъ отведенъ къ пастору голландской церкви.

Мартъ.

2. Въ городскомъ управленіи города Невылазнаго одна и та же постройка сдана одновременно, но по проектамъ двухъ разныхъ архитекторовъ и по двумъ разнымъ смѣтамъ одному и тому же подрядчику, что случалось ранѣе только въ с.-петербургской управѣ.

7. Жители Колы просили объ устройствѣ у нихъ консерваторіи безъ права продажи крѣпкихъ напитковъ.

8. Пріѣхала въ Москву пресловутая англійская свинья, вскормленная даровымъ русскимъ сахаромъ, вывозимымъ кіевскимъ синдикатомъ. По ошибкѣ была принята за члена англійскаго парламента.

13. Выдана привилегія на превращеніе людей, «свято хранящихъ завѣты 60-хъ годовъ», въ акцизныхъ чиновниковъ.

14. Въ городѣ Пропойскѣ, считающемъ 2,000 жителей и 200,000 крысъ, врачи отыскали наконецъ чумного. Аптекаря и дрогисты обмерли отъ восторга. Рѣшено убивать крысъ. Разными новѣйшими гигіеническими способами истреблено около десяти крысъ,

причемъ каждая убитая крыса обошлась въ 45 руб. 73¼ коп. По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ оказалось, что за чумного былъ принятъ по ошибкѣ напившійся до полнаго безчувствія комикъ мѣстнаго храма Мельпомены.

18. Одна пятидесятилѣтняя «инженю» съ блестящимъ успѣхомъ сыграла въ пользу инвалидовъ роль десятилѣтней дѣвочки.

Апрѣль.

1. Запрещена на три дня розничная продажа «Туруханскаго Обозрѣнія» за явное сочувствіе къ Венецуэльской республикѣ.

4. Нѣсколько помѣщиковъ «въ изступленіи ума» рѣшились платить недоимки Дворянскому банку. Казначеи послѣдняго, удрученные этимъ извѣстіемъ и необходимостью хранить денежные знаки тамъ, гдѣ была паутина, подали въ отставку.

6. Въ Миргородѣ отыскалось дѣло, которое съѣла свинья во время процесса Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Отыскавшій былъ сдѣланъ докторомъ honoris causa русскаго университета въ Парижѣ, ученые труды котораго тоже, кажется, съѣла свинья, ибо никто изъ смертныхъ ихъ не видалъ.

11. Замосворѣцкое купечество учредило 100 стипендіатовъ при мѣстномъ коммерческомъ судѣ для изученія злостнаго банкротства.

28. Путейцы сочинили проектъ о перенесеніи дѣ-

провскихъ пороговъ на Волгу и волжскихъ перекатовъ на Днѣпръ. Одинъ предварительный и фактическій контроль потребуетъ тысячу лицъ и все въ IV классѣ.

29. Лошади петербургской конки внесли наконецъ вопросъ о недодачѣ имъ овса въ гаагскую конференцію. Знаменитый авторитетъ международнаго права Мартенсъ пишетъ по этому поводу заключеніе, въ которомъ, очевидно, отъ пользованія слишкомъ старыми документами, Петербургъ показанъ еще находящимся въ Швеціи!

Май.

3. Празднованіе двухсотлѣтія основанія Петербурга, хотя по исторической справкѣ оказалось, что городъ давно здѣсь существовалъ и окрестные жители благоденствовали даже болѣе нынѣшняго. Дума послѣ десяти несостоявшихся засѣданій постановила переименовать Петербургъ въ Леляновскъ, Невскій проспектъ— въ улицу Худекова, Большую Морскую — въ улицу Пе-Пе, противъ Троицкаго моста поставить монументъ Кедрину, работы Санъ-Галли, и издать на счетъ автора избранныя сочиненія Стасюлевича.

4. Манчжурская дорога въ третій разъ окончена и даже временно открыта... для передвиженія своихъ строителей.

10. Вейнбергъ праздновалъ юбилей остановки Ноева ковчега на горѣ Араратѣ, причемъ разсказалъ новыя

интересныя подробности объ этомъ событіи въ качествѣ очевидца.

31. Годовщина битвы подъ Калкою; какіе-то потомки Мстислава Удалого, въ очень побочныхъ линіяхъ, пытались по сему поводу получить награды и даже аренды.

18. Какая-то горячая испанка схватила на улицѣ Севильи В. И. Немировича-Данченко и заключила въ очарованномъ замкѣ въ горахъ Андалузіи. На эту тему заказанъ казенный балетъ и декораціи поручено написать вахтеру провіантскаго магазина.

24. По случаю сборовъ на дачу, чиновники стали неакуратно ходить на службу.

27. Посаженныя по улицамъ столицы псевдо-деревья пытались распустить листья, но сейчасъ же, пораженныя безобразіемъ на тротуарахъ, изъ скромности свернулись и осыпались.

Іюнь.

1. По формальному разслѣдованію оказалось, что случай «увоза» былъ не въ Севильи, а въ Ялтѣ, гдѣ московская купчиха увезла татарина и заперла въ отдѣльномъ кабинетѣ въ ресторанѣ въ ожиданіи мужа, который въ это время укатилъ съ гувернанткой въ Ниццу.

2. Учрежденъ комитетъ для сбора всенародной подписки на постановку монумента г-жѣ Вяльцевой на крышѣ Дворянскаго собранія.

7. Введена казенная монополія женскаго молока; ожидается приращеніе доходовъ около миліарда.

8. Ослица Валаама, встрѣтивъ Стасова на Садовой, заревѣла такъ, что даже заглушила голосъ нашего знаменитаго критика.

12. Переѣхавъ на дачи, чиновники перестали ходить на службу, отчего произошли «залежи» входящихъ бумагъ на желѣзныхъ дорогахъ; виновнымъ признанъ одинъ стрѣлочникъ и уволенъ безъ прошенія.

14. Какой-то администраторъ новой формаціи въ ревности о приращеніи государственныхъ доходовъ предложилъ обложить акцизомъ поцѣлуи и газетное вранье. Отказано въ виду изобилія другихъ источниковъ, еще не исчерпанныхъ окончательно. Къ тому же отъ поцѣлуевъ значительный доходъ ожидался только въ мѣстахъ расположенія кавалерійскихъ полковъ.

25. На скачкахъ на Зеленой рѣчкѣ произошло совершенно невѣроятное событіе: пришедшій первымъ жеребецъ «Разбой» графа Ловиворскаго оказался безъ головы, но съ двумя хвостами, а американскій жокей — ярославскимъ половымъ. Тотализаторъ выдалъ на рубль копѣйку.

Іюль.

3. Особая ученая комиссія, учрежденная, кажется, еще Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, опредѣлила наконецъ границу, гдѣ кончается бюрократія и начинается геморой. Президентъ получилъ Нобелевскую

премію и избранъ въ члены аѳинской академіи наукъ.

6. Учреждены высшіе курсы для коровъ съ дипломами, но безъ всякихъ «правъ».

11. Погода, окончательно сбитая съ толку разнообразными предсказаніями разныхъ диллетантовъ метеорологіи, стала дурить: повалилъ снѣгъ, а къ вечеру было 45 градусовъ тепла.

12. Пулковская обсерваторія всенародно объявила, что если и впредь не будутъ слушаться обсерваторіи, то солнце опять начнетъ обращаться вокругъ земли, какъ было до Коперника.

15. Въ гор. Уфѣ открыта школа дальняго мореплаванія. Записалось четыре семинариста виленской епархіи и одинъ пономарь, много плававшій «не мокроступенно» по морю житейскому.

22. Чиновники все не ходятъ на службу; это тѣмъ удобнѣе, что начальство разъѣхалось въ командировки. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ въ Монте-Карло, чтобы узнать, изъ какихъ матеріаловъ приготовляется trente et quarante, другой—въ Парижъ для собранія точныхъ статистическихъ свѣдѣній, много ли было неуплачено за десять лѣтъ по счетамъ кокотокъ и облагаются ли эти счета гербовымъ сборомъ.

31. У нѣкоего храма, строящагося подъ наблюденіемъ комиссіи наблюденій за комиссіей строеній уже сорокъ второй годъ, воры украли колокольню, о чемъ подано заявленіе въ участокъ.

Августъ.

1. Чиновники продолжаютъ отдыхать отъ переутомленія. Нѣкто, зайдя въ департаментъ Долгихъ ожиданій, не нашелъ тамъ даже сторожа Михѣича. И онъ переутомился отъ взиманія двугривенныхъ съ просителей.

5. На островѣ Вайгачѣ открылись земли съ удивительными видами на сѣверный полюсъ и изобиліемъ бѣлыхъ медвѣдей. Немедленно ихъ нарѣзали подъ дачи разныхъ счастливцевъ и подняли вопросъ о соединеніи дачъ питательнымъ путемъ съ курортомъ на полуостровѣ Ялмалъ.

6. Вышло 242-е изданіе сочиненій Максима Горькаго въ количествѣ 111.131,114,111 экземпляровъ.

7. Носились слухи о русскомъ займѣ въ Перу; слухи не оправдались, но тибетскій Далай-Лама успѣлъ прихватить въ Россіи триста рублей на мелкіе расходы.

20. Въ сибирскомъ маслѣ, вывозимомъ въ Лондонъ, химики констатировали присутствіе 182 элементовъ и ни одной капли масла. Этакій техническій «прогрессъ» удивилъ даже американцевъ. У насъ онъ наблюдался только въ отечественномъ винодѣліи, руководимомъ «толковыми» химиками.

29. Вышла новая пониженная аптекарская такса; стклянка воды будетъ стоить пять рублей. Боясь дороговизны лекарствъ, люди, вѣроятно, не станутъ болѣть.

Сентябрь.

1. Въ виду выяснившагося въ устьяхъ Эмбы неурожая, приступлено къ собиранію повсемѣстной статистики о ѣдокахъ и ихъ аппетитѣ. Одно земство по разсѣянности заготовку кукурузы поручило сдѣлать въ Тобольской губерніи.

7. Отмѣненъ законъ, дѣйствительно существующій, что буряты, принимая православную вѣру, пріобрѣтаютъ драгоцѣнное, по мнѣнію кн. Мещерскаго, право быть высѣченными, какового права для идолопоклонниковъ почему-то не существуетъ.

8. Вслѣдствіе заявленія одного журналиста о необходимости принять мѣры къ предупрежденію землетрясеній, разрушившихъ Андижанъ, Медицинскимъ Совѣтомъ разрѣшены къ продажѣ пилюли противъ землетрясеній.

17. Особая комиссія о справедливомъ распредѣленіи земныхъ благъ установила впредь на 10 лѣтъ цѣны: на хлѣбъ для себя 5 коп., для иностранцевъ—3 рубля, за желѣзо—2 коп., за сахаръ—4 коп. и т. д. все за пудъ. Ѣздящіе по желѣзнымъ дорогамъ на близкомъ разстояніи будутъ ѣхать «зайцами», на дальніе получатъ казенные прогоны и рюмку водки.

25. Открылись новые славянскіе братушки внутри Патагоніи, совершенно нагіе; еще не знаютъ, отъ какихъ турецкихъ «звѣрствъ» они страдаютъ, но уже просятъ на чай. Купецъ Сорокапроцентовъ послалъ

ихъ предводителю фальшивый аршинъ въ видѣ почетной сабли.

30. Изъ записокъ врача Вересаева сдѣлана опера и будетъ поставлена въ Лиссабонѣ.

Октябрь.

4. Кавказскіе разбойники образовали синдикатъ и просятъ объ утвержденіи его устава.

5. «Институтъ» старшихъ дворниковъ праздновалъ столѣтіе своего основанія. Полицейскіе участки были всю ночь освѣщены, куда попала не одна «кума». Розданы всѣмъ безплатно портреты Батыя.

8. Въ Русскомъ Собраніи большинствомъ одного голоса рѣшено, что Россія есть русское государство. Голосъ, давшій перевѣсъ, принадлежалъ какому-то тунгузскому врачу.

11. Въ виду выяснившейся настоятельнѣйшей потребности, въ министерствѣ женскихъ дѣлъ увеличены штаты. Елисаветъ Воробей оставленъ за штатомъ, а равно одна оберъ-маникюра, оба съ усиленной пенсіей, но взамѣнъ того устроены еще два новыхъ департамента: 1) сплетень, 2) обложенія мужей и любовниковъ и комитетъ по моднымъ выкройкамъ и акушерству. Заведенъ также обширный архивъ любовныхъ писемъ и прикладной музей женскихъ dessous.

19. За неимѣніемъ знаменитыхъ писателей, въ почетные академики избраны еще два адвоката и одинъ

ветеринаръ. Литераторы Хитрова рынка негодуютъ и рѣшили устроить свою вольную академію.

27. Нѣкоторыя прославившіяся нѣкогда акціи, все понижаясь, стали котироваться не только въ отрицательныхъ, но даже въ мнимыхъ величинахъ, почему въ котировочный комитетъ на биржѣ введены профессора высшей математики, входъ же капиталистамъ строго воспрещенъ.

Ноябрь.

1. Въ Пассажѣ выставка самоновѣйшихъ декадентовъ, отличающихся отъ прежнихъ тѣмъ, что не только никогда не учились рисовать, но не знаютъ даже грамоты, умѣютъ только прочесть ярлыки на продуктахъ винной монополіи.

4. Нѣкоторые танцовщики нашей труппы праздновали свои столѣтніе юбилеи.

5. Комиссія о сокращеніи государственныхъ расходовъ, учрежденная, какъ извѣстно, еще въ концѣ 70-хъ годовъ, изъявила рѣшительное желаніе собраться въ первое засѣданіе, если только прибавятъ содержаніе ея членамъ.

11. Присоединены вновь открытые къ сѣверу отъ Чукотскаго носа острова; населенія пока нѣтъ, но уже поступило 2,000 прошеній объ опредѣленіи на должности переселенческаго и колонизаціоннаго управленія сихъ острововъ.

19. Фигнеръ, сдѣлавшій еще новые успѣхи въ пѣ*ніи*, подписалъ, по просьбѣ безчисленныхъ поклон-

ницъ, новый контрактъ на 33 года. Ходитъ слухъ объ усыновленіи имъ Мазини.

20. Земское собраніе Протестовскаго уѣзда постановило ходатайствовать о введеніи въ Россіи мормонской религіи. Постановленіе, по чьему-то недосмотру неопротестованное въ срокъ, вошло въ законную силу.

29. На международную выставку въ Неаполѣ посылается удивительный «любимецъ счастья»—человѣкъ, которому удалось, простоявъ на морозѣ три дня и три ночи, достать билетъ въ Маріинскій театръ по нормальной цѣнѣ. Зоилы подозрѣваютъ участіе влюбленной кассирши.

Декабрь.

2. Объявленіе о подпискѣ на одинъ «строжайше-консервативный органъ», но который не только самый «радикальнѣйшій въ Россіи, но даже «революціонный» (по мнѣнію издателя).

8. Въ канцеляріяхъ въ тысячный разъ со времени Гостомысла распространился зловѣйшій слухъ о лишеніи чиновниковъ «остатковъ»; слухъ оказался ложенъ. Остатки, по бывшимъ примѣрамъ, были выданы къ празднику даже тамъ, гдѣ ничего не осталось.

9. Забытый писатель Короленко переведенъ на готентотскій языкъ, съ предисловіемъ Боборыкина на жаргонѣ, который даже и готентоты не поняли.

14. Докторъ Раммъ получилъ разрѣшеніе издавать газету совсѣмъ безъ текста, даже безъ заглавія, но съ 1465 безплатными приложеніями. Почтальоны кряк-

тять въ ожиданіи «сладостной ноши» въ 14 пудовъ въ день.

20. Отмѣнено правило, предписывающее считать людей въ русскомъ платьѣ въ «неприличномъ видѣ».

22. Стрѣлочникъ Переутомленовъ Залежинско-Переломайской дороги, простоявшій безъ смѣны 24 часа при 20°, найденъ обратившимся въ сосульку. Дорожные врачи подозрѣваютъ вліяніе низкой температуры, о чемъ ученый протоколъ составленъ станціоннымъ жандармомъ.

31. Ледоколъ «Ермакъ» съ величайшимъ усиліемъ разломилъ горы льда, образовавшіяся отъ «холодныхъ» отношеній двухъ преміершъ Александринскаго театра.

Записалъ, но за вѣрность исполненія не ручается

К. С—скій.

AC 65 .S63 C.1
Ocherki i fantazii.
Stanford University Libraries
3 6105 038 370 131

Книжная лавка
Цена
18. IV

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

DATE DUE